

КАТЕГОРИЯ
ПОСЕССИВНОСТИ

в
славянских
и
балканских
языках

• Наука •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

*в
славянских
и
балканских
языках*

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Вяч. Вс. ИВАНОВ

МОСКВА
"НАУКА"
1989

Авторы:

*А.В. Головачева, Вяч.Вс. Иванов, Т.Н. Молошная,
Т.М. Николаева, Т.Н. Свешникова*

Рецензенты:

доктор филологических наук *О.Н. Селиверстова*,
кандидат филологических наук *С.М. Толстая*

К29 Категория посессивности в славянских и балканских языках /
Ин-т славяноведения и балканистики; Отв. ред. Вяч.Вс. Иванов. —
М.: Наука, 1989. — 262 с.
ISBN 5-02-010962-2

Коллективная монография исследует категорию притяжательности (посессивности) в аспекте ее содержания и выражения, освещает ее место в семантической картине мира, связь категории посессивности с другими содержательными категориями в славянских и балканских языках на фоне других разноструктурных языков.

Для лингвистов-славистов, балканистов, историков, этнографов.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Секторе структурной типологии славянских и балканских языков Института славяноведения и балканистики АН СССР в течение нескольких лет ведутся исследования по категории посессивности в славянских, балканских и балтийских языках. Первым шагом в этой работе явилась организация семинара по проблемам посессивности и составление общей схемы описания, рассчитанной на языки разных типов. Предварительные соображения участников семинара в виде анкеты были доложены на Симпозиуме по структуре текста в 1981 г. и опубликованы в сборнике тезисов (см. А.В. Головачева, Вяч.Вс. Иванов, Т.Н. Моложная, Т.М. Николаева, Т.Н. Свешникова, Е.А. Хелимский. Притяжательность (посессивность) и способы ее выражения // Структура текста — 81: Тезисы симпозиума. М., 1981). В 1983 г. было проведено Всесоюзное совещание по категории посессивности и опубликованы тезисы докладов (см.: Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983). В результате обобщения всех предварительных работ была создана данная коллективная монография.

Исследование категории посессивности как одной из важнейших для грамматического строя разных языков мира за последние годы привлекло внимание многих специалистов по типологии и целых групп ученых, занятых типологическими универсалиями. Почти одновременно с Сектором структурной типологии и параллельно с ним вопросом посессивности в разных языках мира занималась группа "Унитип" (универсальная типология) при Кельнском университете, руководимая проф. Х. Зейлером, напечатавшим вместе со своими сотрудниками в 80-х годах ряд исследований в этой области. Учитывая как эти работы, так и другие недавно опубликованные изыскания, открывающие новые пути (такие, как работы А. Вержбицкой по этносемантике), участники настоящей монографии в то же время стремились и к учету классического лингвистического наследия, в частности, работ по притяжательности И.И. Мещанинова, А.А. Холодовича, С.Д. Кацнельсона. В них были намечены пути исследования посессивного типа предложения как одного из основных в языковой типологии и показаны его связи с другими грамматическими структурными типами.

Согласно точке зрения, развиваемой в настоящей монографии, категория посессивности принадлежит к числу таких лингвистических понятий, исследование которых позволяет вплотную подойти к характеристике языкового сознания ("менталитета") данного социума. С помощью грамматического описания удастся выявить проводимые в изучаемом языке границы "личной сферы", включающей разного рода

предметы и явления, находящиеся в отношении неотчуждаемой ("органической") или отчуждаемой принадлежности к данному лицу — "посессору". Тем самым языковая характеристика отношений посессора к предметам, находящимся в его (неотчуждаемой или отчуждаемой) собственности, делается важной для описания языкового сознания общества.

Иначе говоря, лингвистика подходит здесь к описанию тех отношений, которые могут представлять интерес для описания социума в целом (в том числе и социальных, и хозяйственных его аспектов), и в то же время важны для когнитивной психологии, сближение которой с лингвистикой представляет собой одну из примечательных черт развития лингвистики в последние годы.

Выбранные для рассмотрения в настоящей монографии языки представляют особый интерес для изучения категории посессивности. Сохранив и развив некоторые весьма древние черты выражения этой категории посредством особых морфологических образований, включаемых (как впервые отметил по отношению к старославянскому языку Н.С. Трубецкой) в парадигму имени существительного, славянские языки в этом отношении типологически отличаются от других с ними контактировавших языков Европы. Вместе с тем сопоставление с румынским языком подтверждает, что некоторые из специфических форм выражения посессивности (посредством конструкций с дательным), развивающиеся в южнославянском, не составляют только его характеристики и широко известны в других балканских языках.

В монографии использованы прежде всего материалы западнославянских языков (особенно польского и чешского), южнославянских (сербскохорватского, словенского, болгарского, старославянского) и румынского, но привлекались данные и других славянских и балканских, а также других индоевропейских и некоторых неиндоевропейских языков.

Книга является плодом совместного труда всех авторов, имеющих общую концепцию категории посессивности; конкретные главы написаны авторами отдельно: глава I — Вяч.Вс. Ивановым, глава II — А.В. Головачевой, глава III — Т.Н. Молошной при участии Т.М. Николаевой (старославянский и словенский разделы) и Т.Н. Свешниковой (румынский раздел), глава IV — Т.М. Николаевой. Литература составлена Т.Н. Молошной.

Глава I

СИНХРОННАЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

Одной из наиболее характерных черт языковой категории посессивности, если рассматривать ее с точки зрения современной науки, является использование в ней одновременно логически совершенно разнородных принципов. В частности, в языковых способах выражения неотчуждаемой принадлежности часто (хотя и не во всех языках) объединяются, во-первых, части самого человека, его лица, тела, внутреннего мира, во-вторых, члены его семейства или рода, в который он входит по социальным правилам. С логической точки зрения, и то, и другое объединяется как вхождение в некоторое множество, но в первом случае части тела принадлежат некоторому множеству, которое и является человеком (по отношению к некоторым архаическим культурам, в том числе и ранней греческой, можно думать, что человек и понимался как "пустое собрание" своих членов); во втором случае — человек принадлежит некоторому социальному множеству. Однако при этом языковая неотчуждаемая принадлежность не равносильна логическому понятию вхождения в некоторое множество, т.е. по отношению к некоторым случаям вхождений во множество перевод соответствующих высказываний на язык обозначений посессивности сопряжен с существенными трудностями.

Названия частей тела в расширительном смысле могут включать в себя (как это характерно для многих древних языков, в том числе и общеиндоевропейского и праславянского) обозначения сторон пространства (основные его параметры и координаты, типа "верх" — "низ", "левый" — "правый"), а иногда (как в некоторых языках Меланезии и в хауилла [Seiler 1982]) и некоторые предметы, продолжающие органы человека (в соответствии с идеями "органопроекции" П.А. Флоренского). Вместе с тем и множество членов семейства может расширяться, распространяясь на других членов коллектива. Понятие обладания, первичными примерами которого остаются органы (части тела) человека и его родственников, далее накладывается в силу языковой условности и на любые предметы или людей (например, рабов и слуг, вообще зависимых людей), находящихся в отношении отчуждаемой принадлежности от собственника, что определяется прежде всего особенностями социальной структуры.

"Гротескное тело" растет до размеров мироздания (что хорошо видно на примере таких текстов, как древнерусская "Голубиная книга", сопоставленная В.Н. Топоровым с ведийскими гимнами Пуруше), его члены становятся частями мироздания.

Но одной из наиболее поразительных черт категории посессивности является то, что внутри нее "сферы влияния" распределяются по участ-

никам акта речи, т.е. по шифтерам в смысле Р.О. Якобсона. Иначе говоря, в мире (или в нескольких мирах в смысле модальной логики) есть то, что определяется как принадлежащее говорящему (или говорящим), слушающему (слушающим) и всем остальным. Идея соединения представления о собственности с участниками (сторонами) акта речи может непредубежденному исследователю, заранее не готовому принять условность естественного языка, показаться достаточно фантастической. Но именно эта идея и лежит в основе той системы притяжательных местоимений, через которую языки мира так или иначе выражают отношения посессивности. Возможно, что ни в одной категории так ярко не сказывается "эгоцентричность" или "антропоцентричность" естественного языка.

В частности, предполагается (хотя в ряде культур на это наложены ограничения религиозно-философского свойства), что у каждого сообщения есть свой автор, которому оно принадлежит (нечто в роде языковой пресуппозиции авторского права). Декартовское "я", определяемое через I лицо глагола (*cogito ergo sum*), представляет собой философское оформление этой языковой пресуппозиции.

Рассмотрение физических и химических составных частей тела как принадлежащих говорящему и думающему субъекту ("я" в декартовском смысле) продолжается вплоть до современных логико-методологических текстов на европейских языках, (ср.: *It just seems to me that my molecules are at my back and call — not individually, of course, but in large „chunks”, such as my fingers, when I play my cello or sign a check. So tat when I decide to do something, my molecules are forced to come along (D.R. Hofstadter "Metamagical themes: Questing for the essence of mind and pattern").* 'Мне ведь кажется, что мои молекулы меня подерживают и вступают в действие, конечно, не по отдельности, но большими "группами", такими, как мои пальцы, когда я играю на своей виолончели или подписываю чек. Так что когда я решаю что-то сделать, мои молекулы вынуждены действовать заодно'.

Это высказывание представляет собой позитивистскую формулировку соотношения связи говорящего и думающего субъекта с телом, которое в языке представлено как ему принадлежащее. В мифопоэтическом мышлении части космического (гротескного в широком смысле) тела (Первочеловека — Пуруши и т.п.) могут реализоваться как отдельные (соотнесенные с ним согласно символической классификации) явления мира, оставаясь в то же время принадлежностью целого, как в хеттском ритуале: *A.NA^d IŠKUR ZAG^{HI.A}-uš génu KASKAL-aš-ma-šši UZU GAB nu mán ZAG-an kuiški par(a)šzi nu^d U-an génu-šuš dariyanuzi mán KASKAL-an-ma kuiški par(a)šzi nu^d U-an UZU GAB dariyanuzi* 'Для Бога Грозы границы — колено, путь же — грудь у него. И если кто-нибудь нарушит границу, тот обременит коленный сустав Бога Грозы; если же кто-нибудь нарушит путь, тот обременит грудь Бога Грозы' (в обоих случаях использована обычная по отношению к частям тела в хеттском, как и в других древних индоевропейских языках партитивная аппозиция, в которой названия части тела и его владельца синтаксически равноценны по своим валентностям: буквально 'обременит Бога Грозы — обременит грудь'). В то же время каждая из основных частей

тела (в том числе и душа или многие "души" — духи) человека может иметь собственное божество: хет.-лув. ^d*Sakuwa-šša* 'Глазное (Божество)', ^d*Ištaman-ašša* — 'Ушное (Божество)', ^d*Hant-ašša* — 'Лобное (Божество)', лув. ^d*Ištanza-šši* — 'Духовное (Божество)' (по-видимому, собственно лувийская форма на *-ašši-i*; тох. *-šš-<*-sk-*, суффикс, отраженный в славянском и армянском); хет.-лув. *Ištanzana-šša* (то же значение); лув. ^d*Lala-šši* 'Язычное (Божество)'. С приведенными древнеанатолийскими индоевропейскими названиями божеств частей тела, обозначаемыми архаическими адъективными possessивами того именно типа, который сохранился и в славянском, по своей функции сопоставимы монские *Ntsuj muag* 'Дух глаз', *Ntsuj ntsej* 'Дух ушей', *Ntsuj taw* 'Дух ног', *Ntsuj tes* 'Дух рук'. Эти духи в монском шаманском ритуале выступают в качестве хозяев соответствующих частей тела (глаз, ушей и т.п.) — помощников шамана. Таковы же функции духов — "караульчиков" частей тела (костей рук, плеч), которые изображаются скульптурными фигурами на шаманской одежде у эвенков и нганасан. Типологически сходны также духи (пурба) — хозяева частей тела (ног, ногтей, волос, зубов, костей, сердца) в южноамериканском индейском ритуале [Левин-Стросс 1983, 168, 350, примеч. 114].

Представление отдельных частей тела как самостоятельных метонимических символов является чертой архаического сознания, достаточно долго сохраняющейся в древней традиции, например, греческой [ср. Belardi 1969]. Поэтому каждое из подобных божеств (или духов) и соответственно воплощаемая ими часть (гротескного) тела может отделяться от целого (обычно с ущербом для последнего) и существовать отдельно, как рука египетского бога Гора; глаза и сердце Бога Грозы, отнятые у него Змеем и возвращенные победоносным сыном бога, в хеттском мифе; глаза, которые при увлечении обменаи теряет трикстер Койот; глаз Одина у корней Мирового ясеня в "Эдде" и т.п. Параллель к этим мифопоэтическим сюжетам представляют такие литературные, как "Нога" Фолкнера, "Нос" Гоголя (психологический комментарий к которому дают письма Гоголя из Рима, где он говорит о своем "неистовом желании превратиться в один нос, чтобы не было ничего больше — ни глаз, ни рук, ни ног, кроме одного только большущего носа", ср. пожелание у Катутла: *totum ut te faciant, Fabulle, nasum*) и описанные в вариантах его "Вия" чудовища: "состоявшее из одних только глаз с ресницами", "состоявшее из одних ног", ср. образы "Так говорил Заратустра" Ницше: *Menschen, welche Nichts weiter sind, als ein großes Auge oder ein großes Maul oder ein großer Bauch... das ist ein Ohr! Ein Ohr, so groß wie ein Mensch!*, а также "чтобы были одни сплошные губы" в "Облаке в штанах" Маяковского (в его же трагедии "Владимир Маяковский" усматривают и еще более непосредственные переклички с метонимическими символами частей гротескного тела в указанном произведении Ницше).

Особую силу прозрения можно видеть в "Истории одной контроктавы" Пастернака: "Он подпер правую рукой голову и другою рукой с движениями левши стал гладить по-праздничному принаряженное тельце... Но как он взрогнул, когда сквозь темную толщу своего забытья он заметил, что делает с телом ребенка тайком от него его

собственная левая кисть! Он поспешно отдернул ее. Он оторвал ее от тела сына, так, как отрывают всползшую гадюку или как обжигаясь и дую на пальцы, убирают каминную головешку с ковра. Рука ласкала сына в октавах: она брала октавы на нем”.

Поведение обезумевшего музыканта, нечаянно убившего сына своей игрой на органе, для современного нейропсихолога безупречно точно описано как патологическое разъединение частей сознания, соотносимых с двумя полушариями: правым, ведающим музыкой и левой рукой, которая продолжает брать октавы, и левым, речевым, воспринимающим эту руку как чужую, что напоминает патологический синдром игнорирования левой стороны тела: восприятие ее как не своей, чужой — обычный симптом поражения правого полушария. Но позитивная оценка именно маркированной правой руки, а не левой, закреплена как норма в языке (баск. **esku-on* > *eskuin* ‘хорошая > правая рука’, конго *kooko kwa ñnéne*, зулу *isandla sokunene* и аналогичные обороты в других языках банту, восходящие к **néne* ‘большой’ > ‘правый’), мифах, обычаях за некоторыми локальными исключениями (восточно-африканский ареал, древнекитайская традиция, отдельные америндейские культуры: зунья, керес). Это представление может вести и к ритуальной деформации негативно оцениваемой левой руки (у нуэр); возможно, что со сходными поверьями связан и с распространенный в Африке обряд удаления одного из яичек (у готтентотов в старину левого). Иначе говоря, рано утверждающаяся в архаической культуре левополушарная установка может вести не только к ритуальному ограничению (почти повсеместному), но и к символическому отчуждению и даже деформации левой стороны тела. С характерной метонимической левополушарной установкой на деталь, противоположной целостному правополушарному восприятию схемы тела в его единстве с внешним миром, можно связать и вычленение отдельных частей, становящихся самодовлеющими, внутри космического гротескного тела, выражающиеся в их изображениях в первобытном искусстве, в таких синтаксических явлениях древних языков, как партитивная аппозиция, и в мифопоэтических сюжетах, основанных на отчуждении частей тела. Наблюдаемый в онтогенезе ранний переход к левополушарному языку от закрепляемой в правом полушарии архетипической жестовой системы описания мира через собственное тело, по-видимому, имеет аналоги и в филогенезе *Homo sapiens sapiens*. Левополушарный характер семантики категории посессивности следует из ее соотносительности с шифтерами, т.е. с актом речи.

Типологически с архаической левополушарной установкой могут быть сближены и некоторые характерные явления культуры XX в., особенно первой его половины, такие, как гиперболизация отдельных частей гротескного тела в сюрреализме (и в предшествующих ему течениях) и их функций в психоанализе (ему можно найти типологические параллели в мифопоэтических сюжетах, в частности, североамериканских индейских). Специфической новой проблемой (обсуждающейся пока только в специальной медицинской и научно-фантастической литературе, напр., у С. Лема) является степень неотчуждаемости вспомогательных устройств (таких, как эндопротезы и экзо-

скелеты), которые могут оказываться новыми составными частями тела. Эта проблема приобретает все больший интерес по мере распространения персональных компьютеров и постепенного их вовлечения в осуществление интеллектуальных функций личности, которая без компьютера в некоторых отношениях уже теперь может оказываться беспомощной. Поэтому давно поставленная в социальной психологии задача определения границ личности для современных технологических обществ оказывается особенно сложной. Связь принципов компьютеров с левополушарной составляющей интеллекта подтверждает тезис о значимости именно левополушарности для проблемы отчуждаемости частей личности.

Части тела, рассматриваемые всегда как неотчуждаемая принадлежность, отличаются от таких, которые (как волосы и ногти) физически могут быть отделены от человека, но в большинстве архаических семиотических (мифологических и ритуальных) систем и в языках, передающих соответствующие модели мира, тоже могут представляться как неотчуждаемые. С этим может быть связана особая их магическая функция [ср. Williamson 1979].

В исследовании ряда этнологов (в частности, Э. Лича) с этой точки зрения изучена и роль экскрементов, отчасти объясняющая и значение их обозначений в сквернословии. Применительно к детской речи это противоречие по отношению к возможности отчуждения экскрементов блестяще использовано в гротескной сцене в "Котловане" Платонова, где медведь уносит ночной горшок с его содержимым, а мальчик, считающий, что оно по-прежнему ему принадлежит, кричит: "Отдай мою кашку!". Исследования особых форм детского языка подтверждают существование именно для него наивной физики [Выготский 1984], описываемой через части тела и такие пространственные эталоны, которые в языке часто представляются как их преобразование, продолжение или разновидность (что хорошо видно на примере истории славянских и балтийских предлогов).

Различение двух видов собственности — отчуждаемой и неотчуждаемой — достаточно рано формулируется в метаязыке древних языковых и правовых теорий, например, южноиндийских, ср. тамильск. *tarkilamai* 'неотчуждаемая собственность' — *piritinkilamai* 'отчуждаемая собственность' (Veluppillai 1985, с. 308). Можно думать, что это различение в той или иной форме характерно для всех обществ, тогда как закрепление его в особых языковых формах зависит от ряда факторов, в том числе ареальных. Различение отчуждаемой и неотчуждаемой собственности представляет собой характерную ареальную черту значительного большинства американских индейских языков Северной и Центральной Америки [Sherzer 1976], но известно и в некоторых других языковых зонах.

С чисто языковыми аспектами этой проблемы переплетаются правовые, историко-культурные, религиозно-философские. Хотя человек и может по своей воле лишиться ему принадлежащих вещей, это (всегда) рассматривается как необычное в обществах, не ориентированных на аскетизм как основную норму, ср. "Ему отдавал все, свои вещи, свою работу, себя, не оставляя себе ничего" (С. Ольденбург

"Ф. Батюшков"). С проблемой отношения ко всей личной сфере человека связан и моральный аспект самооценки. В рассказе Василия Гроссмана "Шестое августа" отношение одного из персонажей к своим неотчуждаемым признакам и к другим своим особенностям кладется в основу его характеристики: "Самолюбивый Митчерлих был страстным поклонником самого себя. Он любил *свою* свежую прядь, *свой* профиль, *свои* пальцы на ногах, *свой* смех, *свой* кашель с мокротой, *свою* манеру подносить рюмку к губам, *свою* независимость, *свою* резкость", ср. далее в рассуждении другого персонажа о Митчерлихе: "Разница в том, что один хвастается *своим* себялюбием, как Митчерлих, другой скрывает его, как Баренс, а третий, вроде меня для *своего* удовольствия притворяется, что любит ближнего больше, чем самого себя". Этот персонаж и другие герои описываются в рассказе через их отношение к себе: "Ему стало душно, жарко от счастья, даже пот выступил на лбу от желания сделать что-то шальное, что дало бы ему возможность со всей возможной полнотой почувствовать *свои* двадцать два веселых года, *свои* широкие плечи, легкие и быстрые движения, *свое* веселое, молодое сердце, *свою* доброту ко всему живому..." В контексте рассказа положительные эмоции, направленные на себя и свои характеристики, оборачиваются против остальных людей.

Социальный аспект категории посессивности в большинстве языков мира особенно отчетливо проявляется в трактовке как неотчуждаемых имен родства. Хотя биологические истоки категории притяжательности несомненны в свете данных приматологии [Zukerman 1981], очеловечивание (а по Рейнолдсу и развитие мозга *Homo sapiens sapiens*) было связано со становлением систем родства, включающих эту категорию. В частности, в архаических обществах и имущественные (в том числе и территориальные, имеющие древние дочеловеческие корни) отношения определялись через родственные. Вхождение терминов родства в семантическое поле относительных (реляционных в смысле Филмуса) имен существительных особенно наглядно обнаруживается в зависимости от сочетаемости с притяжательными местоимениями, ср. в инганди (префигирующий австралийский язык) *ɲana* 'мать', *wawa?* 'старший брат' (при местоимении 1 л.): *ɲele*, *yawuyu* (при местоимениях 2—3 лиц), — а также вообще в зависимости от социального контекста.

Из конкретных морфем, при анализе которых в истории отдельных индоевропейских языков, в том числе и славянских, удастся особенно отчетливо выяснить связи названий родства с категорией посессивности, следует особенно отметить и.-е. **swe/o-*, которая и в славянском (вплоть до отдельных языков позднего времени) сохраняет свое древнейшее значение обозначения той социальной группы, к которой относится говорящий. И славянские языки, и балтийский развили как это основное социальное значение термина, так и ряд производных его употреблений, в частности, в функции посессивного местоименного адъектива. Раннее развитие значений этой основы, относящихся к собственности, свидетельствуется в анатолийской группе лидийским, где наряду с *śfēni-* 'свой, принадлежащий к группе говорящего', известны производные *śfa-to* 'владелец, родственник' (этимологически сопоставимо со слав. **svatъ* > рус. *сват*); *śfēnda* 'имущество',

fa-šfen- 'владеть', *fanansfēnal* 'присвоил(и)'. Исконное **sewo-/ *swo-*, видимо, входило и в состав корней, от которых образовывались имена родства (**swe-sor* 'сестра < женщина своей группы' и т.п.), и в местоименную парадигму.

Согласно недавно предложенным реконструкциям [Seebold, 1984, 47—57] в германских и италийских языках, как и в балто-славянском, отражено различие ортотонических форм притяжательных местоимений типа **mei-* (<**meio-*) 'мой', **teu-* (<**teuo-*) 'твой', **seu* (<**seuo*, возвратная форма) 'свой' и форм энклитик (= проклитик) **moi*, **toi*, **soi* (древность последних, в частности, удостоверяется совпадением старолитовских форм со старославянскими и древнехеттскими).

В латышском языке от основы возвратного местоимения *savs* (из общебалтийского и общеиндоевропейского местоименного обозначения притяжательности) образовано (с помощью архаического суффикса абстрактных имен *-tne*, ср. хет. *-tn-*, гетероклитический суффикс основы косвенных падежей, входящий в парадигму суффикса абстрактных имен *-atar*) существительное *savatne* 'индивидуальность, особенность, отдельность' (арханизм), ср. *savatnē* 'отдельно, с глазу на глаз'.

Лат. *suus* 'свой' получило достаточно широкое употребление, ср. *sua ab aliis bene facta laudari* 'чтобы другие прославляли их подвиги [Саллюстий. Заговор Катилины, 8, 5]; *iuventutem suam exercuit* 'провел свою молодость' [там же, 5, 2], в эллиптическом употреблении: *sua quoique satis placebant* 'каждый был доволен (= довольствовался) своим (= своей судьбой, долей)' [там же, 2, 2]. В сходном значении может быть использовано и возвратное *sibi: nam gloriam honorem imperium bonus et ignavus aequae sibi exoptant* 'потому что славы, почестей, власти жаждут себе равно и доблестный, и малодушный' [там же, II, 2]. Но при всех отличиях, связанных с позднейшим развитием, основное значение еще близко к индоевропейскому.

Если реконструкция подобных основ, служивших и для образования посессивов, и для формирования имен родства, одинаково важна для исследования обеих этих областей, то и в более общем плане можно утверждать, что лингвистический анализ посессивов может очень много дать для выявления некоторых основных черт социальной психологии определенной эпохи. Характер посессивов позволяет очертить личную сферу, наметить границы индивидуальности и включавшиеся в нее феномены.

Характер той сферы, к которой могут относиться в наиболее ранних текстах на древних индоевропейских языках особые формы посессивов, можно проиллюстрировать на материале древнехеттского (17—16 вв. до н.э.) и примыкающего к нему среднехеттского языка (15 в. до н.э.), где постпозитивные притяжательные суффиксы *-mi-š*, *-t* 'мой', *-ti-š*, *-t* 'твой', *šī-š*, *-t* 'его', *šumi-š* 'наш', *-šmi-t* 'их' маркировали обозначения древней неотчуждаемой принадлежности, но позднее сфера употребления этих суффиксов могла несколько расширяться. Сравнительно-историческая реконструкция позволяет предположить, что в употреблении этих древнехеттских суфигированных энклитик сказались общеиндоевропейские черты притяжательных энклитических местоимений,

хотя в некоторых деталях их использования в хеттском могло ска-
заться и влияние тех древних языков Передней Азии (хаттского,
хурритского, староаккадского), где наличествуют аналогичные грам-
матические формы.

С помощью притяжательных суффиксов маркированы имена родства:
annaš-(š)aš 'его матерью', *anna-šman* 'их мать', Хеттские законы, 2,
§§ 89, 91; *anni-šši* 'в матери своей', *anna-šša* 'со своей матерью', KUB IX
28 II 4; *annaš-maš* 'моей матери', в древней песне КВо III 40а, 14,
annawannaš-šaš 'его мачехой', Хеттские законы, 2, § 90, KUB XXIX 34
IV 12, *atti-mi* 'моему отцу', KUB XXII 2 Rs. 4—5, *attaš-miš* 'отец мой',
KUB XXIII 21 Vs. 26; XXXI 66 IV 6, *attaš-šaš* 'отца его/ее' (Хеттские
законы, § 27), *ānīyantes-šmaš* 'зятя их', KUB XXVI I а, 10—11. К этой
же семантической группе примыкают и обозначения потомства у до-
машних животных (1 ANŠU. KUR. RA NITA *kūrkaš-šišš-a* '1 жеребец и
его жеребенок', KUB XVII 15 Rs. 9). В древнехеттской социальной
структуре к родственникам и свойственникам примыкают и друзья,
товарищи; *araš-teš* 'твои друзья' [Puhvel 1984, 117]; *ari-šši* 'своему то-
варищу', KUB XIII 4 II 74—77, наставления служителям храма.

Следующей большой группой посессивов являются части тела:
ayiš-šet 'рот его', КВо XVII I I 15; *ayiš-mit āratten* 'вымойте мой рот',
KUB XLI 23 III 10; *ayiš-(š)mit* 'ваш рот' [Laroche 1965, с. 85]; *išša-šša*
'в ее рот', КВо III 38 obv. 4, *išša-šma* 'в их рот', также логографически
[Puhvel 1984, 15—16]; *puriuš-šuš* 'их губы', KUB XX 59 I 18; *ištanzanaš-miš*
'моя душа', молитва Кантуциллиса, 14—15; *ištanzanaš-[š]miš karaz-[š]mišš-a*
'их душа и сердце-внутренность', KUB XLI 23 II 19—20; *karti-šmi* 'в их
сердцах', КВо XXII obv. 13—14; *kiššari-mi anda* 'в мою руку', КВо III 23
Rs. 6; *arraš-šaš* 'его зада', KUB XXXV 148 III 25; *ešharšet* 'ее кровь',
КВо XVII 28 II 1—2; также КВо XIV 98 I 9—10; *menimmet* 'мое лицо'
(надпись Анитты), *meni-šit* 'его лицо', Хеттские законы, § 161, *meni-
šmet* 'их лица', KUB XX 38 obv. 14, *ginuš-šuš* 'колени его', Анналы
Мурсилиса II, КВо III 4 II 20, *kapru-ššet* 'его глотка', KUB 27 I 9—10,
11—12, 20—21, *tuekkeš-šeš* 'ее/его (части) тела', КВо XV 10 I 17,
tuikki-ši 'на свое тело', KUB IX 28 IV 8; *šakuwa-met* 'глаза мои', КВо III
28 II 8—9, *ešhar-šimit* 'кровь их' (KUB I 16 III 17). Сходным образом
маркируются обозначения частей тела не только человека, но и живот-
ных: *partauwa(r)-ššet* 'ее крылья' — о пчеле в мифе о Телепинусе,
KUB XVIII 10 I 38.

Посредством посессивов может обозначаться пространство, занимае-
мое чем-либо (городом: *pedi-šši* 'на его месте', древнейшая надпись
Анитты, Neu 1974), его границы (*arhaš-šan* 'границы его', KUB XX XVI 49
IV 10) или принадлежащее кому-либо (в мифологическом тексте о бож-
е: *antaga-šša* 'в его опочивальню' [Laroche 1965, 82], *antaki-tti-šši* 'в его
комнату'). С точки зрения грамматической структуры древнехеттского
языка точно также могут пониматься и притяжательные конструкции
с послелогами-превербами (наречиями), которые еще выступают в древ-
нехеттских и среднехеттских текстах (а также некоторых архаизирую-
щих более поздних памятниках новохеттского времени, в частности
в переводах хурритских эпических поэм) в функции относительных
(реляционных) имен существительных.

В сопроводительной (комитативной) функции обычна конструкция с (последелогом-)превербом *kattan* как с реляционным именем: *katti-mi aššuli artari* 'ты будешь при мне стоять верно', KUB XXXII 130 Vs. 28; *kattimi-wa ehu* 'приди мне вниз' (буквально: 'в низ мой'), KUB XIV 1 recto 77. В семантически сходной функции используется конструкция с *ištarni* 'между, среди': *ištarni-šummi aššiyanteš* 'взаимно любезные друг другу' (буквально: 'между ними'), KBo XIV 12 IV 32, 36, 39.

Формально реляционное имя, снабженное местоименным суффиксом, может в таких конструкциях рассматриваться как объект в (им.-)вин. п. ед. ч.: *piran-še(t) arta* 'стоит перед ним' (буквально: 'перед — его'), KUB XXXIII 120 I 10, в мифологическом контексте (возможно, архаизирующий язык: отсутствует сандхи $n-š > šš$ на морфемном шве, ожидаемое в древнехеттском).

В некоторых случаях уже в древнехеттском языке обнаруживается собственное послеложная конструкция: *kiššari-mi anda* 'в мою руку', KBo III 23 Rs. 6, где форма древнего локатива *anda* употребляется в функции собственно послелога [Puhvel 1984, 76], а притяжательное местоимение имеется только при имени существительном.

В ту же личную сферу входят и обозначение личной собственности человека: *aššu-šet* 'его имущество (= добро)', KUB III 1 28—29, ср. в Хеттских законах, I, § 5: *aššu-šett-a šarminzi* 'и он возмещает за его — купца — имущество'; *antu-šmet* 'их имущество' [Puhvel 1984, с. 85], имение (*É-ir-šet = pir-šet* 'свое имущество, дом', Хеттские законы, § 100, *É-ir-mit* 'мой дом', KBo X 2 I 19), одежда (*aniyatta-šet* 'его — царя — церемониальные одежды' [Puhvel 1984, с. 69], *šekunu-šmet* 'их одежда (нижняя)', KBo III 34 I 15; *išhial-šemet* 'кожа их', привычная пища (*memal-šemet* 'их блюдо из муки', букв. 'их помол', KUB I 16 III 51), различные предметы, часто человеком используемые: *išhunau-šmit* 'их тетивы (лука)', KUB VII 58 I 11—12, *ikza-teš* 'сети твои', KBo III 21 II 15, *elzi-mit* 'мои весы', KBo VI 13 I 8.

Из отвлеченных (с точки зрения наблюдателя, находящегося за пределами описываемых представлений) понятий в личную сферу, обозначаемую посессивами, входят: религиозный долг (*aniūr-šet* 'их религиозная обязанность'), имущественно правовое обязательство личности (*kuššaššet < *kuššan-šet* 'плата его', Хеттские законы, I, § 76, KUB VI 2 IV 5), принадлежащие личности огорчения, которые должны быть от нее отделены заклятием (*pittuliuš-(š)mušš-a* 'и их — царя и царицы — тревоги', KBo XVII 3 IV 27, хеттское слово соответствует аккад. *sarah(u)* 'жалоба' в аккадско-хеттском словаре KBo XIII 1 +), грех (*wasdul-met* 'грех мой' в среднехеттской молитве Кантуцилиса, KUB XXX 10 Vs. 2, 4), (судя по согласованию с местоимением во мн.ч. может пониматься как собирательная форма 'грехи мои'), *papratar-šamet* 'ритуальная оскверненность их'.

Угрожающие человеку состояния и свойства в заговорных формулах этого типа сочетаются в однотипных конструкциях (*erma(n)-šmet ēsh[ar-š]amet idālu-šmet hatuka(n)-šmet* 'их болезнь, их кровавая вина, их зло, их ужас', KBo XVIII 1 III 11—12.

Из действий и их результатов, которые должны защитить от этих грозящих опасностей, посессивами оформлены *išpanduzzi-šmet* 'их жертво-

приношения' (KUB I 16 III 50) и использованное в том же смысле (части жертвоприношения) *temál-šemet* 'их мука' (там же). По-видимому, с особыми представлениями о причастности "телу" бога и проявлений, которые может увидеть человек, связаны обороты типа др.-хет. *warsulas-tes* 'божественные проявления твои', KUB XXXVI 44 IV 4.

С типологической и диахронической точек зрения особый интерес представляет возможность использования притяжательного суффикса *-mi-* после отглагольного имени (инфинитива): *aššu akuwatar-mit* 'мое питье хорошее' (буквально: 'хорошее питье—мое'), KUB XXII 178 III 5 ср. *milidu-ššit* 'его (вина) сладость', KBo XXI 22 rev. 48 [Hoffner-Güterbock 1986, 753].

По отношению к богу в сфере притяжательности, выражаемой местоименным суффиксом, входят и названия атмосферных явлений: *alparamit-tit* 'твоя облачность (облачная завеса)' (в гимне Богу Грозы Ададу, перевод с аккадского на хеттский, KBo III 21 II 20), ср. в ритуалах *tegan-šet* 'земля — его'.

Такие ритуальные символы, как образ (мирового) дерева (хет. *ēa-* и др.), источника (родника), могут пониматься как единое целое, имеющее свою (псевдо) личную сферу. Этим можно объяснить оформление посессивами частей дерева — ветвей (*ta*^{GIS} *tāru kattān I — EN 5 alkistās-sis* 'и внизу одно дерево, пять его ветвей', KBo XVII 1 IV 16 = KBo XVII 3 IV 12), вещества — стихии, из которых состоит обладатель (*wātar-sed-a-kan... lūliāz araszī* 'и его вода течет из пруда', KUB XXI 22 Rs. 38—39).

По-видимому, энклитические притяжательные местоимения в постпозитивном употреблении того же типа, что и в древнехеттском, были и в палайском, но можно указать по существу только на один достоверный пример: *Taru-papa-mi* '(бог) Тару, отец мой', ср. также *pata-man* 'ногу (?) мою', вин. (?) п. (в тексте, описывающем омовение в ручье, там же: *šappa-man* ?).

В истории хеттского языка описанная конструкция постепенно соединяется с генитивными и ими вытесняется. В хеттских текстах распространена конструкция, где за родительным падежом обладателя следует имя обладаемого с притяжательным суффиксом: *UH₄-nas uddār-set* 'чародея слова—его', KUB XVII 27 II 33; *DUMU-an ayis-sis* 'ребенка' (форма род. пад. од. р. на *-an* если не партитивная оппозиция 'рот—его', KUB VII 1 I 29 (*-sis* вместо *-sit*, ср.р.).

Оба имени могут быть приложением друг к другу в партитивной оппозиции, тогда падеж определяется по синтаксической функции второго существительного: *aruni irhesse = irhi-ssi* 'на море, на берегу его', мест. п. ед.ч., KUB XLIV 56 Rs. 7.

Очевидно, стилистическим использованием сочетания двух способов местоименного выражения посессивности — препозицией местоимения (как самостоятельного слова) в родительном падеже и постпозицией местоименного суффикса можно объяснить такие конструкции (в художественной литературе), как *ammel ishā-mi* 'мой господин—мой' (звательная форма), повесть об Аппу).

В мифологическом тексте [Lagache 1965, с. 83; Puhvel 1984, 10; VBo T 58 I 24] встречается сочетание формы род. пад. ед.ч. *ammel*

‘(у) меня’ с посессивными суффиксом древнехеттского типа [*k*]āsa-wa ammel tueggas-mes āania ‘смотри, у меня члены мои (букв.: ‘тела мои’) горячие’, ср. *āski-si* ‘в воротах его (дома)’ (Хеттские законы, § 50; форме предшествует род. пад. *kuel* ‘которого’, относящийся к тому же владельцу: ‘тот, человек, в чьих воротах’).

Хотя исследование посессивов и открывает путь для исторической и социальной психологии, которые с помощью анализа этой категории могут проникнуть в личную сферу каждого из людей, относительно которых засвидетельствованы соответствующие посессивные формы, тем не менее самое это исследование имеет ценность лишь постольку, поскольку оно ведется строго лингвистическими методами. Необходимо исходить из синхронной типологии посессивности.

С точки зрения формальной типологии выражения категории обладания [ср. *Uta* 1978; *Nichols* 1986] можно различать следующие случаи выражения посессивности в именах, обозначающих обладаемое (O_1) и обладателя (O_2).

Различаются следующие возможности. При одном из имен или при каждом из них могут быть аффиксы (при синтетической типологии) или служебные слова (при аналитической типологии), обозначаемые соответственно A_1 , A_2 и F_1 , F_2 :

(1) $O_1 + A_1 + O_2 + A_2$

(2) $O_1 + F_1 + O_2 + F_2$,

причем порядок элементов в каждой из схем (1) и (2) — свободный, т.е. возможны перестановки для всех них.

При синтетической типологии обычно присутствует один из аффиксов (либо A_1 , либо A_2), либо они оба. Отсутствие обоих аффиксов при синтетической типологии может означать словосложение; при полисинтетической — инкорпорирование (но при последнем вполне возможно и наличие аффиксов A_1 , A_2 , ... A_n). Отсутствие обоих аффиксов при изолирующей типологии может означать передачу отношений между именами обладателя и обладаемого только с помощью порядка слов, который в этом случае (как и в некоторых других) жестко установлен.

В языках, где отношения посессивности выражаются посредством глаголов, формальная структура типа (1) может иметь ту специфику, что один из аффиксов переводит любую именную основу (O_1) в глагол (как в языке хопи), или при формальной структуре типа (2) одно из служебных слов (F_1 или F_2) представляет собой глагол ‘иметь’ или ‘быть’ (в последнем случае при одном из имен другое служебное слово может иметь локативные функции). Возможны смешанные синтетическо-аналитические типы, т.е. использование A_1 вместе с F_2 , A_2 вместе с F_1 и т.п.

Проиллюстрируем приведенные грамматические типы.

Широко распространен (в частности, в америндейских языках) тип выражения посессивности посредством сочетания двух имен (соответственно обладателя и обладаемого), при одном из которых находятся аффиговые притяжательные местоимения (притяжательный аффикс), но различен порядок элементов. В языках среднеамериканского языкового союза одной из основных грамматических черт, их

объединяющих, считается препозиция обладаемого, снабженного притяжательным местоименным префиксом, по отношению к обладателю: киче *и-ф'i:?* *le:ač:h* 'его—собака этот определенный человек' = 'собака этого человека' (кроме киче такая конструкция представлена в группе майя также в уастекском, мам, чол, целтал, юкатекском, в группе михе-зоке — тотонтелекском михе, в олута Сьерра пополук и в копайнала зоке, далее в нахуа и тотонакском, в языках отомангской группы; отоми, масатекском, чинантекском, сапотекском, тлаканенском, наконец, и в таких языках средне-американского союза, как уаве, тарасканский, мертвый куйтлатекский, текстлатекский, хинка [Campbell, Kaufman, Smith-Stark 1986]. В отличие от языков средне-американского языкового союза в древнейший период развития юто-ацтекских языков (начиная с праязыкового состояния) использовалась аналогичная конструкция, но имеющая при этом еще и показатель "аккузатива" при имени обладателя (некоторые же юто-ацтекские языки утратили морфологические способы выражения посессивных отношений [Langacker, 1977, Rosenthal 1981]; кунанские же языки (северная подгруппа юто-ацтекских) в Южной Калифорнии имеют конструкцию, сходную со средне-американской, но при постпозиции имени обладаемого, имеющего притяжательный местоименный префикс. В подгруппе хора-кунчоль юто-ацтекских языков сложилась конструкция, промежуточная между праюто-ацтекской и средне-американской: хора *i nana-ra i pari* 'эта мать—его этот мальчик' = 'мать этого мальчика'.

Постпозиция имени обладаемого, имеющего притяжательный аффикс (префикс, кроме кунанских засвидетельствована и в целом ряде других американских индейских языков: диегуэньо (икаи, группа юман), навахо (апахская подгруппа атабаскской группы), меномини [Campbell, Kaufman, Smith-Stark 1986, 545, прим., 5], а также в юрок, уитёт, карон, анома [Ultan, 1978].

Существуют языки, где в функции местоименного показателя притяжательности используется не аффикс, а отдельное слово: 'животное — его нога', как в албанском и эве.

В языках, где есть глагол 'иметь', при нем может использоваться притяжательный аффикс, как в кокопа [Ultan 1978].

Другой подтип представляют языки, в которых в имени обладателя используется не префикс, а суффикс, как в турецком и чаморро [Ultan 1978].

Только порядком слов отношение притяжательности выражено в ямайском креольском языке.

Префиксация притяжательных местоимений в именных конструкциях составляет особенность атабаскских языков ареала Юкона и приполярной культуры Манкензи, алгонкинских языков восточного приполярного ареала, тогда как на северо-западном побережье префиксация встречается в эяк, хайда и тлинкит (на-дене) и квакиутль, суффиксация — в цимшиан, квакиутль, нутка, килеут, чемакум, прибрежном эслишском, алси и сиусло, американских индейских (алгонкинских, сиу, каддоанских и тонкавских) языках прерии, в американских индейских языках Северной Калифорнии, Юго-Запада [Sherzer 1976].

Во всех языках Залива (Галф) (кроме туника) в Калифорнии посесивные местоимения представляют собой отдельные слова — не служебные морфемы [Sherzer 1976].

В абхазском посесивные префиксы образуют акцентуационное единство с именной основой (*sá-la* 'мой глаз' [Sprutt 1986, 51]).

Притяжательные местоимения (как в берберских языках [Basset, Picard 1948]) или глагольные конструкции со значением обладания (как в кокопа [Crawford 1966]) могут образовываться путем сочетания местоименных элементов с указательным и с личным значениями: 'лицо' + 'указательность' > 'посесивность' [Ulan 1978, 15].

Именная притяжательная конструкция может быть образована от глагольной, как в кокопа [Crawford 1966], где за названием предмета, находящегося в отношении отчуждаемой принадлежности к посессору, следует обозначение посессора, формально выраженное глагольной формой: *n'q* 'á'l 'выходное платье' + *ma'is* 'твое' (*m-*, префикс 2 л., + *-a'í* 'делать' + *-s*, мн.ч. дистрибутивной объектной формы указательного анафорического местоимения, в этом грамматическом контексте используемого для глагольного выражения обладания: 'иметь, обладать'), ср. [Ulan 1978, 15].

В случае, когда в глаголе и имени используется одна и та же морфа для выражения притяжательности, хотя бы в одном из этих классов слов она имеет специализированные функции: префикс *qa-* в акома [Miller 1965] используется в имени для обозначения отчуждаемой принадлежности (*Radyûni* < *Ra* ~ *g-*, префикс 3 л. ед.ч., + *qa-* отчуждаемая принадлежность + *dyûni* 'посуда' = 'ее посуда'; противопоставляется нормальным формам без *qa-*, обозначающим посредством местоименных префиксов неотчуждаемую принадлежность, напр. *s-amádsá* 'моя рука'), в глаголе — для обозначения принадлежности субъекту (*hadyûnigú* < *n-*, префикс ожидательности, + *qa-* + *dyûni* + *-gú*, 3 л. ед.ч. служебной вспомогательной глагольной морфы = 'у нее будет посуда') [ср. Ulan 1978, 14—15].

В сванском значение обладания выражается разными глагольными корнями в зависимости от того, является ли логический прямой объект одушевленным (лашх. диал. *x-e-q'-ê-da-x semi dîna-gezal* 'они — имели трех дочерей', корень *-q'* с предшествующими префиксами 3 л. косв. объекта и объектной версии и последующими суффиксами глагольных скрив и мн.ч. [Hewitt 1985, [2] — (8—10), 11, 17] или неодушевленным (*lê-mn-e d-êsa-ma x-u-yv-ân-x* 'для еды ничего они не имели', корень *-yv-*, которому предшествуют префиксы 3 л. косв. объекта и супересивной версии, а за ним следуют суффиксы плюсквамперфекта и мн.ч.).

В сванском формально презентная скрива со значением имперфекта от этого глагола по форме является плюсквамперфектом: сван. лашх. диал. *x-u-yv-ân-x* 'у них это было = они это имели' [Hewitt 1985, 18].

Особый интерес представляет вопрос о способах передачи значения 'сделать так, чтобы X владел предметом у' (каузация владения [Апресян 1974; Золотова 1973, 287; Лазуткина 1980, 50; Глазова 1983]).

В баскском языке глагол 'дать' *rau* < **ra-du* представляет собой древний каузатив на *-ra-* (архаический тип, имеющий соответствие в

абхазском и других северо-кавказских языках) от глагола *du* 'иметь' [Лафон 1984, с. 94].

В древнеиранских языках преобладала конструкция обладания с глаголом 'быть' и субъектом обладания в родительном падеже (или же в форме местоименной энклитики), а объектом в именительном падеже. По мере становления особого глагола **dr̥-* (> *dar-*) 'иметь' возникла синтаксическая синонимия, частично сохраняющаяся и в новоиранских языках, где развиваются также и предложные средства выражения притяжательности. Так, в языке ормури параллельно употребляются: 1) конструкции с местоименными энклитиками: *sun yâsp-a da ye?* 'Сколько (у него) есть лошадей?'; 2) конструкции с глаголом *dar-*: *mâyi cími dare* 'у рыбы есть (букв. 'рыба имеет') глаза'; 3) конструкции с предлогом *ta:ta-fo yrâs yâsp a-dom zof drây* 'у той черной лошади (есть = имеется) очень длинный хвост' [Ефимов 1986, 149, 167—168, 321—322].

Как установил Я. Эндзелин [Endzelīns 1979] латыш. *pieder* 'принадлежит' происходит из формы им.-вин. п. ед.ч. прилагательного (ст.-латыш. *piedar*, ср. родственные лит. *pridarus* 'anständig, geziemend'), лишь позднее осмысленного в предикативном употреблении без согласования по роду в качестве глагола. От старого прилагательного **piedarus* по Эндзелину происходит и производное существительное *pieder-ums* 'принадлежащее, собственность' [Endzelīns 1929—1979, 481].

В современном латышском языке одновременно используются два способа обозначения обладания — древний общевосточно-балтийский с глаголом *ir* и дательным падежом обладателя и новый с глаголом *pieder*. В поэзии синонимия этих двух конструкций обладания может обыгрываться стилистически: *Man ir sappu pipe-un man pieder viss* 'У меня есть трубка грез, и мне все принадлежит' (Eriks Adamsons "Balāde par sappu dūtu"). Развитие глаголов со значением 'иметь' при древних конструкциях со значением 'быть у' составляет характерную черту балтийских, как и ряда других индоевропейских языков.

При синтаксическом сопоставлении балтийских языков со славянскими следует учитывать значительную роль посессивных конструкций с дательным падежом, сохраняющихся (в отличие от большинства славянских языков и в беспредложном употреблении) до настоящего времени, ср. лит. *Jis pabučiāo mōtinai* (дат. п.) *raiŋq*. 'Он поцеловал матери руку'. При использовании подобных конструкций с глаголами "непреднамеренного" действия (*Monikai kojās įskaudo* 'У Моника разболелись ноги') индоевропейская древность соответствующих исходных грамматических схем не вызывает сомнений. Поэтому правомерно поставить вопрос о том, в какой мере распространение в балканских (южно)славянских языках конструкций с дательным притяжательным (или синтаксически с ним сходных предложных конструкций) следует считать не относительно поздним ареальным явлением (как это иногда предполагается), а такой балканской чертой, которая (возможно, в качестве периферийного архаизма, сохраняющегося от общеславо-славянского периода) продолжает весьма древнее употребление, объединяющее балтийский со славянским.

Нередко думают вслед за Мейе [ср. Маројевић 1983], что в общеиндоевропейском был развит (применной) родительный принадлеж-

ности, который потом был вытеснен атрибутивными притяжательными конструкциями типа праславянских. Частично с ними совпадающие по происхождению (суф. *sk-) были в тохарском и в лувийско-ликийском, т.е. могли быть чертой некоторого диалектного единства. Возможно наличие подобных адъективных форм и в хетто-лидийской группе.

Лидийские формы производных притяжательных прилагательных на *-l* засвидетельствованы в 8 однотипных конструкциях с глаголом-связкой 1 л. ед.ч.: *artymal-im* '(я) есть принадлежащий А. (рте-миде?)', *manel-im* 'я (есть) принадлежащий М.(анесу)'. Иначе говоря, прилагательное на *-l* регулярно выступает в лидийском в предикативных формах, в принципе сопоставимых с хеттскими на *-la* (последние, однако, не засвидетельствованы в комбинациях со связкой, ср. единственно достоверно известные из архаических текстов *barganula* 'долженствующие быть поднятыми', *dalugnula* 'долженствующие быть удлиненными').

При яркости славяно-тохаро-анатолийской (особенно лувийско-ликийской) изоглоссы, касающейся употребления притяжательных адъективных форм вместо конструкций с родительным падежом, следует особенно отметить и возможность воздействия на некоторые из этих индоевропейских диалектов других языков, контакты с которыми могли начаться еще в очень давний период, соответствующий началу распада общиндоевропейского на отдельные диалекты. В частности, для такого рано выделяющегося диалектного единства, как лувийско-ликийское (южно-анатолийское), кажется возможным воздействие либо непосредственно хурритского (позднее долго взаимодействовавшего с лувийским на территории Анатолии), либо близкого к нему северо-восточно-кавказского диалекта, в котором, как и во многих современных восточно-кавказских языках [Трубецкой 1987; Лафон 1984, 241—248], адъективные формы принадлежности и родительный падеж имеют общее происхождение. Окончательное выяснение этого вопроса, связывающего индоевропейскую диалектологию с вопросами ареального взаимодействия языков на территории Евразии, в большой степени зависит от типологического определения того, в какой мере широко распространена замена родительного притяжательного адъективными формами в неиндоевропейских языках Евразии, издревле контактировавших с индоевропейскими.

В связи с тем, что в работах последнего времени достаточно отчетливо выявлено вероятное происхождение древнехеттских форм направительного падежа на *-á* (в древнехеттской клинописи передающееся посредством *scriptio plena*, т.е. повторения написания гласного, что интерпретируется как обозначение места ударения или тона: *pa-ra-a* 'вперед, дальше' = *pará* < *p(o)ró) из индоевропейского локативного падежа на *-ō*, возникает вопрос о возможности выведения как праславянского родительного падежа на *-ā* < *ō, так и родственных балтийских форм, из этого падежа. В таком случае исходным следовало бы считать его функционирование в качестве неопределенного падежа (*casus indefinitus*) в основах на *-o* (тематических) того же типа, который в последнее время был выявлен в северо-

западной части восточнославянской области — в древненовгородском (в формах им. пад. ед. м.р. на *-e*, явно имеющих общее происхождение и со звательной формой). Для локативных употреблений можно восстановить удлинение тематического гласного, которое известно и в других типах основ (на сонанты *-i*, *-u*, дающие соответственно **ī*, **ū̄*). Из этих древних локативных форм с удлинением тематического гласного и выводится древний генитив на **-ō̄* > слав. *-a*, по-видимому, в ранний период имевший значительно более узкую сферу употребления и, в частности, редко употреблявшийся в притяжательной функции.

Расширению сферы использования родительного падежа в праславянском мог способствовать и контакт с другими диалектами, в частности, иранским. В одном случае праславянское использование родительного падежа (Gen.) перед послелогом можно было бы считать следом иранского влияния: ст.-сл. БОГА РАДИ структурно точно соответствует др.-перс. *bagahya rādiy* с тем же значением и из тех же морфем (где конструкция имеет типологическую аналогию в эламском и хурритском и поэтому скорее всего объясняется как черта древнепереднеазиатского языкового союза). Но трудность представляет наличие точно таких же послеложных конструкций с Gen. уже в древнехеттском; если в этом последнем сочетании типа *annaš-šaš kattan* 'с его матерью' объясняется не как черта того же языкового союза, а как след древнего сочетания препозитивного Gen. с последующим именем (ср. р.), из которого образовался послелог, то трудно заранее исключить такое же объяснение и для славяно-иранской изоглоссы.

Как показал Н.С. Трубецкой, в славянских языках у одушевленных существительных мужского рода формальное неразличение родительного падежа и винительного может быть сопоставлено с аналогичным неразличением генитива и аккузатива в арабском и некоторых тюркских языках. Грамматические соотношения в этих языках Трубецкой понимает как сходство падежа отыменного определяющего с падежом, выступающим (в языках аккузативного типа) как падеж непосредственно определяющего при глаголе [Трубецкой 1987].

В качестве особых способов в славянском сохранялись и собственно адъективные посесивы, состоявшие из сложных слов. Для славянского часть их понимается как кальки с греческого, но древность удостоверяется сравнением с германским.

Примерами атрибутов — сложных слов, основанных на сочетаниях прилагательного с существительным, вместе обозначающих некоторый признак (часть) характеризуемого персонажа, могут быть (этические) эпитеты — имена Одина: др.-исл. *Síð-skeggr* 'длинно-бородый', *Síð-hqtrr* 'широко-шляпый', *Hár-barðr* 'седо-бородый' (тип, вероятно, родственный славянскому со вторым элементом **-bordъ*: рус. *седо-бородый* и т.п.), *Bál-eygr* 'пламенно-глазый', *Bil-eygr* 'слабо-глазый' ('плохо видящий' = 'одноглазый') [ср. Falk 1924; Lorenz 1984].

В славянских языках этот тип продолжается (с видимыми следами греческого влияния в старославянском) и в принципе может быть расширен за счет умножения числа прилагательных, как в пародийной "Оде в громко-нежно-нелепо-новом вкусе" П.П. Сумарокова: "Сафиро-храбро-мудро-ногий лазурно-бурый конь Пегас".

Сложные слова типа "имя + имя" прилагательное + существительное используются в предикатной функции в поэтическом языке Хлебникова: "вечерогривы кони", "утровласа дева", "свирепооки кони". Из последнего сложного слова, основанного на трансформации сочетания "свирепые очи" → "имеющий свирепые очи = свирепоокий", следует, что и два первых в том же стихотворении "Скифское" (1908 г.) основаны на трансформациях "имеющий вечер(нюю) гриву", "имеющий утре(нние) власы".

Сопоставляя данные, полученные при изучении, с одной стороны, современных славянских и балтийских языков, с другой, других индоевропейских диалектов (тохарского, лувийско-ликийского), можно прийти к выводу о несомненной древности ситуации, при которой родительный принадлежности всегда отсутствовал и его заменяли адекватные формы, входившие в парадигму имени. Как впервые показал Н.С. Трубецкой, старославянский принадлежал к числу языков, где для выражения притяжательных отношений используется особая адекватная форма имени. Анализируя притяжательные прилагательные в старославянском (староцерковнославянском), Трубецкой пришел к выводу, что в этом языке от каждого существительного, обозначающего одушевленное существо, образуется притяжательное прилагательное, которое принадлежит к парадигме склонения этого существительного совершенно также, как причастия принадлежат к парадигме спряжения глаголов. Если грамматики староцерковнославянского языка рассматривают притяжательные прилагательные в отделе основообразования, а причастия — в отделе спряжения, то это не более как результат влияния грамматики классических языков, не знающих категории притяжательных в том виде, в каком она существует в славянских языках [Трубецкой 1987]. На основе применения формальных критериев к аналогичному выводу приходят и в новых исследованиях по древнерусскому языку [ср. Маројевић 1983, 8—9]; в последнем слове древненовгородского диалекта берестяных грамот все подобные именны формы снабжены особой пометой [Зализняк 1986]: *братень* от *братъ* (*въ братни долгъ*), *божи* от *богъ*, *госпожь* от *господь* (*госпожа волл і твоа*), *женень* от *жена*, *кнѣжь* от *кнѣзь*, *кози* от *коза*, *отець* от *отець*, *посадничъ* от *посадникъ*, *роби* от *робъ*, *Ивань* от *Ивань*, *Итѣ(в)ль* от *Итѣвь*, *Ратьсла(в)ль* от *Ратьславъ*, *Сдославль* от *Сдославъ* по архаическому типу [ср. Маројевић 1985] наряду с большим числом производных с суф. *-инь* и *-овъ*: *Ивановъ*, *Ильинъ* и т.п. Вхождение особой посессивной формы этого типа в парадигму имени также имело место в старочешском и сохранилось до настоящего времени в словацком и лужицких языках [Ревзин 1973а, Ермакова 1986, 225—229], тогда как ситуация в сербско-хорватском остается спорной [Дмитриев 1961]. На основании всех перечисленных славянских языков наличие особой именной формы посессива предполагается и для праславянского, который в этом отношении обнаруживает значительное сходство, с одной стороны, с тохарским [Краузе 1959], с другой, — с лувийским.

Из индо-иранских языков особая притяжательная форма обнаруживается согласно описанию А.Л. Грюнберга в нуристанском ("кафир-

ском" в прежней терминологии) языке кати. В притяжательных конструкциях в этом языке с помощью особого посессивного суффикса — *-sti* маркируется всегда определение — "слуга", если пользоваться терминологией А.А. Холодовича [Холодович 1979, 296], в постановке вопроса и выводах опередившего новейшие исследования [Nichols 1986]. Ниже рассмотрены все опубликованные материалы языка кати, поскольку он приближается по своему типу к тому, что в соответствии с идеями Трубецкого можно предположить для праславянского.

Семантическая сфера посессивных форм в кати представляет большой интерес для такой типологии посессивности, которая основывалась бы на эмпирическом обобщении данных разных языков. Язык кати показывает, что эта сфера совсем не ограничивается использованием в качестве "слуг" названий одушевленных или даже персонифицированных субъектов посессивности. Семантически наиболее прозрачны местоименные формы этого типа, составляющие как бы смысловое ядро всей сферы.

В опубликованных текстах кати¹ встретились следующие именные притяжательные формы с суф. *-sti*: *mančesti* 'человека' (*miri mančesti* 'мертвого человека', X, 15), *mančósti* 'людей' (*sti mančósti bzišino* 'этих людей одежда', I, 3), *jukásti* 'девушки, девушкин — невестин' (*jukásti mimérsto* 'за девушку выкуп', II, 2), *jukósti* 'девушек' (*pamú d'u-tre jukósti xazoná ye ba duyo* 'дома у меня сохранили двух-трех девушек', Песни, X, 6), *širinsti* 'возлюбленной, милой' (*širinsti šu* 'душу возлюбленной', XX, 7; *širinsti piš vatán* 'цветущая страна милой', Песни, X, 5), *št'órosti* 'женщин' (*št'órosti sinemno* 'женская одежда', § 259, с. 260), *Abduramon-xónesti* 'Абдуррахман-хана' (*Abduramon-xónesti tupa* '(из) пушки Абдуррахман-хана', I, 7; *Abduramon-xónesti al-ali manči* 'великие — интенсивная форма — люди, т.е. вельможи Абдуррахман-хана', I, 8; *jesti gañ Abduramon-xónesti kató-meš šuc tamóm bo* 'Так и закончилась война Абдуррахман-хана с кати', I, 8), *Řókesti* 'Рока' (род. п. от собственного имени *Řok* 'Рок', ср. многочисленные другие подобные образования от личных имен; *Řókesti ništéray kudyum miti štreifí stota ibodát kusti asyo* 'Первым делом Рока было вырезано идолов из дерева и им поклоняться, I, 1), *mirístestisti* 'умершего' (*mirístestesti das'u dušte* 'умершего правую руку', § 256, с. 258), *Imrósti* 'Имра', (*Imrósti širi-s-ta* 'жены Имра — высшего бога пантеона', X, 18); *yúšesti* 'дива' (*yúšesti šu* 'душа дива', Сказки, IV, 13; *yúšesti jīt* 'тело дива', там же, 17; *yúšesti sver k'ur* 'дива вторая нога', там же; *yúšesti dušt* 'дива рука', там же 18; *yúšesti sver dušt* 'дива вторая рука', там же; *yúšesti šayī* 'голова дива', там же; *yúšesti kini* 'туша дива', там же); *katosti* '(народа) кати' (*katosti gošco štic kunit* 'они воруют скот у народа кати', XII, 7; *nī gul katóst-asi* 'Эта земля принадлежит кати', XII, 1, ср. с. 181); *gujurosti* 'гуджуров'

¹ Исследован весь материал, напечатанный в книге: [Грюнберг 1980]. В тексте в скобках указывается римскими цифрами номер прозаического текста, арабскими — номер предложения внутри текста по этому изданию. При ссылке на сказки и песни в начале указано: сказки и песни, дальше нумерация как в прозаических текстах. При ссылках на фразы указано: фразы, дальше номер, при ссылках на грамматический очерк указаны страницы и параграфы.

(*gujuroski kúdyum* 'занятие гуджуров', XII, 1); *kapirosti*² 'кафирский', 'кафиров (нуристанцев)' (*kapirosti sti* 'был кафирским'; для выяснения не только парадигматических, но и синтаксических отношений между именными и местоименными притяжательными формами в кати существенно то, что этой конструкции в том же фрагменте текста предшествует точно также построенная *yimosti sti* 'был нашим', X, 1); *baryosti (bar'osti)* 'племени бари' (*baryosti juco* 'девушки бари', с. 181), *gulasti* 'земли, страны' (*yimosti gulasti čor* 'обычаи нашей земли', с. 292, конструкция, сопоставимая с *yimosti amusti huzursti nukár* 'слуга его величества'); *gosti* 'коровий' (*pakcéna gosti aje žiñi miñi vukceli-je vutó kay néyei* 'увидели только рога коров, и больше ничего нет'; *gosti k'ure* '(у) коровы нога', VIII, ср. § 238, с. 251); *vacivsti* 'фазаний', *vacivsti móla* 'султаном фазана', X, 3, при отсутствии possessивного показателя *-sti* по-видимому, в синонимичном *vaciv mol* 'султан фазана', Песни, XVIII, ср. с. 204, § 135); *širovasti* 'попугая' (*šrovasti k'ur* 'попугаяю ногу', Сказки, IV, 16; *širovasti e dušt* 'попугаяю одно крыло', там же, 18, *širovasti sver dušt* 'попугаяю другое крыло', *širovasti šayī* 'попугаяю голова', *šrovasti žit* 'попугая тело', все примеры там же); *ušpásti* 'лошадиный, конский' (*ušpásti taña léšti-ki gi'e* 'затяни как следует подпругу лошади', фраза N 145); *prúštesti* 'у кровати' (*ni prúštesti k'ur niyi ašt* 'у этой кровати ножки — буквально: ноги новые', фраза N 59); *pirngelasti* 'мельничного колеса', IV, ср. § 302, с. 280. Для всех слов рассматриваемой семантической сферы, обозначающих людей и их группы (племена, народы), богов и мифологические существа более низких, чем боги, уровней, животных, предметы домашнего обихода и технические приспособления, существен явно осознаваемый параллелизм между перечисленными семантическими подклассами. Параллелизм между обозначением мифологического существа — дива и его частей тела и обозначением птицы — попугая и частей его тела становится сюжетобразующим стилистическим приемом в Сказке IV, 16—18, где последовательно друг с другом соотнесены:

	у попугая	у дива
нога	<i>šrovasti k'ur</i>	<i>yúšesti k'ur</i>
рука/крыло	<i>širóvasti dušt</i>	<i>yúšesti dušt</i>
голова	<i>širóvasti šayī</i>	<i>yúšesti šayī</i>
тело/Туша	<i>šrovasti žit</i>	<i>yúšesti žit (kini).</i>

Что касается предметов домашнего обихода, здесь, как представляется, существенно обозначение их частей теми же словами, что и те, которые обозначают части тела человека и животных. Сочетание *prúštesti k'ur* 'ножки (ноги) кровати' построено точно так же, как *gósti k'ure* 'коровы нога', *šrovasti k'ur* 'попугая нога', *yúšesti k'ur* 'дива нога', ср. *yésti k'ur* 'моя нога' (§ 99, с. 195, Сказки, IV, 16). Иначе говоря, по отношению к таким названиям частей тела кажется возможным предположить наличие правил вида: если вторую часть атрибутивной синтагмы образует имя существительное семантического подкласса названий частей тела, то предшествующее имя существительное марки-

² Позволяю себе исправить опечатку на с. 103, исходя из правильной формы на с. 180.

руется показателем посессива *-sti*, если оно является определением ("служой") первого.

Особую проблему составляют обозначения имен родства. Хотя и от них возможно образование посессивов типа *břopest* 'братнин, брата' (фраза 273), более обычен другой тип выражения при них притяжательных отношений посредством специфичных именно для семантического класса имен родства энклитических местоимений (тип *břo-s* 'брата его'); так же только для этого семантического класса специфичен родительный падеж м.р. на *-že*. Поэтому имена родства в кати образуют особую семантически-грамматическую категорию, для которой образование посессивов на *-sti* факультативно. Наоборот, использование при именах родства притяжательных местоименных энклитик обычно, хотя вполне возможны контексты, где посессивность при них вообще грамматически не выражена: *ka anī kú-ta břop kústuk esi?* 'Разве здесь кто-нибудь кому-нибудь брат?', VIII. Но при указании родственных отношений, как правило, используются притяжательные местоименные энклитики: они могут в этом случае маркировать определяемое — "хозяина" — *pivéze tót-is* 'отец юноши', *Juka tót-is-ta* 'к отцу девушки', II, 2, *pivéze sú-s-is yo nuř-is* 'мать или сестра юноши', II, 1, *Nuráke sibúl-is* 'родственник Нураке', V, 8. Но в атрибутивных синтагмах, где имена родства выступают в роли слуг — определений, а не хозяев — определяемых, они и в этой синтаксической функции маркируются притяжательными местоименными энклитиками: *tóc-is pamú* 'дом мужа', II, 5; *tót-is-že vov-is nom* 'по отцу и деду имя', X, 11. Иначе говоря, притяжательная местоименная энклитика находится на пути к превращению в характеристику имени родства в обоих его возможных синтаксических ролях в атрибутивной синтагме, т.е. использование энклитики зависит от вхождения слова в семантико-синтаксический класс слов, являющихся именами родства, а не от конкретной синтаксической функции. В этом состоит типологическое отличие кати от бурушаски, где "множество, в которое входят имена родства, маркирует притяжательность при хозяевах, а в остальных случаях она маркируется при слугах" [Nichols 1986, 77]. В бурушаски и других типологически сходных языках различие связывают с тем, что неотчуждаемая (органическая или ингерентная) принадлежность, к сфере которой относятся имена родства, обычно маркируется при хозяине (Nichols там же). Кажется возможным предположение, что благодаря вхождению кати в центральноазиатский языковой союз и под влиянием таких языков этого союза, как бурушаски, и в кати первоначально притяжательность посредством энклитических местоимений могла выражаться в конструкциях с именами родства только при хозяине. Распространение же этого способа и на слугу, если он является именем родства, можно было бы считать обобщением того принципа, который предложен выше по отношению к названиям частей тела: при них слуга всегда получает показатель посессива *-sti*. Иначе говоря, выбор конкретной грамматической формы определяется вхождением одного из членов конструкции в семантический класс — названий частей тела для показателя *-sti*, имен родства — для притяжательных энклитических местоимений. Соединение обоих типов форм встре-

тилось в местоименных конструкциях вида *amšesti nuš-is-kil'o* 'своих маток' [с. 258, § 251], где имя родства в качестве хозяина закономерно маркировано энклитическим местоимением, а его слуга, являющийся местоимением, имеет суф. *-sti*.

То, что в местоименных формах можно видеть смысловое ядро семантической сферы притяжательных форм на *-sti*, хорошо видно по формам притяжательно-возвратных местоимений *amústi* 'свой' — 'его, ее' (*amústi júka* 'своей дочери', X, 14, Сказки, I, 10; *mer amústi palténo-meš* 'царя вместе с его войском', Сказки, I, 10; *amústi vúšupa* 'свою лошадь', VIII, 4—5, ср., с. 255; *amústi tupo* 'его — Абдурахман-хана — пушки', I, 6; *amústi yóle-taře* 'от своей линии', IX, 20), противопоставленной немаркированной форме *amú* 'свой' (*amú bd' ořo* 'своему желанию', II, 1), и *amšesti* 'свой—их' (*amšesti júka* 'свою дочь', XIV I, *amšesti žukoro-ki* 'на своих дочерей', IX, 13; *štr'a pivéz amú bd' ořo ne-kúli ka tótis ka nuš-is-je žuk amše peš-bo sto amšesti pivéze-ki štrī króli* 'жену юноша по своему желанию не выбирал', — т.е. не выбирал по своему желанию, 'отцу, матери ли девушка своя—их', немаркированная местоименная форма *amše* — 'понравится, на той своей—их', маркированная форма *amšesti* — 'юноша—этот женился', т.е. какая девушка понравится матери или отцу, на той его и женили', II, 1: переход внутри текста от немаркированной к маркированной форме местоимения: *amšesti dru* 'свои волосы', IX, 4, ср. выше об обязательности форм на *-sti* при слуге, хозяин которого является названием части тела; *amšesti zivaro-meš* 'с ее украшениями', с. 249; *amšesti pažyé-ta* 'на свои пастбища', XII, 4, *kati stótaře nemik'yoko to mřeyik' amšesti drukóno-meš žuč kunasī* 'кати не убежали от них и сражались насмерть, стреляя из своих луков', I, 7; *amšesti go* 'своих коров', VIII, 13, 14, 18, 19, при отсутствии показателя — *sti* в *amše go*, там же 17; *Ktívī nišeti stá-vu amšesti kúdyumo kúnasya* 'жили в Ктиви, там занимались своим делом', I, 1; *dvér dī amšesti kuye kúdyumo-ta šc'a* 'и сами снова вернулись к своим делам', I, 4, ср. выше сочетание *gūřurosti kúdyum* 'занятие гуджуров' и *Řókesti kúdyum* 'дело Рока': складывается впечатление, что можно задать список хозяев — имен существительных, при которых слуги — имена или местоимения обязательно маркируются показателем посессивности *-sti*).

Особый интерес представляют лично-притяжательные местоименные формы на *-sti*, противопоставленные формам немаркированным, ср. *yésti* 'мой' (*yésti šayī* 'моя голова', IX, 6, *yésti zari* 'мое сердце', Песни, XVIII, 5, *yésti k'ur* 'моя нога', Сказки, IV, 16, *yésti dušt* 'моя рука', там же, 17); во всех случаях хозяин в конструкции — название части тела) *yémesti* 'мой' (в том числе и в случаях, параллельных только что приведенным: *yémesti šayī* 'моя голова', Сказки, IV, 17; *yémesti žu* 'моя душа', там же, 15; *yémesti aci* 'мои глаза', с. 253; *yémesti go* 'моя корова', VIII, 20; *yémesti bor* 'мой груз', V, 6; *yémesti tpangča* 'мой пистолет', IX, 21; *amñ-ti suv yémesti ašt* 'это все, т.е. все это — мое', Сказки I, 9 — предикативное использование при исходном атрибутивном: *yémesti suv palténo* 'все мое войско', там же, II, ср. § 104, с. 197 и § 324, с. 288) при немаркированном *ye* 'мой' (*ye kuřf* 'мои детки', II, 14; *ye vúšup* 'моя лошадь', VIII, 6; *ye go* 'моя корова', VIII, 19, *ye pidváy* 'мой спутник', V, 7; *ye porč* 'моя запись', но ср. форму *éme* 'мой' в *yéme porčataře* 'мои записи', обе фор-

мы в XIV, 20., **маркированные** посредством *-sti* местоимение *tústi* 'твое' (*tústi šúre* 'твою душу', Сказки, IV, 14; *tústi mřore* 'твой хозяева', там же, 13; *tústi tole* 'твой котел', § 318, с. 287; *tústi tpíka* 'твое ружье', дважды повторяется в IX, 27) при немаркированном *tu* 'твое' (*tu kuří* 'твой ребенок', Сказки, II, 14, *tu břází* 'твои болезни', Сказки, III, 2; *tu vušup* 'твоя лошадь', VIII, 6; *tu štéiti* 'твоим криком', VIII, 20; *tu vryé* 'твоих слов', IX, 6; *tu číde* 'твое дело', IX, 33), маркированное посредством *-sti* местоимение *stésti* 'его' (*amír Timur-je stésti syei givi-to* 'когда эмир Тимур ушел вместе со своим войском', I, 4) при немаркированном *ste* 'его' (*ste síyob* 'его войско' в том же тексте, I, 4, *ste vušup* 'его лошадь'), маркированное посредством *-sti* местоимение *yímósti* 'наш' (*yímósti mařim* 'наш учитель', XIV, 12; *yímósti juyropía mualim* 'наш учитель географии', XIV, 13; *yímósti gřamjést* 'наши старейшины', XII, *yímósti pinúste mančí* 'наши прежние люди', X, 17; *yímósti markáz čiré Křívi bo* 'А наш центр был в Ктивви', X, 7; ср. с. 187; *yímósti goščo-meš* 'со своими—нашими — стадами', с. 265), также и в предикативном употреблении (*yímósti sti* 'был нашим', X, 1); при немаркированном *yímó* 'наш' (ср. часто встречающееся в текстах *yímó mančí* 'наши люди' — 'мы как племя', I, 1 и др.; *yímó kato gul* 'наши, народа кати, земли', XII, 6; *yímó namúl'a* 'наша мачеха', XIV, 5, 8, *yímó pivéc* 'наш парень', XV, 1), маркированное посредством *-sti* местоимение *stósti* 'их' (*stósti kúdyum* 'их работа', XIII, 2, ср. выше об употреблении форм на *-sti* при слове *kúdyum* 'дело, занятие, работа', *stósti čor* 'их обычай', X, 17; *stósti cov-je pšovesti báseli-bo, yé-ta řič na-ast* 'от какого племени они ведут свое происхождение, мне неизвестно', XIII) при немаркированном *sto* 'их' (*sto juk* 'их девушку', XIV, 2; *sto pamú* 'их дом', IX, 7). Противопоставление маркированных форм с посессивным показателем *-sti* немаркированным без этого показателя, отчасти сходное с обнаруживаемым в приведенных местоимениях, можно обнаружить и в некоторых именных формах. В частности, форме на *-sti* посессива *mančósti* в конструкции *mančósti bzisino* '(этих) людей одежда', I, 3, противопоставлена немаркированная форма *mančó* в конструкции *mančó vušup* 'лошади людей (других, не моя)', VIII, 6. По-видимому, немаркированный характер слуги в последнем случае диктуется семантикой хозяина, ср. однотипные сочетания с личными именами *Alyúše vušpa* 'лошадь Алюша', XV, 3, *Šadrú vušup* 'лошадь Шадру' и такие же немаркированные местоимения в сочетаниях *ye vušup* 'моя лошадь', *tu vušup* 'твоя лошадь', *ste vušup* 'его лошадь'. В приведенном материале существительное *vušup* 'лошадь' (само принимающее форму на *-sti* в сочетании *ušpásti taņa* 'подпругу на лошади') сочетается с формой посессива на *-sti* только в конструкции *amustí vúsupa* 'свою лошадь'. Складывается впечатление, что выбор грамматической формы посессива в кати задается семантикой слова — хозяина.

Можно попытаться без обращения к сравнению с другими нуристанскими языками высказать гипотезу о возможном происхождении форм на *-sti*. Их можно было бы связать с наречно-локативным именным послелогом *-sti*. В некоторых из приведенных конструкций типа *šrovasti k'ur* 'попугаю ногу' (из сказки) можно в семантико-син-

таксической интерпретации выбирать между посессивной и локативной функциями. С типологической точки зрения возможность развития посессивной функции из локативной хорошо известна [Кацнельсон 1986, 175, прим. 11]. В последнее время обращено внимание на то, что при обычном различении посессивных и локативных грамматических отношений [Seiler 1982] одни могут выражаться через другие [Иванов 1986]. В кати скорее всего с помощью локативного послелога стал выражаться определенный тип посессивов в именах, а затем и в местоимениях, ср. отчасти синонимичное использование *pi(bi)*: *pivéze pi* 'этого юноши'.

Согласно изложенному, кати можно было бы считать в известной мере структурным аналогом (моделью в смысле работ Зейлера по посессивности: [Seiler 1982]) для праславянского. Данные этого языка (и некоторых других, типологически и/или ареально, как бурушаски, с ним схожих) очень важны в том отношении, что они на большом текстовом материале, фиксирующем живое употребление, подтверждают принципиальную возможность существования такого языка, где, как предполагал Трубецкой по отношению к старославянскому, можно включить адъективные посессивы в парадигму имени существительного (и личного местоимения, в парадигму которого в кати входят притяжательные местоименные формы на *-sti*).

В качестве попутного замечания, представляющего интерес для истории науки, можно отметить, что Трубецкой, призывавший при описании данного явления в старославянском отвлечься от привычных форм грамматик западно-европейских языков, мог (кроме известных фактов русского разговорного употребления) ориентироваться и на хорошо ему известные восточно-кавказские языки, обладающие посессивами сходных структурных типов [ср. Лафон 1984]. Подчеркнем, что самый тип языка, где адъективные посессивы входят в парадигму имени, достаточно распространен. Он экзотичен только с точки зрения "среднеевропейской" грамматической традиции. По-видимому, русский язык, как и другие восточнославянские, достаточно долго сохранил следы этого общеславянского типа.

Поэтический язык вплоть до начала 20-х годов систематически избегает конструкций с родительным притяжательным типа "дворец губернатора", "жеребец предводителя", заменяя их формами притяжательных прилагательных: *Губернаторский дворец* | *Пишет светом в часы вечерние*; | *Предводителей жеребец* — | *Утешение всей губернии* (Н. Гумилев, "Костер").

В современном русском языке, в том числе в литературном и поэтическом, конструкции *конский глаз* и *рыбий хвост* (оба примера из раннего Пастернака) до сих пор более органичны, чем синонимичные *глаз коня* и *хвост рыбы* (последние конструкции естественны при наличии адъективных определений к имени обладателя: *глаз красного коня*, *хвост обглоданной рыбы* в фильме *Абуладзе* и т.п.).

В качестве одной из важных заметных характеристик языка Маяковского отмечается [JSW V, 107—108, ср. Винокур] образование притяжательных форм от названий вещей (*язык трамвайский*, *губы*

вещины, скрипкины речи, вопли автомобиля, ребровы дуги, стеганье одеялово), частей тела, даже единиц измерения (с шагом саженым)³.

В русской прозе ситуация меняется в сторону преобладания родительного падежа и предложных притяжательных конструкций. Так, в рассказе Вас. Гроссмана "Шестое августа" при очень частом употреблении этих способов выражения притяжательности адъективные конструкции встретились только в таких случаях, как: на маленькую островную землю (=землю маленького острова), на аэродромные постройки (=постройки аэродрома), грудастой девушкой, голубоглазый бомбардир (но ср. параллельное использование ряда предложных конструкций в другом месте о том же персонаже: когда голубоглазый, бронзовый, в белоснежном костюме, в белой рубашке, с полотенцем на плече, словно сбежавший с первой страницы иллюстрированного журнала, он возвращался с пляжа), женские уши (здесь в смысле мн.ч.: уши женщин). Особенно заслуживает внимания большое число случаев, где используются конструкции с накоплением родительных падежей, относящихся друг к другу: в обширных списках личного состава военно-морской авиации Соединенных Штатов; достоинства окраски и формы выращенных им тюльпанов; Высшей школе пилотов морской авиации; с начальником склада горючего; шум четырех моторов идущего на посадку самолета; следствием технических и навигационных причин, тактических новинок истребительной авиации и зенитной артиллерии противника, числа оборотов мотора, метеорологических условий. Заметим, что подобные накопления однотипных притяжательных конструкций либо с родительным падежом, либо с функционально равнозначным предлогом (англ. *of*, фр. *de*) являются характерной чертой многих современных европейских литературных языков.

У Хопкинса обнаруживается по одинаковому "кеннингообразному" скоплению трех посессивных падежей в концовке поэмы "Крушение Германии", что позволяет думать о сознательном приеме [ср. Friedrich 1986]: *Our heart's charity's hearth's fire, our thoughts' chivalry's throng's Lord* 'Огонь очага любви наших сердец, Господь толп рыцарства наших мыслей'.

Если в истории отдельных славянских языков, в частности, русского и других восточнославянских, можно видеть постепенное затухание древнего (диалектного, скорее всего восходящего к общеиндоевропейскому) типа, употребляющего особые посессивы в составе именных и местоименных парадигм, то в древнейшей предистории славянского, как и других индоевропейских диалектов, и в предистории самого индоевропейского с типологической точки зрения можно наблюдать сходный процесс постепенной трансформации реконструируемого архаичного типа языка, который вслед за

³ У Маяковского есть и другие черты, связанные именно с категорией притяжательности: употребление притяжательных местоимений I л. (сперва мн.ч., затем и ед.ч.) в безглагольных конструкциях составляет отличительную особенность Маяковского [JSW V, 115]: *Наша земля. Воздух наш. | Наши звезд алмазные копи. | Улица моя. Дома мои* и т.п.

акад. И.И. Мещаниновым [Мещанинов 1940, 1963, 1967; ср. Финк 1950; Шухардт 1950; Lewy 1961] можно назвать посессивным.

Под языком посессивного типа имеется в виду такой язык, где не только притяжательные отношения между обладаемым и обладателем, но и другие типы грамматических отношений (ролевые — "актактные" валентности, локативные, [Seiler 1982a]) могут выражаться посредством притяжательных форм. При наличии в языке противопоставленных друг другу (и при этом часто выводимых друг из друга) форм отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности аффиксы, совпадающие с формами неотчуждаемой ("органической" или внутренней присущей) принадлежности, обычно характеризуют глаголы субъектного (центропритяжательного или инактивного) спряжения, аффиксы отчуждаемой (имущественной или устанавливаемой принадлежности) — глаголы объектного (центробежного или активного спряжения).

При этом аффикс отчуждаемой принадлежности формально может быть выведен из аффикса неотчуждаемой принадлежности, так как первый обычно маркирован, а последний — немаркирован. Аффиксами неотчуждаемой принадлежности отличаются пространственные относительные имена, этимологически связанные с названиями частей тела, но позднее функционирующие в качестве превербов — предлогов/последлогов. Аффиксы предикативных имен совпадают с аффиксами субъектного спряжения.

Показательным примером языка посессивного типа является америндейский язык киче в Гватемале (семья майя — киче). Притяжательные морфы (ед.ч.: 1 л. *ni*, *ni*, *na*; 2 л. *a*; 3 л. *u:-r*; мн.ч.: 1 л. *ka*; 2 л. *i*; 3 л. *ki:-r*), которые в киче формально отличаются от личных местоименных морф, используются как для выражения собственно притяжательных отношений (*u čič* 'его мать', *ka čič* 'наша мать' и т.п.), так и для выражения отношений ролевых (не только в объектном спряжении, где субъект выражается притяжательными морфами: *k-in-a-too* 'сейчас-я-твоя-помощь' = 'ты мне помогаешь', но и во 2 и 3 л. субъектного спряжения: *k-u-kamík* 'он умирает'), локативных (*a-wuk* 'с тобой', *r-uk* 'с ним', *č-u-ix* 'за мной', *č-ak-ix* 'за нами', *č-ik-ix* 'за ними' и т.п.), атрибутивных (*r-u bl' ri né* 'он-его имя — ребенок' = 'имя ребенка', *r-u tsumál ri né* 'кожа ребенка' и т.п.), а также и некоторых других [Lewy 1961, с. 644—655; ср. Croft 1980 — без ссылок на Леви!]. Другим примером языка такого же посессивного типа (в этом именно плане и исследовавшимся И.И. Мещаниновым) является эскимосский язык. Полный параллелизм именных притяжательных и глагольных переходных форм в этом языке отмечен несколькими его исследователями, в частности В.Г. Богоразом, писавшим: "притяжательные формы изменяются по числам и падежам. Система этих форм существительного развивается параллельно системе спряжения переходящих глаголов" [Богораз 1934, 112]. Согласно формулировке другой работы Богораз, спряжение эскимосского глагола в его наиболее простой переходящей форме является, в сущности, рядом притяжательных форм от некоего корня, выражающего глагольное действие, но по сути мало отличающегося от корней имен существительных [Богораз 1949, с. 64]. В эскимосском языке при-

тяжательные морфы используются как для выражения собственно притяжательных отношений (*mañtrá-pu* 'дома—наши'), так и для отношений ролевых (*pi-kut* 'мы говорим') и локативных (*sá-m-ni* 'возле меня' и т.п.). Относительный падеж может использоваться в каждой из этих трех функций, напр., в предложении *Añyax'pagim uix'utak'a kolhozim usiña slyakag'rtim* 'Пароход увозит обратно колхозный груз из-за непогоды'. Совпадение первой функции (относительного падежа как эквивалента родительного в притяжательной конструкции) со второй (*casus auctoris*) и послужило одним из основных доказательств того, что эскимосский язык надлежит описывать как эргативный (или и "эргативно-посессивный"). Но в полной картине функций этого падежа нужно учесть и такие его употребления, как *paŷvat iluñaniñ* 'озера из его нутра', где локативное значение 'из озера' передано комбинацией формы относительного падежа с притяжательной формой второго имени, т.е. конструкцией по внешности притяжательной. Поэтому едва ли стоит именно эргативную функцию вычленять из других, присущих относительному падежу. Алеутский язык, как это вслед за Иохельсоном показал Мещанинов, сходен с эскимосским в основных проявлениях посессивного типа, ср. в особенности показательное сходство алеут. *qa-ñ* 'рыба-моя': *qa-ñ* 'я-ем (что-либо)' = 'еда-моя', а также формы послелогов типа *ulam-čix hadiñin* 'к домам вашим' (буквально 'домов-ваших к-их'). Различие касается существующего в алеутском субъектного спряжения, окончания которого представляют собой притяжательные аффиксы, присоединенные к морфе *-x'*; эта морфа в имени выступает в функции абсолютного падежа, благодаря чему существует параллелизм абсолютного падежа и субъектного спряжения, вторящий общему с эскимосским параллелизму относительного падежа и объектного спряжения, образуемого притяжательными морфами. По формулировке В.И. Иохельсона, "так как морфологически алеутский глагол с включенным объектом есть имя с притяжательным суффиксом, то понятно, почему субъект ставится в относительном падеже" [Иохельсон 1912, 1044]. По-видимому, в этом отношении алеутский сохранил более древние соотношения, тогда как в эскимосском сложились позднейшие способы притяжательного выражения субъектно-объектных отношений в объектном (переходном или сложном) спряжении, развивающие те же принципы. Древность алеутской структуры подтверждается как оцениваемой глоттохронологически абсолютной хронологией эскалеутского единства (порядка 8000 лет до н.э.), так и внешним сравнением в духе давно предлагавшихся индоевропейско-эскимосских грамматических сопоставлений, к которым недавно добавлены и некоторые новые эскимосско-(восточно)ностратические. Кажется вероятным, что исходная система, реконструируемая на основании алеутской (и в меньшей степени эскимосской) и противопоставляющая два типа спряжения, близка к ностратическому различению объектного спряжения, показатели которого совпадают с одним из типов обозначения принадлежности, и субъектного спряжения, имевшего во всех лицах ларингалный показатель (> и.е. *-H-, урал. *-k-, картв. *-x). Можно полагать, что общенострати-

ческий или один из его диалектов имел, как и современные угорские языки, посессивное (объектное) спряжение, противопоставленное субъектному, в котором ларингальный показатель совпадал с тем именным суффиксом, который был в неэргативных формах среднего рода (инактивного класса), развившихся позднее в индоевропейские собирательные имена на долгий гласный (а после появления женского рода — и в формы этого рода на долгий гласный). Совпадение форм ностратического (и позднейшего индоевропейского) посессивного (объектного) спряжения с притяжательными местоименными формами позволяет полагать, что ролевые отношения выражались хотя бы в этом спряжении с помощью притяжательных морф. Эти же морфы используются и для выражения локативных отношений в таких конструкциях, как сочетания пространственных служебных слов с притяжательными морфами в приведенном выше др.-хетт. *katti-mi-* 'подо мной' (буквально 'задней стороной'), венг. *alatt-am* со сходной структурой и значением, при обратном порядке в юкагир. *met-al* 'подо мной' ('моя задняя сторона') и т.п.

Если не с такой ясностью для синхронного среза, как в эскимосско-алеутском, то все же достаточно отчетливо с диахронической точки зрения, как и в ностратическом, ранний посессивный тип протупает в енисейских языках. В развитие наблюдений М. Кастрена и Н.К. Каргера И.И. Мещанинов отметил, что в кетском глаголе частично улавливаются признаки притяжательного строя спряжения [Мещанинов 1948, 509]. Эта идея позднее была развита Е.А. Крейновичем, согласно которому в кетском "генетические показатели группы Б указывали не на субъект действия, а на принадлежность действия лицу: *батабдак* 'мое-вытаскивание-этого' (а не 'я-вытащу-это'), подобно тому, как префикс I л.ед.ч. именной категории притяжательности указывает на принадлежность вещи лицу: *бам*, также *абам* 'моя мать' (*ам* 'мать') и т.д. [Крейнович 1968, с. 24]; такая же притяжательная конструкция с именем-последогом используется для выражения локативных отношений: *абител'ка* 'со мной рядом' (букв. 'моя соседняя сторона') и т.п. Аналогичные конструкции есть и в других енисейских языках. Многократно отмечалось сходство с подобными принципами построения форм в баскском, бурушаски и некоторых других языках, относимых предположительно вместе с енисейскими к северокавказско-сино-тибетской макросемье.

Наиболее отчетливо из этих языков посессивный тип обнаруживается в северо-западно-кавказском. В абхазско-абазинском глагольные личные префиксы совпадают с притяжательными местоимениями, что делает их синхронный анализ совершенно прозрачным, локативные же отношения выражаются адвербиальными морфами, инкорпорируемыми в состав глагольного комплекса и внутри него сочетающимися с теми же притяжательными морфемами, ср. абх. *si-l-tet* 'я из грязи вышел', где *si(i)-* — префикс I л. ед.ч., совпадающий с притяжательным, *-l-* — инкорпорируемый адвербиальный элемент, обозначающий пространственное перемещение. В послеложном

употреблении наречия принимают также притяжательные морфы, ср. абаз. *sa-rà si-da* 'кроме меня' и т.п., хотя подобное выражение локативных отношений в абхазско-абазинском факультативно, т.к. обычно для этого достаточно инкорпорированной глагольной формы. В адыгских языках послеложные посессивные конструкции употребляются значительно чаще, что делает еще более рельефным значение притяжательных морф для выражения основных типов грамматических отношений, но в адыгском представлены два вида притяжательных аффиксов, что делает систему типологически близкой к рассматриваемой ниже.

Из языков, отдаленно родственных северо-западно-кавказским, наибольшее приближение к посессивному типу обнаруживает хурритский, в котором притяжательные аффиксы имени (-*f* в *šeni-f* 'брат мой') совпадают с одним из типов глагольных окончаний в переходном спряжении (*ar-af* 'я даю') и используются также в послеложных конструкциях: др.-хуррит. *ištani-(f)ḫ(a)-z̄(a)* 'между нас' с плюрализатором *z̄(a)* и т.п. Ряд окончаний, совпадающих с именными притяжательными префиксами, характерен для переходных глаголов и противопоставляется ряду непереходных глаголов со стативной приметой. Спряжение хурритских модальных и отрицательных форм характеризуется показателем *i/e* во всех лицах (ср. функцию и:е. *-Н- и алеутск. -*x'* в инактивных формах). Типологически хурритское противопоставление этих последних форм формам изъявительного наклонения, в переходном спряжении совпадающим с именными притяжательными аффиксами, аналогично индоевропейскому и угорскому противопоставление двух типов спряжения внутри парадигмы одного глагола, причем к древнему посессивному типу возводится объектное спряжение.

Предположение о том, что хурритские формы с притяжательным *-hi* (типа *lula-hi* 'человек из страны Лулу, занимающий низкое место в социальной иерархии', подтверждающее восходящее к Трубецкому отождествление родственного греческого имени народа лелегов с этнонимом лаков и с обозначением социального класса зависимых людей) могут быть этимологически соотнесены с рядом индоевропейских и ностратических глагольных (исконно объектных, т.е. притяжательных) форм на *-Н-, кажется возможным (при одновременном сравнении хурритского эргатива на *-sē* с индоевропейским на **-s < *se(o)*), но упирается в неясность соотношений между этими языками.

Проблема распределения притяжательных аффиксов по переходному или активному и стативному типам встает и для америндейских языков. Хотя в общем случае при наличии двух противопоставленных друг другу рядов глагольных форм возможно использование аффиксов, совпадающих с притяжательными морфами в именных конструкциях, в любом из двух рядов или же в обоих (как и в киче), тем не менее более четкие закономерности выявляются при выражении в языке двух видов притяжательных отношений — отчуждаемой (устанавливаемой) и неотчуждаемой (внутренне присущей) принадлежности. В туника (америндейский язык языковой группы Залива — Gulf) префиксы инактивных (стативных) глаголов, совпадающие

с притяжательными префиксами неотчуждаемой принадлежности (ед.ч. 1 л. 'i-, 2 л. м.р. wi-, 2 л. ж.р. hi-, he-, 3 л. м.р. 'u-, 3 л. ж.р. ti-), трансформируются в аффиксы активных глаголов и отчуждаемой принадлежности посредством прибавления морфы *hk-*, ср. 'u-hk- ?i'yut?e-ku 'его боров'; 'i-hk-'e'huhki 'меня-он ударил' [Seiler 1982]. Тот же принцип реконструируется и для адыгейского языка, где "исторически следует рассматривать притяжательные имущественной принадлежности как позднейшие, вторично образованные от притяжательных органической принадлежности... Каждый из притяжательных префиксов имущественной принадлежности образовался из соответствующего префикса органической принадлежности путем прибавления к нему префикса третьего лица ед.ч. имущественной принадлежности «и» — 'его'" [Яковлев 1948]. Личные префиксы адыгейского глагола по происхождению представляют собой притяжательные префиксы неотчуждаемой принадлежности, но в 3 л. мн.ч. используется префикс отчуждаемой принадлежности; при выражении локативных отношений посредством пространственных имен — послелогов используются аффиксы неотчуждаемой принадлежности (*ы-бгьу* 'сбоку от него', *ы-ч* *Ізгь* 'под ним', букв. 'его нижняя сторона' и т.п.).

Такого рода пространственные относительные имена в разных языках нередко этимологически связаны с названиями частей тела, но позднее функционируют в качестве провербов, предлогов или послелогов. Притяжательные префиксы, с ними сочетающиеся, обычно, как в адыгейском, являются аффиксами неотчуждаемой принадлежности. Такую древнюю функцию можно предположить, в частности, и для упомянутых выше др.-хет. *-mi-* (1 л. ед.ч., см. выше о *katti-mi*), *-ti-* (2 л. ед.ч., ср. *katti-ti* 'с тобой, под тобой'), *-ši-* (3 л. ед.ч.), ср. *katti-ši* 'с ним, с ней, под ней'), *-šumi-* (1 л. мн.ч.), которые в древнехеттском обозначали неотчуждаемую принадлежность. Древнехеттские аффиксы 1 л. *-mi-*, 2 л. *-ti-* отождествимы с урал. **-mi-* (>венг. *-m*), алт. **-mi* (>тунг.-маньчж. **-bi-*, противопоставленное образованным от него формам со значением отчуждаемой — "косвенной" принадлежности), урал. **-ti* < ностр. **-ti* (по-видимому, грамматическое противопоставление и.-е. **-ti* 2 л. ед.ч. в местоимениях и инактивной — стативной серии глагольных форм и **-s-i* в активной серии восходит к различению местоименных основ, т.к. параллель с названием 'руки', приводившаяся для объяснения этих форм как фонетических дублетов, отпадает, если принять объяснение конечного свистящего основы в и.-е. **ghes-t-* 'рука' > др.-инд. *hast-a* диссимиляцией). В отличие от алтайских языков уральские и анатолийские языки не имеют морфологических способов выражения отчуждаемой принадлежности, что ведет к изменению функционирования архаических притяжательных аффиксов.

В и.-е. инактиве окончание 1 л. ед.ч. **-H(H)-o* сопоставимо с: урал. **kk3* 1 л. ед.ч. субъект. спр., и.-е. **H-w-* соотносится с картв. **H-w-* 1 л. ед.ч. субъект. спр.; во 2 л. ед.ч. и.-е. **t-H-o* соотносимо с картв. **H*, 2 л. ед.ч. субъект. спр., самод. **-nt3-* 2 л. ед.ч. субъектного спряжения, но ср. — позднейшую (?) — противоположную функцию **-nt3-* > венг. *-d* 2 л. ед.ч. об., ср. также егип. *nt-* в мест. 2 л.,

аф.-аз. *t-* в формах типа ст.-аккад. *t-īd-e*: и.-е. **woid-t-H-o* 'ты знаешь', с характерной для восточно-ностратических языков суффиксацией при префиксации в западно-ностратическом. В указанных индоевропейских флексиях можно выделить аффикс *-Н-, который можно отождествить с урал. и юкагир. *-к-, выступающим в разных лицах и наклонениях, ср. и.-е. *-Н-: урал. -к, юкагир. -к во 2 л. ед.ч. повел. накл. субъект. спр., а также возможно и.е. *-Н-: урал. -к в 3 л. ед.ч., ср. венг. -ik в рефлексиве, а также алеут. *-x' (см. выше). По-видимому, в таком случае этот аффикс, не имеющий личной соотношенности, не связан с личнопритяжательными местоименными морфемами. Для его объяснения скорее целесообразно типологическое сравнение с самодийскими языками, где суффиксы субъектного спряжения совпадают с притяжательными. Аналогичное соотношение реконструируется и для енисейских источников кетских глагольных рядов Д и Б и для юкагирского непереходного процессива, связанного с ремо-субъектной формой переходных глаголов, в тундренном диалекте сходной с формами притяжательными. Это позволяет думать об отражении в енисейском, самодийском и юкагирском ареального явления. Поскольку аффиксы отчуждаемой принадлежности могут (как в тунгусо-маньчжурском) оформлять предикативные формы имени, последние могут восходить к первым.

Предлагаемое типологическое истолкование индоевропейской ин-активной серии согласовалось бы с давним предложением о том, что она представляет собой именные формы, втянутые в глагольную систему; эту идею вслед за Хиртом развивал Курилович. Близкую аналогию можно было бы видеть и в аккадском стативе и в египетском "псевдопартиципе" — форме качества и состояния, образованной от глагольных имен (с местоименными суффиксами прямого падежа) и противопоставленной собственно активным глагольным формам посессивного происхождения с притяжательными суффиксами (к втягиванию причастных форм в глагольную систему путем присоединения местоименных (притяжательных) аффиксов типологические параллели можно привести из текстов хантыйских народных песен). В восточном мивок (группа пенути), глагол которого обнаруживает внешние (по-видимому, конвергентные) сходства с индоевропейским, глаголы в зависимости от времени и наклонения спрягаются либо с помощью аффиксов, совпадающих с притяжательными (*hywat-'any?-taš* 'мы бежали' = 'это наш бег в далеком прошлом'), либо по тому же типу, что и предикативные формы имени (*ṣay?-'e-te-?* 'я недавно ругался'). Кроме приведенных хурритских соотношений в северокавказских языках известную (более отдаленную) аналогию представляет также кабардинское различие именного типа спряжения и глагольного внутри одной и той же ("вербальной" по Яковлеву) парадигмы, но разница заключается в наличии личных префиксов (близких по форме к притяжательным, но не совпадающих с ними) во всех кабардинских глагольных формах.

Исключительный интерес этого языкового типа, широко представленного в древнеписьменных языках Ближнего Востока (египетском, хурритском, древнехеттском, староаккадском), заключается

в том, что по существу все глагольные формы в подобных языках сводятся к именным: формы с притяжательными аффиксами могут быть возведены к древним именным посессивным конструкциям, тогда как противопоставленный им ряд форм характеризуется флексиями именного происхождения. Следовательно, для более раннего состояния этих языков восстанавливается отсутствие различия глагола и имени (если не будет обнаружено пережитков ранее существовавших глагольных форм, отличных от именных). Весьма любопытно, что такова структура, с одной стороны, древнеписьменных языков Востока, с другой, — праязыков таких особенно удаленных во времени макросемей, как ностратическая. Поэтому снова может быть поставлен на обсуждение вопрос о первичности имени (называния, имеющего при себе шифтерные уточнения неглагольного типа) по сравнению с собственно глаголом. Оговоримся, однако, что по отношению к древневосточным языкам устанавливается целый ряд таких буквальных синтактико-семантических соответствий в посессивных конструкциях, которые позволяют предположить и ареальное взаимодействие, а не только типологическое сходство. Ср., в частности, др.-хет. *kīr-mit* 'сердце-мое', хуррит. *tiši-ff(ē)*: др.-хет. *kīr-tit* 'сердце-твое', хуррит. *tiš-iv*, др.-хет. *kīr-šmit* 'сердце-их', хуррит. *tiši-yaš* (= /-ya-ž/); др.-хет. *ištarni-šummi* (= /ffa-ža/) 'между нас', *ištani-yaš-a* 'среди них'; в последнем случае вероятно и заимствование самого служебного слова (скорее всего в древнехурритский из древнехеттского, ср. основу рус. *сторона*). Сходной является и структура староаккадских форм с притяжательными суффиксами: ст.-аккад. *libba-ka* 'сердце-твое', *itti-ja* 'со мной' от *itum* 'сторона', *elliti-ja* 'кроме меня' от *ellum* 'верх', ср. др.-хет. *šer-šit* 'за него' от *šer* 'верх' (<и-е. **ser*) и т.п. В какой мере и сходство в истории глагольных систем тех же языков может объясняться ареальными контактами, остается задачей для будущих исследований. Они могли бы помочь ответить на вопрос об относительно позднем времени морфологической дифференциации имени, глагола и служебного слова в значительном числе указанных языков, история которых может быть прослежена на больших отрезках времени.

Вообще говоря, язык посессивного типа не обязательно должен быть флективным. Посессивные отношения могут выражаться и с помощью универсальных показателей, обозначающих эти отношения, типа кит. 我 > цзюэ, 我 我 (из китайского заимствованных и в другие языки, испытавшие китайское культурное влияние). В той области древнекитайской науки, которую в последнее время называют древнекитайской "ботанической лингвистикой" [Needham 1986, 117—182], в частности, содержится описание иероглифа, обозначающего один из универсальных показателей притяжательности 我 我, как обозначения "растения, которое начинает иметь более широкий ствол с ветвями" [Needham 1986, 122, табл. 7, N 5]; отсюда в метаязыке, разработанном для китайской иероглифики, из значений типа "нога, становится, стать как дерево", выводится и значение частицы, имеющей значение родительного падежа. Не исключено, что не только типологически, но и по происхождению с

первым из этих служебных слов можно сопоставить абхаз. $t^{\circ}(i)$ 'собственность', абаз. $t^{\circ}v-$, тапант. $\check{c}^{\circ}v-$. Эти последние морфы употребляются как в значении имени (абхаз. $s-t^{\circ}i$ 'моя собственность'), так и в глагольных формах ($i-s-t^{\circ}o-ur$ 'он-моя-собственность-есть', ср. в нартовском эпосе: $si-\check{s}^{\circ}-t^{\circ}-ur$ 'я-ваша-собственность-есть', эпизод "Побежденные женщинами"). Значительный интерес представляет использование универсального способа выражения принадлежности в креольских языках. В новомеланезийском (официальное обозначение прежнего креольского языка pidgin English, ставшего государственным языком) любое отношение притяжательности выражается посредством служебного слова *belong*, ср. *Me talk along some fellow story belong me belong think think belong me* 'Я хотел бы поговорить об истории моей жизни, о моих идеях (моей душе и разуме)' (из речи Paliau); *talk talk belong bloody father* 'болтовня проклятого пастора; *along some fellow fashion belong me fellow* 'на наши обычаи'; *fashion belong white man* 'обычаи европейцев'. Для общей теории аллогенетического родства креольских языков существенно то, что *belong* по функции совпадает с австронезийскими универсальными показателями отношений принадлежности (типа тагальск. *no, na-vu*, ср. яп. *no*, если последнее не из алтайского), а по форме и происхождению — с англ. *belong* (знаменательным, а не служебным словом, которое при заимствовании полностью меняет свои категориальные грамматические признаки при сохранении некоторых семантических). В креольских диалектах севера Гаити и некоторых Антильских островов в роли показателя принадлежности выступает частица *a*: *sa sé fig-a-i* 'это-его банан', *Ban mouen kin-an-m* 'Дай мне мое' ('вещь-мою'), *Sa sé kin-a-y(i)* 'Это-его (ее)'. Исследование подобных элементов в креольских языках в сопоставлении с детским языком представляет значительный интерес для общей теории филогенеза и онтогенеза посессивности как языковой унисерсалии.

В ассамском языке хаси [Rabel 1961] имя существительное "собственность", употребляющееся в качестве приложения для обозначения атрибутивной функции (*ka jon ka jinbuonkam* 'собственное дело'), может выступать (иногда в том же самом контексте) и как эквивалент предлога со значением родительного падежа: *la ka jon ka jinbuonkam jon 'ii* 'его собственное дело'. Предлагалось [Ultan 1978, 16] сравнение подобных употреблений *jon* в хаси с *belong* как универсальным обозначением принадлежности в новомеланезийском в конструкциях типа *table belong me* 'мой стол' [ср. Иванов 1983].

Специальное имя существительное, означающее собственность, принадлежность как таковую и постепенно тяготеющее к превращению в служебное слово, может при этом быть приметой конструкций с обладаемыми именами определенного семантического класса: индонезийск. *oléh* ('собственность' [Kähler 1965]) означает в предлоγοобразном [Kniffka apud Ultan 1978, 15, прим. 2] употреблении принадлежность по отношению к именам лиц, в частности, терминам родства: *bara oléh perempuan itu* 'отец женщины этой'.

Отличительной чертой языков посессивного типа в отмеченном выше смысле представляется отсутствие в них глагола 'иметь' (в литературе последних лет эта черта связывается с типологией активных языков, но, по-видимому, в этих последних она обусловлена не самой активностью, а посессивными способами ее грамматического оформления). Если для языка посессивного существенно наличие посессивного шифтерного выражения личной принадлежности при всех основных синтаксических отношениях, трактуемых формально как именные, то в номинативном языке развитие глагола 'иметь' приводит к выражению посессивности посредством глагола. Глаголы со значением 'держат', 'хватать' обозначают обычно предикат, при котором два термина соотношены с лицом и предметом, ему (временно или постоянно) принадлежащим; поэтому они могут прodelывать путь к общему глаголу обладания. Следующим шагом на пути к их переосмыслению как выражения отвлеченного отношения является превращение во вспомогательный глагол. В многочисленных исследованиях нескольких последних десятилетий выявлена типология посессивного результивного перфекта, параллельно развивающегося в разных языковых ареалах, в том числе в восточнославянском. При грамматикализации используемого в этой функции аналитического сочетания неличной формы полнозначного глагола с личной формой глагола 'иметь' он расщепляется на два функционально различных варианта одной лексемы, что можно рассматривать как аналог фонологического расщепления (дивергенции) одной фонемы на две фонемы. В древнехеттском языке глагол *hark-* может в значении 'иметь' использоваться в качестве служебного слова в аналитической форме перфекта: *na-at-ia-ša-ma-aš^{LÜ.MES}* DUGUD-aš TUP.PI *ha-az-zi-an har-zi* 'Вписал ли он вас в таблицу сановников?', KBo XXII 1 Rs. 23; о наличии конструкции уже и в дописанной традиции — вопреки гипотезе Бенвениста — свидетельствует ее употребление в архаическом погребальном гимне (в составе ритуала царских похорон): *ku-un-na-wa-aš-ši Ú.SAL^{LAMd}UTU.uš a-a-ra i-ya-an har-ak* 'Солнца Бог, ему по праву приготовь ты этот луг', KUB XXX 24 Vs. II 1. В обоих последних случаях личная форма глагола безударна. Это говорит в пользу переноса тона на предшествующие причастия (*házzian*), (*iyán*), акцентуационно объединяемые с личной формой вспомогательного глагола 'иметь'.

Глагол *hark-* в своем лексическом значении как типичный глагол спряжения на *-mi* в качестве первого актанта (субъекта) может сочетаться только с одушевленным именем, поэтому имя среднего рода (например, *appuzzi* 'жир') принимает в этом случае "эргативный" суффикс *-ant-* (*appuzziyant-s*): *appuzziyanza harzi* 'жир (в качестве активного вещества во время ритуала) будет сдерживать (их)' (в мифологическом тексте) [Laroche 1965, 83; ср. Laroche 1962]. Хет. *hark-* в значении полнозначного (лексического) глагола может приближаться (по смыслу) к 'иметь < держать': в мифологическом тексте богиня-Мать говорит пчеле: *ŠA-it LÁLL-it harši* (<**hark-ši*, 2 л. ед.ч. наст. вр.) 'ты имеешь = держишь (= у тебя есть) мед в твоей сердцеvine (животе)', KUB XXXIII 13 II 21 [Hoffner-Güterbock 1986, 251].

Более обычно значение 'держать': *n-at-kan* A NA DIN GIR-LIM *menēḫḫande harzi* 'и это он держит=протягивает по направлению (навстречу) божеству', КВо XXIII 15 II 21 (культовый текст богини Хебат), (*para*) *ḫiittiyān harmi* 'выделил' (КВо V 3+XIX 43a III 21, договор), *metān harmi* 'я сказал (молитвы)', KUB XXII 38 I 1—2 (оракул); *lagān hark* 'наклони ухо' (KUB XVII 7 III 9—10+KUB XXXVI 7a III 38—39=Песнь об Улликумми I A III 38—39) [Hoffner-Güterbock 1986, 256], *tarahḫan ḫarta* 'победил', КВо III 4 I 11, анналы Мурсила II, *piyan harzi* 'дал' (KUB XXIII 103 rev. 10, письмо), *lingan ḫarzi* 'он поклялся' (KUB XXX 51 I 118+KUB XXX 45 I 10), *ešan harkir* 'они сидели' КВо V 8 I, *ivan harkanzi* 'сделали', KUB XXVII 119 III 16—17.

Промежуточный случай между использованием *hark-* как вспомогательного глагола и полнозначного слова представляют обороты типа *iššan hark-* 'держать наизготовке' (в ожидании кого-либо) (о музыкантах, держащих инструменты в "Песне об Улликумми", KUB XXXIII 98 II 13).

Позднее в текстах часто встречается собственно possessивный перфект: [*huu*]*iittiyān ḫarta* 'он привел (войско)', КВо V 8 II 30; *parā huu*[*iitt*]*iyān harmi* 'я выбрал (город)', КВо V 3 III 18; *parā tarnan harzi* 'предоставил (меня добру)', КВо V 8 I 13—14.

Но еще и в новохеттских текстах обнаруживается *hark-* в значении 'иметь' — 'быть у кого-нибудь', чаще всего по отношению к пространству: E GIR-*pa-ma* ^{HUR.SAG} *Ellurian ḫarta* 'позади же (у него) была (=он имел) гора Эллурия' (анналы Мурсила II, КВо V 8 III 5), *ni-mi MUŠEN arān ḫarta* 'и для меня птица (предвещательница) поднялась', КВо V 8 I 17; *kuyēs É arzanan harkir* 'которые (=одни) имели гостиницу (в качестве пристанища)', КВо V 6 I 16.

Для определения исходного значения общеиндоевропейского **pe* **Hork-*, отраженного в лат. *porceo*=хет. *pe hark-*, существенны такие древнехеттские контексты, как *ássu-ma* UL *pe harkzi* (Хеттские законы, § 6) 'имущества же у него нет (с собой)'.

В новохеттском тексте анналов Мурсила: *nu*^{URU}*Hattusi* *GESTIN-an annammananni pe harkir* 'и городу Хаттусе вино в качестве дани они предлагали', KUB XIX 37 III 48; в том же контексте в составленных Мурсисом анналах его отца: *pe ḫarta* 'передал (царю завоеванный город)', KUB XIX 18 I 16.

Другой лексический вариант того же глагола, имеющего основное значение 'держать', в древнехеттском используется в контекстах типа *ni ki-iš-ša-an* A. WA.AT A.BI.YA *ar-ha-a-an har-te-ni-i*, КВо XXII I Vo 30—31 'Теперь так слова отца моего нарушите ли вы?', буквально 'будете ли вы держать прочь', где архаичное пространственное имя *arḫan* 'внешняя сторона' (им.-вин. п. ед.ч. ср.п.) использовано без притяжательного местоимения и согласно гипотезе Уоткинса произносится с интонацией типа вед. *pluti*, как и конечный слог глагольной формы *har-te-ni-i* 'держите'. Конструкция *kiššan attaš-maš uttār arhān ḫarteni* 'так отца моего слова прочь будете ли держать' аналогична антонимичной *kiššan* AWAT A.BI.YA *paššanuten* 'так слова отца моего храните', где *pašš-* 'хранить (слово)' — индо-

европейский архаизм, отраженный в том же контексте в тохарском и в славянском. Ср. также хет. *pe hark-*: лат. *porceo* < и.-е. **po Hork-* 'придержать' > 'иметь'. Расщепление лексемы 'иметь' может привести и к тому, что в полнозначной лексической функции используется аналитическое сочетание исходного глагола с другим, имеющим одно из тех значений, которые в диахронии оказываются пограничными с глаголом 'иметь': англ. *have got* 'иметь'. Сходными представляются и японские результивы и квазирезультивы типа *оттэ цру* 'иметь, нести на спине'. Но в лексической функции может использоваться и синтетическая форма глагола, вторично приобретшего значение 'иметь' (<держать>). Так, соотнесение исп. *tener* (лексическая функция, в том числе во фразеологизмах) — *haber* (грамматическая функция) используется и стилистически в смежных предложениях у одного и того же автора.

Различение языков (в том числе древнеписьменных) с преобладанием приименных (местоименных) способов выражения посессивности и языков, где усиливаются возможности глагольного оформления той же семантической категории, существенным образом связано и с другими отличиями посессивного типа языков от языков с выраженным глагольным предикативом (в том числе и обозначающим обладание).

В языке скуомиш (американский индейский язык Сэмишской группы в Северной Америке) притяжательные префиксы (?*n-*, 1 л. ед.ч., ?*a-*, 2 л.) и суффиксы (*čai*, 1 л. мн.ч.) используются в именных притяжательных конструкциях (?*n-snax*^o*i'λ* 'моя лодка') и в глагольных фактуальных формах (*n-s-λ'i'q* 'мой приезд' = 'что я приезжаю' с номинализирующим префиксом *-s-* [Kuipers 1967, 91]).

В эзлишском языке шусуоп с помощью притяжательных префиксов (*n-*, 1 л. ед.ч., ?-, 2 л. ед.ч.) и суффиксов (*-s/c*, 3 л.; *-kt*, 1 л. мн.ч. инкл., *-mp*, 2 л. мн.ч.) образуются именные притяжательные формы (имеющие артикль *γ-*) [Kuipers 1974, 43] типа *γ-n-cicix*^o 'мой-дом' и глагольные формы, обозначающие факты, содержащие номинализирующий префикс *-s-*: *γ-n-s-κs*^o*if*^o*lx* 'я прыгнул'.

Формально ситуацию можно описать и так. Есть (как во многих америндейских языках, с этой точки зрения описанных еще Уленбеком [Уленбек 1950]) два типа спряжения и два вида местоимений; принцип экономии объясняет или диктует использование в них (и в глагольной и в местоименной системе) одних и тех же морфологических средств. Обычно при наличии личных местоимений, противопоставленных притяжательным, личные местоимения соотносены с субъектным спряжением, притяжательные — с объектным (в котором по самой его сути возможны комбинации нескольких субъектных и объектных морфов в одной словоформе). При наличии же в местоименной системе двух противопоставленных друг другу видов посессивности притяжательные морфы неотчуждаемой принадлежности соотносены с объектным спряжением или активными глагольными формами, а также с объектами транзитивных глаголов (Seiler 1982), тогда как притяжательные морфы отчуждаемой (имущественной) принадлежности соотносены с субъектным спряжением

или стативными глагольными формами. Иначе говоря, при заданности противопоставления двух типов глаголов (субъектных и объектных, стативных и активных) и двух типов местоимений последние как бы накладываются на два типа глаголов.

К числу наиболее интересных приложений этих типологических выводов принадлежат диахронические. Так, если оправдано описание индоевропейских глагольных окончаний, обычно называемых первичными, через их соотнесение с притяжательными местоименными морфами типа хеттских *-mi*, *-ti*, *-ši*, то наиболее типологически правдоподобным описанием оказывается такое, при котором эти морфы (как это обычно и предполагается в глагольной морфологии) образованы из более простых морфов, имеющих окончания типа *-i* (*-oi*, *-ei*): *-mi* < **m*-(*e/o*)*i*, *-si* < **s*-(*e/o*)*i*, *-ti* < **t*-(*e/o*)*i*. С чисто типологической точки зрения тогда древние глагольные вторичные окончания выглядят как более простые морфы отчуждаемой принадлежности, усвоенные субъектным спряжением (откуда индоевропейский инъюнктив), а первичные окончания — как более сложные морфы неотчуждаемой принадлежности, усвоенные объектным спряжением. Однако с этой типологической реконструкцией могут конкурировать другие альтернативные описания, изложенные выше.

Параллельное использование личных глагольных форм и синонимичного им сочетания притяжательного местоимения с именем, являющимся неличным названием действия, встречается и в синхронии (напр. *I had gone* 'Я ушел' и *my going* 'мой уход' в соседних репликах в пьесе Джойса "Exiles"). Но из этого даже при отдаленном родстве соответствующих глагольных личных окончаний и местоименных форм, которую может предположить внутренняя реконструкция и подтвердить внешнее сравнение, поддерживаемое и типологическими данными, прямо еще не следует обязательности диахронического выведения любых глагольных личных окончаний из притяжательных местоименных конструкций.

С.Д. Кацнельсон, считавший ошибкой Потебни (в других отношениях высоко им ценимого) преувеличение роли глагола по сравнению с именем на поздних этапах истории языка [Кацнельсон 1986, 168], возражал против укоренившегося со времен Фр. Мюллера и Финка, позднее Шухардта [Шухардт, 1950, 143] возведения "сочетания глагольного предиката с субъектом к древнему сочетанию имени действия с подлежащим в посессивной форме. Сама по себе идея о былой дифференцированности или большей близости имени и глагола отнюдь не безосновательна. Но... документированная история многих языков указывает на относительно позднее возникновение имен действия как отглагольных образований. Формальное сходство субъектно-предикативной и посессивной конструкции не предполагает, думается нам, обязательного сведения одной из них к другой, не исключено, что обе конструкции вместе восходят к синтетической третьей, имевшей локативную функцию (отложительную или направительно-целевую)... Что же касается посессивной функции, то развитие ее на базе отложительной и направительно-целевой формы хорошо отражено во многих языках" [Кацнельсон 1986,

175, прим. 11]. Иначе говоря, происхождение посессивной функции связывается с локативной.

Выражение пространственных отношений посредством относительных имен (обозначений типа 'верх' — 'низ') может служить одним из наиболее наглядных примеров того, как локативные отношения могут переплетаться с посессивными.

Современный кетский язык характеризуется синонимией притяжательных форм с суффиксом родительного падежа — *дэ* и локативных конструкций типа *кай-данг-та бул'-енг токнам* 'у лося (мест. личн. пад.) ноги тонкие' [ср. Вернер 1985].

С типологической точки зрения одной из наиболее интересных проблем изучения категории принадлежности является анализ отрицательной принадлежности (необладания или лишительности). Наряду с широко распространенным (в частности, и в современных европейских языках) аналитическим способом обозначения необладания предметом или свойством (посредством служебного слова, напр., предлога типа рус. *без* и его соответствий в других славянских языках) часто представлен и способ синтетический: аффикс типа англ. *-less*, приближающийся к грамматической обязательности благодаря почти неограниченной широте его употребления (*hat-less* 'без шляпы = не имеющий шляпы', *spoon-less* 'без ложки', *eye-less* 'безглазый'), нередко обыгрываемой стилистически. Наличие подобных форм (при различии в деталях их построения и происхождения) характеризует такие большие языковые общности, как палео(западно)-сибирская, ср. одинаковые по внутренней форме и по порядку элементов хантыйск. (обско-угорск.) *pđi-tə* 'глухой = без уха', *sem-tə* 'слепой = без глаз', *šam-tə* 'без сердца', *kaš-tə* 'без удовольствия' и т.п., кот. (енисейск.) *tš-pun* 'слепой = без глаза', юкагир. (вост.-ностр.?) *эл'морин-д'эй* 'глухой = безухий'. К числу языков Сибири, в которых суффиксальный способ выражения необладания полностью грамматикализован, принадлежат енисейские. Для общеенисейского восстанавливается в качестве формы каритива (лишительного падежа) сочетание со связанной морфой **-pan*, **-pun* > кот. *-fan*, *-fun*, (*šinc'et-fun* 'без соли', *tagai-fun* 'без головы', *alup-fun* 'без языка', *anaŋai-fun* 'без мысли, тупой', *hapa-fun* 'бесхребетный, гнилой'), югск. (сым. кет.) *-fan*, кет. *-(h)an* (с алломорфой *-pan*). В енисейском эта форма необладания противопоставлена форме совместноорудного падежа на **-pa-s'* > кот., сим. *-fa-s'*, кет. *-(h)an(-pan)*, ср. *am-pas* (> *ammas'*) 'матерью', *am-pan* (в записях Кастрена) > *ampan* 'без матери'. Следовательно, оппозиция обладания: необладания (типологически сходная с юкагирской) первоначально в енисейском выражалась флексиями *-s'*: *-n*, для первой из которых можно найти параллели в сино-тибетском (в том числе и в сходной комбинации с предшествующими **-pV-* в классическом тибетском), северо-кавказском, а также возможно в баскском (*-z*) и бурушаски, т.е. в изолированных языках, предположительно относимых к той же макросемье.

Аффиксы необладания часто могут быть возведены к древнему сочетанию с самостоятельным словом, как др.-тюрк. *-syz* (*idi-siz* 'без хозяина', *bilig-siz* 'лишенный разума'), чуваш. *-sər*, монг. *-sar*

восходит по Рамстедту к суффиксу из постпозиции древнего самостоятельного слова. По отношению к *-gabe*, иногда описываемому как суффикс в баскских формах типа *etchea-gabe* 'без дома = бездомный', происхождение из аналитического сочетания доказывается относительно свободным порядком элементов в предложении: ср. *nehondik neholere ez gintazken emazte bat etchean gabe bizo* 'нигде и никак не могли бы мы без (*gabe*) жены (*emazte*) в доме жить'. В нивхском вспомогательные глаголы с отрицательным значением типа *lehəq* сохраняют частичную синтаксическую самостоятельность: *if tu-ri-ləhər jagur qonəq*, 'он, лодки не имея, как поедет', *kis-ti-ləhəq* 'без грязи, не грязный'. Самостоятельные глагольные формы с отрицательным суффиксом характерны для древнеяпонского: *котозса-ну кути* 'безгласный = неотвечающий рот' (*Кодзюки*), *кото-това-ну ки-ни-ва* ('пусть буду хоть) безгласным деревом' [Манъесю, т. V, N 811]. Юкагирский префикс *эл'*, *ал'* в качественных глаголах необладания (*эл'-арү-д'а* 'немой', колым. диал. *ал-аң-д' эј* 'слепой', ср. в тексте: *эл-аң-дз л'эјэ. Мэт кодэ аң-гэмтэм?* 'Без глаз живу я. Как глаза я приобрету?') по-видимому, родственно урал. **älä/ela* <ностр. **?älä*, частица категорического отрицания (обычно препозитивная, ср. хет. *le*, аккад. *ul*, монг. *üle*). В картвельском отрицание **we* выступает в нулевой ступени *u-* в формах типа сван. *u-lc-una* 'без-вод-ный' (: *lic* 'вода'), *u-gz-ela* 'без-дет-ный' (: *gezal* 'ребенок'). Точно так же общендоевропейские привативные образования типа **n̥-gnoH-t-* > греч. *ἄ-γνω-το-ς*, др.-инд. *á-jñā-ta*, тох. А *ā-knats*, В *aknātsa* 'невежественный, безумный', лат. *ignotus* возводятся к древним словосложениям с начальным отрицанием (в ступени редукции **n̥-*), некогда бывшим самостоятельным словом.

В архаических общеславянских формах типа словен. *neduxa*, *naduxa* 'астма, узкогрудье': укр. *ядуха*, в.-луж. *jaduxa* [Шахматов 1915, 13, 109, §§20, 191], лит. *įdusti* 'задышаться', сохраняются следы разных огласовок (**ne-*: **n̥*) начального отрицания, ставшего позднее привативным словообразовательным префиксом.

В праславянском до настоящего времени обнаружена относительно ограниченная группа древних производных с лишительной приставкой *bez-*, которая постепенно вытеснила древние производные типа ст.-сл. ОУ-БОГЪ <**n̥-bogъ*, **nebogъ* 'нищий' (ср. хет. *a-šiw* - (*ant*) 'нищий' с той же внутренней формой и тем же первым элементом **n̥-d(e)iw-*, ср. рус. *без-бож-ный*) и т.п. Славянское обозначение лишительности посредством предлога *bezъ* является, по-видимому, иранизмом: ср. перс. *bē-* 'кроме, вне', парф. *bē* 'снаружи', будд. согд. *β'урδ/βē-пад/* <**bait-pada* 'наружу — ногами', мугск. согд., будд. согд., маних. согд. *βyk*, будд. согд. *δyk*, христ. согд. *byqpr/wikpar/* 'снаружи', *bikprmw/wikparam/* 'снаружи', *βyks'r* 'прочь', *by:k*, *bq[bēk]* 'наружный, снаружи, вне', ягнобск. *ver* <**bait-kā*, авест. *bā*, *bē*, *boit* (эмф. част.), хор. *'nbyžk* 'внешний, пригородный' <**ham-bait-čā-ka*, шугн. *uaǰ*, язг. *viǰ*, вах. *vič* 'внешний, снаружи' <**bait-č/ka//*, хр. *bys'/βēsā* 'снаружи, вне', будд. луг. ман. *βyks'r/βēksār/* из **baiyaka-sara*, ср. ягноб. *veski* 'наружу, в сторону'.

Хотя по материалу новая славянская форма лишительности и на-

поминает иранскую, само новообразование в славянском по своему типу имеет и другие диалектные связи.

Внутри древнеиндоевропейской тохаро-итало-кельтской (и возможно германской) диалектной группы формируется новый аналитический способ передачи лишительности (отсутствия) посредством предлога $*s(e/o)\eta-$ 'без': тох. В *snai*, А *sne*, лат. *sine* (> фр. *sans*), ср. др.-ирл. *sain* 'отличный' (при гот. *inu* 'без' с отсутствием начального *s*-). Более древний способ выражения лишительности посредством (по мнению некоторых, генетически связанного с $*s\eta-$) привативного $\eta-$ в этих языках первоначально сосуществует с этим более новым аналитическим: тох. В *snai-pewam* (< $*s\eta-$ + *ped-*) 'без-ног(ий)', ср. др.-инд. *a-pad* < $*\eta-$ *ped-*.

Как и по отношению к изучению собственно посессивных форм, при исследовании лишительных (каритивных) форм, с ними коррелирующих, особый интерес представляют диалектные и ареальные связи внутри целых зон, допускающие картографирование грамматических и словообразовательных изоглосс и общих явлений внутри целых языковых союзов, в том числе и тех, которые образовывали индоевропейские диалекты, включая и праславянский.

Глава II

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В ПЛАНЕ СОДЕРЖАНИЯ

СТАТИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Посессивность понимается здесь как такое отношение (r) между объектами внешнего мира, при котором один из них (объект обладания, обладаемое R) "включается" в другой (обладатель, посессор Ps) [Топоров 1986, 149], составляя с ним единое физическое и/или функциональное целое. Это отношение осознается языковым менталитетом и выражается в наличии специальной языковой единицы (лексической, словообразовательной и т.п.). Такими единицами в рассматриваемых языках являются притяжательное местоимение ($Pron_{poss}$) и притяжательное прилагательное ($Attr_{poss}$). Анализ отношений, выражаемых этими языковыми единицами, показывает, что структура посессивности как языковой категории весьма неоднородна, во-первых, потому, что данная категория, помимо категориальных средств, располагает и разнообразными некатегориальными средствами выражения, которые могут быть в большей или меньшей степени дифференцированы в зависимости от семантики Ps , наличия в ней признаков одушевленности—неодушевленности, личности—неличности, конкретности—абстрактности, а также в зависимости от семантики R^1 , которым может быть свойственна большая или меньшая степень неотторжимости, неотчуждаемости от соответствующего Ps . Вторая причина заключается в рекурсивности, обратимости самого отношения посессивности, которое в зависимости от точки отсчета может рассматриваться как отношение "вхождения" (в частном случае принадлежности): $R \in Ps$ 'R входит в Ps', и как отношение "включения" (в частном случае — обладания): $Ps \ni R$ 'Ps включает R', причем каждый из аспектов отношения r располагает своим набором средств выражения в языке. Третья причина состоит в том, что в зависимости от ситуации отношения посессивности могут трактоваться как неподвижные, статичные, и как движущиеся, динамичные (нарушение одних посессивных связей и возникновение других, воздействие одного из членов отношения или протекающих в нем процессов на другой и т.п.). При этом статика и динамика посессивных отношений также располагают различными наборами языковых средств для своего выражения.

В настоящем разделе главы дано описание статике посессивных отношений, типов отношений, выражаемых категориальными средст-

¹Для краткости и простоты изложения мы будем обозначать символами Ps и R как соответствующие объекты внешнего мира, так и их имена.

вами, классификация этих типов по "степени неотчуждаемости" [Головачева 1983а, 19—26; 1986а, 192—200], выявление некатегориальных средств выражения этих типов отношений (с учетом рекурсивности) и описание их семантики с целью выявить то общее, что дало возможность языковому менталитету объединить на формальном уровне различные по своей семантике отношения в единую языковую категорию.

СТАТИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ОДУШЕВЛЕННОГО ПОСЕССОРА

Анализ языковых данных рассматриваемых языков позволяет представить категорию посессивности как пространственную концентрическую (антропоцентрическую) структуру, центром которой является человек, его духовное средоточие (ядро), тело, и далее внешнее пространство, также частично присвоенное ядром [Топоров, 1986 ("посессивное пространство"), а также проекции этой структуры на другие сферы внешнего мира, в результате чего создаются иные типы "посессоров" и соответствующих им пространственных концентрических структур. Такая структура категории, имеющая место в современных языках, объясняется генезисом языкового и человеческого менталитета: осознание человеком самого себя, своего тела и его частей, а также ближайших к нему объектов внешнего мира как "своих", затем — "присвоение" им более удаленных конкретных и абстрактных сущностей и, наконец, абстрагирование категории, перенесение уже сформировавшейся модели на эти, расположенные вне человека неодушевленные сущности, которые прежде могли быть только присваиваемы, а затем и за ними было признано "право" присваивать.

Неотчуждаемая принадлежность

Описание содержательного аспекта категории посессивности целесообразно осуществлять "от центра к периферии", поэтому начать следует с тех типов отношений, свойственных одушевленному посессору (и в первую очередь — лицу), которые расцениваются языковым и человеческим менталитетом как отношения неотчуждаемости, т.е. присущи не только конкретному лицу, но и человеку вообще, осознаваемому как абстрактная сущность, концепт. Такие отношения для конкретного лица мыслятся как обязательные или в высшей степени вероятные.

1. Отношение между человеком и его "физическими составляющими" (частями тела и внутренними органами). Такие отношения можно назвать отношениями "часть—целое" лишь условно, поскольку "целым" является по сути тело, а не сам человек, "обладающий" телом (ср. *человек \ni его части). Отношение 'человек \ni его части тела с точки зрения партитивности рассматривается языковым менталитетом как двухступенчатое, включающее две ступени посессивных отношений: а) 'человек (= единство духовного начала и тела) \ni его

тело' и б) 'тело (=единство частей тела) \ni его части'. При этом как possessивные рассматриваются отношения между телом и его частью как общим понятием ("константой"), а отдельные части тела ("переменные") принадлежат уже не телу, а его "обладателю", человеку, ср.: *тело \ni его рука и человек \ni его рука. Это наводит на мысль, что possessивные отношения между живым существом и его частями тела следует рассматривать не как отношения часть—целое, а как отношения неотчуждаемой принадлежности по функции.

Человек, человеческое Я — его духовное начало, его тело и части тела — представляет собой физическое, духовное и функциональное единство, являющееся своего рода "моделью", по которой языковой и человеческий менталитет структурирует и другие типы отношений неотчуждаемости. Это подтверждается, в частности, и неязыковыми данными человеческого менталитета, например, ритуалами погребения в архаичных коллективах вместе с умершим его жены, коня, посуды, пищи, украшений и т.п., т.е. всего того, что считалось неотчуждаемым наравне с телом. Реликтами такого осмысления отношений между Я и ближайшими объектами внешнего мира следует, по-видимому, считать также ряд языковых, семантико-синтаксических (см. след. раздел), словообразовательных и лексических феноменов, например, субстантивация $\text{Pron}_{\text{poss}}$ и $\text{Attr}_{\text{poss}}$ при обозначении супружеских (и других родственных) отношений, ср. чеш. *svoji* 'супруги', 'свои', т.е. 'принадлежащие друг другу', 'взаимно связанные в единое целое'; ср. также русск. *свои, свой* 'относящийся к тому же социуму, племени, связанный взаимной неотчуждаемой принадлежностью с остальными в единое функциональное целое', а также просторечные формы *мой, твоя* при обозначении супругов; аналогичное происхождение имеют и продуктивные до настоящего времени польские лексико-словообразовательные модели — субстантивированные $\text{Attr}_{\text{poss}}$ типа польск. *synowa* 'жена сына, невестка', *dyrektorowa* 'жена директора'; многие славянские фамилии, возникшие как названия членов семьи по их неотчуждаемой принадлежности главе семьи: русск. *Петров, Фомин*, чеш. *Janků > Jankův* ('чей?'; $\text{Attr}_{\text{poss}}$); русск. *Живаго* ('кого?'='чей?'; Gen_{poss}); словообразовательные модели женских фамилий, образованных от мужских: польск. *Falczak — Falczakowa*, чеш. *Čapek — Čapková, Ivanov — Ivanovová*; двойные possessивные образования типа русск. *Фоминых* ('чьих?'; $\text{Attr}_{\text{poss}} + \text{Gen}_{\text{poss}}$); такие словообразовательные модели — одно из свидетельств большей архаичности $\text{Attr}_{\text{poss}}$ по сравнению с Gen_{poss} , как нерасторжимое целое представлены супружеские пары в польских словообразовательных моделях типа *synostwo* 'сын с женой', *wujostwo* 'дядя с женой' и т.п., а также в русской лексеме *половина*, служащей для обозначения любого из супругов; при этом другой из супругов рассматривается как единое целое, как единство двух людей ('он — ее половина'/ 'она — его половина'). Близкий к такому пониманию образ человеческих отношений (он и она — правая и левая половины одного тела-единства) встречаем у Цветаевой в стихотворении из цикла "Плащ":

Как правая и левая рука
Твоя душа моей душе близка.
Мы смежены блаженно и тепло,
Как правое и левое крыло.
Но вихрь встает — и бездна пролегла
От правого — до левого крыла!

Как показывают языковые данные (в частности, рефлексивные конструкции, задачей которых является отождествление двух актантов), границы Я могут проходить не только за пределами тела, но и внутри его, ср. в этой связи соотношения между Я, телом и Я' в рефлексивных конструкциях (где Я — агенс, а Я' — некоторый другой актант, обозначаемый, как правило, возвратным местоимением): а) Я и Я' тождественны: польск. *Nigdy nie mówię o sobie*; б) Я' отождествляется с телом: словц. *zazriet' nad sebou, hľadiet' pred seba*, польск. *mieć na sobie (jakiś ubranie), rozmawiać z kimś stojącym za sobą*; в) границы Я' уже пространственных границ тела: русск. *поджать под себя ноги* (ср. польск. *pies bierze ogon pod siebie*), ср. также аналогичное соотношение между Я и телом в некоторых нерелексивных конструкциях: польск. *nogi ugięły się pod mną*, чеш. *jde na dlouhých nohách*; г) часть тела противопоставляется Я', тождественному Я: чеш. *vložit na sebe ruku*; д) Я' отождествляется с душой, противопоставленной телу: словц. *Strkol k sebe mikrofón a ako bez seba kričal*.

2. Отношение между человеком и ближайшими к нему абстрактными сущностями, "расположенными внутри" тела: душой ("нутром"), совестью, разумом, сознанием, памятью; "психическими константами": мыслями, чувствами, убеждениями, настроением (каждой из таких неотчуждаемых констант, являющихся принадлежностью любого человека, человека вообще, соответствует свой набор отчуждаемых переменных, относящихся к конкретному индивидууму, его конкретному психическому состоянию: конкретным мыслям, чувствам и т.п.); константами, относящимися к деятельности частей тела и внутренних органов: голосом, походкой, зрением, слухом; здоровьем, аппетитом, артериальным давлением; константами, связанными с интеллектуальной деятельностью человека: речью, почерком; физическими константами, характеризующими тело человека и его части с точки зрения физических показателей: размерами (ростом, толщиной), весом, внешним видом (наружностью, чертами, образом, фигурой, тенью); временными константами: жизнью (судьбой, долей), молодостью, старостью, прошлым, будущим², возрастом ("годами");

² При этом проблематично отнесение к временным константам настоящего, ср. *я вспоминаю (свое) прошлое, думаю о (своем) будущем, но: живу (*своим) настоящим*, что связано, по-видимому, с тем, что точкой отсчета является настоящее время, общее для коммуникантов; прошлое и будущее более индивидуально, что объясняется пространственными, экзистенциальными и другими причинами, определяющими человеческое существование. К временным константам следует отнести также время, при этом *наше время* ("коллективный Ps") может означать прошедшее, настоящее и будущее, а *мое, его время* — только прошедшее или будущее (поскольку настоящее время является общим для коммуникантов).

неотчуждаемыми социальными константами: именем, происхождением, профессией, правами и обязанностями, а также рядом социальных констант, объединяющих людей в этнические и социальные группы: верой, языком, обычаями и т.п.; пространственными константами: местом (местоположением в пространстве), а также (в некоторых языках) отношение между лицом и ближайшим окружающим его пространством, ср. польск. *po jej prawej (lewej) stronie*.

3. Отношение лица к ближайшим предметам, в первую очередь, к одежде, которая может трактоваться: а) как абстрактная сущность (концепт, "константа") и в этом случае осознаваться как неотчуждаемая принадлежность по функции: "одежда — то, что одевает"; б) как "продолжение" тела, его неотчуждаемая часть (такой тип отношения реализуется в динамике, ср. русск. *схватить кого-либо за руку — за рукав*); в) как предмет собственности, т.е. как отчуждаемый объект, способный к смене possessоров; отношение лица к локусу обитания, который может (в случае индивидуального обладания) рассматриваться и как локус, и как собственность; в первом случае возможно "слияние" possessора с его локусом, который осознается как его "продолжение", ср.: *Он пришел ко мне <в комнату, домой>* [заметим, что наименование локуса может в этом случае элиминироваться, поскольку отношение possessор—локус заключено в самом глагольном словосочетании, ср.: *Он пришел ко мне 'вошел в мой локус' / Он подошел ко мне 'приблизился'*]; язык дифференцирует понятие локуса для единичного и множественного possessоров; так, наименования различных территориальных единиц обычно соотносятся с множественным possessором [в сочетаниях с единичным possessором типа *моя страна, моя республика* притяжательное местоимение приобретает дополнительную актуализацию, подчеркивающую наличие не только территориальной, но и некоторой функциональной связи с possessором (ср. *мой труд вливается в труд моей республики*]; что касается локуса-жилища, то жилище как абстракция (константа) осознается как объект неотчуждаемой принадлежности, отношение же к конкретному жилищу (переменной) может трактоваться как отношение неотчуждаемости только в том случае, если possessор представлен в полном объеме, при "частичном владении" такое значение невозможно, ср. *мой дом* (индивидуальный) — *мне отремонтировали дом*, но: *мой дом* (коммунальный) — **мне отремонтировали дом* (возможно только: *нам отремонтировали дом*). Кроме одежды и локуса обитания, можно назвать также еще ряд предметов, "ближайших" к лицу (набор соответствующих концептов — констант — в значительной степени определяется социальными условиями); к таким предметам относится домашняя утварь, в архаичных социумах — орудия труда и оружие, в цивилизованном обществе — документы, удостоверяющие личность (паспорт, визитная карточка и т.п.), а также наиболее необходимые современному человеку предметы личного обихода.

4. Родственные и некоторые другие отношения лица — "обладателя" к лицу — "обладаемому"; характер отношения однозначно определяется релятивной семантикой имени "обладаемого": сочетания

его отец, дочь, брат, друг, сосед обозначают некоторое лицо-обладанное через его отношение к лицу-обладателю; вне соотношения с обладателем такие имена употребляются редко и обозначают статус: она стала матерью, на родительское собрание пришли одни бабушки и т.п. При этом одушевленные имена релятивной семантики могут образовывать симметричные и конверсивные пары ([Вольф 1973] ср. брат—брат, друг—друг, сосед—сосед, ровесник—ровесник и отец—сын, свекор—невестка). Родственные отношения могут осознаваться языковым и человеческим менталитетом и как отношения часть—целое (см. выше), а также как отношения собственности (принадлежности и обладания), нашедшие свое отражение в семантике глаголов типа *обладать*, *взять (в жены)*; *принадлежать*, *отдавать*—ср. др.-русск. ПОУАТИ ЖЕНЪ, польск. *pojąć za żonę* и т.п.

Выше мы пытались перечислить типы отношений, свойственных не только отдельному лицу, но и человеку вообще, присущие каждому человеку обязательно или с большой степенью вероятности. Семантика словосочетания $\text{Pron}_{\text{poss}} - R$ (*его рука, его душа, его молодость, его одежда, его дом, его сын*) полностью адекватна смыслу самого словосочетания, для ее установления не требуется обращение к контексту или ситуации. Семантика входящего в словосочетание $\text{Pron}_{\text{poss}}$ определяется в первую очередь семантикой R и включает в себя два основных компонента: отношение **вхождения** ($R \in Ps$) и предикацию **включения** ($Ps \ni R$), что соответствует двум вышеназванным аспектам категории посессивности; например, из высказывания *Его машина стоит у подъезда* мы узнаем на основании словосочетания *его машина* не только о том, что машина — его, принадлежит ему ($R \in Ps$), но также и о том, что он имеет машину ($Ps \ni R$): [*У него есть машина* ($Ps \ni R$).] *Его машина* [*машина, которая принадлежит ему* ($R \in Ps$)] *стоит у подъезда*.

С точки зрения предикации включения неотчуждаемость может быть абсолютная и относительная. Отношения **абсолютной неотчуждаемости** осознаются языковым менталитетом как обязательные для любого конкретного Ps , поэтому при именах абсолютно неотчуждаемых R предикация включения в семантике $\text{Pron}_{\text{poss}}$ отсутствует, ср.:

- а) [**У него есть глаза.*] *Его глаза устремлены вдаль.*
- б) [**У него есть рост.*] *Его рост 180 см.*
- в) [**Он испытывает чувства.*] *Свои чувства он скрывает ото всех.*
- г) [**Он носит одежду.*] *Его одежда всегда безукоризненна.*
- д) [**Я жил во время.*] *В мое время детей воспитывали строже.*
- е) [**Он живет в стране.*] *Он рассказывал нам о своей стране.*

К абсолютно неотчуждаемым объектам одушевленного Ps (лица) относятся части тела (кроме отрастающих частей), перечисленные в п. 2 абстрактные сущности, одежда, жилище, предметы личного обихода (вне их конкретного воплощения), некоторые территориальные единицы наиболее общего характера.

В сочетании с относительно неотчуждаемыми именами $\text{Pron}_{\text{poss}}$ содержит предикацию включения, поскольку отношения между соответствующими концептами в картине мира являются лишь весьма

вероятными, но не необходимыми, ср.:

а) [У него есть сын.] *Его сын вчера звонил нам.*

б) [У него есть усы. (Он носит усы).] *Его усы делают его похожим на гусара.*

в) [У меня есть платье. (Я ношу платье.)] *Мое платье уже вышло из моды.*

г) [Он живет в городе.] *Он много рассказывал нам о своем городе.*

К относительно неотчуждаемым объектам относятся отрастающие части тела (усы, борода, бакенбарды и т.п.), лица, состоящие с Ps в отношении родства, а также его друзья и соседи, одежда, жилище, предметы личного обихода (в более узком понимании, однако далеко от детализации): в современном обществе — костюм (для мужчин), платье (для женщин); дом, основные разновидности домашней утвари и предметов личного обихода, а также населенные пункты (например, *город, село, аул* — в отличие от *страна, государство*, ср. *Он живет в городе*, но: **Он живет в стране*).

Что касается отношения вхождения ($R \in Ps$), то оно может быть двух видов: а) если имя R содержит релятивные семы, то характер вхождения либо соответствует семантике имени (для имен релятивной семантики, ср. *его мать, его друг*), либо полностью ею определяется (для имен, содержащих релятивные семы в качестве дополнительных, ср. *его рука*), поэтому вряд ли возможна трансформация: *его отец* ← **отец, которого он имеет* [ср. Вольф 1973], *его душа* ← **душа, которую он имеет, которая в нем заключена, его чувства* — **чувства, которые он испытывает* и т.п.; б) если имя R не содержит релятивных сем, то характер вхождения соответствует либо собственно принадлежности, либо принадлежности по функции, ср.: *его одежда* — ‘одежда, которая ему принадлежит’ и ‘которую он носит’, причем, с точки зрения отношения включения, как собственно принадлежность, так и принадлежность по функции может быть как неотчуждаемая, так и отчуждаемая, ср.: **у него есть одежда* (неотчуждаемая собственно принадлежность), **он носит одежду*, **человек в одежде* (неотчуждаемая принадлежность по функции) / *у нее есть джинсы* (отчуждаемая собственно принадлежность), *она носит джинсы, девочка в джинсах* (отчуждаемая принадлежность по функции). Такая возможность варьирования связана с тем, что соответствующие объекты обладания (предметы и абстрактные сущности) способны существовать и вне человека (ср. одежда, утварь, предметы личного обихода, а также пространство и время), хотя для человека они являются неотчуждаемыми.

Притяжательное местоимение соотносит названный объект обладания либо с одним из участников коммуникации (местоимения первого и второго лица), либо с лицом, упомянутым ранее или находящимся в поле зрения участников коммуникации (местоимения третьего лица); принадлежность третьему лицу может быть выражена и именем possessора в родительном падеже (родительный принадлежности Gen_{poss}; в языках аналитического строя этому способу соответствует предложная конструкция) или образованным от этого имени притяжательным прилагательным Attr_{poss}. При этом

в каждом языке один из способов является доминирующим (ср., например, польск. *życie Piotra*, чеш. *Petrův život*). Однако во всех случаях употребление притяжательного прилагательного ограничено в формальном (см. об этом в гл. III) и в семантическом отношении. Обязательным семантическим условием употребления притяжательного прилагательного является принадлежность одному конкретному лицу; если имеется в виду принадлежность группе или классу лиц, то такое отношение может быть выражено только родительным принадлежностью или относительным прилагательным, обозначающим свойство объекта через его принадлежность определенному классу, ср. чеш. *Petrův hlas / hlas člověka, člověčí hlas*, русск. *сестрина комната / комната сестер, Петина жизнь / жизнь человека, человеческая жизнь*). Такое ограниченное употребление притяжательного прилагательного является следствием экспансии родительного падежа, вытесняющего притяжательное прилагательное, сужающего сферу его употребления. Следует отметить, что притяжательное прилагательное, являясь, наравне с притяжательным местоимением, категориальным средством выражения принадлежности, не может выражать иных отношений между объектами. Сфера употребления приименного родительного шире, чем у притяжательного местоимения, и распространяется далеко за пределы собственно посессивных отношений. Ограничения в употреблении Gen_{poss} касаются объектов коллективной принадлежности (в частности, пространственно-временных) в их соотношении с единичным посессором, ср. *город, в котором живет Иван — его город — *город Ивана; время, в котором живет Иван — его время — *время Ивана*³; *завод, на котором работает Иван — его завод — *завод Ивана* (заметим, что такого рода семантических ограничений не существует для притяжательного прилагательного, ср.: *Танин город, Танино время, Танин завод*).

Отношение принадлежности, "вхождения" ($R \in Ps$), помимо местоименных и именных словосочетаний, может быть выражено также предикативными конструкциями двоякого рода: а) конструкцией, в которой роль предиката выполняет притяжательное местоимение, употребляемое автономно: *эта рука — моя, этот город — мой*; б) конструкциями с глаголами, выражающими принадлежность (собственно принадлежность или принадлежность по функции): *эта одежда принадлежит мне, эту одежду ношу я*.

Отношение включения ($Ps \ni R$) также располагает определенным набором средств для своего выражения, среди которых конструкции обладания представляют наибольший интерес для раскрытия концептуальных связей между Ps и его абсолютно и относительно неотчуждаемыми R .

³Словосочетание типа *время Ивана* становится возможным, если оно обозначает функциональную связь (принадлежность по функции), поскольку в этом случае речь идет уже о единичном, а не о коллективном обладании, ср. *время (времена, эпоха) Петра*, а также *петровская эпоха* (относительное прилагательное также отражает функциональную связь: 'эпоха, формировавшаяся под влиянием Петра').

Поскольку конструкции обладания служат в языке для сообщения о наличии у Ps некоторого R, то в чистом виде (без дополнительных компонентов) они возможны лишь с относительно неотчуждаемыми именами, ср. польск. *Piotr ma ojca, wąsy, brodę* / (?) *Piotr ma rękę, głowę* / **Piotr ma wzrost*.

Для абсолютно неотчуждаемых имен конструкции обладания возможны лишь в следующих случаях.

а) В общих высказываниях типа польск. *każdy człowiek ma dwie ręce, jedną głowę, i jedną śmierć*, чеш. *pavouk má osm noh*.

Подобные высказывания имеют семантическую модель $\forall X \ni R$, для которой может быть предложена следующая "семантическая репрезентация"⁴ \downarrow 'Любое живое существо класса X имеет часть тела R'.

б) В общих высказываниях с отрицанием, слов. *Je pravda, že vesmírny tvor nemá presne ruku, ale akési choboty* (JT—247). Космическое чудовище воспринимается здесь как представитель класса неземных существ, общим свойством которых является отсутствие рук и наличие хоботов.

Семантическая модель: $\forall Y \ni R \& \forall Y \ni R'$ (семантическая репрезентация: 'Все живые существа класса Y не имеют части тела R, а имеют часть тела R'').

Существенно, что в общих высказываниях, где имя possessора употреблено в генерализованном значении, в русском языке предпочтителен, а иногда обязателен глагол 'иметь', в отличие от частных высказываний о конкретном possessоре, где обязательной является конструкция с у-локализатором, ср. *Космическое чудовище не имело рук, а какие-то хоботы / У нашего Пети не руки, а какие-то хоботы*.

в) В частных высказываниях с отрицанием: польск. *Piotr nie ma jednej ręki (stracił podczas wojny)*. Отрицательное высказывание информативно, поскольку названный представитель класса живых существ сопоставлен (на глубинном уровне) с некоторым эталонным представителем данного класса (концептом).

Семантическая модель: $\exists X^d (X^d \ni R) \& X^c \ni R$ (семантическая репрезентация: 'Некоторый представитель класса X не имеет части тела R, при этом часть тела R мыслится обязательной для класса X'), где X^d — некоторый конкретный представитель класса X (денотат), X^c — эталонный, абстрактный представитель класса (концепт).

г) В конструкциях с атрибутом при имени R, однако такие конструкции не могут быть названы конструкциями обладания в полном смысле слова, поскольку они содержат информацию лишь о признаке R, принадлежащего данному Ps, или о некотором его состоянии.

⁴ Понятия "семантической репрезентации", а также "прямого телесного" и "рутинного" действия (см. след. раздел) заимствованы нами из статьи А. Вежбицкой [Вежбицка 1979, 313—383].

Синтаксические модели конструкций с атрибутом могут быть трех видов:

1) $Ps_{Subj} - V - (Attr - R)_{Obj.dir.}$ В таких конструкциях чаще сообщается о каком-либо постоянном признаке R, например, слов. ... *majú dlhé mihalnice a rovné obočie, silné ramená a pružné pohyby* (JT—163).

В русском языке используются синтаксические модели с у-локализатором: $Ps_{Loc} - (V) - (Attr - R)_{Nom.}$ где Ps_{Loc} — группа 'предлог у+имя possessора в род. п.' (связка 'быть' в настоящем времени опускается), ср. русск. *А ведь у Андреаса красивое мягкое лицо* / чеш. *Vlasně i ten Andres má pěknou a měkkou tvář* (KČ—93). Если атрибут в 'иметь'-языках имеет предикативное значение, то в русском языке ему соответствуют различные глагольные конструкции с глаголами действия или состояния, ср.: чеш. ... *pořád má Andres tak sevřené čelisti* (KČ—40) / русск. ... *по-прежнему крепко стиснуты челюсти Андреаса* (KЧ—315).

2) $Ps_{Subj} - V - (R - Attr)_{Obj.dir.}$: польск. ... *ten olbrzym miał twarz łagodną i dobrotliwą* (SW—139); чеш. *Teprve pět neděl, a už mám ty pracky křivé a ztuhlé, že ani prsty nenarovná* (KČ—11).

3) $R_{Obj.dir} - V - Attr$; личное местоимение, обозначающее possessора, в таких конструкциях обычно опускается: чеш. *Krk měla dlouhý jako svícen* (JS—79); слов. *Oči mala plné slz* (JT—51).

Синтаксические модели 1-го типа служат для выражения сообщения о Ps. Семантическая модель: $X: \{ X \ni [M \in (R \in X)] \}$ (семантическая репрезентация: 'X характеризуется признаком M принадлежащего ему неотчуждаемого объекта обладания R'). Синтаксические модели 1-го типа могут быть трансформированы в прилагательные, имеющие ту же семантическую модель (т.е. содержащие ту же предикацию) и характеризующие Ps по признаку его R, причем этот признак может рассматриваться как признак самого Ps: чеш. *Má šedivé vlasy—šedovlasý—šedý*; русск. *У него седые волосы—седоволосый—седой; У него косые глаза—косоглазый—косой* (ср. также глаголы типа чеш. *oždivět*, русск. *поседеть, окосеть, хромать* и т.п.).

Модели 2-го типа близки по семантике к моделям 1-го типа и отличаются от последних главным образом в формальном отношении, а именно протяженностью и сложностью атрибута при имени R, ср. слов. ... *má dlhé mihalnice a očicelkom čisté a nevinné* (JT—163), где в одном предложении представлены модели 1-го и 2-го типов. Постпозиция атрибута обязательна и в сравнительных оборотах, ср. чеш. ... *máte oči jako někdo, koho jsem milovala* (KČ—23).

Модели 3-го типа, напротив, служат для сообщения о R, и при этом все сообщение рассматривается как имеющее отношение к Ps. Семантическая модель: $X: \{ (R \in X) \ni M \}$ (семантическая репрезентация: 'Неотчуждаемый объект R, принадлежащий X-у, имеет признак M, что является характерной особенностью X-а').

Для сообщения о признаке R могут быть использованы не только конструкции обладания, но и бытийные конструкции, в которых

признак R не рассматривается как имеющий отношение к Ps. Так, если имя R, являющееся темой сообщения, актуализировано атрибутом, лишаящим R универсальности, а следовательно, и неотчуждаемости, то конструкция обладания становится невозможной, ср. словц. **Veľké zelené oči mala plné slz*, русск. **Большие зеленые глаза у нее были полны слез*. Наличие "отчуждающего" атрибута обуславливает необходимость $\text{Pron}_{\text{poss}}$, восстанавливающего посессивные связи, и оформление всей конструкции по бытийному типу: *Jej veľké zelené oči sú plné slz*.

Бытийные конструкции предпочтительны при сравнении, особенно в словацком: *Jego ruku boli ako krieda*, а также при генерализованном употреблении имен Ps и R (т.е. если темой сообщения является концепт, а не денотат), ср. польск. *Głowa kota domowego jest okrągła, kształtna, o silnie rozwiniętych szczękach, przystosowanych do chwytania zdobyczy* /русск. *Голова (у) домашнего кота — круглая, правильной формы, с хорошо развитыми скулами, приспособленными для хватания добычи; если бы указанный признак являлся особенностью конкретного денотата, то в 'иметь'-языках использовалась бы 1-я или 2-я модель, а в русском — модель с у-локализатором, ср.: *Mój kotek ma okrągłą, kształtną głowę ...* /русск. *Голова у моего кота (*голова моего кота) круглая, правильной формы...**

Семантическая модель: $(R \in X) \exists M$ (семантическая репрезентация: 'R, принадлежащий X-у, имеет признак M').

Можно предположить, что бытийные конструкции 'иметь'-языков и русские бытийные конструкции без у-локализатора, служащие для описания объекта обладания как самостоятельной сущности, отличаются от соответствующих конструкций с 'иметь' и русских бытийных конструкций с у-локализатором отсутствием эмпатии, что подтверждается, в частности, тем, что бытийные конструкции употребляются в 'иметь'-языках чрезвычайно редко, если Ps является одним из коммуникантов, ср. словц. *Jego ruku boli ako krieda / Mám ruku ako krieda* (**Moje ruku sú ako krieda*).

Приведенный выше анализ конструкций обладания с именами неотчуждаемых объектов позволяет высказать ряд соображений о свойствах имен абсолютно и относительно неотчуждаемых объектов в сопоставлении с именами отчуждаемых объектов. Рассмотрим ряд конструкций польского и русского языков:

(1) (?) У Петра есть волосы	(1') У Петра нет волос (рук)
(руки)	
(?) <i>Piotr ma włosy (ręce)</i>	<i>Piotr nie ma włosów (rąk)</i>
(2) У Петра есть усы	(2) У Петра нет усов
(Петр носит усы)	(Петр не носит усов)
<i>Piotr ma wąsy</i>	<i>Piotr nie ma wąsów</i>
(3) У Петра есть карандаш	(3') У Петра нет карандаша
<i>Piotr ma ołówek</i>	<i>Piotr nie ma ołwka</i>
(4) У Петра (*есть) черные	(4') *У Петра нет черных во-
волосы	лос

<i>Piotr ma czarne włosy</i>	<i>*Piotr nie ma czarnych włosów</i>
(5) У Петра (есть) черные усы	(5') (?) У Петра нет черных усов
<i>Piotr ma czarne wąsy</i>	<i>Piotr nie ma czarnych wąsów</i>
(6) У Петра есть черный карандаш	(6') У Петра нет черного карандаша
<i>Piotr ma czarny ołówek</i>	<i>Piotr nie ma czarnego ołówka</i>
(7) Волосы у него черные	
<i>Włosy ma czarne</i>	
(8) (?) Усы у него черные	
<i>(?) Wąsy ma czarne</i>	
(9) *Карандаш у него черный	
<i>*Ołówek ma czarny</i>	

По-видимому, в языковом сознании существует некий эталон (концепт) человека, животного (Ps^c), обладающий набором абсолютно неотчуждаемых элементов, в частности, абсолютно неотчуждаемых частей тела: $Ps^c \ni Rf, R\ddot{s}, \dots R_n^c$. Любое называемое лицо предполагается а priori соответствующим этому эталону. Информативным может быть лишь сообщение об отсутствии некоторого R у данного конкретного Ps (конструкции 1') и о признаке R , характерном для данного Ps (4). Таким "априорным знанием" о Ps объясняется невозможность построения конструкций типа (7) с инициальной позицией имени R , называемого впервые, при том, что построение конструкций (8) и (9) возможно только в рамках широкого контекста, из которого следует, что Ps обладает данным типом относительно неотчуждаемого или отчуждаемого R . Эти рассуждения приводят к выводу о связи категорий неотчуждаемости и определенности: неотчуждаемые объекты, присущие посессору-концепту, и, следовательно, универсальные для данного типа Ps , являются одновременно уникальными в посессивном пространстве конкретного посессора. Таким образом, посессивное пространство Ps -концепта можно представить как часть посессивного пространства конкретного Ps , наиболее близкую к "центру", "подпространство отношений неотчуждаемости", представляющее собой частный случай денотативного пространства ситуации.

Парадигматическими связями соответствующих концептов в картине мира объясняется невозможность (проблематичность) употребления абсолютно неотчуждаемых имен в частных утвердительных высказываниях без атрибута [1: У Петра есть волосы (руки), *Piotr ma włosy (rece)*] — то есть собственно в конструкциях обладания, в отличие от относительно неотчуждаемых (2: У Петра есть усы, *Piotr ma wąsy*) и отчуждаемых имен (3: У Петра есть карандаш, *Piotr ma ołówek*). По-видимому, такое употребление абсолютно неотчуждаемых имен возможно только при сильной эмфазе,

в частности, при сравнении: *У Петра еще есть (сохранились какие-то) волосы, а у Павла уже совсем не осталось; Руки у тебя есть, сам можешь все исправить.*

Само собой разумеется, что все вышеизложенное применимо к конструкциям обладания не только с именами частей тела, но и с любыми абсолютно неотчуждаемыми именами, ср. польск. *Pan Irving miał bardzo zły wzrok* /**Pan Irving miał wzrok; ... jeden taki urzędnik państwowy bardzo delikatne miał usposobienie* (**urzędnik miał usposobienie*); *Od tego czasu miał tylko jedną myśl, żeby tamtego odnaleźć* (**miał myśl*) и т.п.

Сопоставление русских и польских утвердительных атрибутивных конструкций с абсолютно неотчуждаемыми именами (4: *У Петра черные волосы, Piotr ma czarne włosy*) показывает, что глагол 'иметь' не является здесь полнозначным глаголом, как и русская нулевая связка. С точки зрения актуального членения словосочетание Attr+R здесь неоднородно: R (как и Ps) относится к теме, а ремой является только атрибут (что наглядно иллюстрируется обоими типами атрибутивных моделей, см. выше), ср. (?) *У Петра есть волосы* (рема — R) — *У Петра черные волосы* (рема — Attr). Именно этим обстоятельством объясняется невозможность отрицательных конструкций с атрибутом типа (13: **У Петра нет черных волос, *Piotr nie ma czarnych włosów*), поскольку в соответствующих отрицательных конструкциях именно рема должна отрицаться, ср.:

(?) <i>У Петра есть волосы</i>	<i>У Петра нет волос</i>
<i>У Петра черные волосы</i>	* <i>У Петра нет черных волос</i>
	<i>У Петра волосы не черные, а рыжие</i>

Однако при сильной эмфазе (актуализации с помощью определенных детерминативов, сравнении) конструкции типа (13: **У Петра нет черных волос, *Piotr nie ma czarnych włosów*) могут встречаться, но и в этом случае в них сообщается об отсутствии признака неотчуждаемого объекта обладания, а не самого объекта:

а) при сопоставлении разных посессоров путем сравнения принадлежащих им соответствующих R: чеш. *Pravda, že nemá ještě tak naběhlé žíly a uzlovité klouby jako ti ostatní* (KČ—10) 'У него вены не такие вздутые, а суставы не такие узловатые, как у остальных';

б) при сопоставлении Ps самому себе в разных временных отрезках. При этом обязательно притяжательное местоимение, указывающее на то, что сопоставляемый элемент принадлежал когда-то Ps: польск. *Hanka, mimo to, że nie miała swoich wspaniałych włosów, była chyba jedyną która wyglądała możliwie z ogoloną głową* (KŻ—23).

Если в атрибутивной конструкции с абсолютно неотчуждаемым именем предикат все же имеет значение обладания (или, соответственно, бытия), это свидетельствует о том, что такое имя в данном контексте лишено значения абсолютной неотчуждаемости, как например, в случае, когда речь идет о признаке не всей части тела,

а только ее части, ср. польские и русские конструкции:

(a) <i>Anna ma czarne włosy</i>	У Анны черные волосы
(b) <i>Anna ma siwe włosy</i>	У Анны седые волосы (все) У Анны есть седые волосы (отдельные)
(c) <i>Anna nie ma siwych włosów (ani jednego)</i>	
(d) * <i>Anna nie ma czarnych włosów</i>	*У Анны нет черных волос

Сопоставление русских и польских конструкций типа (а) и (b) показывает, что русский язык, различающий собственно бытийные и таксономические предложения [Арутюнова, Ширяев 1983, 87], дифференцирует понятие части тела, как абсолютно неотчуждаемого объекта, представляющего собой нечленимый элемент в смысле его физической и функциональной связи с лицом, и некоторой "случайной", не связанной функционально с лицом части этого объекта, не имеющей соответствующего аналога-концепта в картине мира. Польский язык, как и другие 'иметь'-языки (ср. чеш. *má šedivé vlasy*, словц. *má sivé vlasy* 'у него седые волосы' / 'У него есть седые волосы'), не располагает средствами для такой дифференциации.

Невозможность конструкций типа (d) показывает, что русские и польские конструкции типа (c) имеют только один смысл: 'среди волос Анны нет седых'.

Полностью исключена возможность конструкций обладания без атрибута (как утвердительных, так и отрицательных) для имен, обозначающих физические константы (размеры, вес и т.п.), ср. **Piotr ma wzrost*, *У Петра есть рост / **Piotr nie ma wzrostu*, *У Петра нет роста, что свидетельствует о том, что физические параметры наиболее неотчуждаемы из всех неотчуждаемых объектов.

Конструкции с отчуждаемыми именами (*Piotr ma ołówek*, *Piotr ma czarny ołówek*, *Piotr nie ma ołówka*, *Piotr nie ma czarnego ołówka*) являются конструкциями обладания в полном смысле слова (семантическая модель: $X:\{(X \supset R) \& \neg \forall X \ni R\}$; глагол 'иметь' выступает здесь как полнозначный, как и русский глагол *быть*, обозначающий существование R (например, карандаша, черного карандаша) в пространстве Ps [Селиверстова, 1982].

Конструкции с относительно неотчуждаемыми именами занимают промежуточное положение между конструкциями с абсолютно неотчуждаемыми и отчуждаемыми именами. С одной стороны, они содержат сообщение о наличии R, обязательность которого для данного Ps не предполагается концептуальными связями. Это свойство отражается в утвердительных и отрицательных конструкциях без атрибута, аналогичных конструкциям с отчуждаемыми именами (ср. *Piotr ma wąsy* / *Piotr ma ołówek*, *Piotr nie ma wąsów* / *Piotr nie ma ołówka*). С другой стороны, речь идет о части тела, наличие которой у взрослого лица мужского пола является вполне вероятным, поэтому в конструкциях с атрибутом основная релативная нагрузка падает на атрибут, и такие конструкции близки к конструкциям с абсолютно

неотчуждаемыми именами, ср.: *Piotr ma czarne wąsy* — *Piotr ma czarne włosy*/(?) *Piotr nie ma czarnych wąsów*/**Piotr nie ma czarnych włosów*. Маловероятность глагола *есть* в русской конструкции *У Петра (?есть) черные усы* свидетельствует о том, что глагол *mieć* в соответствующей польской конструкции: *Piotr ma czarne wąsy*, как и в конструкции *Piotr ma czarne włosy*, выполняет чисто связочные функции, указывая на таксономические отношения. По этой причине (отрицаться должен скорее признак, чем объект), проблематичны конструкции *У Петра нет черных усов*, *Piotr nie ma czarnych wąsów*, однако их нельзя признать полностью невозможными, ср.: — *Petr — это тот, у кого черные усы? — Нет, у него нет черных усов* (вместе с признаком отрицается и наличие части тела); такого рода контексты невозможны для абсолютно неотчуждаемых имен, ср.: — *Petr — это тот, у кого черные волосы? — *Нет, у него нет черных волос* (надо: *Нет, у него волосы не черные, а рыжие*).

Специфична семантика конструкций обладания с некоторыми именами родства; так, конструкции обладания с именами супругов и свойственников могут сообщать о статусе Ps: *У него есть жена* (= Он женат). *У него есть теща/тесть, свояченица* (= Он женат и указанные родственники его живы). Конструкции с именами свойственников могут содержать информацию о наличии у Ps взрослых детей и их семейном статусе: *У него есть невестка* [= У него есть (был) сын (брат) и этот сын (брат) женат (был женат)], *У него есть зять* [= У него есть дочь (сестра) и эта дочь (сестра) замужем (была замужем)]. Конструкции обладания с именами родства по восходящей линии содержат сообщение о том, что указанные родственники Ps живы: *У него есть отец, мать, бабушка* и т.п. (=Его отец, мать и т.д. живы). Отрицательные конструкции с именами супругов также содержат сообщение о статусе Ps: *У него нет жены* (= Он холост (вдовец), разведенный). Отрицательные конструкции с именами свойственников могут иметь двоякий смысл, ср.: *У него нет тещи (тестя)* [=а) Он не был женат, б) Он женат (был женат) и его тещи (тестя) нет в живых]. Не содержат дополнительной информации конструкции с именами детей по нисходящей линии в первом поколении и ближайшего кровного родства в одном поколении, ср.: *У него есть сын, дочь, брат, сестра* — в отличие от *У него есть внук* (= У него есть (был) сын (дочь), имеющий детей).

Конструкции обладания могут иметь и более сложную семантико-синтаксическую структуру, если они содержат сообщение об обладании некоторым неотчуждаемым R' в локусе R' (часть тела, душа) (семантическая модель: (Ps \ni R') LocR'), ср.: польск. *miał w głowie tylko jedną myśl, żeby tamtego odnaleźć*, чеш. *Každý člověk má v tváři jeden rys, který všechno překrývá*; при этом абсолютно неотчуждаемые R также невозможны без атрибута: **miał w głowie myśl*, **má v tváři rys*.

В конструкциях такого типа R' может играть роль не только "вместилища" для R', как в вышеприведенных примерах, но и роль поверхности, на которой "расположен" R', как, например, в конст-

рукциях с именами предметов одежды, служащих для сообщения о принадлежности по функции: чеш. *Na hlavě měla klobouk s tmavofialovou ozdobou...* (КЖВ—46); такие конструкции более характерны для относительно неотчуждаемых и отчуждаемых предметов одежды (поскольку предметы одежды на отдельных частях тела предполагают большую их детализацию, а следовательно, и отчуждаемость).

Принадлежность по функции одежды как неотчуждаемого объекта выражается обычно конструкциями, где одежда соотносится со всем телом, ср. польск. ... *miał na sobie czarne, obciągłe ubranie* (FK—5) (**miał na sobie ubranie*); чеш. ... *má na sobě stejně potačkané šaty, jako ti druzí* (КČ—39) (**má na sobě šaty*).

Кроме глагольных конструкций с глаголами 'иметь' и 'быть', семантические модели $Ps \ni R$ и $Ps \ni (M \in R)$ могут найти свое воплощение (для некоторых типов R) и в именных конструкциях (именных словосочетаниях), которые могут быть представлены семантико-синтаксической моделью $Ps \text{ cum } R$, где символом cum обозначен тип управления в именном словосочетании.

Беспредложные конструкции с родительным падежом имени R ($Ps - R_{\text{Gen}}$) имеют довольно ограниченное распространение. Так, в русском они возможны только с абстрактными константами: ... *ко мне вошел молодой офицер невысокого роста, с лицом смуглым и отменно некрасивым; Алексей Иванович конечно человек умный, и хорошей фамилии...*; ...*он был лет сорока, росту среднего* (Пушкин). В некоторых языках, например, в чешском языке XIX в., можно встретить такие конструкции и с именами частей тела: ... *objevil se obstarožný pán šedivých dlouhých vlasů a neobyčejně dobromyslného výrazu v tváři* (JAr—27); *Naproti důstojníku seděla štíhlá, blondoutká, černobrvá slečinka neobyčejně jemných tahů a hebkých, kadeřavých černých vlasů* (JAr—29).

Гораздо более продуктивны предложные конструкции: польск. *dziewczyna o jasnych włosach*; слвц. *chlapík s očami ocelovej farby a s výraznou, ostrou tvárou*; чеш. *žena na vysokých nohách* (конструкция с предлогом *na* служит для выражения принадлежности по функции части тела, служащей опорой для Ps), а также конструкции с именами одежды, выражающие принадлежность одежды по функции и рассматривающие одежду как "вместилище" для Ps : чеш. *holčička v bílých šatech*; польск. *górník w ubraniu roboczym*.

В именных словосочетаниях имена абсолютно неотчуждаемых R также не могут быть употреблены без атрибута: **pán vlasů a výrazu v tváři*, **slečinka tahů a vlasů*, **dziewczyna o włosach*, **chlapík s očami*, **žena na nohách*, **holčička v šatech*, **górník w ubraniu* (ср. *holčička v nohavících*, *górník z brodq*).

Основное семантическое различие между именными и глагольными конструкциями в том, что глагольные конструкции включения обычно содержат сообщение о признаке R определенного, известного Rs : слвц. *ten človečik (Def) má vyduté pery*; именные конструкции служат обычно для обозначения неизвестного лица, вводимого в речь, характеристики его по некоторому отличительному признаку: *prišiel malý človečik s vydutými perami (Indef)*. Однако сочетание имени R с

предлогом, употребленное автономно, в бытийной конструкции, служит для характеристики определенного лица: слвц. *vdovina dcera bola velmi živá, s veľkými mandľovými očami*.

Отношение включения $Ps \supset R$ может быть выражено также словообразовательным способом с помощью прилагательных соответствующей семантики; этот способ малопродуктивен и охватывает весьма ограниченный набор относительно неотчуждаемых R : *детный, (за)мужняя, женатый, усатый, бородатый* и т.п. Семантическая модель $Ps \supset (M \in R)$ может быть выражена продуктивной словообразовательной моделью, включающей имена абсолютно или относительно неотчуждаемого объекта и признака: *длиннорукий, сероглазый, прямодушный; длинноусый, белобородый* и т.п.; прилагательные, образованные от абсолютно неотчуждаемых R и не включающие имя признака, имплицитно содержат указание на некоторый отличительный признак R ; при этом одна и та же словообразовательная модель получает различную семантическую трактовку в зависимости от степени неотчуждаемости R , ср. русск. *усатый* 'имеющий усы' ($R_s \supset R$) — *носатый* 'с большим носом' [$Ps \supset (M \in R)$], чеш. *poňatý* 'с длинными ногами', ср. также *глазастый* 'с большими выразительными глазами', *рукастый* 'с умелыми руками', *голосистый* 'с сильным или красивым голосом', а также *душевный* 'с отзывчивой душой', *памятливый* 'с хорошей памятью', *совестливый, чувствительный* и т.п.

Именные и словообразовательные модели могут выражать также идею "необладания" ($Ps \bar{\supset} R$): *человек без ноги/безногий, человек без души/бездушный* и т.п. Прилагательные, образованные от имен абсолютно неотчуждаемых объектов, употребляются часто в переносном значении, обозначая "необладание" соответствующей функцией R , а не самим R , ср. *бездушный, бессердечный* 'не способный к состраданию', *безрукий* 'не умеющий выполнять ручные работы', *безмозглый* 'не способный думать' и т.п.

Обладание признаком R (чаще "отрицательным"), а также необладание R может быть выражено и лексическим способом, с помощью прилагательных, существительных и глаголов, имплицитно содержащих в своей семантике указание на соответствующую часть тела, признак которой (несовершенство выполняемой ею функции) приписывается самому Ps : прилагательные типа: *хромой* 'с поврежденной ногой', *косой* 'с косыми глазами', *слепой* 'с невидящими глазами', *глухой* 'с неслышащими ушами', *лохматый* 'с непричесанными волосами', а также: *лысый* 'без волос', голый 'без одежды', *босой* 'без обуви'; прилагательные, характеризующие животных по цвету шерсти: *гнедой, каурый* и т.п.; существительные, обозначающие Ps по цвету волос: *блондин, брюнет, шатен*; глаголы типа *хромать, косить, сидеть* и т.п.

Невозможность построения конструкций обладания (и шире — включения) в абсолютно неотчуждаемым R без указания на его признак свидетельствует о несовместимости значений неотчуждаемости и обладания, которое осознается языковым менталитетом как наличие некоторого R у представителя класса, для которого данный R необязателен: $\exists X(X \supset R) \& \forall X \bar{\supset} R$ 'существует X такой, что X имеет R , при том, что не все X имеют R '.

Приведенные рассуждения позволяют сделать заключение, что категория неотчуждаемости отражает парадигматическую связь (ПС) концептов possessора и объекта обладания в картине мира, в языковом сознании. Эта категория не имеет специального грамматического показателя в рассматриваемых языках, она функционирует как скрытая категория, невидимый механизм, который, как будет показано в разделе "Динамика possessивных отношений", играет важную роль в оформлении семантико-синтаксической структуры предложения.

Отчуждаемая принадлежность

К отчуждаемым объектам обладания следует отнести такие предметные, одушевленные и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или весьма вероятными для человека вообще. Среди них в первую очередь следует выделить такие, которые оцениваются языковым менталитетом как возможные объекты обладания для данного концепта Ps (человека), т.е. хотя и в слабой степени, но связаны с ним парадигматически, и которые в силу этого в ряде динамических ситуаций (см. раздел "Динамика possessивных отношений") могут восприниматься как неотчуждаемые ("оказиональная неотчуждаемость"), а также "собственно отчуждаемые" объекты, парадигматическая связь которых с possessором данного типа отсутствует в картине мира; они могут вступать с данным possessором в отношения "оказиональной принадлежности" ему по функции.

Отношения **оказиональной неотчужденности** одушевленного possessора включают в себя следующие разновидности отношений.

1) Отношение к некоторому конкретному неодушевленному объекту: конкретным предметам одежды и личного обихода, предметам собственности, конкретному локусу обитания (например, квартира, изба и другие разновидности жилища) и к локусу деятельности (учреждение, завод, ферма и т.п.), орудиям деятельности (различные виды машин, инструментов и т.п.), а также предметам, являющимся объектом или результатом деятельности.

2) Отношение к некоторому лицу (или животному), связанному с Ps по функции; здесь также возможны (для релятивных имен) симметричные и конверсивные пары: *сотрудник—сотрудник, соавтор—соавтор и врач—пациент, учитель—ученик, шеф—подчиненный* и т.п.; при этом иногда "доминирующий" член конверсивной пары при изолированном употреблении может не иметь релятивной семы (ср. *В совещании приняли участие врачи и учителя*), и приобретает ее только в сочетании с другим, "зависимым", членом пары: *Скоро придет мой врач, Мне звонил Петин учитель* и т.п.

3) Отношение к абстрактным сущностям: физическим, физиологическим, психическим и т.п. "переменным", соответствующим неотчуждаемым константам (см. выше): физическим состояниям (*сон, голод, болезнь* и т.п.), психическим состояниям (*радость, грусть, наслаждение, доверие, гордость, страх*); социальным "переменным" (например, *должность, звание, власть*); времени, трактуемому как собственно

принадлежность или принадлежность по функции; отношение к действиям, выполняемым Ps, событиям, в которых он принимает участие, результатам умственной деятельности; отношение к признаку.

Отношение вхождения для окказионально неотчуждаемых R может быть двух типов: отношения собственно принадлежности и отношения принадлежности по функции. При этом, как уже говорилось, некоторые R могут входить и в те, и в другие отношения; например, предмет одежды может рассматриваться и как предмет собственности, и как предмет, используемый по функции; то же можно сказать о предметах личного обихода, локусе обитания, некоторых орудиях деятельности, которые могут являться одновременно собственностью Ps, а также о физических и психических состояниях, социальных категориях и о времени. Отношения принадлежности по функции характерны для деятельности и связанных с деятельностью других типов R (локус деятельности, большинство орудий, объекты и результаты деятельности) и для большинства других типов R, перечисленных в пп. 2 и 3. В динамических ситуациях отношение вхождения перечисленных объектов в Ps может рассматриваться и как неотчуждаемая принадлежность (см. след. раздел).

Отношения собственно обладания и обладания по функции входят в виде скрытой предикации в конструкции вхождения (за исключением релятивных имен, содержащих эту предикацию в своей семантике: *мой учитель, ее пациенты* и т.п.). Ср., например, высказывание *Моя дача расположена недалеко от станции*, где словосочетание *моя дача* может содержать двоякую предикацию:

а) [*У меня есть дача.*] *Моя дача* [*дача, которая мне принадлежит*] *расположена недалеко от станции.*

б) [*Я живу на даче.*] *Моя дача* [*дача, на которой я живу*] *расположена недалеко от станции.*

Отношения собственно обладания и обладания по функции могут совмещаться (я могу жить на даче, которая мне принадлежит), но такое совмещение необязательно (я могу жить на даче, которая мне не принадлежит, и могу не жить на собственной даче), однако во всех трех случаях словосочетание *моя дача* может быть употреблено.

В конструкциях включения отношения собственно обладания и обладания по функции имеют эксплицитное выражение. Конструкции обладания с именами отчуждаемых объектов рассматривались выше в сопоставлении с именами неотчуждаемыми. Что касается конструкций, служащих для выражения "обладания" по функции, то существенной их чертой является выражение предикатом функции, которая связывает Ps и R, например, *Петр работает на токарном станке* (— *Его станок...*); *Маша сварила суп* (— *Ее суп...*); *Он испытывает радость, горе* (*радуется, горюет*) (— *Его радость, горе...*); *Он написал статью* (— *Его статья...*). Такие конструкции "включения" не могут рассматриваться как посессивные, поскольку они выражают субъектно-объектные отношения, однако они существенны для раскрытия способа "включения объекта в субъект", поскольку соответствующие собственно посессивные конструкции, конструкции вхождения (*его*

станок, его статья) трактуют такой объект как часть "пространства субъекта".

Конструкции включения, в отличие от конструкций вхождения, специфичны для различных категорий R. Так, например, для признака, помимо предикативных конструкций типа *он добр* (— *его доброта*), возможны глагольные конструкции с глаголами 'иметь', 'быть', 'располагать' и др.: *он горд, в нем есть гордость* (R "располагается" в самом Ps) — *у него есть гордость* (R "располагается" в пространстве Ps), ср. также польск. *ona nie miała wdzięków* (Sl. p. 6—226); ... *jak się okazało, dysponujesz dużą odpornością psychiczną* (P), а также конструкции, выражающие признак Ps, "расположенный" в его части тела или в другом неотчуждаемом R: чеш. *On ti má takovou šikovnost v těch krátkých ručičkách...* (KČ—157); польск. ... *grają jakieś tańce fińskie takiego kompozytora, co miał dużo aaa w nazwisku* (TB—114).

Для названий одежды характерны именные конструкции включения, выражающие "обладание по функции", ср. польск. *W drzwiach stał jakiś pan w szlafroku* (FK—110); русск. *У окна сидела старушка в телогрейке с платком на голове* (Пушкин), где соответствующие предметы одежды являются объектом обладания по функции, рассматриваемым одновременно как некоторый отличительный признак субъекта. Предмет одежды может служить классифицирующим признаком Ps, и даже использоваться для его номинации, ср. польск. *Podszedł do nas ktoś w pasiaku* (TB—105) (= więźniar), *Strzeż się, żeby ci w drogę nie wlaźła jaka spódniczka* (= kobieta) *i nie popsula życia* (Sl. p. 6—1036), чеш. ... *několik modrých bluz* (= horníků) *obrácí a zvedá ruku k čepici* (KČ—40). Как индивидуальное отличительное свойство Ps рассматривается предмет одежды в польских конструкциях с предлогом *od*; — *Panie, pan idzie po buraki? — zapytał mnie ten od utytlanych niegdyś eleganckich trzewików* (TB—157). Глагольные конструкции с именами одежды, выражающие обладание по функции, также разнообразны; помимо описанных выше, следует назвать встречающиеся также и в 'иметь'-языках конструкции с глаголом 'быть' ('быть одетым во что-либо', 'быть в чем-либо'): польск. ... *byli ubrani... w stare, długie i obwisłe odświętne surduty* (FK—45); *Nie krępowało jej to wcale, że była tylko w halce* (TK(S)—81), а также конструкции с глаголами действия, где предложное сочетание с именем одежды выполняет адвербиальную функцию: чеш. *Člověk ani neví, kam s očima, když ji vidí běhat v těch plandavých nohavicích* (KČ—14); *Vypadal nezvykle v nedělních šatech av kravatě s umělou perličkou* (VN—44).

Конструкции включения с приименным родительным возможны в первую очередь для абстрактных имен R, ср. *человек слова, человек дела* и т.п.; семантика таких конструкций, как кажется, не исчерпывается отношением включения, здесь имеет место, по-видимому, отношение взаимной принадлежности ('человек, принадлежащий своему слову, делу' и 'слово, дело, "принадлежащие" человеку").

К "собственно отчуждаемым" объектам, способным спорадически

исполнять роль "объектов обладания" одушевленного Ps, могут быть отнесены:

1) Любые предметы, если они связаны с "посессором" функционально: *Чем чаще я прихлебывал из моего стакана, тем становился отважнее* (Пушкин); *Мы постояли у ее вагона* (Гранин); польск. *Mój pociąg poszedł sobie* (ЖК—51) — такие конструкции отражают временную принадлежность по функции ('стакан, из которого я пил', 'вагон, в котором она уезжала', 'поезд, на который я торопился и опоздал'); при этом семантика отношения включения может быть раскрыта только с помощью широкого контекста. Функциональная связь может быть и постоянной: *Я дождался своей электрички и уехал* (т.е. 'той электрички, на которой я обычно езжу'). При этом одни и те же объекты внешнего мира могут восприниматься и как окказионально неотчуждаемые (например, собственно принадлежность), и как отчуждаемые ("окказиональная принадлежность") в зависимости от ситуации (стакан как собственность и как принадлежность по функции) и от типа посессора, ср. у Зошенко: *Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа* (чеш. *Kočka Polnička se dlouho dívala se své skříně...*), где притяжательное местоимение указывает на окказиональную принадлежность по функции, которая выясняется из предтекста ('кошка залезла на шкаф'), при том что для посессора-лица шкаф может быть предметом собственности (*Я положила вещи в свой шкаф*) и играть роль окказионально неотчуждаемого объекта (*Мне починили шкаф*).

2) Лица, имена которых не имеют релятивных сем; в частности лица, названные по своей профессии, национальной принадлежности, имени и т.п.: *Я возьму такси или договорюсь тут с одним нашим шофером* (Зошенко); *A jednak właśnie na migi, a jeszcze częściej całkiem po warszawsku dogadał się <General Walter> ze swymi Chińczykami* (ЖВ—34) (*наш шофер* — 'шофер, который у нас работает', *его китайцы* — 'китайские солдаты и офицеры, служащие под его началом'); специфическую разновидность принадлежности по функции представляют лица (или животные), о которых идет речь в тексте, по отношению к автору текста: *"Молчи, дядя — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки..."* (Пушкин); *Несколько жизней... уместилось между той девчонкой моих лейтенантов и этой женщиной, которая зачем-то ехала ко мне с их письмами* (Гранин); *Конечно, наш старик оробел сразу* (Зошенко; чеш. *Náš stařík se ovšem zalekl*); польск. *Pod antonówkowym szczerem stał s'urpka mój szarak* (ТН—87). К собственно отчуждаемым объектам могут быть отнесены также лица, обозначенные именем деятеля и совершающие некоторую акцию по отношению к Ps, ср.: *Правда, что он <Шумахер> всегда был высоких наук, а следовательно, и мой ненавистник и всех профессоров гонитель...* (Ломоносов).

Объектом отчуждаемой принадлежности может быть также социум, к которому относится Ps: польск. *... nie udało nam się wpaść na to, by ktokolwiek z naszego personelu mógł być włączony w sprawę napadu* (КК—171); *Mój transport także poszedł w grudniu*,

styczniu (KŽ—133); характерно, что при этом возможно притяжательное местоимение как единственного, так и множественного числа; местоимение единственного числа указывает на более тесную функциональную связь между Ps и социумом, как, например, в случае, если Ps находится в доминирующем по отношению к социуму положении (начальник, шеф, командир); [связь Ps с R может рассматриваться при этом как окказиональная неотчуждаемость]: польск. ... *delegacja przyszła podziękować Generałowi Walterowi i tej jego międzynarodowej brygadzie za bohaterką obronę hiszpańskiej stolicy* (JB—59); *Pułkownik poprawia sobie okulary i epolety, uszczęśliwiony tą pierwszą paradą swojego pułku* (Sl. p. 6—1019).

3) Абстрактные сущности, функциональная связь с которыми данного Ps может быть определена только из предтекста: чеш. *Bez tohohle žerného uhří by byl konec s celou vaší nádhernou civilizací* (KČ—10); *Ted' tady sedíš se svou geometrií* (KČ—7); ... *kde by bez nás byl váš průmysl*; польск. *Pytam, czy to już wszystko z tym twoim uniwersytetem* (JK—69), а также имена действия, пациенсом которых является Ps, ср. у Пушкина: *Слух о моем аресте поразил все мое семейство; Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости; Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала; Я приближался к месту моего назначения; В эту минуту не могу сказать, чтобы я обрадовался своему избавлению* ("Капитанская дочка").

Характерно, что семантика большинства имен собственно отчуждаемых объектов (за исключением имен действия и имен деятеля) не содержит релятивных сем, иными словами, языковой менталитет не предполагает возможности включения таких объектов в пространство некоторого Ps-концепта: $R^c \notin Ps^c$. При этом для собственно отчуждаемых объектов отсутствует и обратная импликация: $Ps^c \nexists R^c$ (Ps^c не включает R^c). Что касается собственно или окказионально неотчуждаемых объектов, имена которых также не содержат релятивных сем, то с той или иной степенью вероятности предполагается, что данный Ps^c "включает в свое пространство" некоторый собственно или окказионально неотчуждаемый объект $R^c: Ps^c \ni R^c$, ср. автономное и "посессивно связанное" употребление имен, не содержащих релятивных сем:

Автономное употребление

Дети играют во дворе
В магазине продаются холодильники

Неавтономное употребление

Ее дети уже ходят в школу
Мой холодильник нуждается в ремонте

Несмотря на отсутствие в этих именах релятивных сем, характер посессивной связи между Ps и R (в данном случае — отношения родства и отношения собственности) однозначно определяется в пределах словосочетания и может быть изменен только под влиянием контекста, ср.: *Премией была отмечена работа воспитательницы детского сада N 3 Петровой. Ее дети всегда жизнерадостны, охотно посещают детский сад; Инженер Семенов продемонстрировал преимущества сконструированного им холодильника новой марки.*

Его холодильник отличается удобством, вместительностью, потребляет мало энергии.

"Потенциальная релятивность" такого рода имен связана с их семантикой (дети обычно имеют родителей, холодильник предназначен для того, чтобы кто-то хранил в нем продукты, одежда — для того, чтобы кто-то ее носил, дом — для того, чтобы кто-то в нем жил, и хотя существуют дети, потерявшие родителей, холодильники и костюмы, так и не нашедшие своего покупателя, дома, в которых размещаются учреждения, однако словосочетания *его дом*, *его дети*, *его портфель* или *его костюм* имеют для нас вполне определенный смысл, не требующий для своего раскрытия обращения к широкому контексту, — в отличие от таких словосочетаний, как *его китайцы*, *его логарифмы*, *его день* и т.п., семантика которых может быть выяснена только из предтекста).

Таким образом, неотчуждаемость и релятивность характеризуют объекты внешнего мира с точки зрения потенциально присущих им "центростремительных" (релятивность) и "центробежных" (неотчуждаемость) свойств по отношению к данному Ps^c , комбинация которых определяет степень и характер ПС между данными Ps^c и R^c , а также способы языкового выражения посессивных отношений между конкретными Ps и R .

СТАТИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕОДУШЕВЛЕННОГО ПОСЕССОРА

Структуры посессивных отношений неодушевленного посессора (предметного и абстрактного) представляют собой в той или иной степени "редуцированное" отражение структуры посессивных отношений одушевленного посессора, однако им свойственны также и специфические черты, связанные с особенностями предметных и абстрактных сущностей, осознаваемыми языковым менталитетом.

Неотчуждаемыми объектами **посессора-предмета** являются:

1) Его части, при этом по сравнению с пространством одушевленного посессора, включающим всего несколько относительно неотчуждаемых частей (борода, усы и т.п.), количество относительно неотчуждаемых частей предметного посессора (особенно рукотворного) может быть практически безграничным.

Человек осваивал и создавал мир "по своему образу и подобию", чем объясняется тот очевидный факт, что имена частей предметов (как нерукотворных, так и рукотворных) восходят к названиям частей тела, ср.: *глава (горы)*, *подножье (холма)*, *устье (реки)* и т.п. [Топоров 1986, 160], а также названия деталей машин и других рукотворных предметов: русск. *ножка*, *ручка*, *головка*, *глазок*, *палец*, *нос*, *носик*, *зубья*, *зубцы*, *колесо*, *плечо*, *ушко*, *язычок*, *горлышко*, ср. также чеш. *ručička barometru*, *ručku měřidla*, *ruka návěšidla*, *ucho u nádoby*, *nohu u stolu* — и образуются часто с использованием деминутивных суффиксов, указывающих на вторичную, вспомогательную, "подчиненную" роль машины по отношению к человеку; встречаются и наименования деталей по той части тела человека, которая соприкасается с ними

в процессе работы, ср. *подножка, рукоятка, грудница (ткацкого станка)* и т.п.

Поссесивные отношения охватывают не все части предмета, а лишь наиболее существенные, функционально с ним связанные (как бы "непосредственно составляющие"), а также части пространства, занимаемого предметом (верх—низ, внутреннее пространство—поверхность—ближайшее внешнее пространство), ср. *Мы постояли у вагона. Зеленые его стены, раскаленные за день источали тепло* (Гранин); польск. *Boli głowa, boli tam w jej wnętrzu...* (ЖК—23).

Конструкции вхождения для имен частей предметов включают в себя, помимо словосочетаний с Prop_{poss}, именные словосочетания с Gen_{poss}, а также предложные словосочетания: чеш. *větvě stromů a kerů, noha stolu / noha u stolu, límec od košile*; словц. *noha kresla, rúčka aktovky, kľučka na dverách*; польск. *nóżka cyrkla, noga czcionki; drzwi od szafy, dziura od klucza, szuflada od stolika; palce u nóg, wstążka u szpesci*. Предлог *od* характеризует большую факультативность (относительную неотчуждаемость или отчуждаемость) части предмета и ее большую способность к отделению; в русском предлог *от* употребляется только в сочетании с именами отделенных, отчужденных частей, ср. *воротник рубашки — воротник от рубашки, ножка стола — ножка от стола* [заметим, что такая дифференциация отсутствует для имен частей тела человека или животного, которые и в отчужденном состоянии сохраняют свою "принадлежность" посессору, ср. *При раскопках был найден клык мамонта (*клык от мамонта)*]. Что касается Attr_{poss}, то с именами частей предметов они обычно не употребляются; сохранившиеся до настоящего времени реликты типа польск. *nogi stołowe*, словц. *stolové nohy* свидетельствуют, по-видимому, о большей древности категории поссесивности по сравнению с категорией одушевленности.

Конструкции включения характеризуются большим синтаксическим и семантическим сходством с соответствующими конструкциями с частями тела, ср.: польск. *Z flegerni, która ma białe, takie trochę niemiejskie ściany, ... widać było drogę wolnościową* (ТВ—102) (**flegernia ma ściany*); соответствующие именные конструкции включения также требуют атрибута при имени абсолютно неотчуждаемого R, ср. польск. *kanapa z powyginanymi nogami (*kanapa z nogami), buciki o długich nosach (*buciki o nosach)*, а также *stół na krzyżowch nogach (*stół na nogach)*, ср. необязательность атрибута при именах "отчуждаемых" частей предметов в тех же конструкциях: польск. *redingot z kłapkami, zegar z kukulką*, русск. *стол с тумбой*, в отличие от **redingot z rękawami, *zegar z wskazówką, *стол с ножками*.

2) Неотчуждаемыми являются для предмета также некоторые абстрактные сущности, в первую очередь константы, характеризующие предмет с точки зрения его физических свойств: размеров, веса, цвета, внешнего вида и т.п., ср. польск. *to auto ma kształt pocisku (*auto ma kształt), ta maska ma za mały kąt widzenia (*maska ma kąt widzenia), jej twarz miała poważny wyraz (*twarz miała wyraz); miejscowość ta ma charakter podgórski (*miejscowość ta ma charakter)*. Отношение включения таких R в Ps может быть выражено

также применными конструкциями, и в первую очередь конструкциями с применным родительным: *гора необыкновенных очертаний, платье устаревшего фасона* и т.п.

Отчуждаемыми для предметов являются признаки, а также действия, по отношению к которым предметный Ps может являться как агенсом, так и пациенсом. Отношение включения для имен признака может выражаться именными конструкциями с родительным беспредложным (при это обычно обязателен атрибут, указывающий на исключительно высокую степень признака: *скатерть небывалой белизны, цветок редкой красоты*), а также соответствующими непосессивными (предикативными и именными) конструкциями: *небо голубое, голубое небо* (— *его голубизна*), *ткань красивая, красивая ткань* (— *ее красота*), ср.: *Город голубовато светился. Что-то обидное было в его обольстительной красе* (— *город был обольстительно красив*); отношение включения для имен действия выражается соответствующими активными и пассивными глагольными конструкциями: *его (солнца) заход* (— *солнце зашло (заходит, пойдет)*), *их (Кистрина и Очакова) взятие* (— *Кистрин и Очаков были взяты*), ср. польск. *ich (odcisków) znalezienie* [*odciski był(y) (sq, będą) znalezione*].

3) Особое место в пространстве посессивных отношений посесора-предмета занимает его отношение к лицу, которое всегда обозначается именем деятеля, т.е. именем релятивной семантики, отражающей характер отношения, характер функции одушевленного "объекта обладания" по отношению к неодушевленному "посессору": *дом — его хозяин, его жители; книга — ее автор, ее читатели* и т.п., ср. словц. *jej (komety) konštruktér*, польск. *ich (laboratoriów) kierownicy, jego (domu) meszkańcy*, чеш. *jeho (Slunce) vyznavače, její (drožky) majitel*. Эти отношения можно определить как "обладание обладателем", они характеризуются "взаимной принадлежностью", "обратимостью": *его (дома) жители — их (жителей) дом, ее (пролетки) хозяин — его (хозяина) пролетка, ее (кометы) конструктор — его (конструктора) комета*, при том, что сами словосочетания типа **пролетка хозяина, *дом жителей, *изобретение автора* тавтологичны, т.к. отношение, заключенное в семантике имени лица, содержится и в семантико-синтаксической структуре с Gen_{пов} (ср. *дом моих друзей, пролетка Ивана* и т.п.).

Соответствующие конструкции включения показывают, что степень ПС "обладателя"—предмета с "обладаемым"—лицом может быть различной; отношения абсолютной неотчуждаемости возможны, по-видимому, только в том случае, когда предмет—"посессор" сам является частью тела лица—"обладаемого", ср.: *Из каждого окна торчали головы... Обладатели голов* (— *их обладатели старались увидеть нечто значительное...* (Олеша) (**у голов есть обладатели*); остальные предметы—концепты (как уже замечалось выше) в языковом сознании не связаны обязательной связью ни с каким концептом—посессором, поэтому можно говорить лишь об относительной неотчуждаемости (высокой степени вероятности) данного R-лица для данного Ps-предмета: *у этого дома есть хозяин, в этом доме есть жильцы, а также об отчуждаемости: у этой книги есть читатели, Slunce má vyznavače* и т.п.

В качестве абстрактного possessора могут выступать различные абстрактные сущности: действия, производимые человеком, его состояния, результаты его умственной деятельности, явления природы, свойства предметов и явлений и т.п.

Неотчуждаемыми объектами обладания абстрактных possessоров могут являться:

1) "Части" целого и различные "физические" константы, ср.: ... *физики правильно понимают строение микромира* (⇒ его строение) или по крайней мере определенной его части ("Изв."); чеш. *Otcovo drama ... tvoři osu Schulcova literárního díla* (BSch—12) (⇒ jeho osu); *Sprisoval ... umí skloubit tuto rovinu svého díla* (⇒ jeho rovinu) s reálnou ... skutečností (BSch—8); ... *realismus ... se snaží směřnat své prostředky v hranicích určitých konvencí...* (⇒ jejich hranicích) (BSch—13); ... *její bytost je skutečná jen uvnitř hranic věrnosti a čistoty ...* (⇒ jejich hranic) (MK—72); польск. ... *powiedział na początku wrogiej interwencji* (⇒ jej początku) *Lenin ...* (JB—36); ... *kierownicy ... dbali ... o wysoki poziom badań* (⇒ ich poziom) (JS—38); *W głowie Karola zaczynał się ... rysować obraz tego dziwnego świata...* (⇒ jego obraz) (JB—30); *Některá slova již svým zvukem budí určitou představu ...* (MM—18); *Domluvila, a on stále ještě naslouchal doznívání jejího hlasu* (⇒ jeho doznívání) *ve svém nitru* (KJB—43). Большинство перечисленных объектов характеризуют абстрактный Ps как "пространство": 'часть', 'начало', 'конец', 'середина', 'ось', 'границы' ('пределы'), 'размеры' ('величина'), 'уровень', а также 'вид', 'образ', 'форма', 'следы', 'вес' и т.п. Наличие таких "объектов обладания" у абстрактного possessора свидетельствует о том, что структура абстрактной сущности может соотносываться языковым менталитетом аналогичной структуре физического тела.

2) Константы, характеризующие абстрактный Ps как нечто нематериальное, например, 'смысл' ('суть', 'существо'), 'содержание', 'значение', 'цена' ('ценность'), 'тема', 'роль', 'причины' и 'следствия', 'результаты', 'этапы', 'стадии' и т.п., ср.: польск. *Franz ... zrobił mi ostateczny wykład o sensie wojny (jej sensie)* (TB—133); ... *wtedy rola podpisu, jego waga, wartość były większe* (KK—171); ... *przyprowadzę ... jednego człowieka, ... zainteresowanego przedmiotem mojej rozmowy z panem* (— jej przedmiotem) (JA—11); чеш. ... *příčina jejího zděšení* (— jeho příčina) *ležela v ní samé ...* (VN—142); русск. *Подряд — дело живое, и живо следует реагировать на его результаты и проблемы* ("Изв.").

К неотчуждаемым объектам обладания абстрактного Ps могут быть отнесены следующие абстрактные сущности: 1) признак: *Я сообщил ей свои предложения. Она признала их благоразумие* (Пушкин); *Na straně ženství je pravda obyčejného života (jeho pravda)* (BSch—12); *Snad je to ... teskná závist nad unyle sladkou pomalostí tehdejší historie* (— její pomalostí); ... *zjevilo se ... Ventovo postavení v celé své hrozivosti* (KJB—22); 2) связь Ps с внешним миром: *Необязательность таких занятий, их малая связь с основными курсами ... ведут к тому, что ... факультативы охватывают лишь часть старшеклассников* ("Изв."); 3) действие, в котором Ps

может быть а) агенсом: польск. *Reinkarnacja to jest taka wędrówka duszy* (— *jej wędrówka*) (ТК—42); б) пациенсом: *Батюшка не любил ни изменять свои намерения, ни откладывать их исполнение* (Пушкин); ... *что делается для того, чтобы пресечь ее (наркоманию) распространение?* ("Изв."); чеш. ... *basník povede analýzu svého nitra ...* (— *jeho analýzu*); 4) лицо, функционально связанное с Ps-событием или другим абстрактным Ps: автор, виновник, участник, свидетель и т.п.: чеш. *je účastníkem té pohromy* (— *její účastníkem*); польск. <oni> *byli bezpośrednimi świadkami zbrodni* (— *jej świadkami*); русск. *Марья Ивановна ... почитала себя виновницей моего несчастья* (— *его виновницей*).

Характерно, что структуры посессивных отношений предметного и абстрактного посессора включают в себя только те объекты обладания, которые сами обладают "центростремительной потенцией", т.е. способностью входить в посессивное пространство соответствующего посессора, и которые в подавляющем большинстве (кроме частей предметов) обозначаются именами релятивной семантики.

Итак, исследование отношений, выражаемых категориальными средствами, позволило выявить три типа посессоров (одушевленный, предметный, абстрактный) и типы объектов обладания, свойственных каждому типу Ps. Для каждого типа объектов был выяснен характер посессивной связи (отношения часть—целое, отношения родства, собственности, принадлежности по функции, отношение к признаку) и степень парадигматической связанности (ПС) соответствующих типов Ps и R. Эти свойства посессивных отношений определяются "центробежными" свойствами посессора, его способностью "присваивать" себе объекты внешнего мира, и "центростремительными" свойствами объектов обладания, их способностью занять то или иное место в структуре посессивных отношений данного типа Ps.

ДИНАМИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Рассмотренные выше статические свойства посессивных отношений, определяемые семантикой имен посессора и объекта обладания, — характер посессивных отношений (часть—целое, отношения родства, отношения собственности, принадлежности по функции) и степени ПС между участниками посессивной связи (абсолютная, относительная, окказиональная неотчуждаемость, собственно отчуждаемость) — с наибольшей полнотой раскрываются в динамических ситуациях, возникающих под воздействием сил, внешних и внутренних по отношению к Ps, которые вызывают в Ps и в R взаимосвязанные между собой процессы. Такие динамические ситуации выражаются в языке разнообразными семантико-синтаксическими моделями, общим свойством которых является то, что, отражая взаимосвязанные процессы, протекающие в Ps и в R, они тем самым отражают и статику посессивных отношений, само наличие этих отношений, что в большинстве случаев исключает необходимость в статическом показателе посессивности (Pron_{poss}, Gen_{poss}, Attr_{poss}).

I

Наибольшим разнообразием отличаются семантико-синтаксические модели, описывающие динамику отношений в ядре категории, и в первую очередь динамические модели конструкций с именами частей тела. Неотчуждаемость как ментальная категория, связывающая посессивным отношением концепт посессора Ps^c с концептами его объектов обладания R^c , выступает здесь в своем наиболее явном виде — посессор со своими объектами обладания составляют единое физическое и функциональное целое. В то же время, являясь физически составной частью Ps , части тела обладают и некоторой автономностью по отношению к нему, что предопределяет разнообразные возможности их взаимодействия. Посессор в таких конструкциях может быть агенсом, пациенсом и локусом действия, а часть тела — агенсом, пациенсом, инструментом и локусом действия.

Описание динамических ситуаций целесообразно проводить на базе синтаксических моделей, которые могут быть разделены на два основных класса: I класс — модели конструкций, в которых агенсом является Ps ; II класс — модели конструкций, в которых агенсом является R или некоторый агент, внешний по отношению к Ps .

Внутри каждого класса выделяются элементарные и комплексные модели. Элементарными моделями мы называем такие, в которых имя (или имена) частей тела занимают одну актантную позицию, например, *Ребенок открыл глаза*_{Obj. dir.}, *Мальчик держит в руке*_{Loc} мяч, *Ноги*_{Subj} у нее подкосились, *Женщина погладила ребенка по голове*_{Loc} и т.п. Комплексные модели представляют собой комбинации элементарных моделей одного и того же или разных классов и включают имена частей тела в разных (двух или более) актантных позициях, например, *Ноги*_{Subj} у него не сгибаются в коленях_{Loc}, *Девушка рукой*_{Instr} пригладила волосы_{Obj. dir.} на лбу_{Loc} и т.п.

Модели I класса

В моделях I класса наиболее явно проявляется дуализм частей тела — зависимость от посессора и автономность. И то, и другое свойство находят отражение в языке. В зависимости от актантной позиции имени R можно выделить четыре группы элементарных моделей I класса: объектные, инструментальные, адвербиальные и локативные, а также комплексные модели, представляющие собой комбинации вышеперечисленных элементарных.

Элементарные объектные модели

Имя R занимает позицию прямого объекта, т.е. рассмотрению подлежат синтаксические модели типа $Ps_{Subj} — V — R_{Obj. dir.}$ где Ps_{Subj} — имя посессора в роли субъекта (агенса), V — предикат, $R_{Obj. dir.}$ — имя объекта обладания (части тела) в роли прямого объекта, и вариан-

гы этих моделей, содержащие возвратные клитики, притяжательное местоимение, атрибут и т.п.

Среди элементарных динамических моделей следует различать модели элементарного и комплексного действия. При этом элементарным действием мы называем такое, которое может быть осуществлено только самим Ps с участием одного R, например, *X открыл глаза*; комплексным действием мы называем такое, которое требует участия более одного R, и поэтому в принципе может быть осуществлено не самим Ps, а некоторым другим лицом (предметом или субстанцией), отличными от Ps. Комплексное действие может быть выражено как элементарной, так и комплексной моделью: *X вытер лицо — X вытер лицо руками*, *X содрал кожу* — *X содрал кожу на колене*.

Элементарные объектные модели элементарного действия. Элементарное действие ("прямое телесное действие" — [Вежбицка 1979, 322]) совершается посессором при участии его части тела R, играющей в этом действии активную роль и в то же время являющейся пациентом действия. Поэтому в модели такого рода могут входить только переходные глаголы, семантика которых тесно связана со свойствами и функциями части тела, участвующей в действии. Отличительной чертой действий, выражаемых прямообъектной моделью, является их однонаправленность, в отличие от элементарных действий, выражаемых инструментальной моделью, ср. *вытянуть руку — махнуть рукой*.

Семантико-синтаксическая структура таких моделей в значительной степени определяется семантикой предиката, который может означать: 1. Передвижение части тела в вертикальном направлении: 'поднять—опустить' (руку, глаза и т.п.). 2. Передвижение части тела в горизонтальном направлении: 'устремить (глаза, взгляд)', 'вытянуть (руку, шею)', 'вытянуть, подставить (ногу)' и т.п. 3. 'Открыть', 'разжать—закрыть', 'сжать (глаза, рот, кулаки и т.п.)'. 4. 'Выпрямить—согнуть' (руку, ногу, спину и т.п.), например, польск. *otworzyć, podnieść, wytrzeszczyć / zmrożyć, zamknąć oczy; podnieść / pochylić, skłonić głowę; zacisnąć szczęki, szczyrzyć zęby*; чеш. *zvednout hlavu, oči, ruku, sepnout/rozepnout ruky* и т.п.

Подобные элементарные конструкции близки к фразеологизмам, поскольку они обозначают привычные ("рутинные" в терминологии А. Вежбицкой) действия, тесно связанные с соответствующей частью тела, и абстрагирующиеся в языковом сознании от посессора-агента, ср. слов. *Carlini ho dokonca naučil, ako se podáva ruka* (JT—247).

Элементарными действиями следует считать также и такие, которые сопряжены с перемещением части тела в некоторое пространство, соприкосновение ее с каким-либо посторонним предметом или, наоборот, — удаление части тела от некоторого пространства; например, 'вложить', 'всунуть', 'приложить—вытащить' и т.п.: польск. *wyciągać stopy z błota*, чеш. *strkat hlavu do díry* и т.п. При этом если часть тела перемещается вместе с другой, частью которой она является, то такое действие осознается языковым менталитетом рассматриваемых языков также как элементарное, ср. польск. *przyłożyć ucho do ściany*, чеш. *přiložit ucho na dveře; strkat kamsi nos* и т.п. Подобным же свойством, по утверждению А. Вежбицкой [Вежбицка 1979, 321, 324], обладают испанский и итальянский языки в отличие от француз-

ского, который расценивает такое действие как комплексное, что выражается в обязательности притяжательного местоимения при имени R: *Pierre pressait son (*le) nez contre la fenêtre* (ср.: *Pierre a levé la tête* — прямое телесное действие, не требующее указания на принадлежность части тела агенту).

К элементарному типу рассматриваемые языки относят также действия, связанные с естественной сменой верхнего покрова (кожа, панцирь) у некоторых животных, ср. польск. *Po obudzeniu się gąsieniczki rzucają skórę*; чеш. *had svlékl kůži; rak svléká krunýř*.

Важно отметить, что вышеприведенные конструкции характеризуются согласованностью по рефлексивности между агенсом и пациенсом, что достигается семантико-синтаксическими параметрами таких конструкций, а именно сочетанием синтаксической структуры с соответствующей семантикой предиката и имени объекта, ср. *X открыл глаза (свои) — X открыл дверь (какую-то), X поднял голову (свою) — X поднял груз (какой-то)*. Любая согласованная по рефлексивности конструкция представляет собой семантико-синтаксическое единство, включающее посессивные отношения между Ps и R; событие, происходящее с R, представляется здесь имеющим отношение к Ps, в отличие от конструкций с $\text{Pron}_{\text{poss}}$, где событие с R воспринимается как автономное, не связанное с Ps (ср., например, *Глаза у него сияли — Его глаза сияли*).

Таким образом, для синтаксической модели $\text{Ps}_{\text{Subj}} - \text{V} - \text{R}_{\text{Obj. dir}}$ может быть предложена следующая семантическая репрезентация элементарного действия: 'Ps совершает с R действие при участии самого R и только этого R. При этом R мыслится как часть Ps, а событие — как имеющее отношение не только к R, но и к самому Ps'.

На основании такой семантической репрезентации могут быть построены семантическая и семантико-синтаксическая модели элементарного действия. Семантическая модель: $\text{Ps} - \text{V} - \text{R} - \text{V}'$ (где V' — действие, производимое частью тела: X поднял руку — рука X-а поднялась). Семантико-синтаксическая модель: $\text{Ps}_{\text{Subj}} - \text{V} - \text{R}_{\text{Obj. dir}}^{\text{act}}$ (где $\text{R}_{\text{Obj. dir}}^{\text{act}}$ — имя активной части тела в позиции прямого объекта).

Семантическая модель **элементарного взаимно-возвратного действия** (например, действия подавания руки, предполагающего ответное действие, ср. польск. *X i Y podali sobie ręce*):

$$\begin{array}{l} \text{Ps}^1 - \text{V} - \text{R}^1 - \text{V}'^1 \\ \text{Ps}^2 - \text{V} - \text{R}^2 - \text{V}'^2 \end{array} \left. \begin{array}{l} \uparrow \\ \uparrow \end{array} \right\} \begin{array}{l} \text{X podał rękę Y-owi} \\ \text{Y podał rękę X-owi} \end{array}$$

Семантико-синтаксическая модель элементарного взаимно-возвратного действия:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{Ps}_{\text{Subj}}^1 - \text{V} - \text{Ps}_{\text{dat}}^2 - \text{R}_{\text{Obj. dir}}^{\text{act}1} \\ \text{Ps}_{\text{Subj}}^2 - \text{V} - \text{Ps}_{\text{dat}}^1 - \text{R}_{\text{Obj. dir}}^{\text{act}2} \end{array} \right.$$

Поскольку указанные модели применяются для выражения действия, осуществляемого посессором, то они обычно применимы только к одушевленному посессору; однако при персонификации неодушевленных предметов (например, в поэтических текстах) такие модели могут

встречаться, например, польск. *W szarym skwarze usycha miasteczko. Geoginie pochylily głowy* (Tuwim).

Элементарные объектные модели комплексного действия. Комплексное действие, выражаемое элементарной прямообъектной структурой, совершается Ps по отношению к своему R без участия этого R. Поскольку подвергаемая действию часть тела пассивна, то действие должно производиться с помощью другой, активной части тела (инструмента), принадлежащей тому же Ps, однако в принципе активная часть тела может принадлежать и другому лицу. Поэтому может возникнуть необходимость в возвратной клитике (в дат.), указывающей, что некоторое лицо производит действие именно со своей частью тела, ср. *X расцарапал себе лицо — X расцарапал лицо Y-у* (дательный падеж имени лица при глаголе, не управляющем дательным падежом, указывает на затронутость лица событием, описываемым в предложении, ср. *Ветер дует — Мне дует; Кран починили — Мне кран починили*, где ветер и починка крана затрагивают лицо).

Можно предположить, что необходимость в возвратной клитике тем больше, чем более вероятно выполнение данного действия другим лицом, отличным от Ps, что, в свою очередь, зависит от характера действия, выраженного предикатом в данной конструкции.

Кроме того, некоторые действия, направленные на пассивную часть тела, в частности, действия, совершаемые самим Ps, могут рассматриваться как не затрагивающие Ps. В таких случаях употребляется не возвратная клитика, а притяжательное (а при Ps-агенсе — притяжательно-возвратное) местоимение, указывающее на наличие possessивных отношений между агенсом и пациенсом.

Поэтому модели комплексного действия могут быть трех типов:

Тип А. Элементарная невозвратная модель комплексного действия (*X вымыл лицо*).

Семантическая репрезентация: 'Ps совершает с R действие без участия R и, вероятно, при помощи R'. При этом R мыслится как часть Ps, а действие — как затрагивающее не только R, но и самого Ps'.

Синтаксическая модель: $Ps_{Subj} - V - R_{Obj. dir.}$

Семантическая модель: $Ps \rightarrow V - R' - V' - R$ (где стрелка обозначает обратную связь от R к Ps).

Семантико-синтаксическая модель:

$Ps_{Subj} \rightarrow \overbrace{V - R_{Obj. dir.}^{pass}} \left[- R'_{instr.}^{act} \right]$, где $R_{Obj. dir.}^{pass}$ — имя пассивной части

тела в позиции прямого объекта; $R'_{instr.}^{act}$ — имя подразумеваемой активной части тела в позиции инструмента).

Тип В. Элементарная возвратная модель комплексного действия (*X расцарапал себе лицо — ср. X расцарапал лицо Y-у*). Семантическая репрезентация: 'Ps^{act} совершает с R действие без участия R и вероятно при помощи R'. При этом R мыслится как часть Ps^{pass}, а действие — как затрагивающее не только R, но и Ps^{pass}. Ps^{act} тождествен Ps^{pass}, следовательно, R мыслится как часть Ps^{act}, а действие — как затрагивающее Ps^{act}'.

Синтаксическая модель: $Ps_{Subj} - V - Pron_{dat}^{refl} - R_{Obj. dir.}$, где $Pron_{dat}^{refl}$ — возвратная клитика в дательном падеже.

Семантическая модель: та же, что и для типа А.

Семантико-синтаксическая модель:

$$Ps_{Subj}^{act} \rightarrow \overbrace{V \rightarrow Ps_{Obj.indir.}^{pass} \rightarrow R_{Obj.dir.}^{pass} [-R'_{instr.}^{act}]}^{\uparrow}$$

Тип С. Элементарная местоименная модель комплексного действия (*X рассматривает свое лицо* — ср.: *X рассматривает лицо Y-a*).

Семантическая репрезентация: 'Ps совершает с R действие без участия R и вероятно при помощи R', не затрагивающее R. При этом R — часть Ps^{pass}, тождественного Ps^{act}. Следовательно, R — часть Ps^{act}. Действие мыслится как не затрагивающее Ps'.

Синтаксическая модель: Ps_{Subj} — V — (Pron_{poss-refl} — R)_{Obj.dir.}, где Pron_{poss-refl} — возвратно-притяжательное местоимение. Семантическая модель: Ps — V — R' → V — R (обратная связь отсутствует). Семантико-синтаксическая модель:

$$Ps_{Subj}^{act} \rightarrow \overbrace{V \rightarrow (R^{pass} \in Ps^{pass})_{Obj.dir.} \rightarrow [R'_{instr.}^{act}]}^{\uparrow}$$

Итак, тип семантико-синтаксической модели комплексного действия определяется семантикой предиката, при этом релевантными оказываются следующие семантические признаки предикатов: 1) сохранение/нарушение отношения между целым и частью; 2) при сохранении отношения — наличие/отсутствие деформации части тела; 3) при деформации — преднамеренность/непреднамеренность действия; 4) при отсутствии деформации — наличие/отсутствие соприкосновения активной части тела с пассивной (тактильность/нетактильность); 5) при тактильном действии — характер действия: косметическое/ласкательное; 6) при нарушении отношения часть-целое — отторжение постоянной (невосстановимой) / отрастающей (восстановимой) части тела.

Исходя из перечисленных выше признаков можно выделить 6 семантических типов предикатов.

1. Сохранение отношения часть-целое; отсутствие деформации; нетактильное действие.

1а. Перцепция; репрезентация. В эту семантическую группу входят глаголы типа 'видеть', 'разглядывать'; 'показывать'. Перечисленные действия не затрагивают часть тела, поскольку не производят в нем никаких изменений. Поэтому для выражения такого рода действий обычно используется модель С, ср. польск. *Oglądnęła w lusterku swą miłą buzię; Stryjek pokazał publiczności swój obandażowany palec* (P).

1б. Пассивная часть тела подвергается действию, в результате которого она открывается внешнему миру или, наоборот, заслоняется от нее (предикаты 'открыть', 'обнажить', 'закрыть', 'заслонить'). В этом случае на пассивную часть тела оказывается некоторое воздействие, например, *накрыть голову платком* — защитить ее от солнца, холода, дождя, *заслонить глаза от света* — наложить на них тень, чтобы легче было смотреть и т.п. Поэтому такое действие всегда сопровождается обратной связью от R^{pass} к Ps. В то же время такое действие воспринимается обычно как ординарное, рутинное (человеку свойственно закрывать тело от холода, ветра и т.п.). В некоторых

языках, например, в польском и русском, рутинное действие выражается обычно без возвратной клитики (модель А): польск. *odstąpić, odkryć twarz, oczy; przykryć głowę*. В других языках, например, в чешском и словацком, существует тенденция выражать комплексное действие глаголом с возвратной клитикой (модель В), ср. чеш. *stínit si obličej před sluncem, zakrýt si oči (před světlem)*.

2. Сохранение отношения часть-целое; отсутствие деформации; тактильное действие.

2а. Пассивная часть тела подвергается действию, преследующему косметические или гигиенические цели (предикаты 'умыть', 'намылить', 'покрасить', 'почистить', 'напудрить', 'поправить', 'причесать'). Обычно такие действия носят рутинный характер и, по утверждению А. Вежбицкой, близки к "прямому телесному действию" (в нашей терминологии — "элементарное действие"). Поэтому в таких языках, как, например, русский и польский, эти действия, если они не имеют специфических особенностей, выражаются с помощью модели А: польск. *umyć, namydlić ręce, twarz; malować usta, pudrować nos* и т.п. Рутинные действия, как и прямые телесные действия, могут абстрагироваться в языковом сознании от конкретного Ps и поэтому могут выражаться безличными конструкциями, например, во всякого рода рекомендациях, ср. польск. *można malować usta w taki sposób wzięty na górnej wadze* (Р). В то же время косметические и гигиенические действия характеризуются меньшей универсальностью, чем прямые телесные действия, и могут существовать социумы, в которых эти действия воспринимаются как необычные, т.е. комплексные, а следовательно, такие, которые могут быть выполнены не только самим Ps, но и другим лицом по отношению к нему, ср. диалог из "Бани" Маяковского: "Ундертон: — Сократили. Фосфорическая женщина: — Что это значит? Ундертон: Губы, говорят, красила. Фосфорическая женщина: — Кому? Ундертон: Себе. ... Фосфорическая женщина: — Не понимаю. Если бы вы еще кому-нибудь другому, скажем, проходящим за справками на работе красили б, ну, тогда б могли сказать — мешает, посетители обижаются. А так..." В приведенном диалоге одна из собеседниц использовала модель А, другая — модель В для обозначения одного и того же действия, которое, по мнению автора, в 2000 году должно восприниматься как необычное. Если гигиеническое действие не носит рутинного характера, а отличается какой-либо спецификой (например, осуществляется в редких случаях или действию подвергается не вся часть тела, а некоторый ее участок), то используется модель В, указывающая на комплексность действия и, следовательно, возможность осуществления его другим лицом, ср. русск. *Она накрасила себе брови и ресницы* (обычно она этого не делает); польск. *X umył sobie nogi od kolan w dół*. Чешский и словацкий языки и для обозначения рутинного действия обычно используют модель В: чеш. *umýt si ruce, obličej, namydliť si ruce, malovat si tvář, rty, oči*.

2б. Пассивная часть тела подвергается ласкательному действию, совершаемому механически, бессознательно (предикаты типа 'поглаживать', 'пощипывать', 'почесывать'): польск. *skubać włosy, brodę; skrobać*

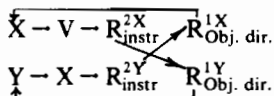
czoło, gładzić wąsy, policzki; ср. также: *Gładził swój czarny wąsik, rozgarniał swoje długie włosy*. Притяжательное местоимение здесь, как и во многих других случаях, указывает на наличие качественного атрибута, лишаящего определяемый объект универсальности, а тем самым и неотчуждаемости; чем более специфическое свойство называет атрибут, тем более вероятно появление притяжательного местоимения, "восстанавливающего" как бы утраченную связь между посессором и объектом. Обычно же, как и в предыдущих пунктах, для польского и русского характерна модель А, для чешского и словацкого — модель В: словц. *pohladit' si čelo, vlasy, poškriabat' si bradu, hlavu*.

Если же тактильное действие совершается с целью оказать на себя воздействие, то употребляются аккузативные конструкции с именем R в локативной позиции, ср. русск. *погладить себя по животу* (см. ниже, с. 87).

3. Действие связано с деформацией или каким-либо другим физическим изменением части тела. Пассивная часть тела подвергается преднамеренному действию, в результате которого она претерпевает физические изменения (предикаты: 'испортить', 'вывихнуть', 'отморозить', 'свернуть'). В чешском и словацком языках используется модель В: чеш. *vyvrtnout si prst, ruku; vymknout si kotník, rozbít si koleno, uříznout si jazyk* и т.п.

В русском и польском языках для обозначения действия, совершенного преднамеренно, используется модель В (причем как преднамеренное расценивается также действие, результат которого был бы нежелателен для посессора, но он мог его предвидеть), ср. польск. *Posliznął się na ulicy, upadł i zwichnął rękę* (нечаянно), но: *Ziewali przy tym tak zastraszająco, że pani Barbara mówiła: — Dlaboga, zwichniecie sobie szczękę*; ср. также *zepsuć oczy* (нечаянно), но: *Mamusia krzyczała, żeby światło gasić, a ja pod kołdrą czytałam, oczy sobie psułam* (посessor предвидел последствия); *Znalazł ją pokrwawioną w łazience; próbowała sobie żyły przeciąć rozbity szklanką* (преднамеренное действие). Если деформация тела является результатом некоторого действия посессора, последствий которого он не предполагал, то используется модель А (т.е. такое действие, являясь в жизни не таким уж редким, может восприниматься как рутинное): *Posliznął się na lodziewi lewą nogę wywichnął*.

Из приведенных примеров следует: чем выше преднамеренность действия, тем более вероятно выполнение его другим лицом и тем более необходимой становится возвратная клитика. В том же направлении возрастает и вероятность совершения соответствующих **взаимно-возвратных действий**, заключающихся в причинении друг другу взаимного вреда и выражающихся семантическими моделями:

где R_{instr}^{2X} , R_{instr}^{2Y} — активные части тела посессоров X и Y, $R_{Obj, dir.}^{1X}$, $R_{Obj, dir.}^{1Y}$ — пассивные части тела посессоров X и Y, ср. польск. *Porozdzierały na sobie odzienie, lby sobie potargaly*.

4. Действие связано с нарушением отношения часть-целое. Пассивная часть тела подвергается действию, в результате которого она отторгается от тела. Такого рода действия, по экстралингвистическим причинам, совершаются чаще другим лицом, чем самим посессором, поэтому используется модель В, содержащая указание на то, что действие совершается самим Ps: польск. *odciąć sobie rękę, wyrzywać sobie włosy*.

Модель А используется только при обозначении действий, связанных с укорачиванием отрастающих частей тела (волос на голове, усов, ногтей), поскольку такие действия относятся к ordinary, рутинным, т.е. таким, которые Ps совершает обычно сам по отношению к себе: польск. *ściąć włosy, zgolić brodę, wąsy; obciąć paznokcie*; чеш. *oholit vousy*, но: *ostříhat si nehty, vlasy, vousy* (бритье "более рутинно", чем стрижка). Отращивание волос также выражается, как правило, моделью А, но для отращивания бороды может использоваться и модель В, поскольку отращивание волос связано только с изменением длины, а отращивание бороды — с возникновением нового объекта, т.е. с изменением отношения часть-целое, ср. русск. *Он был одет казаком, отрастил себе бороду* (Пушкин). Для обозначения специфического действия также используется модель В: польск. *Pan Anastazy ostrzygł sobie włosy przy samej skórze* (указываются пределы действия, ср. аналогичные примеры с гигиеническими действиями).

Итак, объектом действия в элементарных прямообъектных моделях с посессором-агентом является часть тела, которая может играть активную и пассивную роль. В первом случае имеет место прямое телесное (элементарное) действие, в котором принимает участие и сам Ps, и его активная часть тела. Такое действие может быть осуществлено только самим Ps, оно не оказывает обратного действия на Ps — не имеет обратной связи. Во втором случае Ps (с помощью не называемой в конструкции активной части тела-инструмента) совершает действие, направленное на свою пассивную часть тела и испытываемое самим Ps ("обратная связь"). Поскольку такое действие может быть совершено не только самим Ps, но и другим лицом по отношению к нему, то для указания на Ps-агента может быть использована возвратная клитика, осуществляющая обратную связь между пассивной частью тела и посессором. Необходимость в возвратной клитике зависит от характера действия, в большей или меньшей степени предполагающего исполнение его внешним агентом, и от свойств данного языка, в большей или меньшей степени склонного избегать конструкций с неустойчивым согласованием по рефлексивности.

Элементарные инструментальные модели

В инструментальных конструкциях в наиболее явном виде представлен характер посессивных отношений между одушевленным Ps и его частью тела — принадлежность по функции. Как уже упоминалось, действия, описываемые прямообъектными и инструментальными моделями, различаются по признаку однонаправленности—неоднонаправ-

ленности, ср.: *протянуть руку* 'переместить из точки А в точку В' — *махнуть рукой* 'переместить из точки А в точку В и обратно'. Сопоставление прямообъектных и инструментальных конструкций: $Ps - V - R_{Obj. dir.}$ и $Ps \rightarrow V \rightarrow R_{instr}$ показывает, что они существенно различаются по цели описываемого ими действия — при прямообъектном действии целью является перемещение R (*поднять руку* 'сделать так, чтобы рука поднялась'), цель инструментального действия никак не связана с инструментом, который только служит достижению цели: рука — чтобы, например, писать или ударить, глаза — чтобы смотреть и т.п.; в инструментальных конструкциях основную семантическую нагрузку несет глагол, при этом имя части тела, обозначающее орудие, в ряде случаев может быть опущено.

С этой точки зрения целесообразно выделить два типа действий, обозначаемых инструментальными конструкциями.

1. Специфические действия, т.е. такие, которые могут быть осуществлены только с помощью данной части тела. Для некоторых частей тела таких специфических действий может быть несколько, и тогда среди них могут быть выделены для данной части тела:

а) первичные действия, являющиеся основной функцией данной части тела — органа данной функции (в частности, органов речи, органов чувств — зрения, слуха, обоняния и т.п.). При обозначении таких функций опущение имени инструмента обязательно: *нюхать *носом, говорить *языком, думать *головой* и т.п. Названия соответствующих частей тела входят в семантику таких глаголов в скрытом виде и материализуются только при наличии атрибута: *думает своей мудрой головой, смотрит удивленными глазами, говорит своим глупым языком*; или (что возможно только в переносном значении) — при несовпадении агенса с посессором: *смотреть его глазами, думать его головой* и т.п.;

б) вторичные действия, т.е. неосновные для данной части тела, но совершаемые только с помощью данной части тела; при таких глаголах опущение имени части тела факультативно, ср. русск. *моргнуть (глазами), кивнуть (головой), топнуть (ногой), махнуть (рукой)* и т.п.

2. Неспецифические действия, т.е. такие, которые могут быть совершены и другим инструментом, в частности, другой частью тела, ср. *подкинуть мяч ногой (рукой, головой), сверкать глазами (улыбкой, остроумием, бриллиантами)*. Не для всех частей тела в языке имеются все три типа предикатов, что объясняется спецификой функционирования, в частности, степенью активности данной части тела. Поэтому целесообразно рассмотреть инструментальные конструкции для каждой части тела в отдельности.

Голова.

Первичный специфический предикат: 'думать'. Сочетается с соответствующим именем только при особых условиях (см. выше): слвц. *Skúsme rozmýšl'at' jeho hlavou*.

Вторичный специфический предикат: 'кивать', ср. слвц. *Carlini prikývól*. Следует заметить, что если первичный специфический предикат имеет идентичную семантическую структуру (т.е. включает в себя название соответствующей части тела) во всех языках, ср. болг.

мисл. *с глава, польск. *myśleć* **głowa*, то вторичные специфические предикаты не обладают такой универсальностью. Так, в русском глагол *кивнуть/кивать* включает в себя название головы и означает соответствующее движение, выражающее согласие; такому значению частично соответствуют чешский и словацкий приставочные глаголы *přikývnout, přikývnut'*, сербские глаголы *mahati, klimnuti*; эти глаголы могут быть употреблены как с соответствующим именем, так и без него: чеш. *přikývnout (hlavou)*, сербск. *mahati/klimnuti (glavom)*. Однако, например, польск. *kiwać/kiwnąć*, чеш. *kývat/kývnout*, слвц. *kývat'/kývnut'* не включают в свою семантику имя инструмента, ср. чеш. *kývá kabelkou v ruce, kývat pohama, kývnout rukou*; польск. *kiwać nogami, kiwać laseczką*. Из приведенных примеров видно, что глаголы, родственные в данных языках русскому *кивать*, не являются специфическими и означают здесь лишь разнонаправленное перемещение в пространстве некоторой части тела или другого предмета внешнего мира; и само "кивание" головой не всегда соответствует в этих языках выражению согласия: чеш. *osel kývá při chůzi hlavou*, слвц. *inžinier len neurčito kýval hlavou*; значение согласия должно быть в этих языках подкреплено эксплицитно; польск. *Słuchał uważnie i potakując głową kiwał*; чеш. *kývat na souhlas*.

Неспецифические глаголы — например, русск. *махать, трясти, крутить головой, указывать головой* и т.п., а также фразеологические сочетания типа русск. *качать головой*, ср. также слвц. *Potriasla hlavou a odchadzala*.

Глаза.

'Смотреть', 'видеть' — первичные специфические предикаты, употребление которых с R_{instr} возможно только при наличии атрибута или другого детерминатива: польск. ... *Spoglądał wokoło oczami jakby powleczonymi mgłą ...* (SW—139); слвц. *Veliteľka naň pozriela olivovými očami ...* (JT—216); русск. *Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством* (Пушкин). Последний пример интересен тем, что в выделенном сочетании наглядно представлено наложение трех пластов высказывания: сигнификативного, денотативного и коммуникативного [Николаева 1986, 104]: сигнификативный пласт: *Старичок поглядывал на меня с любопытством*; денотативный пласт: *Старичок одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*; коммуникативный пласт: *Старичок своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством*. В первом предложении семантика глагола *поглядывал* включает в себя семантику инструмента, соответствующую сигнификату (концепту) — в частности, в количественном отношении. Поэтому номинация инструмента отсутствует. Во втором предложении содержится информация о несоответствии количественного признака денотата сигнификату, поэтому инструмент выражен эксплицитно. То же и в третьем предложении, где местоимение *свой*, являясь избыточным в своей основной функции (указание на наличие посессивных отношений), выполняет чисто коммуникативную функцию, отсылая сообщение о признаке к предшествующему тексту ("... *кривой старичок в офицерском мундире ...*").

Вторичные специфические предикаты: 'мигать (глазами)', 'моргать (глазами)', ср. чеш. *mžikat-mrkat očima*. В русском языке вторичные специфические предикаты обладают большей автономностью (а следовательно, в большей степени включают в свою семантику инструмент), чем, например, в западнославянских; так, в чешском языке автономное употребление всегда имеет экспрессивный оттенок: *poslouchal, ani nemřkal; sedí tiše a klidně, ani nemřká*.

Неспецифические предикаты, например, 'искать', 'сверлить (глазами)', 'вращать (глазами)', 'сказать (глазами)' и т.п.: *Standa ... hledá očima Hansena ...* (КČ—31). Такие предикаты не включают в свою семантику инструмент, поэтому номинация R_{instr} не может быть опущена.

Рука (руки).

Человеческая рука с момента появления человека служит для трудовой деятельности, поэтому первичным специфическим предикатом может считаться любой предикат, обозначающий действие, совершаемое человеком вручную (в частности, с использованием ручных инструментов). Если для остальных частей тела языковой менталитет, диктующий структуру инструментальной конструкции, носит, по-видимому, универсальный, вневременной характер, то инструментальные конструкции с именем руки структурируются под влиянием социальных и временных факторов, связанных с распределением машинного и ручного труда в данном обществе и в данную эпоху. Это способствует постепенному переходу многих предикатов, обозначающих трудовую деятельность из первичных во вторичные, ср.: 'стирать' (руками — а не в машине), 'шить' (руками — а не на машине) и т.п. Кроме того, к первичным предикатам следует отнести также и предикаты, обозначающие действия, не связанные с трудом, но являющиеся первичными, характерными для руки, например, 'держать', 'хватать', 'касаться', а также ряд других, для которых рука по-прежнему является уникальным инструментом, называемым в инструментальных конструкциях только совместно с указанием на признак, ср. польск. *chwyciła drżącymi rękami garnuszek*; словц. *mokrými rukami sa dotkol spánkov*.

Вторичные специфические предикаты, например, 'махать (рукой)', 'шарить', 'колупать' и т.п.: чеш. *Adam dlobá se prstem v půdě kolem nějakých sazeňiček* (КČ—27); польск. *kiwał nam przyjaznie ręką*.

Неспецифические предикаты. Они очень разнообразны, например: 'показывать (рукой)', 'сломать', 'разбить', 'достать (рукой)', 'шевелнуть', 'двинуть' (сделать движение) рукой, 'барабанить рукой (пальцами)' и т.п.: чеш. *Standa se nemůže dostat tou levičkou do rukávu* (КČ—168); *Hans ... ukázal rukou, podržte mi tu tyč* (КČ—12); словц. *prstami bubnoval do taktu na okenici*.

Нога (ноги).

Специфические предикаты: 'ходить', 'шагать'; словц. *Sia prekračovala dlhými nohami trosky* (JT—217). Следует заметить, что для специфического действия 'стоять' ноги воспринимаются не как инструмент, а как опора (ср. *стоять на ногах* — при невозможности **стоять ногами*).

Неспецифические предикаты, например, 'шевелнуть', 'толкнуть', 'ударить ногой' и т.п.

Плечо. Спина.

Специфические предикаты отсутствуют. Среди неспецифических предикатов для плеча следует выделить фразеологически связанные: 'пожимать', 'передернуть плечами': слвц. *žena mykla plec om*; остальные предикаты достаточно разнообразны, например, 'шевелнуть', 'двинуть', 'подпереть', 'почувствовать', 'толкнуть (плечом, спиной и т.п.): чеш. *Zvedáme svými zády tu zemskou kůru* (КС—90). Кроме того, спина и лицо олицетворяют переднюю и заднюю стороны человеческого тела (или тела животного), с помощью которых тело может быть ориентировано в пространстве: слвц. *sedel chrbtom k vatre*; *padol čelom obratený k Nove* (JT—93); чеш. *holka stála zády k nám*; *lehá tvář na holou podlahu* (ср. также использование в этой же функции головы и ног — для ориентирования горизонтально расположенного тела в пространстве: русск. *лежать головой/ногами к окну*).

Зубы.

Первичные специфические предикаты: 'грызть', 'кусать', 'жевать', 'есть'. Номинация инструмента может появиться в экспрессивных высказываниях, а также в случае, если объект действия не предполагается языковым менталитетом, например, 'отгрызть зубами проволоку', ср. слвц. *Posledné rozbušky si hryzla zubami, keď ich chcela pripevniť k šnúru* (JT—232).

Неспецифические предикаты: 'стучать', 'скрипеть' и т.п.

Инструментальные конструкции с именами частей тела также обладают согласованностью по рефлексивности, в отличие от конструкций с именами рукотворных инструментов, ср.: *писаť (своей рукой) / писаť авторучкой (своей, чужой, какой-то)*; *махаť рукой (своей) / махаť палкой (какой-то)*. Рассогласованные по рефлексивности инструментальные конструкции всегда метафоричны и означают либо 'поставить себя на место другого' (подмена посессора): *skúsme rozmysľať jeho hlavou*, либо 'использовать результаты чужих усилий' (подмена объекта обладания): *чужими руками жар загребать*, польск. *wyciągać kasztany z ognia cudzymi rękami*.

Таким образом, для синтаксической модели $Ps - V - R_{instr}$ может быть предложена следующая семантическая репрезентация: 'Ps совершает некоторое действие с помощью своей активной части тела R'.

Семантическая модель: $Ps - V - R - V'$, где V' — действие, производимое частью тела: X машет рукой — рука X совершает соответствующие движение.

Семантико-синтаксическая модель:

$Ps_{Subj} - V - R_{instr}^{act}$, где R_{instr}^{act} — имя активной части тела в позиции инструмента.

Взаимно-возвратные инструментальные конструкции обозначают действия, совершаемые двумя посессорами Ps^1 и Ps^2 по отношению друг к другу с помощью своих идентичных частей тела R^1 и R^2 :

Специфические действия (обязателен атрибут): польск. *spojrzeli na siebie przymróżonymi oczyma*:

X spojrzal na Y przymróżonymi oczyma

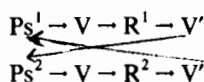
Y spojrzal na X przymróżonymi oczyma

Неспецифические действия: чеш. *opřeli se o sebe zády*:

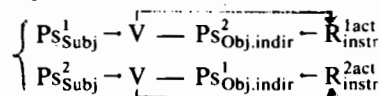
X opřel se zády o Y

Y opřel se zády o X

Семантическая модель инструментального взаимно-возвратного действия:

Семантико-синтаксическая модель инструментального взаимно-возвратного действия:

Элементарные адвербиальные модели

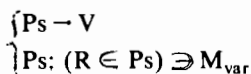
Адвербиальные конструкции содержат имя R в творительном падеже с предлогом 'с' (что представляет собой часть одной из именных конструкций включения) и служат для указания на некоторый (обычно временный) признак R в момент совершения Ps действия. Обычно этот временный признак представляет собой результат движения и/или некоторого процесса, происходящего в R и являющегося отражением душевного (реже — физического) состояния Ps, ср. русск. *Он стоял с вытянутыми руками* (признак R — результат прямого телесного действия) / *Он стоял с опущенной головой* (признак R — результат прямого телесного действия как следствия эмоционального состояния Ps) / *Он стоял с пересохшим горлом* (признак R — результат процесса, произошедшего в R под действием эмоционального или физического состояния Ps).

Синтаксическая модель:

$Ps_{Subj} - V - Prep - (Attr - R)_{instr}$.

Семантическая репрезентация: 'Ps совершает некоторое действие и при этом принадлежащая ему часть тела R имеет временный признак M, что воспринимается как сообщение о самом Ps'.

Семантическая модель, таким образом, должна отражать идею включения в Ps признака его части тела R (ср. предыдущий раздел) и сообщение о действии, совершаемом Ps:

где M_{var} — временный признак части тела R.

Предикаты рассматриваемых конструкций сводятся к четырем типам.

1. Глаголы речи (при этом обычно сообщается о признаке лица или глаз): слвц. *Bôl to zbabelec, — povedala s červenou tvárou*

(JT—242); чеш. *Adam s tĕma truchlivýma očima dělal 'pom-pom, když Martínek zpíval...* (КČ—96).

2. Глаголы движения (полнозначные): слов. *Chvíľu stál so sklonenou hlavou, premýšľal* (JT—204); польск. *Wracam do domu z gołq głowq, trzymajq pod pachq mojq maciejówke* (II—1166).

3. Глаголы движения (служебные). Глагол 'ходить' в рассматриваемых конструкциях часто играет роль связки, и тогда вся конструкция используется лишь для сообщения о признаке R, характеризующем эмоциональное состояние Ps (в этом случае семантическая модель должна быть представлена только нижней своей частью); в роли характеризующей части тела выступает обычно голова, положение которой является отражением (а также символом) эмоционального состояния Ps, ср.: *ходить с поднятой головой — ходить с опущенной головой*; чеш. *Vzali mi tam nějak típec, chodí s hlavou svěřenou* (Př. III—675).

Русский язык проявляет тенденцию "свертывать" по мере возможности конструкции "с+твор." в деепричастия и прилагательные (в конструкциях с глаголами типа 1 и 2), ср.: *povedala s červenou tvárou / сказала, покраснев; oznámil s pobledlou tvárou / сообщил, побледнев; stál so sklonenou hlavou / стоял, склонив голову; wracam z gołq głowq / возвращаюсь бритый*. Такого свертывания не происходит при глаголе, выполняющем служебные функции, поскольку деепричастие может сопутствовать только полнозначному глаголу, выражая дополнительное действие; ср. слов. *ide so sklonenou hlavou / идет, опустив голову — chodí so sklonenou hlavou / ходит с опущенной головой*. Свертывание в прилагательное возможно и с неполнозначным глаголом, ср.: *Он пришел бритый* (≠ 'Его обрили') — *Он ходит бритый* (≠ 'Он бритый'). Лексемы типа 'покраснеть, побледнеть, бритый' представляют интерес в том отношении, что они относятся к классу слов, включающих в свою семантику и соответствующую часть тела (ср. приводимые в предыдущем разделе глаголы типа *смотреть, слышать, кивать, моргать и т.п.*).

4. Глагол 'иметь' (соответствующий в русской конструкции "у+род."). Конструкции "с+твор." с глаголом 'иметь' обозначают некоторое сочетание R, которое имеет отношение также и к Ps, например, *У него плохо с глазами (сердцем)*, ср. чеш. *"... jak to máš s tou rukou?"* (КČ—161).

Семантическая модель: $\underline{Ps: (R \in Ps) — St}$, где St (State) — состояние, в котором пребывает R. Семантическая репрезентация: 'о Ps говорится, что его часть тела R пребывает в состоянии St, которое отрицательно сказывается на Ps'.

Элементарные локативные модели

Локативные конструкции соответствуют синтаксическому типу $Ps_{Subj} — V — R_{Loc}$, где R_{Loc} — имя R, являющегося локусом действия — местом действия, исходной или конечной точкой действия, про-

изводимого Ps. В зависимости от этого все локативные конструкции, достаточно разнообразные в синтаксическом и семантическом отношении, можно разделить на три основных типа.

1. R — место действия, производимого Ps. Предикаты: 'Иметь'.

Локативные конструкции с глаголом 'иметь' различаются по характеру той субстанции, которая "помещается" в R — признаком внутренний—внешний. Признаком "внутренний" обладает некоторый абстрактный отчуждаемый R', расположенный в R, ср. польск. *masz oto v głowię porządek myśli*.

Семантическая модель: Ps: {[Ps ⊃ R']LocR}.

Признаком "внешний" обладает некоторый предмет или абстрактная сущность, относящиеся к внешнему миру и в описываемый момент находящиеся в локусе R, ср. польск. *...nad głową masz sklepienie z pokrzyżowanych pni, gałęzi, korzeni...* (6—856). Если имя R означает 'рука', 'пазуха', и т.п., то глагол 'иметь' изофункционален глаголу 'держатъ' (см. ниже): чеш. *Ten chlapec má v ručičce dopis*.

Семантическая модель: Ps: {[Ps ⊃ X]LocR}.

Семантическая репрезентация: 'О Ps говорится, что в локусе его части тела R помещается некоторый его абстрактный объект обладания R' или некоторый элемент внешнего мира X'.

'Держатъ' ('нести') в R. Семантическая модель аналогична предыдущей, ср: словц. *V ruke držel zvädnutou kyticu*; польск. *... srebrzyste dzbany na głowach niosą trzy ciemne boginie* (2—1166)

'Чувствовать' ('ощущать') в локусе R. Поскольку чувства и ощущения, вызываемые внешними факторами, относятся к сфере принадлежности Ps, то семантическая модель и семантическая репрезентация соответствует первому типу: словц. *V nohe som začítil palčivou bolesť*.

'Измениться' в локусе R (или в пределах локуса R): чеш. *narovnal se v křtíži*; польск. *zarumienił się na całej twarzy, mienił się na twarzy*. Изменение может затронуть поверхность тела Ps вплоть до локуса R: польск. *zaczernienił się po uszy, obnażył się do pasa*; чеш. *zapálil se až po uši*. Семантическая репрезентация: 'В локусе части тела R (в самом R или на поверхности тела Ps вплоть до R) происходит некоторое изменение (цвета, формы и т.п.), которое мыслится как изменение самого Ps'.

'Опереться' на R. В качестве опоры для Ps могут служить следующие R:

Ноги. Предикаты: 'быть': польск. *Nazajutrz o dziewiątej rano miał już być na nogach*; 'двигаться', 'стоять', 'стать', 'встать', 'вскочить': словц. *vtedy už stála zase na nohách*; такого рода предикаты относятся к разряду первичных специфических предикатов, поэтому с именем R они употребляются только в специфических контекстах, в частности, с атрибутом: польск. *Ktoś zadzwonił, wskoczyła na równe nogi*; чеш. *hněd se potáci na slabých nohou* (KJB—5—341); такие конструкции возможны и для неодушевленного possessora: польск. *Na srebrnej nodze stała taca*, ср. также у Ходасевича: *Едет коляска на красных колесах*.

Колени. Предикаты: 'стать, упасть на колени': слвц. *padol na kolená*. Кроме того, во многих славянских языках существует специфический предикат, включающий в свою семантику имя соответствующей части тела: польск. *klęczeć, klęknąć*, чеш. *klekat*, слвц. *kl'a-kať*, употребляющийся с именем R только при наличии другого, например, количественного, детерминатива, ср. польск. *pan Andrzej przyklęknął na jedno kolano*.

В качестве "опоры" могут быть использованы и другие части тела, ср. слвц. *Poručík sa oprel o lakte a sklonil tvár do dlani* (JT—22); — *A parkety sú šmyklivé, každú chvíľu môže človek padnúť na nos* (JT—187).

Семантическая репрезентация: 'Ps опирается на свою часть тела R'.

2. R — конечный пункт действия, производимого Ps. Конструкции этого типа могут выражать как элементарное, так и комплексное действие.

Элементарные действия. Предикаты:

'Взять' (в руки): польск. *Wziął do ręki podłużną białą kartkę* (JA—64).

Семантико-синтаксическая модель:

$Ps_{Subj} - V - R_{Loc}^{act} - X_{Obj.dir.}$

Семантическая репрезентация: 'Ps с помощью активной части тела R совершил действие, в результате которого в R оказался помещенным объект внешнего мира X'.

'Получить': чеш. *dostat kuku do nohy, dostat po nose, přes hubu*, польск. *Nigdy jeszcze tak brzydko nie wziętem po pysku* (7—761); *Nie zaczynaj ze mną, bo dostaniesz w skórę* (8—329).

Семантическая репрезентация: 'Ps испытывает от лица X отрицательное воздействие в локусе R, что трактуется менталитетом как действие самого Ps'.

Семантическая модель: $[X^{act} - V' - Ps^{pass}] LocR^{pass}$ ('Лицо X совершает действие V' в локусе $R \in Ps$, желая причинить вред Ps').

Семантико-синтаксическая модель: $[Ps_{Subj}^{pass} - V] - R_{Loc}^{pass}$.

Комплексные действия. Предикаты: 'поместить, приблизить предмет X к R': чеш. *Přehodil si přes rameno kabelu snářadím*; слвц. ... *vložil jú <fotografiu> nad srdcom do leteckej blúzy* (JT—92); польск. *Gdy niósł herbatę do ust, prysło cienkie uszko* (7—1064).

Семантическая репрезентация: 'Ps с помощью своей активной части тела R' помещает предмет внешнего мира X в локус части тела R'.

Семантико-синтаксическая модель:

$\{Ps_{Subj} - V - [-R_{instr}^{act}] - X_{Obj.dir.}\} - R_{Loc}^{pass}$.

3. R — исходный пункт действия, производимого Ps.

Элементарные действия. Предикаты: 'выпустить (из рук)': чеш. *"Pět chalup nepustím z ruky"* — *říká komisář* (JS—131); 'смотреть', 'говорить'. (имя части тела обозначает источник и/или преграду): чеш. ... *Adam zahučel na půl huby Zdař bůh* (18); польск. *Jeszcze się raz przez ramię obejrzał na pasażerkę* (JB—8); слвц. ... *pozrela spod mihalnic na Te Wonga* (JT—143); *Cez zasľzené oči videl, že sa mu podarilo pretrhnúť horiaci kábel* (JT—18); чеш. *na něho Adam podíval z těch zapadlých oči* (KČ—290). Семантическая

репрезентация: 'Ps совершает некоторое действие, направленное изнутри во внешний мир, исходной точкой действия или преградой вблизи источника действия является R'.

Семантическая модель элементарного действия: $[Ps_{Subj} - V] - R_{Loc}^{act(pass)}$, где R_{Loc}^{act} — источник действия (напр., *выпустить из рук, divát se z očí*); R_{Loc}^{pass} — преграда вблизи источника действия (*бурчать сквозь зубы, смотреть через плечо*).

Кроме того, предикат таких конструкций может обозначать выход Ps из R, снятие верхнего покрова — у животных и, в переносном смысле, — у людей, ср. чеш. *Had se svlékl (z kůže)* (III—638) 'змея вылезла (букв. "разделась") из кожи'; польск. *Wippo ze skóry wychodził, aby rycerzom dogodzić* (8—29). К слову сказать, такая "анимализация" в оценке человеческих поступков всегда имеет целью подчеркнуть неестественность подобных действий для человека (ср. также выражения типа *вилять хвостом, ползать на брюхе, вынюхать*, т.е. действовать подобно собаке, *шипеть, извиваться*, т.е. действовать подобно змее и т.п.). Подобные конструкции возможны и для неодушевленного посессора, ср. польск. *Rzeka wystąpiła ze swych brzegów* (10—384).

Семантическая репрезентация: 'Ps совершает некоторое действие, в результате которого он выходит из R, представляющего собой оболочку Ps'.

Комплексные действия, например, *вынуть занозу (себе, у себя) из пальца*. Семантическая репрезентация: 'Ps с помощью своей активной части тела R' перемещает предмет X из локуса части тела R во внешнее пространство'.

R является локусом тактильного возвратного действия, совершаемого Ps. Такого рода конструкции выражают комплексное действие, совершаемое Ps, объектом которого является сам Ps (что выражается возвратной частицей или возвратным местоимением), ср. слов. — *Ale ja, — buchol sa hrdo do pfs, — Ja nepoznám nič* (JT—245); польск. *Pogladził się bezradnie po swych spoconych kosmykach włosów* (6—789); *Poskrobali się znowu w głowę, spojrzeli na siebie i odchrząknęli* (6—1110); чеш. *poškrábat se za uchem* (21—801); *poškubávat se za vous* (21—801).

Приведенные конструкции, имеющие синтаксическую модель $Ps_{Subj} - V - Pron_{acc}^{refl} - R_{Loc}$, представляют собой рефлексивный вариант аккузативно-посессивных конструкций типа русск. *погладить кого-либо по голове, ударить кого-либо по руке* и т.п. (см. ниже). По сравнению с дативно-посессивными прямообъектными конструкциями, выражающими тактильное рефлексивное действие (см. выше, с. 77), совершаемое обычно бессознательно и имеющее своим объектом Ps, аккузативно-посессивные конструкции, выражающие локативные действия, совершаемые в локусе R, имеют целью через часть тела оказать воздействие на самого себя.

Глаголы типа 'ударить' не употребляются в дативно-посессивных конструкциях, поскольку прямым объектом такого действия может быть только одушевленный предмет, ср. *ударить человека* — **ударить стол* (в дативно-посессивных конструкциях объектом дейст-

вия является часть тела, т.е. предмет неодушевленный, ср. *ударить себе/кому-либо ногу). В то же время удар, направленный на себя, в обычной ситуации не совершается с намерением причинить себе вред, а является либо реакцией на нечто, происходящее во внешнем мире (ср.: ударить себя по колену — например, услышав радостное или, наоборот, неприятное известие), либо символическим движением, например, ударить себя по лбу — символ "наказания себя" за забывчивость (удар по "провинившейся" части тела), ударить себя в грудь — символ указания на себя (на сердцевину, средоточие себя) и т.п. Для глаголов чесать и гладить возможны оба типа конструкций, причем для глаголов типа гладить предпочтительны аккумулятивные конструкции, если действие осознанно и имеет своим объектом самого человека (ср. погладить себя по животу, погладить кого-либо по голове), и дативные конструкции, если действие безотчетно и имеет своим объектом часть тела (ср. в задумчивости поглаживать (себе) бороду). Для глаголов типа чесать предпочтительны дативные прямообъектные конструкции, поскольку объектом такого действия является обычно зудящая часть тела, а не ее обладатель, ср. почесать себе голову. Особенно решительно не принимает в этом случае аккумулятивных конструкций русский язык, и даже в сочетании с локативом (который неизбежен, если речь идет не о самой части тела, а действительно о ее локусе — внутреннем или внешнем) употребляется или подразумевается датив возвратного местоимения, ср. почесать себе /кому-либо за ухом [аккузатив предпочтителен, если действие совершается по отношению к животному, поскольку оно имеет целью воздействие на possessора: почесать собаку (кошку) за ухом — ср. модели II класса].

Семантическая репрезентация аккумулятивно-локативного действия: 'Ps совершает действие с помощью своей части тела R' в локусе части тела R. При этом R мыслится как часть Ps, через которую Ps воздействует на самого себя'.

Семантико-синтаксическая модель:

$$\{ \text{Ps}_{\text{Subj}} \rightarrow \text{V} \rightarrow [\text{R}'_{\text{instr.}}^{\text{act}}] \rightarrow \text{Ps}_{\text{Obj. dir.}}^{\text{pass}} \} \rightarrow \text{R}_{\text{Loc}}$$

Комплексные модели

Комплексные модели I класса представляют собой различные комбинации вышеописанных элементарных. Если элементарные могли выражать как элементарное, так и комплексное дейс $\langle \text{Ps} \rangle$, то с помощью комплексных моделей можно выразить только комплексное действие. Комплексные модели могут быть нескольких типов в зависимости от того, какие элементарные модели являются их компонентами.

Комплексная модель — комбинация инструментальной и локативной (типа 4) элементарных моделей (R_{Loc} , $\text{R}'_{\text{instr.}}$).

Инструментально-локативные синтаксические модели ($\text{Ps}_{\text{Subj}} — \text{V} — \text{R}'_{\text{instr.}} — \text{R}_{\text{Loc}}$) служат для выражения действия, совершаемого Ps с помощью его части тела R' в локусе части тела R, ср. словц. *Kapitán si zase prešiel suchou dlaňou po čele* (JT—232); польск. *Poskrobal*

się ręką po głowie (6—1110). Семантическая репрезентация: 'Ps совершает действие с помощью своей части тела R' в локусе части тела R. При этом R мыслится как часть Ps, а действие — как затрагивающее (или направленное на) Ps' [на затронутость (или направленность на) Ps указывает дательный (или винительный) падеж возвратной частицы (местоимения). (О семантических различиях между дативно-посессивными и аккузативно-посессивными структурами — см. выше)].

Семантико-синтаксические модели:

$$\{Ps_{Subj} - V - R'_{instr}{}^{act} - Ps_{Obj.dir.}{}^{pass}\} - R_{Loc}$$

или

$$\{Ps_{Subj} - V - R'_{instr}{}^{act} - Ps_{Obj.indir.}{}^{pass}\} - R_{Loc}$$

— в зависимости от актантной позиции возвратного местоимения.

Комплексная модель — комбинация аккузативной и локативной элементарных моделей (R_{Loc} , $R'_{Obj.dir.}$).

Синтаксические конструкции этого типа [$(Ps_{Subj} - V - R'_{Obj.dir.}) - R_{Loc}$] могут иметь различное семантическое наполнение в зависимости от семантического типа предиката и от типа входящих в них имен объектов обладания, а именно, помимо конструкций с именами частей тела в позициях прямого объекта и локатива, возможны конструкции, в которых одну из позиций занимает имя неотчуждаемого конкретного или абстрактного объекта обладания, так или иначе связанного с телом (неотчуждаемые материальные субстанции, например, слезы, кровь, пот и т.п., предметы одежды, находящиеся в описываемый момент на теле человека, и т.п.).

Предикатами таких конструкций являются глаголы действия, и соответствующие им конструкции различаются в зависимости от того, является ли R' местом действия, конечной или исходной точкой действия. Поскольку действие комплексное, то конструкция содержит, как правило, возвратную клитику в дательном падеже.

1. R — место действия; предикаты обозначают обычно тактильное действие:

1а. R' — часть (или часть части) тела, расположенная в локусе R: чеш. *Rval si vlasy na hlavě; Ani oholený nejsem, mrzí se Standa a ohmátává si pod nosem a na bradě těch pár štětinek* (KČ—144); польск. ... *skubał wciąż jakiś kosmyk w swojej brodzie* (FK—144); следует заметить, что русское возвратное местоимение может стоять как в дативе, так и в локативе (*y* — локализатор), в зависимости от того, подчеркивается ли затронутость агенса совершаемым действием (датив, действие совершается "для себя", обратная связь от прямого объекта к Ps) или локус размещения R' на теле Ps (он же локус совершаемого действия, обратная связь от локуса к Ps), ср. *Она поправила (себе) волосы надо лбом — Она поправила волосы у себя надо лбом*. Приведенные выше конструкции возможны, по-видимому, только с именами отрастающих частей тела (поскольку для остальных частей тела нет необходимости указывать их координаты на теле человека). R может представлять собой также предел,

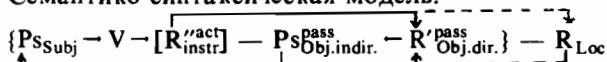
до которого распространяется действие, направленное на R', ср. польск. *Pan Anastazy ostrzygl sobie włosy przy samej skórze* (5—1175);

16. R' — часть тела, включающая в себя R, например, *Ona oцарапала себе ногу под коленкой*, где R' обозначает локус части тела Ps, подвергнутой упомянутому действию;

1в. R' — часть тела, перемещенная в локус R, ср. чеш. *Upadám, jako ženská s dítětem, jak chováт na prsou tu hloupou ruku* (KČ—169);

1г. R'' — предмет одежды, расположенный на R': чеш. *Napravila si dívka věnec na hlavě* (Př. III—181); слвц. *Io Sing si ohmatával na prsiach zakrvavenú blúzu* (JT—150); польск. *Pasa poprawił na brzuchu sporyт...* (6—1019). Семантическая репрезентация: 'Ps совершает некоторое действие с помощью своей части тела R, направленное на свою часть тела или предмет одежды R', расположенный (помещенный) в локусе части тела R, причем действие мыслится как затрагивающее Ps'.

Семантико-синтаксическая модель:

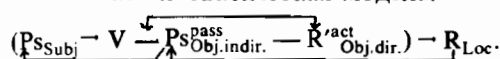
(в модели представлены оба возможных варианта обратной связи).

2. R — конечный пункт действия (перемещения R' в локус R). Такие конструкции могут быть трех типов:

2а. Ps помещает часть тела R' в локус части тела R, например, слвц. *Yvetta si dala ruku pred ústa* (JT—172); *Starec položil si prsty na oči* (JT—152); *Poručík sklonil tvár do dlaní* (JT—22); польск. *Zielony ptak w koszu ci:hutko ukucnął do snu, wsunąwszy głowę pod zdrowe skrzydło* (2—1166);

2б. Ps помещает часть тела R' в локусе предмета одежды R, например, чеш. *strčít (zastrčít si) ruce do kapes* 'сунуть (засунуть) руки в карманы'; Следует отметить, что в приведенных семантических типах конструкций объект действия и активная часть тела совпадают; активная часть тела совершает элементарное по сути действие перемещения (ср. прямообъектные элементарные модели элементарного действия), однако конечным пунктом действия является другая часть тела, которая могла бы принадлежать и другому посессору (ср. *staréc položil si/mu prsty na oči*). Поэтому такое действие следует рассматривать как комплексное. Обратная связь возможна только от локуса, поскольку принадлежность активной части тела посессору очевидна. Необходимость в возвратном местоимении (даже в тех языках, где оно наиболее часто) отпадает в случае, если действие носит более обычный (рутинный) характер, ср. чеш. *strčít ruce do kapes / zastrčít si ruce do kapes*. Семантическая репрезентация: Ps 'совершает с R' действие с участием R' и только этого R'; в результате такого действия R' перемещается в локус R, принадлежащего Ps. Действие рассматривается как затрагивающее Ps'.

Семантико-синтаксическая модель:

2в. Ps перемещает предмет одежды R' в локус части тела R, например, чеш. *vložit si věnec na hlavu*; польск. *Włożywszy na nos okulary sylabizował cicho list* (5—355); *Panna Józefa ... na ręce naciągała ciemne rękawiczki* (7554).

Очевидно, что такого рода действия не могут быть совершены без помощи активной части тела — орудия R".

Семантическая репрезентация: 'Ps с помощью своей активной части тела R' перемещает свой объект обладания R' в локус части тела R. Действие рассматривается как затрагивающее Ps'.

Семантико-синтаксическая модель:

$$(Ps_{Subj} - V - [R'_{instr}^{act}] - Ps_{Obj.indir.}^{pass} - R'_{Obj.dir.}^{pass}) \rightarrow R_{Loc}$$

Обратная связь возможна, по-видимому, только от R_{Loc}, находящегося на более близкой к Ps ступени по степени неотчуждаемости.

3. R — исходный пункт действия (перемещения R' из локуса R). Здесь возможны следующие семантические типы конструкций:

3а. Ps удаляет часть тела (или часть части тела) R' из локуса части тела R. Подобные действия часто связаны с причинением себе вреда — сознательно, под влиянием душевного потрясения, или по неосторожности: польск. *Wyrywał sobie włosy z głowy i kłął od jasnych piorunów* (5—636); *Przy upadru starła sobie do krwi skórę z obu kolan i z łokci* (8—328).

3б. Неотчуждаемую материальную субстанцию R', выступившую "изнутри" части тела R, Ps удаляет с поверхности R, например, чеш. *umýt si obličeje krev* (987), словц. *Pokúšal sa utrieť s tváre krev, ale bola už zaschnutá* (JT—105).

3в. Ps удаляет предмет одежды или другой предмет R' с поверхности (изнутри) части тела R, например, чеш. *svléknout prsten s prstu* (111—638), словц. *Dával si dole iba kuklu z hlavy a tak jedli v praconím odeve* (JT—123); польск. *Wyjął fajkę z ust i strząsnął popiół na podłogę* (12—29).

Семантическая репрезентация (для пп. 3 абв): 'Ps с помощью своей активной части тела R' перемещает свой объект обладания R' из локуса своей части тела R'.

Семантико-синтаксическая модель:

$$(Ps_{Subj} - V - [R'_{instr}^{act}] - Ps_{Obj.indir.}^{pass} - R'_{Obj.dir.}^{pass}) \rightarrow R_{Loc}$$

3г. Ps удаляет часть тела R' из локуса предмета одежды R, например, чеш. *vytáhnout ruku z kapsy*.

Семантическая репрезентация: 'Ps совершает с R' действие с участием самого R'; в результате такого действия R' удаляется из локуса R'.

Семантико-синтаксическая модель:

$$Ps_{Subj} - V - R'_{Obj.dir.}^{act} - R_{Loc}$$

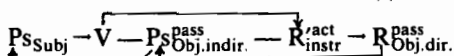
Существенно, что действие "удаления" может быть представлено только нерелективной моделью, что связано с языковым менталитетом: всякое разъединение предполагает предшествующую этому связь,

соединение же такой связи не предполагает: чеш. *zastřít si ruku do kapsy / vytáhnout ruku z kapsy*; русск. *засунуть руку (к себе) в карман, но: вынуть руку (*у себя) из кармана* (ср. также ниже — конструкции, обозначающие надевание / снятие одежды).

Комплексная модель — комбинация инструментальной и аккумулятивной моделей ($R_{Obj.dir.}$, $R'_{instr.}$). Действие совершается активной частью тела — орудием и направлено на пассивную часть тела — объект. Такие действия обычно выражаются в языке элементарными моделями комплексного действия (см. выше стр. 74), в которых инструмент действия (обычно рука / руки) эксплицитно не называется — за исключением случаев: 1) если действие может быть совершенно и другим инструментом: 1а) предикаты типа 'закрыть', 'заслонить': чеш. *zastřít si tvář dlaněmi / zastřít si tvář škraboškou* (IV—623); 'сдавить': польск. *Obu dłońmi scisnęła pulsującą mocno skronie* (8—1254); 1б) переместить: чеш. *Po chvíli žena vztyčila hlavu a odhrnula rukou pramen vlasů nazad* (JAr—13) (откинуть назад волосы можно и движением головы); чеш. *nadzdvihl malý pán ukazováčkem víčka a smutně se podíval* (JS—50) (предполагается, что в данной ситуации веки поднимаются движением самих век — ср. например, приводимый А. Вежицкой: *Pierre s'est levé la tête (avec les mains)*); 2) если действие обычно совершается другим инструментом, например, чеш. *utírat si rukama obličej* [глагольное сочетание "вытереть лицо" (без указания инструмента) предполагает использование полотенца или платка, а не рук].

Семантическая репрезентация: 'Ps с помощью своей активной части тела R' совершает действие, направленное на пассивную часть тела R. Действие рассматривается как затрагивающее Ps'.

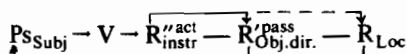
Семантико-синтаксическая модель:

Комплексная модель — комбинация элементарных аккумулятивной, локативной и инструментальной моделей (R_{Loc} , $R'_{instr.}$, $R'_{instr.}$). По таким моделям строятся предложения типа: *Гимнаст руками прижал колени к животу*, польск. *Ruchem głowy odrzuciła z czoła wicher swych bardzo jasnych włosów* (9—992); чеш. *odhrnout rukou vlasy z čela*.

Семантическая репрезентация: 'Ps движением своей активной части тела R'' перемещает пассивную часть тела R' в локус (из локуса) части тела R'.

Семантико-синтаксическая модель:

Комплексная модель — комбинация элементарных адвербиальной и локативной моделей. Имеются в виду предложения типа польск. *Leżeli w zamierającej trawie, z rękami pod głową, z podciągniętymi kolanami* (10—387); *Z założonymi na piersiach rękami stał w kącie jak skamieniały* (10—387); чеш. *chodit s rukama v kapsách* и т.п.

Семантическая репрезентация: 'Ps совершает некоторое действие,

во время которого его часть тела R' находится в локусе части тела R' .

Семантическая модель:

$$\begin{cases} Ps - V \\ Ps: [Loc (R \in Ps)] (R' \in Ps) \end{cases}$$

Модели II к. эсса

Модели II класса — модели с Ps — не субъектом — подразделяются на элементарные и комплексные в зависимости от того, один или несколько R участвует в описываемом моделью типе действия.

Элементарные модели II класса могут быть номинативные, аккузативные и локативные в зависимости от синтаксической позиции имени R .

Элементарные номинативные модели

Такие модели обозначают действия, агенсом которых является часть тела; при этом действия, производимые частью тела, могут рассматриваться как не затрагивающие Ps , как затрагивающие Ps и как воздействующие на Ps , чем определяется семантико-синтаксическая структура высказывания. С этой точки зрения можно выделить три типа предикатов: 1) предикаты, обозначающие действия, не затрагивающие Ps , например, 1а) глаголы бытия: слов. *Velitel'ove oči ostali prisne* (JT—201); 1б) глаголы, обозначающие действия, направленные "вовне", во внешний мир, например, польск. *Twarze tych dziewcząt zdradzały jakąś mieszaninę dziecinności i niegodziwości* (FK—156) и т.п. Такие действия выражаются семантико-синтаксической моделью $(R \in Ps) - V$ и имеют следующую семантическую репрезентацию: 'Часть тела R , принадлежащая Ps , совершает действие V ' (статическое отношение $R \in Ps$ может быть выражено тремя способами: $Prop_{poss}$, Gen_{poss} и $Attr_{poss}$). Следует заметить, что затронутость — незатронутость по-разному расценивается менталитетом разных языков, поэтому набор таких предикатов для каждого языка различен [ср. Вежицка 1979]; 2) предикаты, обозначающие действия, которые в пределах данного языкового менталитета могут расцениваться и как затрагивающие, и как не затрагивающие Ps , ср. чеш. *její oči zářily / oči jí zářily* (IV—601) (в первом случае действие рассматривается как направленное наружу — свет глаз в восприятии внешнего наблюдателя; во втором случае действие расценивается как связанное с внутренним состоянием Ps); 3) предикаты, обозначающие действия, которые не могут не затронуть Ps или не могут не воздействовать на него.

В зависимости от актантной позиции Ps следует различать дательно-посессивные и аккузативно-посессивные модели.

Дательно-посессивные модели образуются помощью предикатов следующих семантических групп:

1. Предикаты, выражающие некоторое событие, произошедшее с R под влиянием внешних причин.

Событие, отрицательное для Ps, например, чеш. *Rovný hnát se mi zlomil*; польск. *Miał rękę złamaną i kość mu się źle zrosła* (X—1142). Важно отметить, что такое языковое осмысление ситуации возможно только для внутренних органов и внутренних участков тела. Внешние части тела не могут выступать в роли агенса отрицательных событий, являющихся обычно следствием действия внешних по отношению к R агентов: самого Ps или агенса внешнего по отношению к Ps, ср.: *złamał się mi ząb*, но **noga mi się złamała* (ср.: *złamałem sobie nogę, X zranił nogę Y-owi*).

Событие, положительное по отношению к Ps, например, чеш. *Zlomená kost mu dobře srostla* (28—507); такие конструкции еще более малочисленны и также ограничены названиями внутренних органов.

Семантическая репрезентация: 'С внутренним органом R произошло отрицательное (положительное) событие, которое отрицательно (положительно) затрагивает Ps'.

2. Предикаты, обозначающие изменение в R под влиянием внутреннего состояния Ps, ср., например, словц. *...nohy sa mu podlamovali od vzrušenia. Ruky sa mu chveli* (JT—15); чеш. *Standovi se nějak točt hlava; Standovi tluče srdce*; польск. *Oczy mu zamigotały surowością*. Семантическая репрезентация: 'В части тела R происходят изменения под влиянием внутреннего состояния Ps. При этом само изменение расценивается как имеющее отношение к Ps'.

3. Предикаты, обозначающие некоторое постоянное действие или состояние R, являющееся по сути его признаком и отражающее некоторую черту характера самого Ps, ср., например, словц. *Živé oči mu behali po všetkých kútoch* (JT—244) (—Ps любопытен); *oči, hlboko položené, mu svietili krotkou modrou farbou* (JT—165) (—Ps добр). Таким же способом может характеризоваться и внешность Ps: словц. *Vlnisté zlatisté vlasy sa mu leskli v slnečnom lúči* (JT—165). Как уже говорилось, в русском наличие атрибута при R мешает оформлению конструкции с у-локализатором, ср. *Его волосы (волосы у него) сверкали на солнце* — *Его волнистые волосы (*волнистые волосы у него) сверкали на солнце*.

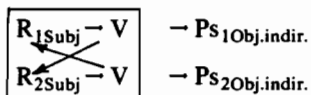
По справедливому наблюдению А. Вежицкой, дательно-посессивные конструкции с R-агентом возможны только в том случае, если признак R трактуется как процесс ("усиление признака"). ср. словц. *Je stále chudšia vlasy mu šediviejú* (JT—130); *oči mu ešte väčšmi zbystreli...* (JT—245); польск. *Głowa mu ciężała* (9—1420) *Włosy znacnie mu się przerzedziły* (9—1169); *włosy ... jej odrosły* (KŻ—125) при невозможности конструкций: **vlasy mu sú šedivé; *oči mu sú bystré*. Русская конструкция с у-локализатором не знает таких ограничений: *Волосы у него поседели (поредели)* — *Волосы у него седые (редкие)*.

Семантическая репрезентация: 'Нечто происходит с частью тела R, что является следствием, и потому — отражением свойств самого Ps'.

Семантико-синтаксическая модель: $\boxed{\text{R}_{\text{Subj}} - \text{V} - \text{Ps}_{\text{Obj.indir.}}}$

Взаимно-возвратные дательно-посессивные модели: 'Части тела R₁ и R₂, принадлежащие соответственно посессорам Ps₁ и Ps₂, совершают взаимные действия, затрагивающие обоих посессоров', ср. словц. *Oči sa im stretli* (JT—173) 'Их глаза встретились'.

Семантико-синтаксическая модель:

В номинативных аккумулятивно-посессивных моделях агенсом является имя части тела, а Ps рассматривается как объект действия. Предикат таких конструкций обозначает различные отрицательные для Ps физические ощущения, расцениваемые менталитетом ряда языков как действия, "направленные" на Ps, ср. словц. *Ruky ho nesmierne boleli* (JT—105); польск. *Lonię od tego czasu zaczęła boleć głowa* (P); чеш. *Boolí mě noha*.

Кроме глагола 'болеть', в такие конструкции входят глаголы типа 'чесаться', 'свербеть' и т.п., например, чеш. *svědí mě oko* (623); *kůže ho svrbí; celé tělo ho svrbělo* (Sl.č. 643), польск. *Patę dowiedzieli dokuczliwie mnie swędziały* (8—940).

Действия, отражаемые дативно-посессивной и аккумулятивно-посессивной номинативными моделями, русский языковой менталитет трактует как действия и процессы, протекающие в локусе *r's*. 'у меня сломался зуб, у меня болит голова, у меня зудит плечо' и т.п.

Семантическая репрезентация: 'Нечто происходит с частью тела R, принадлежащей Ps, что оказывает действие на Ps'.

Семантико-синтаксическая модель:

[R_{Subj} — V] — Ps_{Obj.dir}.

Могут встречаться конструкции, оформленные по моделям с другой (не дативной и не аккумулятивной) позицией Ps, например, с локативной его позицией: польск. *Nogi ugięły się pode mną* (KZ—114); *Zachwiał się, kolana ugięły się pod nim* (9—495). Подобные конструкции находятся на периферии плана выражения категории посессивности, однако они интересны в том отношении, что представляют Ps и R как семантически неотчуждаемые, но пространственно независимые друг от друга сущности (ср. описанные выше конструкции с R-опорой типа *стоять на ногах* и т.п., а также некоторые другие конструкции, периферийные в плане выражения, но существенные с точки зрения пространственного осознания целого и его части, характерного, по-видимому, для менталитета древних социумов, для которых "относительно и само понятие границы тела" [Топоров 1986; 159], что позволяло структурировать тело как пространство, противопоставляя часть — целому: чеш. *vložit na sebe ruku* (IV—119) и т.п.

Субъектом действия в таких конструкциях является лицо, предмет или субстанция, внешние по отношению к Ps, а орудием в большинстве случаев — часть тела этого лица, поэтому такое действие следует рассматривать как комплексное.

Действие, направленное на R, может затрагивать или не затрагивать Ps, и в зависимости от этого возможны 2 типа моделей, соответствующие моделям I класса типа C (незатронутость) и B (затронутость) (см. выше, с. 75).

Действие, не затрагивающее Ps, выражается с помощью семантико-синтаксической модели: $X_{\text{Subj}} - V - (R \in \text{Ps})_{\text{Obj.dir.}}$.

Семантическая репрезентация: 'Лицо X совершает действие, объектом которого является часть тела R, принадлежащая Ps'. Предикатами таких конструкций являются обычно глаголы восприятия, мышления, т.е. такие, семантика которых связана с процессами, протекающими "внутри" агенса, а не пациенса, ср. словц. *Rada by som stála po boku niekoho, ktorého tvár, oči, úsmev som si uchovala v pamäti* (JT—49); *Duval videl Ivine žiariace oči* (JT—89); польск. *Widział ... z jej twarz blisko przed sobą...* (77). В этой связи интересно отметить существующую в ряде языков разницу в семантике глаголы *видеть* и *смотреть*: первый обозначает действие, направленное "внутри" агенса, а второй — "наружу", во внешний мир. Эта особенность отмечена для польского языка в упомянутой работе А. Вежбицкой, ср.: *Patrzył na twoje nogi / ci na nogi — Widział twoje nogi / *Widział ci nogi*. Такая же дифференциация значений свойственна и многим другим языкам, ср. русск. *смотреть на чью-либо спину / кому-либо в спину — видеть чью-либо спину / *кому-либо спину* (конструкции с глаголом *смотреть* оформляются по локативным моделям и будут рассмотрены ниже).

Действие, затрагивающее Ps, выражается с помощью семантико-синтаксической модели:

$$X_{\text{Subj}} - V - \begin{array}{c} \text{Ps}_{\text{pass}} \\ \text{Obj.indir.} \end{array} - \begin{array}{c} \text{R} \\ \text{Obj.dir.} \end{array} - \left[(R \in X)_{\text{instr.}}^{\text{act}} \right].$$

Семантическая репрезентация: 'Лицо, предмет или субстанция, внешние по отношению к Ps, совершают некоторое действие, направленное на его часть тела R и затрагивающее Ps'. Предикаты таких конструкций очень разнообразны по своей семантике; многие из них допускают оба типа моделей, т.е. обозначают действие, которое может восприниматься как затрагивающее и не затрагивающее Ps; некоторые из них допускают только второй тип модели. Семантические группы предикатов сходны с группами предикатов соответствующих моделей с Ps-агенсом, однако внутри этих групп наблюдаются некоторые отличия.

1. Косметические и гигиенические действия, например, словц. *Masiroval som tu ramená* (JT—81); польск. *Fryzjer ... mydłał ci <Wokulskiemu> policzki z szybkością piorunu, mówił dalej* (4—928). Такие предикаты более распространены в моделях I класса, поскольку обозначают рутинные действия, осуществляемые обычно самим Ps.

2. Ласкательные действия, осуществление различных требований этикета и т.п. Действия такой семантики могут восприниматься как затрагивающие Ps, ср., например, чеш. *pohládit dítěti hlavečku* (20—685); *zlibáti někomu tváře, ruce* (IV—773), слвц. *matka hladkala im tváre* (JT—103). Ласкательные действия совершаются обычно с целью доставить радость другому лицу, поэтому чаще объектом действий является не часть тела, а сам человек, а часть тела является локусом действия (ср. ниже, элементарные локативные модели с аккузативной позицией Ps). Если же такое действие совершается в ритуальных целях, вызвано требованиями этикета, то оно не рассматривается как затрагивающее Ps, агент совершает его "для себя", поскольку не имеет права поступить иначе, ср. польск. *Pan Andrzej przykleknął na jedno kolano i ucałował ze czcią dłoń królowej, która go jeszcze poglaskała po głowie* (VI—789) 'Пан Анджей стал на одно колено и с почтительностью поцеловал руку королевы (*королеве), которая его при этом погладила по голове'. На этом примере ярко видно, как языковой менталитет дифференцирует иерархию человеческих отношений: действие королевы выражено аккузативно-посессивной (наиболее "фамильярной") конструкцией, действие ее подданного — конструкцией "незатрагивающего" действия. Ср. также — в различных социумах — ритуалы целования края одежды, земли у ног владыки, земли на почтительном расстоянии от него и т.д. — чем больше социальная дистанция — тем выше страх "затронуть действием". "Не затрагивающее" ласкательное действие, действие "для себя" может совершаться, разумеется, и в тех случаях, когда оно имеет целью доставить себе (агенту) радость, удовольствие, ср. польск. *Siadał przy bufecie, pił piwo, całował w rękę barmanki, glaskał ich ramiona* (P). В этом примере представлено также два типа действий: первое — целование рук — с целью расположить к себе, второе — "для себя". Различие между русской и польской конструкциями объясняется парадигматическим различием в оценке частей тела с точки зрения их иерархии. Польский язык оформляет ласкательные действия либо с помощью аккузативно-посессивных моделей (действие направлено на Ps), например, *całować kogoś w rękę*, либо с помощью моделей "независимого действия" (*gladzić, całować czyjeś ramiona*). Русский язык при обозначении ласкательных действий дифференцирует части тела, по-видимому, по принципу близости/удаленности от центра, средоточия Ps. Признаком "близкий" наделяются такие части тела как голова, глаза, губы, щеки, шея, спина, плечи; признаком "далекий" — в первую очередь конечности. Первые в большей степени репрезентируют Ps и поэтому служат локусом воздействия на него, вторые служат объектом действия, затрагивающего Ps, ср.: *X поцеловал У-а в голову (*X-у голову) — X поцеловал У-у руку (*У-а в руку)*. Характерно, что модели независимого действия также наиболее употребительны с более удаленными от центра частями тела, ср.: *поцеловать чью-либо руку — *поцеловать чью-либо голову*. С именем руки возможна также конструкция с у-локализатором, занима-

ющая по своей семантике промежуточное положение между моделями затрагивающего и независимого действия, ср.: "...это твой посаженный отец, поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит" (Пушкин). Таким образом, русский язык обнаруживает 4 ступени затронутости Ps ласкательным действием: I — независимое действие: *X поцеловал руку Y-a*; II — действие в пространстве Ps (слабая степень затронутости Ps действием): *X поцеловал руку у Y-a*; III — действие, затрагивающее Ps: *X поцеловал руку Y-y*; IV — действие, направленное на Ps: *X поцеловал Y-a в голову*.

3. Действия типа 'заслонить' / 'открыть', 'осветить' (часть тела по отношению к внешнему миру), например, польск. *Trzymaj, myśliwce, ptaka na dłoni, zakryj tu oczy złotym kapturem* (3—540); слвц. *Zapchal tu ústa, keď začal volat' o potoc*; (JT—126); *Aby tu v noci osveťoval tvár aj jedna malá bodka. Zem.* (JT—79);

4. 'сжать', 'сдавить', 'схватить' и т.п.: слвц. *Ešte raz stisol majorovi ruku* (JT—37); *O'Brien jej chytil ruku, bola horúca* (JT—108) / *O'Brien схватил ее руку, она была горячая* (в современной русской конструкции *схватить её руку* архаична). Глагол 'взять', 'взять', еще в меньшей степени затрагивающий Ps, чем схватить, может быть употреблен только в конструкциях "независимого действия", ср. польск. *Więźniarka ... wzięła swoją rękę i zaczęła nakłuiwać koleję numer* (KŽ);

5. Действия, описываемые "ключевыми" предикатами 'испортить' — 'исправить'.

'Испортить': 'поцарапать', ср. польск. *Galęzie krzewów twarz mu podrapały* (6—703); 'вывихнуть': чеш. *vymknout soupeři při zápase palec* (IV—282); 'перерезать': польск. *Widziałem, jak jeden ręką flaszkę odbijał, to mu żyły przecięło* (JK—28); ранить: польск. *Dostał kulę, która zraniła mu nogę* (X—1270); разбить: чеш. *rozbít nepřátelům hlavy* (III—86); затянуть: чеш. *zadrhnu tu chřtán provazem*; 'сжечь': слвц. *Iba vlasy som jej spalil* (JT—102); 'исправить': чеш. *V nemocnici mu spravili ruku*; слвц. *Mój záchrance mi prevetral plúca mocnými dávkami kyslíka...* (JT—80). Конструкции с глаголами типа 'исправить' встречаются значительно реже, что глубоко связано с картиной мира и человеческим менталитетом: исправлять творение природы не следует, а нанести ему вред легко. Не случайно глагол 'исправлять' в таких конструкциях часто имеет отрицательный (и даже угрожающий) для possessора смысл: чеш. *Ten jim hlavy spraví; Radili mnozí: Dejte jej odvésti, aby vojna tu křivou hlavu narovnalá* (Př. III—181) (интерес представляет в связи с этим также польск. *oprawca* 'палач, 'мучитель').

6. Предикаты, связанные с нарушением отношения $R \in Ps$: 'изъять': польск. *Przechodzień jakiś o mało mi oka nie wyjął parasolem* (X—29); чеш. *vyndat někomu zub*; 'отрезать': польск. *Mieczem okrutnie przez głowę i twarz go ranił i lewą rękę mu uciął* (7—819); чеш. *Turci usekali křešťanům ruce a nohy* (III—1020). Такие действия по вполне понятным причинам рассматриваются, как правило, как затрагивающие Ps, однако в некоторых случаях они могут

оформляться и моделями независимого действия, и в этом случае результат действия мыслится имеющим значение для агента, а не для Ps, ср. польск. *W lewej ręce miał taką siłę, że jednym zamachem odcinał łeb konia* (5—659); 'снять кожу (шкуру)'; такое действие может расцениваться как затрагивающее и не затрагивающее Ps, ср. польск. *Zdzierali skórę z barana*; слвц. — *Si'ahnite z neho kožu! W mig tu (wołowi) zľupili skórę i — na ćwierci* (10—1168). Незатронутость выражается предложной конструкцией, соответствующей выражению такого же действия с неодушевленным предметом, ср. *снять кожу с апельсина*.

Элементарные локативные модели

Локативные элементарные модели очень разнообразны и могут быть разделены в первую очередь на две большие группы в зависимости от способа затронутости Ps описываемым моделью действием.

Локативные элементарные дативно-посессивные модели выражают действие, совершаемое в локусе R и затрагивающее Ps, и могут быть двух типов в зависимости от субъекта действия: а) субъектом действия может быть некоторый X (лицо, предмет, субстанция), воздействующий на некоторый предмет внешнего мира Y в локусе R; б) сам предмет или субстанция внешнего мира Y может совершать действие в локусе R. Кроме того, локативные элементарные модели II класса, так же как и локативные элементарные модели I класса, различаются в зависимости от направления действия, совершаемого в локусе R.

1. R — место действия. Семантическая репрезентация: 'Предмет внешнего мира X совершает некоторое действие в локусе части тела R посессора Ps, затрагивая этим действием Ps.'

Предикаты:

1) 'Находиться', 'происходить' в локусе R: слвц. *Hrá sa niekoho iného a smejú sa tu za chrbtom* (JT—190) / *Za chrbtom tu stál predseda akademie...* (JT—146). Приведенные примеры показывают, что степень затронутости Ps действием, производимым в локусе его части тела R, может быть двоякого рода: затронутость непосредственная (событие имеет непосредственное отношение к Ps — первый пример) и косвенная (событие может косвенно затронуть Ps — второй пример), ср. также чеш. *Nad hlavou mi visí Damokľův meč* (IV—93) (непосредственная затронутость); слвц. *Nad hlavou mi trbietali hviezdy...* (JT—173) (косвенная затронутость). Приведенные примеры имеют семантико-синтаксическую модель

$$(X_{\text{Subj}}^{\text{act}} - V) - R_{\text{Loc}} - P_{\text{S}}^{\text{Obj.indir.}}$$

('X, находящийся в локусе R, совершает действие V'). Возможен и более сложный тип модели

$$(X_{\text{Subj}}^{\text{act}} - V - Y_{\text{Obj.dir.}}^{\text{pass}}) - R_{\text{Loc}} - P_{\text{S}}^{\text{Obj.indir.}}$$

('X в локусе R воздействует на предмет внешнего мира Y'): польск. *Otworzyte mi przed nosem sklep konkurencyjny* (V—357); *Drzwi salonu zamknięto mi przed nosem* (V—357).

2) 'Поместить(ся)' в локусе R. Здесь также возможны оба типа моделей, ср. польск. *Pozwól mi usiąść ci na grzbiecie* (P) (модель β) *Fryzjer zawiązał Wokulskiemu ręcznik na szyji...*(IV—928) (модель α).

3) 'Совершить' нечто в локусе R: польск. *Zavróciła jej zupełnie w głowie* (JS—49) (модель β) / *Pierwszy bym pałkę strzasnął na twej głowie, gdyby nie dziełek pacierze* (2—1166) (модель α).

4) Предикат обозначает внутренний процесс, происходящий в локусе R и физически ощущаемый Ps: польск. *okrutnie mi w głowie szumiało*; *Zawiłowskiemu zaćmiło w oczach* (10—469); чеш. *Trnka vstal, napravil si kříž, v němž mu pětkrát ruplo* (Př. III—181). Конструкции этого типа характеризуются отсутствием субъекта действия и имеют следующую семантическую репрезентацию: 'Нечто происходит в локусе части тела R, что отрицательно затрагивает Ps'⁵.

2. R — конечный пункт действия.

Предикаты:

1) 'Приблизиться', 'переместиться' в локус R (модель типа β): польск. *Zosi te Brzezinki na mózg się rzuciły* (KŻ—146); чеш. *tahle sychravina leze člověku až do kostí* (KJB—13); *Do očí jí uhodily kostkované šaty*. Такие конструкции описывают обычно проникновение внутрь R некоторой материальной или абстрактной субстанции, совершающееся независимо от агента, ср. также польск. *Matematyka szczególnie łatwo wchodziła jej do głowy* (11—1170). Глубинным субъектом таких конструкций является сам человек, который воспринимает окружающий мир, чувствует сырьсть, интересуется математикой и т.п. Конструкции с глубинным субъектом — внешним агентом редки и обозначают ритуальные действия, ср. польск. *Padł do nóg matce, prosił: "błogosław mi w drogę!"* (VI—13); ср. также русск. *подойти к руке*, "не затрагивающее" Ps: *Анна Андреевна! (подходит к ручке Анны Андреевны). Марья Антоновна! (подходит к ее ручке).*

2) 'Переместить' нечто в локус R, например, 'положить': польск. *Pod głowę położyli mu wojłok* (P); 'дать': *Sluga sądowy klucz Kamilii do rąk oddał* (X—385); 'всунуть', 'вложить', 'воткнуть': *Papierosa co prawda nie wetknął mu w usta, ale wcisnął w dłoń* (P).

3) 'Посмотреть': (а) в глаза, в лицо: слов. *Pozeral sa mu dlho do očí* (JT—181); польск. *Ale ja rozmawiając nigdy nie patrzę koleżankom i kolegom w twarz* (P). Такие действия могут быть выражены также конструкциями незатрагивающего действия (поскольку взгляд не всегда мыслится затрагивающим Ps): польск. *Jeszcze raz spojrzalem w jego oczy* (TN—112); особенно часты такие конструкции при наличии атрибута: слов. *Pozriel sa do jej očí* (JT—114); *Skupinka jeho podriadených skúmavo sa dívala do tváre budúceho veliteľa* (JT—265); (в) 'посмотреть' (на какую-либо другую часть тела). Если взгляд в глаза и в лицо предполагает обычно ответное действие со стороны Ps, и уж во всяком случае не остается

⁵ Ср. анализ таких и подобных конструкций у А. Вежицкой [Вежицка 19, 369—376].

им не замеченным (поэтому в большинстве случаев такие действия мыслятся как затрагивающие Ps), то взгляд на любую другую часть тела чаще мыслится как не затрагивающий Ps (ср. в этой связи различие в функции предлогов: "в" — внутрь, в глубину, "на" — на поверхность): польск. *spojrzał na jej rece...* (SW—65) (но возможно и *spojrzał jej na ręce*); слвц. *Kresák hovoril malo, len sa díval na Baldvinovu ruku* (JT—220); 4) 'Говорить' (на ухо кому-либо): слвц. — *Pod'me do sály, už tancujú, — pošepkala mi do ucha* (JT—150) (**Pošepkala do jeho ucha*).

3. R — исходный пункт действия.

Предикаты:

1) 'Удалиться' ('удалить') (что-либо) из локуса R (модели α и β): а) 'удалить' изнутри R: (модель α: польск. *Wyrywają tu z rąk ksiązkę...* (8—1028); *Dobrze, że chociaż i tyle mi się udało wydrzeć ci z gardła* (9—1471); 'удалиться' изнутри R (модель β): чеш. *Vnuk se jí pořád vytrhoval z ruky* (VN—736);

б) 'удалить' нечто с поверхности R: слвц. *Z tváre mu zotrieli stopy umelej krvi* (JT—110) (модель α); конструкции типа β возможны, по-видимому, только с некоторыми категориями объектов обладания, способными удалиться с поверхности части тела R, что выражается комплексными моделями (см. ниже);

в) 'удалить(ся)' из внешнего пространства вблизи R:

У находится впереди R: польск. *sprzátali mu sprzed nosa śniadanie*;

У находится под R: *Ziemia usuwa się mi spod nóg*;

У проходит мимо (через, сквозь) R: *Przeszło mi to obok nosa*.

Взаимные локативные дательно-посессивные модели: слвц. *Chlapi pozrieli si do očí* (JT—67); *Dlho sa pozerali na seba, potom si padli do náručia* (JT—130).

Семантическая репрезентация: 'Посессоры Ps₁ и Ps₂ совершают взаимные идентичные действия в локусе идентичных частей тела друг друга R₂ и R₁, что затрагивает Ps₂ и Ps₁'. Семантико-синтаксическая модель:

$$\left\{ \begin{array}{l} \underbrace{(Ps_1 \text{Subj} - V) - R_2 \text{Loc} - Ps_2 \text{Obj.indir}} \\ \underbrace{Ps_2 \text{Subj} - V - R_1 \text{Loc} - Ps_1 \text{Obj.indir}} \end{array} \right.$$

Возможна и более сложная модель — взаимная локативная модель каузирующего действия, польск.: *Jeżeli między zeznaniami świadków zajdą sprzeczności, można zarządzić stawienie ich sobie do oczu* (V—914). Семантическая репрезентация: 'Некто каузирует, чтобы посессоры Ps₁ и Ps₂ совершили взаимные действия в локусе идентичных частей тела друг друга R₂ и R₁, затрагивающие Ps₂ и Ps₁'. Семантико-синтаксическая модель:

$$X_{\text{Subj}} \rightarrow V' \left\{ \begin{array}{l} \underbrace{(Ps_1 \text{Obj.dir} - V) - R_2 \text{Loc} - Ps_2 \text{Obj.indir}} \\ \underbrace{(Ps_2 \text{Obj.dir} - V) - R_1 \text{Loc} - Ps_1 \text{Obj.indir}} \end{array} \right.$$

Локативные элементарные аккумулятивно-посессивные модели выражают событие, осознаваемое как действие, направленное на Ps. Поэтому такие модели не могут различаться в зависимости от направления действия, они различаются только семантикой предиката.

1. Безличные модели — событие выражено безличной конструкцией с глаголами типа 'болеть', 'свербеть' и т.п. (ср. близкие по семантике номинативные конструкции — с. 94, а также локативные конструкции — с. 100): чеш. *Už ho bolí v kříži*; польск. *Aj, aj! Jak mnie w dotku bolí!*; *Zydronowi pociemniało w oczach, zapiekło go wielkim bólem w szczękach i policzku* (Sł.p. X—686). Семантическая репрезентация: 'Некто происходит в локусе части тела R, принадлежащей Ps, что отрицательно воздействует на Ps'. Семантико-синтаксическая модель:

(V — R_{Loc}) — Ps_{Obj.dir.}

2. Личные модели.

Семантическая репрезентация: 'Некто совершает действие, направленное на Ps в локусе его части тела R'.

Семантико-синтаксическая модель:

[X_{Subj} — (V — R_{Loc})] — Ps_{Obj.dir.}

а) Ласкательные действия; как уже упоминалось, ласкательные действия могут выражаться конструкциями, оформленными по аккумулятивной модели (см.), которые, однако, более редки, чем приводимые ниже; 'целовать', польск. *Nie tylko mnie pocałował w twarz kilka razy, ale 2 razy w rękę* (P); словц. *Potem podał ruku Xenovi a pobozkal na čelo Ivu* (JT—92); чеш. *políbil dítě na čelo*; целование рук, как уже было замечено выше, в большинстве рассматриваемых языков выражается аккумулятивной моделью, ср. чеш. *Hoch políbil dědovi ruku*; гладить: польск. *Ma słabość do małych bębnow i nie przejdzie, żeby nie pogłaskała ich po głowie* (Sł.p. X—789); словц. *pohladkal jú po vlasoch*; чеш. *pohlídl ho po tváři* (однако в большинстве случаев такое действие осознается менталитетом чешского языка как затрагивающее Ps, а не направленное на Ps и выражается аккумулятивной дативно-посессивной моделью: *pohlídit dítěti hlavečku*).

б) Отрицательное физическое воздействие на Ps в локусе R. 'Ударить': словц. *Potom ho umlčal jediným hako m do brady* (JT—126); чеш. *Člověče Stando, ja ho tady kopnul do té kušny!* (KČ—58); похлопывать: словц. *Inžinier Petrovič, — potl'apkal po pleci zroneného človeka veliteľ radioastronómie* (JT—234); польск. *Rybak klepie turystę uspokajająco po ramieniu* (P); 'уколоть': чеш. *ut'al mne v prst*; русск. *В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже правого плеча* (Пушкин); 'укусить': чеш. *Každý hledá jen příležitost kousnout člověka do nohy* (KČ—7); 'ранить': польск. *zranil go w ramię, skaleczył go w policzek*; 'дергать': польск. *przy każdej sposobności tarmosił go za uszy*; чеш. *vytahal za uši nějakého výrostka*.

в) Действия типа 'схватить', 'взять' и т.п.: польск. *Chwycili mnie za rękę, za nogi i dalejże podrzucić w górę* (Sł.p. X—390); *Wzięła Madzię pod rękę; mnie człek jakiś za barki wziął, wskazał na*

wrota i kazał iść precz (Sl.p. X—87); слвц. *Profesor jú chytil za ruku*; 'сдавить': польск. *Coś ściska kogoś za gardło, w gardle*.

г) Действия типа 'вести', 'тянуть': слвц. *Viedli ho za ruku*.

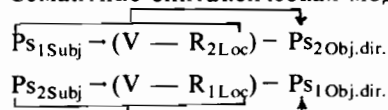
д) Действия типа 'извлечь' (Ps из R): польск. *Krzyczała ze strachu tak, jakby ją kto żywcem ze skóry obdzierał* (Sl.p. VIII—328); чеш. *odřít někoho z kůže*.

Действия типа 'поставить'/'свалить' (Ps с R-опоры): чеш. *postavil ho na nohu*; польск. *Chłopcem zakręciło na miejscu i zvaliło go z nóg* (X—384).

Взаимные локативные аккузативно-посессивные модели: слвц. *Tľarkali sa dôverne po p'eci, tľarkali sa po kolenach, buchali sa do chrbta* (JT—247); *Utekali za ňou, držali sa za ruky, mávali* (JT—99).

Семантическая репрезентация: 'Посессоры Ps₁ и Ps₂ совершают идентичные направленные друг на друга действия в локусе идентичных частей тела друг друга R₂ и R₁'.

Семантико-синтаксическая модель:

"Пространственные" элементарные аккузативно-посессивные модели с именами одушевленных Ps встречаются весьма редко: в большинстве случаев Ps бывает сам достаточно активен, чтобы ориентировать себя в пространстве, ср. чеш. *Pravda, už ho nesou nohama napřed ze závodní brany* (KČ—24). Семантическая репрезентация: 'Некто производит направленное на Ps действие, ориентируя его в пространстве относительно предмета внешнего мира Y с помощью его части тела R'.

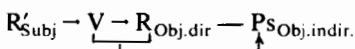
Комплексные модели

Комплексные модели II класса, как и комплексные модели I класса, обозначают действия, совершаемые с участием более одного R.

Однако, поскольку действие здесь совершается не самим Ps, то возможны случаи, когда все R принадлежит одному Ps, и ситуации с участием R, принадлежащих двум и более Ps. Поэтому следует выделить 2 типа комплексных моделей II класса:

Модели конструкций с именами R, принадлежащих одному Ps.

Комплексная модель — комбинация номинативной и аккузативной элементарных моделей (R_{acc}, R'_{Nom}). Конструкции этого типа описывают действия, совершаемые с участием двух объектов обладания: части тела R, являющейся объектом действия, и некоторой материальной или абстрактной субстанции R', тесно связанной с лицом и являющейся субъектом действия. Семантико-синтаксическая модель:

Предикаты:

1) 'Открыть' — 'закрыть' часть тела от внешнего мира: а) R' — ма-

териальная субстанция, являющаяся результатом психофизиологического процесса: польск. ...*czoło mu okrył pot* (5—1134); *Rumieniec twarz mu osłonił* (5—1134); чеш. *Ruměnc (bledost) pokryl(a) její tvář* (II—715); б) R' — душевное состояние Ps: чеш. *Chmúra zastírala jeho čelo* (IV—619); польск. *Szał ćmił mi oczy, myśli i rozum* (VI—595); в) R' — предмет одежды: польск. *Krótkie rękawy zielonkawej, biało cętkowanej sukienki obnażały jej szczupłe muskularne ramiona* (X—449).

2) 'Сдавливать'. — 'распирать'; 'обрамлять': а) R' — душевное состояние Ps: польск. *Gwałtowny spazm strachu zwarł mu szczęki* (VII—1055); *Przerazenie scisnęło im gardła* (VII—1254); *Nawał myśli rozsadał mu głowę; Nie może siłumić w sobie pytania, które omal że nie rozsada mu piersi* (P); б) 'R — предмет одежды Ps: польск. *Mały krepowy kapelusze ze spływającym na ramiona woalem żalobnym ujmował w sposób zakorny jej gładkie siwe skronie* (9—1194); *Szeroki skórzany pas sciskał mu biodra* (VII—1254).

Как видно из примеров, действия типа 'открыть' — 'закрыть' могут трактоваться языковым менталитетом и как затрагивающие, и как не затрагивающие Ps; действия типа 'обрамлять' — как не затрагивающие Ps; действия типа 'сжимать' (об одежде) рассматриваются как затрагивающие Ps (например, в русском языке) только в том случае, когда такое действие оказывает физическое давление на Ps, ср. *Пояс сжимал ему бедра* (= давил на бедра, создавая для Ps неудобства) — *Пояс сжимал его бедра* (= плотно охватывал, придавая стройность, привлекательность в восприятии внешнего наблюдателя); действия типа 'сжимать' (о чувствах), безусловно, затрагивают Ps, при этом R', представляющий собой психофизиологический процесс, связан с Ps двойной связью: душевное состояние Ps — мышечное напряжение — физическое состояние Ps под действием мышечного напряжения.

Комплексные модели — комбинации номинативной и локативной элементарных моделей (R_{Loc} , R'_{Nom}). Модели этого типа описывают события, происходящие в локусе части тела R, агенсом которых является другой объект обладания R' и, как и все локативные модели, различаются, в первую очередь, направлением действия: действие может быть направлено в сторону R, от R или совершаться в локусе R.

1. R — место действия.

1а. В локусе части тела R посессора Ps помещается его объект обладания R'. Семантическая модель: $Loc (R \in Ps) \supset R'$. Конструкции этого типа с глаголом 'быть' наиболее характерны для словацкого и русского языков, причем связка 'быть' может иногда опускаться: свлц. *Vlasy mu šedivejú. Okolo očí <su> tmavé jamy a tak cudne sa pozerá, tak smutne* (JT—130); *Radista má čisté a pestované ruky a pod krvou na tvári ne sú žiadne rany* (JT—109); такие конструкции выражают наличие некоторых особенностей внешнего покрова части тела: морщины, ямочки и т.п., присутствие материальной неотчуждаемой субстанции на поверхности R: кровь, пот, слезы и т.п., а также — наличие—отсутствия на/внутри R абстрактной субстанции

(душевные состояния, мысли и т.п.); слвц. *Pozrel sa do jej veľkých očí, nebolo v nich ani omrvinky ľutosti* (JT—114); *Na jeho plecach bola vážna zodpovednosť* (JT—42). Наличие/отсутствие вышеупомянутых типов R' в локусе R могут выражаться и некоторыми другими глаголами, которые, будучи полнозначными по своему лексическому значению, приобретают в подобных контекстах фразеологически связанное значение бытийности, ср. слвц. *Na tvári sa mu zračil <=bôl> akýsi smutok* (JT—71); *Ale úsmev mu hral okolo úst a na tvári sa zračil <=bôl> akýsi neopísateľný výraz nesmiernej ľudskej hrdosti* (JT—124). Следует отметить также, что вышеприведенная семантическая модель, отражающая идею обладания, не допускает абсолютно неотчуждаемых R'.

16. Материальная субстанция R', появляющаяся в локусе части тела R', совершает действие, характеризующее Ps по некоторому признаку. Семантико-синтаксическая модель:

$$\text{Loc } R (R'_{\text{Subj}} - V) - \text{Ps}_{\text{Obj.indir}}$$

чеш. *Na čele mu vystal pot* (15—1); *V oku se jí zaleskla slza radosti...* (4—401); слвц. *V očiach sa im leskli slzy* (JT—83); *Kresák, mladý kapitán, ktorému sotva uschlo mlieko na brade...* (JT—210).

1в. Часть тела R', принадлежащая Ps, выделяется на фоне его части тела R', что затрагивает Ps, характеризуя его внешность. Семантико-синтаксическая модель — аналогична 16: чеш. *Čára se pomalu otočila a zase jí zů staly ve tváři jen ty oči, ohromné a vyděšené* (JS—82); слвц. *V ústach sa mu zaleskli pery zubov, keď sa usmial* (JT—165); польск. *Odrastające nierówno włosy sterczały jej nad czołem nastroszonymi kosmykami* (5—771); *Nad czołem jasniała mu spora łysinka* (9—974).

1г. Отрицательное событие происходит с частью тела R', принадлежащей Ps, в локусе части тела R, составляющей часть R', что отрицательно затрагивает Ps. Семантико-синтаксическая модель:

$$\text{Loc } (R \in R') (R'_{\text{Subj}} - V) - \text{Ps}_{\text{Obj.indir}}$$

польск. *Przed koncertem zaczął mu obierać palec pod paznokciem* (P); чеш. *Nohy se mu lamaly v kolenou* (12—1067).

1д. R', представляющий собой некоторую неотчуждаемую материальную субстанцию или абстрактную сущность, "перемещается" относительно части тела R, напр., польск. *Przemknęło jej przez głowę szybkie wspomnienie* (11—1172); слвц. *Od stiplavého dymu mu tiekli po lícach slzy* (JT—14). В некоторых языках, например, в чешском и словацком, возможна также инструментальная позиция R': слвц. *horúce slzy mu tiekli dolu lícami* (JT—113); чеш. *Hlavou mu projela myšlenka*. Семантико-синтаксическая модель также аналогична п. 16.

2. R — исходный пункт действия: R' "удаляется" (в прямом или переносном смысле) с поверхности или изнутри R, при этом R' может представлять собой: а) абсолютно или относительно неотчуждаемую часть тела: польск. *Chorował na tyfus i dużo mu włosów wyszło z głowy*; чеш. *ruka se mu vymkla z zápěstí*; *Lekla se a z celého drobného obličej je jí zbyly jenom oči* (JS—78); б) предмет

одежды; чеш. *Šátek jí spadl s hlavy*; в) физиологическую субстанцию: слвц. *Z očí tvrdého chlapa sa liali slzy* (JT—101); г) чувства; душевные качества: чеш. *dobrota jí z očí svítila*; слвц. *Z očí jej sálal nesmierny hnev* (JT—14).

3. R — конечный пункт действия. R' приближается к R или перемещается в локус R. При этом семантика R' аналогична п. 2), ср. польск. *Zacisnął pięści tak mocno, że paznokcie wpiły mu się w ciało*; чеш. *a nahlé smutný úsměv se mu zavěsil na ústa* (KJB—62); слвц. *Dievčať u sa vrátil lesk do očí* (JT—150).

Семантическая репрезентация конструкций типа 2 и 3: 'Объект обладания R' посессора Ps совершает некоторое движение, в результате которого он удаляется от части тела $R \in Ps$ или приближается к ней. Такое событие мыслится как имеющее отношение к Ps'.

Семантико-синтаксическая модель:

Loc R (R'_{Subj} — V) — Ps_{Obj.indir.}

Комплексная модель — комбинация аккузативной и локативной элементарных моделей. Модели этого типа отражают действие, совершаемое некоторым внешним по отношению к Ps агенсом, в локусе части тела $R \in Ps$ и направленное на некоторый его объект обладания R': а) R — место действия: слвц. *nikomu sa nesmel skrivit ani vlások na hlave* (JT—160) ($R' \in R$): *Sňali jsme mřívěmu kyslíkovú masku, skřížili ruky na prsiach* (JT—79) ($R' \in R$); б) R — исходный пункт действия: чеш. *Z hlavy jim oči vyřaty, ruce i nohy ut'aty* (Erben) ($R' \in R$); польск. *Gdy pies stanął albo myśliwy upatrzył ptaszkę, zrywano sokołowi kapturek z głowy* (3—546) ($R' \in R$); в) R — конечный пункт действия: слвц. *Videl, ako vietor hádže vlasy žene do tváre* (JT—173). Семантическая репрезентация: 'Внешний агент X совершает действие в локусе части тела $R \in Ps$, направленное на его часть тела или другой объект обладания R'. Действие рассматривается как затрагивающее Ps'. Семантико-синтаксическая модель:

X_{Subj} — (V — R'_{Obj.dir.}) R_{Loc} — Ps_{Obj.indir.}

Комплексные модели включающие более двух объектов обладания одного и того же посессора. Подобные конструкции встречаются значительно реже, чем комбинации двух элементарных моделей. Наиболее распространенные из них следующие: а) комбинация номинативной и двух локативных моделей: чеш. *Šátek jí spadl s hlavy na ramena* (27—457); б) комбинация номинативной, аккузативной и локативной моделей, польск. *Futrzone czapy nakrywały im czoła po brwi; Myśl o tym spędzała mu sen z powiek* (8—134).

Комплексные модели, включающие объекты обладания разных посессоров. Возможны следующие разновидности моделей этого типа:

Комбинация инструментальной и аккузативной моделей (один из посессоров Ps₁ с помощью своей активной части тела R₁ совершает действие, направленное на часть тела R₂ посессора Ps₂): слвц. — *Mlč, — zovrela mu pery končekmi prstov...* (JT—151); польск. *Wielki szary wilzcur posłusznie rzuca się na Czeszkę, przewraca ją i drze zębami jej uda* (2—402).

Комбинация инструментальной и локативной моделей (один из посессоров Ps_1 с помощью своей активной части тела R_1 совершает действие в локусе части тела R_2 посессора Ps_2): чеш. *Jednodo kopnout pod břicho, druhému pěstí do brady a je to* (15);

Комбинация аккузативной и локативной моделей (один из посессоров Ps_1 с помощью своей активной части тела R_1 совершает действие, направленное на R_1 в локусе части тела R_2 посессора Ps_2): польск. *Podbiegła do niego i krągłe, obnażone ręce zarzucając mu koło szyji, pocałowała go w same usta* (3—840); словц. *Akademik vstal, položil mu ruku na plece* (JT—228);

Взаимно-возвратные модели (аккузативные, инструментальные, локативные), включающие два агенса-посессора, выполняющие идентичные действия по отношению друг к другу, рассмотрены выше при анализе соответствующих элементарных моделей (локативных, аккузативных, инструментальных).

II

По моделям I и II классов строятся конструкции и с другими именами неотчуждаемых R_2 , а также с теми R , которые могут восприниматься как неотчуждаемые ("окказиональная неотчуждаемость"). Такие конструкции обладают меньшей частотностью и меньшим разнообразием, чем вышеописанные конструкции с именами частей тела; в то же время некоторым типам имен могут быть свойственны особые, только им присущие типы моделей, отражающие специфику их связи с Ps .

Модели I класса

По вышеописанным элементарным прямообъектным моделям элементарного действия (не требующим притяжательного местоимения и не допускающим возвратной клитики) строятся конструкции с предикатами типа 'лишиться', 'утратить', свойственные всем абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемым именам (при условии, если "включение" R в Ps может быть выражено конструкцией обладания), ср. *X лишился руки, отца, дома, красоты, работы* и т.п.; польск. *stracić rękę, ojca, wdzięk, pracę* и т.п., а также конструкции с некоторыми физическими и психическими константами, соответствующие конструкциям с глаголами движения: *устремить взгляд, чувства, напрячь мозг, силы, память*, и с некоторыми окказионально неотчуждаемыми переменными, например, *замедлить движение*. По элементарным моделям комплексного действия (с обратной связью) строятся конструкции с предикатами типа 'испортить' (реже 'исправить'), например, *испортить себе костюм, настроение, свадьбу, путешествие*, при этом преобладают модели типа В (возвратные). По моделям типа А строятся специфические конструкции с названиями одежды, в которых одежда выступает принадлежащей Ps по функции (предикаты 'снять'—'надеть', 'повязать'—'развязать', 'поправить' и т.п.): польск. *zdyć czapkę, kurtkę, włożyć suknię, uchylić ka-*

pelusza, obciągnąć marynarkę; чеш. *opravovat boty*. Такого рода действия, по справедливому замечанию А. Вежбицкой, расцениваются языковым менталитетом обычно как "рутинные", по своей частотности и обыденности близкие к прямым телесным действиям. Для чешского и словацкого языков и здесь характерна модель В: чеш. *svlékat si kabát, vyhrnout si nohavici, sundat si brýle*; слвц. *dát si dolu kabát* и т.п.

С предикатами, обозначающими 'причинение вреда', возможны и взаимно-возвратные модели, ср. польск. *porozdzerały na sobie odzienie*, где предложное сочетание *na sobie* включает семы взаимности, посессивности (принадлежности по функции) и локальности (Ps служит локусом R).

Инструментальные модели возможны, по-видимому, только для названий одежды, ср. *взмахнуть рукавом*, а также для имен действия, ср. слвц. *žena ho bozkom umlčala*. В адвербиальных моделях имена предметов одежды обозначают неопределенный объект, ср. чеш. *vypadal nezvykle v nedělních šatech a v kravatě*, хотя значение посессивности (принадлежности по функции) при этом сохраняется. Релятивные имена в адвербиальных моделях всегда определены, ср. *Петя пришел с женой*, чеш. *píši těch pár slov se svědomím čistým* и т.п.

Локативные модели также характерны в первую очередь для имен предметов одежды, деталей одежды и предметов личного обихода, которые выступают в роли локуса для некоторого предмета, внешнего по отношению к Ps: польск. *wyciągnął z torby jedzenie*, но чаще для части тела или другого R (ср. ниже). "Вместилищем" для многих абстрактных "переменных" служит душа (ср. 'хранить в душе любовь, память о чем-либо'), а также некоторые другие абстрактные константы.

Комплексные модели особенно характерны для имен предметов одежды и личного обихода, ср. чеш. *uložit pudřenku do kabelku*, польск. *wpuścić marynarkę w spodnie* (аккузативно-локативная модель), чеш. *chodit s rukama v kapsách* (адвербиально-локативная модель) и т.п.; возможны комплексные модели и с именами других объектов обладания, например, с именами действия ("окказиональная неотчуждаемость"), ср. слвц. *žena mu bozkom zavrela ústa* (комбинация инструментальной модели I класса и аккузативной модели II класса).

Модели II класса

Номинативные элементарные модели II класса свойственны именам большинства абсолютно, относительно и окказионально неотчуждаемых R: чеш. *kalhoty mu kloužou dolů*; польск. *spadł mi kapelus, przedko mu się drą skarpetki, dusza mu siedzi w piętach, ojciec mu zmarł* и т.п. Дательный падеж личного местоимения указывает одновременно на посессивную и обратную связь. С аккузативом личного местоимения употребляются, в основном, имена абстрактных констант: польск. *boli go dusza*, но во фразеологизмах возможны имена и других неотчуждаемых объектов, ср. чеш. *pálí ho kapsa* (в значении: 'деньги у него долго не держатся').

Очень широко употребляются с именами всех типов неотчуждаемых объектов аккузативные элементарные модели II класса, обозначающие воздействие на R, затрагивающие Ps, с предикатами 'испортить'/'исправить', 'открыть/закрыть' и т.п.: польск. *poprawić komuś pościel, zepsuć komuś życie, weekend*, чеш. *kazit někomu štěstí, šaty*, а также с предикатами, обозначающими нарушение отношения Ps/R типа 'отнять'—'вернуть': *odjąć komuś władzę, wdzięk, przywrócić komuś spokój*, чеш. *vzít někomu svobodu, čas*. Различие между двумя типами предикатов в том, что предикаты типа 'испортить'—'исправить' трактуют объект обладания как часть пространства Ps, ср. чеш. *nekazilo mi to žaludek a spisování*, где и желудок, и писательский труд воспринимаются как часть одного пространства; предикаты типа 'отнять'—'вернуть' трактуют объект обладания как окказионально неотчуждаемую собственность, поэтому конструкции с этими предикатами включают более широкий круг объектов обладания (признаки, социальные привилегии, различные отчуждаемые абстрактные сущности); в то же время конструкции с этими глаголами отличаются и от конструкций с глаголами, означающими 'приобретение', трактующих объект как отчуждаемую собственность, ср.: *отнять/дать (взять) власть, время*.

Локативные модели возможны с именами одежды, локуса, а также с именами абстрактных констант, способных выполнять роль локуса: польск. *wyleciał mu z kieszeni jakiś papier, z torebki wysypują mu się migdale, słowa płyną mu z głębi duszy, w pończosze poleciało jej oczko, Niech nikt nad grobem mi nie płacze* (Wyśpianski); ср. также модели локативных конструкций, где предмет одежды трактуется как 'вместилище' для Ps: польск. *rozebralismy go przemocą z kraciastego płaszcza*, чеш. *svlékni dítě z kabátku*; одежда, как и часть тела, может трактоваться как 'локус воздействия' на Ps, ср. *схватить за руку — схватить за рукав* и т.п.

Локативные модели легко сочетаются с другими видами моделей, образуя **комплексные**: чеш. *vytrhnout někomu na koleně látku z kalhot*, польск. *futrzone czapy nakrywały im czoła po brwi; ta myśl spędzała mi sen z powiek; pod powiekami zapiekły go łzy* и т.п.

Описанные выше конструкции объединяет то, что все они описывают объекты обладания как неотчуждаемые, вне зависимости от релятивных свойств имен, ср.: польск. *zabił mu corkę / zabił mi konia*, большинство таких конструкций трактуют объекты обладания как 'часть пространства' Ps и восходят к конструкциям с именами частей тела. Конструкции, выражающие отчуждение объекта обладания, семантически отличны от соответствующих конструкций с именами частей тела. (Русский язык располагает средствами для формального выражения такой семантической дифференциации, ср. *отрезать кому-либо волосы, отнять кому-либо руку — отнять у кого-либо душу, жизнь, рассудок*, а также: *отнять у кого-либо портфель, шляпу, красоту, время* и т.п.)

Что касается прочих возможных конструкций с именами объектов обладания (набор таких конструкций представляет собой открытое множество), то возможность таких конструкций выражать неотчуж-

даемость полностью зависит от релятивных свойств входящих в них имен R, ср.: *Я встречаю на вокзале дочь / Я встречаю на вокзале одного человека, Петя пришел на работу с паспортом / Петя пришел на работу с кипой бумаг. Он вспоминает детство / Он вспоминает фильм.* Такого рода конструкции с релятивными именами можно назвать конструкциями с неустойчивой согласованностью по рефлексивности [ср. Головачева 81, 9], поскольку они способны к "смене посессоров" (ср.: *Я встречаю на вокзале дочь Ивана*) и к выражению субъектно-объектных отношений без посессивности (*Я встречаю на вокзале главного бухгалтера*).

ДИНАМИКА ПОСЕССИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ НЕОДУШЕВЛЕННОГО ПОСЕССОРА

Динамические структуры с именами неодушевленных посессоров имеют весьма ограниченное употребление; следует назвать конструкции, обозначающие 'воздействие' на предметный Ps в локусе его части, например, *поднять стул за ножку*, польск. *obedrzeć drzewo z kory*, чеш. *svléknout kmen z kory*, конструкции пространственного ориентирования Ps: польск. *Portret odwrócony jest twarzą do ściany*; а также конструкции с пространственными константами абстрактного посессора: польск. *to zaskakuje mnie w tej sprawie już na początku*; действие, направленное на объект обладания, не затрагивает неодушевленных Ps, ср.: *слопать кому-либо ногу / слопать ножку стола; обрезать кому-либо волосы / обрезать конец проволоки*; русские конструкции с у-локализатором, также возможные для неодушевленных Ps, выражают действие, совершаемое в локусе Ps, но не затрагивающее Ps: *обрезать конец у проволоки, отпилить ножку у стола*, но даже и такие пространственные структуры, отражающие отношения посессивности в их динамике, редки и обычно уступают место структурам, где отношения между неодушевленным объектом обладания и его посессором представлены в их статике: *обрезать конец проволоки, отпилить ножку стола*.

Только статически могут быть представлены отношения посессивности и для "собственно отчуждаемых" объектов одушевленного посессора, поскольку такие отношения не имеют аналога в картине мира, в языковом сознании, ср. польск. *linia słońca skoczyła mi pod koła* (т.е. под колеса машины, которой Ps управлял — принадлежность по активной функции Ps), но: **linia słońca skoczyła mi pod koła* (автобуса, на котором он ехал — принадлежность по пассивной функции Ps, не имеющей аналога в картине мира), хотя в статике отношение может быть выражено как посессивное: *mój autobus* 'автобус, на котором я обычно езжу или еду в настоящий момент'. Это приводит нас к выводу, что посессор в системе отношений неотчуждаемости должен играть роль центра, вокруг которого группируются его объекты обладания; в частности, в отношении неотчуждаемой принадлежности по функции он должен играть роль исполнителя функции.

Таким образом, статика посессивных отношений и динамическая ситуация представляет собой своего рода "протоситуации", наложение которых друг на друга способно изменить степень ПС между соответствующими Ps и R, "сдвигая" данный R в пространстве посессивных отношений либо к "центру", в направлении неотчуждаемости, либо от центра — в сторону отчуждаемости. Так, объект, неотчуждаемый для Ps, может являться "отчуждаемым" для ситуации, ср.: *X пришел на работу в помятой одежде (*пришел в одежде) — X лег спать в одежде*. Если в первом примере и статическая, и динамическая ситуации обуславливают неотчуждаемость R (исключающую возможность конструкций без атрибута), то во втором случае статика и динамика действуют в противоположных направлениях: статические свойства обуславливают отсутствие $\text{Prop}_{\text{poss}}$ при имени R (**лег в своей одежде*), динамическая ситуация, для которой соответствующий R является отчуждаемым, обуславливает необязательность атрибута в конструкции включения. Ср. также: *Он поднял руку, вытер лицо* (элементарное и рутинное действия подчеркивают неотчуждаемость и исключают необходимость $\text{Prop}_{\text{poss}}$) — *Он увидел в зеркале свое лицо* (динамическая ситуация представляет соответствующие Ps и R как самостоятельные сущности, что обуславливает необходимость $\text{Prop}_{\text{poss}}$, восстанавливающего утраченные в динамике статические связи). И наоборот, посессивные связи, достаточно свободные, необязательные в статике, в парадигматике, могут восприниматься как отношения неотчуждаемости в динамической ситуации, связывающей R и Ps в одно целое общностью протекающих в них процессов ("окказиональная неотчуждаемость").

Явление окказиональной неотчуждаемости возможно только для одушевленного Ps, способного чувственно воспринимать процессы, происходящие с его R. Особенности Ps-лица по отношению к Ps-животному с точки зрения статики посессивных отношений является большая дифференциация этих отношений по их характеру (наличие отношений собственности, сложная структура родственных отношений, разнообразие типов абстрактных объектов обладания), а с точки зрения динамики — многообразие **потенциальных** окказионально неотчуждаемых объектов, а также способность присваивать себе любые не предусмотренные парадигматикой объекты, что связано с антропоцентричностью категории посессивности, ее генезисом, ориентированностью на человека, осваивающего и присваивающего себе внешний мир. Антропоцентричность категории сказывается также и в том, что посессивные пространства предметного и абстрактного посессора в значительной степени изоморфны соответствующим пространствам Ps-лица, представляют собой его редуцированное отражение, являются результатом абстрагирования категории человеческим разумом, одним из способов моделирования и освоения человеком внешнего мира.

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ
КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ

Основными способами выражения категории посессивности в рассматриваемых языках являются синтаксические конструкции (словосочетания) различного состава и структуры. Для построения посессивных синтаксических конструкций используются средства разных уровней языка:

1) лексико-грамматические (притяжательные и возвратно-притяжательные местоимения, глаголы 'иметь' и 'быть', различные конкретные предлоги: *мой дом, своя рука, У меня есть дом, Дом имеет 5 этажей, смотрел женщине в лицо, ударил его по лицу* и пр.);

2) словообразовательные (суффиксы притяжательных прилагательных, префиксы прилагательных со значением отрицательной принадлежности, аффиксы и другие средства образования сложных слов с посессивным значением: *мамин брат, безусый юнец, коротконогий человек*);

3) морфологические (формы падежей, в первую очередь родительного и дательного, а также всех остальных падежей: *дом Петра, памятник Пушкину, сломал |свой| зуб, взмахнул |своей| рукой* и пр.);

4) синтаксические (модели комбинирования падежных форм, предлогов и порядка слов в составе словосочетания и простого предложения, придаточные определительные предложения в составе сложноподчиненного предложения: *девушка с длинными волосами, дама в сиреновом платье, пожал ему руку, взглянул ей в глаза, ударил противника в грудь, У меня есть дом, Дом имеет 5 этажей; ... дом, который принадлежит мне, и мн. др.*)

Для организации каждой одной посессивной конструкции используется несколько средств разных языковых уровней одновременно. Даже, казалось бы, простейший случай посессивного словосочетания с притяжательным местоимением в русском языке типа *мой дом* требует привлечения конкретной лексики притяжательного местоимения, синтаксических средств согласования ее в роде, числе и падеже с существительным — именем объекта обладания (*мой дом — моих домов, твоя рука — твоими руками, свое дело — своему делу*) и синтаксического правила порядка расположения членов словосочетания относительно друг друга — в нейтральном стиле нормально положение притяжательного местоимения перед существительным. Для построения глагольной конструкции с *иметь* требуется использовать конкретную лексику *иметь*, форму именительного падежа имени посессора, форму винительного падежа имени объекта обладания, синтаксическое согласование в роде и числе имени посессора с глаголом

иметь (Дом имел 5 этажей, но Мы имеем сложное задание), синтаксическое правило словоупотребления. В случае отрицательного предложения форма падежа имени объекта обладания меняется с винительного на родительный. При организации других конструкций, например, глагольных с дательным посессивным без предлога (*пожал ему руку*) и особенно с дательным посессивным и предложными сочетаниями (*заглянул ей в глаза*) употребляется еще большее количество различных языковых средств.

Напомним, что отношение посессивности бывает двух семантических типов: конструкция выражает значение принадлежности и конструкция выражает значение обладания. В первом случае объект обладания определяется указанием на посессора, грамматически управляющим членом конструкции является имя объект обладания (*мой дом, мамин брат, дом Петра, памятник Пушкину*). Разновидность этого типа посессивного отношения (принадлежность) передается дательным посессивным и винительным посессивным в глагольно-именных словосочетаниях (*пожал ему руку, гладил девушку по волосам*), а также винительным и творительным в некоторых других глагольных словосочетаниях, заключающих в себе посессивность и не требующих для ее выражения притяжательного или возвратно-притяжательного местоимения (*он открыл глаза, он взмахнул рукой* и пр.). Представляется, что подобные глагольные конструкции выражают отношение принадлежности, потому что в них наблюдается значимое отсутствие притяжательного или возвратно-притяжательного местоимения или родительного падежа имени посессора — на глубинном уровне эти местоимения или форма родительного падежа существительного могут быть восстановлены: *пожал ему руку — пожал его руку, погладил девушку по волосам — погладил по волосам девушки, он открыл глаза — он открыл свои глаза, он взмахнул рукой — он взмахнул своей рукой* и пр. Таким образом, выводится такое семантическое отношение, при котором объект обладания определяется указанием на посессора, как и в конструкциях *мой дом, мамин брат, дом Петра, памятник Пушкину*.

Во втором случае посессор определяется указанием на объект обладания, тогда имя посессора является грамматически управляющим членом конструкции. Здесь, кроме посессивного значения обладания, может присутствовать и значение квалификативности: *человек с длинными волосами, дама в собольей накидке*. Значение обладания выражается также в предикативно-атрибутивных конструкциях с глаголами 'иметь', и 'быть', в которых сообщается, что имеет посессор (*У Петра есть дом, Имейте уважение к старости*) и в которых указание на объект обладания содержит элемент предикативности (*Отец у него старый = Он имеет отца, который стар; Муж у нее был видным физиком = Она имела мужа, который был видным физиком* и пр.).

Посессивные конструкции делятся на собственно посессивные, т.е. такие, основным значением которых является посессивность (будь то принадлежность или обладание) и несобственно посессивные, т.е. такие, которые передают посессивное значение как дополнительное, а не основное.

ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

А. СОБСТВЕННО ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

К ним относятся местоименные, часть именных и часть глагольных конструкций.

1. Местонменные посессивные конструкции

Они выражают значение принадлежности. Грамматически управляющим членом конструкции является существительное — имя объекта обладания.

Во всех рассматриваемых языках это прежде всего атрибутивные сочетания существительного (объект обладания) с притяжательным местоимением (отражающим лицо, число и — в случае 3-го лица — род посессора), согласованные в роде, числе и падеже (в польском, чешском, сербскохорватском, словенском языках) или в роде и числе (в болгарском языке); в румынском языке согласование в падеже частичное, так как форма датива—генитива существует лишь для существительного женского рода единственного числа. В болгарском языке притяжательные местоимения могут также выражать категорию определенности/неопределенности, употребляясь в определенной (членной) или неопределенной (нечленной) формах.

В приводимых ниже примерах конструкций с притяжательным местоимением различаются единичность/множественность посессоров и объектов обладания, род посессоров и объектов обладания и их падежные формы: польск. *mój palec* — *mojego/mego palca*, *twoja/twa praca* — *twoją pracą*, *jego imię* — *jego imieniu*, *jej stacja* — *jej stację*, *moje/me drzewa* — *moich/mych drzew*, *moi robotnicy* — *moich/mych robotników*, *jego rodzice* — *jego rodziców*, *jej sklepy* — *jej sklepami*, *nasz kamień* — *naszego kamienia*, *wasz poeta* — *waszemu poecie*, *ich myśl* — *ich myślą* *naszi ministrowie* — *naszycy ministrowie*, *wasze spotkania* — *waszymi spotkaniami*, *ich mieszkania* — *ich mieszkaniach* и пр.; чеш. *můj hrad* — *mého hradu*, *tvá/tvoje žena* — *tvé ženě*, *jeho město* — *jeho městem*, *její kabelka* — *o její kabelce*, *mí/moji muži/mužové* — *o mých mužích*, *tvé/tvoje nůše* — *tvých nůších*, *jeho stroj* — *jeho strojem*, *její chlapi* — *jejími chlapy*, *naš pán* — *našeho pána*, *vaše ruka* — *vaší ruce*, *jejich píseň* — *o jejich písni*, *naše meče* — *našich mečů*, *vaše sestry* — *vašim sestrám*, *jejich děti* — *jejich dětmi* и пр.; срх. *moj učitelj* — *moz(a) učitelja*, *twoja žena* — *tvoju ženu*, *његов гaј* — *његовим гaјем*, *њено (њезино) дело* — *њену делу*, *моји брегови* — *мојих брегова*, *твоје чете* — *твојим четама*, *његова поља* — *његовим пољима*, *њене ствари* — *њеним стварима*, *наш друг* — *нашу другу*, *ваша земља* — *(у) вашој земљи*, *њино (њихово) небо* — *њиним небом*, *наши јелени* — *нашим јеленима*, *ваше жене* — *вашим женама*, *њина (њихова) села* — *њиним (њиховим) селима* и пр.; слвн. *toj vlak* — *toji vlaki*, *moja garaža* — *mojo garažo*, *moje kolo* — *mojim kolom*, *tvoj konj* — *tvoji konji*, *tvoja gospa* — *tvojo gospo*, *tvoje polje* — *tvojetu polju*, *njegov dan* — *njegovega dneva*, *njegova hči* — *njegovega hčere*, *njegovo stanovanje* — *njegovemu stanovanju*, *njen dan* — *njenemu dnevu*, *njena mati* — *njeno materjo*, *njeno drevo* — *njena drevesa*, *vaš duh* — *vašemu duhu*, *vaša sestra* — *vašo*

sestro, vaše ladje – vašim ladjam, naš sorodnik – naši sorodniki, naša kovčka – naše kovčke, naše polje – našim poljem, njihov gospod – njihovi gospodje, njihova kost – njihovo kost, njihovo breme – njihovemu bremenu, najin pot – najinim potom, najina bitka – najine bitke, najino selo – najinega sela, vajin otrok – vajinih otrok, vajina nit – vajinima nitma, vajino pismo – vajini pismi, njuna mati – njuno materjo, njun konj – njunih konj, njuno žrebe – njunega žrebeta и пр.; бол. мой (моят/моя) брат, твоя (твоята) книга, негово (неговото) легло, мои (моите) ръце, твои (твоите) братя, негови (неговите) коне, нейни (нейните) зъби, наш (нашият/нашия) цар, ваша (вашата) майка, тяхно (тяхното) тяло, наши (нашите) песни, ваши (вашите) дни, техни (техните) имена и пр.; рум. *fiul meu* 'мой сын', *ciinele tău* 'твоя собака', *glasul lui* 'его голос', *nasul ei* 'ее нос', *mătușa mea* 'моя тетка', *mîna ta* 'твоя рука', *casa lui* 'его дом', *mașina ei* 'ее машина', *părinții mei* 'мои родители', *copiii tăi* 'твои дети', *ochii lui* 'его глаза', *pantofii ei* 'ее туфли'; *lucrurile mele* 'мои вещи', *interesele tale* 'твои интересы', *întrebările lui* 'его вопросы', *gîndurile ei* 'ее мысли', *oaspetele nostru* 'наш гость', *idealul vostru* 'ваш идеал', *locul lor* 'их место', *mama noastră* 'наша мать', *familia voastră* 'ваша семья', *viața lor* 'их жизнь', *adversarii noștri* 'наши противники', *nepoții voștri* 'ваши внуки', *elevii lor* 'их ученики', *gesturile noastre* 'наши жесты', *speranțele voastre* 'ваши надежды', *planurile lor* 'их планы' и пр.

Для польского языка характерно также согласование по категории личности в случае существительных м.р. мн.ч.: *moi sąsiedzi* — м.р. личн. мн., но *moje zeszyty* — м.р. неличн. мн., *moje wykładowniczynie* — ж.р. личн. мн., *moje myśli* — ж.р. неличн. мн., *moje drzewa* — ср.р. неличн. мн. или *nasi robotnicy* — м.р. личн. мн., но *nasze sklepy* — м.р. неличн. мн., *nasze kobiety* — ж.р. личн. мн., *nasze sciany* — ж.р. неличн. мн., *nasze mieszkania* — ср.р. неличн. мн.

В чешском языке в случае существительных мужского рода обоих чисел наблюдается согласование по одушевленности: *mého bratra* — м.р. ед.ч. вин. п. одуш., но *můj dům* — м.р. ед.ч. вин. п. неодуш., *moji sousedové* — м.р. мн.ч. им. п. одуш., но *moje hrady* — м.р. мн.ч. им. п. неодуш.

В польском и чешском языках различаются стяженные и нестяженные формы притяжательных местоимений типа польск. *mojego* ~ *tego*, *mojemu* ~ *temu*, *moje* ~ *me*, *mojim* ~ *mu* и пр. и чеш. *moje* ~ *má*, *moje* ~ *mé*, *moji* ~ *mí*. Синтаксически обе эти разновидности притяжательных местоимений ведут себя почти одинаково, различие обнаруживается лишь в предикативной конструкции, где возможна только нестяженная форма: польск. *Te zeszyty są moje* (но не *me*), чеш. *Ta košile je moje* (но не *má*).

В польском языке, подобно русскому, притяжательные местоимения 3-го лица совпадают с родительным падежом личного местоимения: ср. русск. *Здесь его нет и его костюм, боюсь ее и ее жизнь*, польск. *Jego tam nie było i jego babcia, Boję się jej i jej rodzice, Tam nie ma ich i ich stacja*. Эти притяжательные местоимения не изменяются и, соответственно, не согласуются с существительным (именем объекта обладания).

В чешском языке в качестве притяжательного местоимения 3-го ли-

ца ед.ч. м. и ср.р. выступает форма *jeho*, совпадающая с формой род. п. ед.ч. личных местоимений *on* и *ono*: *jeho stroj*, *jeho dcera*, *jeho děti*; притяжательным местоимением ж.р. ед.ч. служит форма *její*: *její dcera*, *její šaty*; притяжательным местоимением для всех трех родов во мн.ч. — форма *jejich*: *jejich dcera*, *jejich přátelé*. Формы *jeho* и *jejich* не изменяются, а *její* согласуется с существительным и склоняется как полное прилагательное: *její bratr*, *jejího bratra*, *k jejímu bratrovi*; *její sestra*, *její sestry* и т.д.

Приведенные случаи несогласованных притяжательных местоимений в польском и чешском языках составляют особую конструкцию, основанную на синтаксической связи примыкания между ее компонентами. В какой-то мере эти несогласованные сочетания неизменяемого притяжательного местоимения с существительным в польском и чешском языках подобны болгарским сочетаниям с кратким притяжательным местоимением, о котором будет сказано ниже.

В отличие от этого в сербскохорватском языке есть изменяемые притяжательные местоимения для 3-го лица, различающиеся в зависимости от рода и числа как посессора, так и объекта обладания. Например, принадлежность 3-му лицу м. и ср.р. ед.ч. выражается с помощью форм *његов*, *-а*, *-о* (по роду объекта обладания): *његов лик*, *његова сестра*, *његово поље*; если объект обладания во мн.ч., то *његови коњи*, *његове сестре*, *његова поља*; принадлежность 3-му лицу ж.р. ед.ч. выражается с помощью двойных форм *њен*, *-а*, *-о* и *њезин*, *-а*, *-о* с соответствующими окончаниями для мн.ч., причем *њезин* употребляется в западной разновидности литературного сербскохорватского языка [Гудкова 1969, 46]. Если посессор стоит во мн.ч., то для всех трех родов служат формы *њихов*, *-а*, *-о* или гораздо реже *њин*, *-а*, *-о* или архаические *њихан*, *њихна*, *њихно* с соответствующими окончаниями для мн.ч.: *њихов коњ*, *њихова сестра*, *њихово поље*, *њихови коњи*, *њихове сестре*, *њихова поља* [Стевановић 1964, 288—289]. Эти сербскохорватские притяжательные местоимения 3-го лица по способу образования и изменения соответствуют существующим в русском языке диалектным и просторечным формам типа *евонный*, *ейный*, *ихний* и т.п. (на месте неизменяемых *его*, *ее*, *их*) [Федорова 1965, 125—127].

Почти то же можно сказать о притяжательных местоимениях 3-го лица в словенском языке — они изменяемы и различаются в зависимости от рода и числа как посессора, так и объекта обладания. Например, посессор — 3 л. ед.ч. м. и ср.р.: *njegov dan*, *njegova hči*, *njegovo stanovanje*; посессор — 3 л. ед.ч. ж.р.: *njen dan*, *njena mati*, *njeno drevo*; посессор — 3 л. мн.ч.: *njihov gospod*, *njihova kost*, *njihovo breme*. Особенностью словенского языка является наличие форм двойственного числа в притяжательных местоимениях. Например, посессор — 1 л. дв.ч.: *najin pot*, *najina bitka*, *najino selo*; посессор — 2 л. дв.ч.: *vajin otrok*, *vajina nit*, *vajino pismo*; посессор — 3 л. дв.ч.: *njun konj*, *njuna mati*, *njuno žrebe*.

В болгарском языке в этом отношении наблюдается картина, близкая к сербскохорватской и словенской, а именно, изменяемые притяжательные местоимения 3-го лица, так же как 1-го и 2-го, в ед.ч. различаются в зависимости от рода и посессора и объекта обладания: *неговият лик*, *неговата шапка*, *неговото сърце* — для посессора

м. и ср.р.: *нейният лик, нейната шапка, нейното сърце* — для посессора ж.р., а во мн.ч. — только в зависимости от рода посессора: *неговите ликове, шапки, сърца* — для посессора м. и ср.р.; *нейни ликове, шапки, сърца* — для посессора ж.р.

В румынском языке имена объектов обладания обоюдного (среднего) рода в единственном числе входят в группу существительных мужского рода: ср. *fratele* (м.р.) *meu, tău, său, lui, ei, nostru, vostru, lor* и *sonetul* (ср.р.) *meu, tău, său, lui, ei, nostru, vostru, lor*, а во множественном числе — в группу существительных женского рода: ср. *surorile* (ж.р.) *mele, tale, sale, lui, ei, noastre, voastre, lor* и *sonetele* (ср.р.) *mele, tale, sale, lui, ei, noastre, voastre, lor*. Как уже говорилось, согласование в падеже имеет место лишь у имен женского рода ед. числа: ср. *cuibul rîndincii mele* 'гнездо моей ласточки', *ferestra mîtuşii mele* 'окно моей тетки', *ultimul an al vieţii sale* 'последний год его (ее) жизни', *chestia cîştigării existenţei noastre* 'проблема обеспечения нашего существования'.

Выше было сказано, что болгарские изменяемые формы притяжательных местоимений, выражая категорию определенности/неопределенности, могут употребляться в членной и нечленной формах: *мой* — *моят* (моя), *твой* — *твоят* (твоя), *негов* — *неговият* (неговия), *нейн* — *нейният* (нейния), *наш* — *нашият* (нашия), *ваш* — *вашият* (вашия), *техен* — *техният* (техния) и т.д. Нечленная форма притяжательного местоимения чаще всего используется в предикативной функции, в качестве части именного сказуемого: *Тая книга е моя, Моливът е твоя*. В составе атрибутивных притяжательных словосочетаний, как правило, употребляется определенная форма: *моята коса, твоите братя, неговия поглед, нашият пленник, вашето дете, техните бащи* и пр.

Наряду с согласуемыми, или полными, формами притяжательных местоимений в болгарском языке имеется серия кратких неизменяемых форм притяжательных местоимений, являющихся по происхождению формами дательного падежа личных местоимений. Они выступают в функции несогласованного определения к существительному, образуя особую посессивную конструкцию, основанную на синтаксическом примыкании с постпозицией местоимения: *майка ми, баща ти, заветите му, роклята ѝ, градът ни, писмото ви, книгите им* и т.д.

В словосочетаниях этой конструкции существительное всегда стоит в членной форме, исключение составляют лишь имена родства, которые могут употребляться без определенного члена: *снаха ми, майка ти, брат му* и пр. Если того требует смысл, возможна и определенная форма существительного: *синът ми*. Имена родства во мн.ч. и имена родства, имеющие какой-нибудь словообразовательный суффикс, также могут употребляться с артиклем: *бащите ни, братята ви, братчето му*. При наличии определения-прилагательного к имени родства в посессивной конструкции с кратким притяжательным местоимением определенный артикль присоединяется к этому прилагательному: *добрата ми майка* [Алексова 1979].

Словосочетания с полными и краткими притяжательными местоимениями (*моята книга* и *книгата ми*) передают в общем одно и то же

посессивное значение, но в полных формах оно выражается отчетливее. Поэтому полная форма обязательна в тех случаях, когда подчеркивается значение посессивности — на нее падает логическое ударение; при отсутствии логического ударения она заменяется краткой формой. Так, в предложении *Това е домашното ми упражнение* сообщается, что это мое домашнее упражнение, а не что-либо иное, а в предложении *Това е моето домашно упражнение* — что это именно мое, а не чье-либо чужое, упражнение. Грамматики болгарского языка обычно предостерегают от употребления полных форм без ясно выраженного ударения [Андрейчин 1949, 280—281; Андрейчин 1971, 466].

Синтаксическое соотношение между болгарскими полными и краткими формами притяжательных местоимений внешне аналогично соотношению русских согласуемых притяжательных местоимений 1-го и 2-го лица и несогласуемых местоимений 3-го лица (*его, ее, их*). Однако в действительности между ситуациями в болгарском и русском языках имеются существенные различия — в русском языке 1-му и 2-му лицам соответствуют только согласуемые местоимения, а 3-му лицу — только несогласуемые; в болгарском же для всех трех лиц возможен и тот и другой вариант, но при условии логического ударения — лишь один — полное согласуемое притяжательное местоимение.

Посессивные конструкции с полными и краткими притяжательными местоимениями различаются синтаксическими способами связи между компонентами — в то время как в первом случае мы имеем атрибутивное словосочетание, основанное на синтаксической связи согласования, с препозицией определяющего члена (полного притяжательного местоимения), во втором случае перед нами словосочетание, образованное синтаксической связью примыкания и характеризующееся постпозицией определяющего члена (краткого притяжательного местоимения).

Другие славянские языки не располагают бесспорно выделяемыми краткими формами притяжательного местоимения. Однако в сербско-хорватском языке известны формы *ми, ти, му, јој, нам, вам* (*кћер ми, сестра ми, кућа ти, по соби ти, жена му, за појасом му, брат јој, црна јој коса, на суку јој ручицу, стара нам мати, глава вам* и пр.), которые обычно в грамматиках называют сокращенными формами дательного падежа личных местоимений (соответствующие полные формы дательного падежа имеют вид *мени, теби, њему, ној, нама, вама, њима*), а несогласованные сочетания данных форм с существительными — архаической посессивной конструкцией.

В словенском языке также существуют краткие формы личных местоимений, которые, вообще говоря, могут рассматриваться как краткие формы притяжательных местоимений. Это формы дательного падежа 1 л. (*mi*), 2 л. (*ti*), 3 л. м.р. (*mu*), 3 л. ж.р. (*ji*). Все эти формы — единственного числа, множественное число не имеет кратких форм.

Теоретическая сложность безоговорочного отнесения этих форм к кратким притяжательным местоимениям связана с тем фактом, что

сербскохорватский и словенский языки по употреблению дательного падежа во многом близки к старославянскому: дательный падеж без предлога включает семантику локативности (русск. у + род. п.), семантику предназначения (русск. для + род. п.), семантику направления (русск. к + дат. п., например, словн. *Pluli so mi divje gosje* 'Дикие гусиплыли ко мне'), сочетая эти семы с семантикой possessивности. Поэтому для сербскохорватского и словенского языков предлагается считать данные краткие формы личных местоимений в дательном падеже притяжательными местоимениями в следующих случаях:

- 1) дательный падеж не диктуется глагольным управлением;
- 2) в данную конструкцию не включаются семы локативности, предназначения и направления.

Приведем словенские примеры (когда русский перевод дается буквально, лексемы отделяются дефисом): *Delo mi je obležalo* 'Мое дело не закончено'; *V razburkano glavo mi je planil živ ogenj* 'В моей разволнованной голове воспламенился живой огонь'; *Tekli so mi dnevi* 'Текли-мне-дни'; *Vampir puhnil mir misli ti blaznih*, 'Вампир-дунул-мир-мыслей-тебе-безумных'; *Koledar ki mu liste odtrgujemo* 'Календарь-который-ему-листы-отрываем' (отрывной календарь).

В старославянском языке местоименные possessивные конструкции выражаются атрибутивными словосочетаниями существительного (объект обладания) с притяжательными местоимениями, отражающими лицо и число possessора и род, число и падеж объекта обладания — для 1 и 2 л. обоих чисел. Например, ОЦЬ МОИ, ДША МОЪ, ТЪЛО МОЕ, ОУЧЕНИЦИ МОИ, ЗАПОВЪДИ МОѦА, СЛОВЕСА МОЪ; СЛОВЕСЪ МОИХЪ — СЛОВЕСЪМЪ МОИМЪ, БРАТРЪ ТВОИ — БРАТРА ТВОЕГО, РЖКА ТВОЪ — РЖКЖ ТВОЖ, ОУЧЕНИЦИ ТВОИ — ОУЧЕНИКОМЪ ТВОИМЪ, ОТЦЮ НАШЕМОУ — ПРЪДЪ ОТЪЦЕМЪ НАШИМЪ, ОТЪ СРДЦЪ ВАШИХЪ — ВЪ СРДЦИХЪ ВАШИХЪ, РАДОСТЬ ВАШѦА — РАДОСТИ ВАШЕѦА и т.д.

Относительно форм притяжательных местоимений 3 л. обоих чисел в старославянском языке, строго говоря, мы не имеем доказательств того, что это формы притяжательного местоимения, совпадающие с родительным падежом личного местоимения 3 л. В греческом языке в большинстве случаев представлена форма родительного падежа личного местоимения 'его', 'ее', 'их' — αὐτοῦ, αὐτῆς, αὐτῶν. Поэтому весьма проблематично отнесение форм типа ОУЧИТЕЛЬ ЕГО, ЕѦА, ИХЪ к тому же статусу, что и указанные выше изменяемые притяжательные местоимения. См.: ГАЗКЪ ЕГО — ГАЗКА ЕГО, ЖЕНА ЕГО — ЖЕНЖ ЕГО, СЛОВО ЕГО — ЗА СЛОВО ЕГО, РЖКА ЕГО — ОТЪ РЖКЪ ЕГО, СЕСТРА ЕѦА — СЕСТРЖ ЕѦА, НОГА ИХЪ — НОСЪ ИХЪ, СРЪЦЕ ИХЪ — СРДЦА ИХЪ и т.д.

Приименной местоименной possessивной конструкцией является в старославянском языке и конструкция с именем объекта обладания + дательный падеж личного местоимения, называющего possessора: ПЛЪТЬ ЯМОУ АКЫ ВОСКЪ... РАСТЕЧЕТЪ СА — Супр. 153.2; ТВОРИТЬ ДРЪВО ДОБРОЕ АГОДЖ ЕМОУ ДОБРЖ — Мф. 12.33; СБРАТИТЬ СА БОЛЕЗНЬ ЕГО НА ГЛАВЖ ЕМОУ — Син. пс. VII.14; ВЪПРАШААХЖ ЖЕ ЯГО ДРОУЖИНА ЯМОУ — Супр.

218.25; ОУЗРЪ... ИНА ДЪВА БРАТА ИАКОВА ЗЕВЕДЕΩВА И ИΩАНА БРАТА ЕМОУ — Мф. 4.21. Учитывая широкое употребление дательного падежа в старославянском языке¹, объединяющего в своей семантике семы локативности, экзистенциальности, заинтересованности, направленности действия и принадлежности, оказывается сложным отделить подобные структуры с местоименным приименным дательным принадлежностью от дательного падежа принадлежности в 'быть'-конструкциях и от дательного направленного действия в глагольных структурах, находящихся на грани синтаксического переразложения — ПРОБОДЕ ЕМОУ РЕБРА — Мф. 27.49 и под. Такого типа структуры рассматриваются в следующих разделах данной главы. По своей функции дательный падеж местоимения объединяется с именным дательным принадлежностью: МЫТАРЕМЪ ДРОУГЪ И ГРЪШНИКОМЪ — Мф. 11.18; МОЛИТЕ СА ОУБО ГНОУ ЖАТВЪ — Мф. 9.37 и под., см. далее.

В румынском, равно как в болгарском, сербскохорватском и словенском, существуют несогласованные именные конструкции с личными и возвратными местоимениями в дативе. Они имеют в современном языке ограниченную сферу употребления, являясь, в основном, достоянием поэтического и книжного стиля [Jordan, Guțu Romalo, Niculescu 1967, 125]. В то же время они довольно часто встречаются в языке современной публицистики [Guțu Romalo 1972, 99; Graur 1968, 166; Lombard 1972, 205]², что говорит, по-видимому, о тенденции к возрождению этой конструкции. Особенно употребительны словосочетания, состоящие из существительного, местоимения в дативе и прилагательного в функции определения к существительному; ср. *moartea-i timpurie* 'его (ее) ранняя смерть' *viața-i furtunoasă* 'его (ее) бурная жизнь', *mîna-i albă* 'его (ее) белая рука'; прилагательное может стоять в препозиции к существительному, и в этом случае местоимение в дативе присоединяется в качестве энклитики к прилагательному (так же, как оно примыкает к существительному в рассмотренных выше примерах); ср. *pe palidă-ți frunte* 'на твоем бледном лбу', *orgolioasă-i letargie* 'его (ее) горделивая сонливость', *în nouă-i patrie* 'на его (ее) новой родине', *versurile-i clasice* 'его (ее) классические стихи'.

В современном языке местоимения в дативе могут сочетаться в рассматриваемых структурах только с именем в номинативе и аккумулятиве. На более ранних стадиях развития языка возможны были также сочетания с именами в генитиве: *a ființit-ți* 'твоего существа' (Gramatica I, 141).

Как можно было заметить, в рассмотренных примерах наиболее употребительны формы местоименных энклитик ед. числа (*-mi*, *-ți*, *-i*); формы множественного числа (*-ne*, *-vă*, *-le*) являются устаревшими [Gramatica I, 142; Graur 1968, 166]; ср. *leafa-le* 'их жалованье', *casa-vă* 'ваш дом'. На ранних стадиях существования румынского языка эти формы

¹ Из последних работ о дательном посессивном в старославянском см.: Мразек 1963; Вечерка 1963; Правдин 1956; Ходова 1971а.

² А. Граур отмечает некоторую претенциозность конструкций такого рода в современном языке.

широко употреблялись, в то время как теперь лишь в отдельных говорах можно встретить конструкции типа: *mereți în treabă-vă* 'идите по вашим делам'; в арумынском рассматриваемая конструкция с дательным посессивным широко распространена и сейчас: ср. *casile-ți* 'твой дома', *case-lă* 'их дома'; *oile-nă* 'наши овцы', *ficiorlu-vă* 'ваш сын', *sora-n* 'моя сестра' [Graur 1968, 69].

Существительные в анализируемых конструкциях с местоименным дательным посессивным могут стоять и в определенной, и в неопределенной форме. По данным румынской академической грамматики [Gramatica I, 141—142], употребление определенного артикля совершенно обязательно для имен женского рода мн. числа: ср. *cunoștințele-ți* 'твое знания'; в единственном числе ж. рода артикль обязательно употребляется с существительными на *-a*, *-ea* (с ударением на конце), на *-ie* и с существительным *zi* 'день'; в остальных случаях в равной степени возможно употребление обеих форм, ср. *basmaua-i purpurie* 'ее пурпурный платок', но *pe limbă-ți* 'на твоём языке'

Что же касается существительных мужского и среднего рода ед. числа (за исключением имен на *-e*), то трудно сказать, в какой форме, — определенной или неопределенной, — они стоят: в сочетаниях с местоимением в дативе они имеют окончание *-u*, которое можно интерпретировать двояко, — как архаическую форму (до падения конечного *u*), или, напротив, как современную форму, свойственную разговорному языку. В первом случае мы можем говорить о неопределенной форме, во втором — об определенной; ср. *pe calu-i* 'на его коне', *surîsu-ți* 'твоя улыбка'. Столь же неоднозначна интерпретация форм существительных мужского и среднего рода мн. числа: ср. *din ochii-i* 'из глаз его (ее)', *pe stâlpi-i* 'на его (ее) столбах'. Существительные м. и ср. рода на *-e* (как в ед., так и во мн. числе) обычно стоят в определенной форме; ср. *peretele-i* 'его (ее) стена'; *în brațele-mi* 'в моих руках'; но возможна и неопределенная форма: *pe brațe-i* 'на его (ее) руках'. Остальные существительные ср. рода мн. числа всегда употребляются в определенной форме: *versurile-i* 'его (ее) стихи' и др.

К сказанному выше следует добавить особые типы сочетаний, состоящих из предлогов (и предложных слов) и кратких форм местоимений в дативе, ср. *înainte-mi* 'передо мной', *asupra-i* 'на него (нее)', *deasupra-mi* 'надо мной', *împotriva-le* 'против них', *împrejur-mi* 'вокруг меня' [Lombard 1972, 208; Gramatica I, 143—144]. А. Ломбард, из работы которого взяты эти примеры, указывает на книжный, несколько устаревший и не слишком употребительный характер сочетаний такого рода. Эти конструкции могут иметь и несколько другую форму, а именно *asupra-i*, *deasupra-mi*, *împotriva-i*, где предлоги (или предложные слова) стоят в определенной форме, т.е. с определенным артиклем. То же в таких сочетаниях, как *din parte-mi* = *din partea-mi* 'с моей стороны', *în urmă-i* = *în urma-i* 'вслед за ним (ней)', *în fața-i* = *în fața-i* 'перед ним (ней)' [Gramatica I, 327—328]. Форма с неопределенным артиклем считается более старой и привычной, в то время как форма с определенным артиклем — более поздняя и менее употребительная [Gramatica I, 328]. Вместе с рассмотренными выше сочетаниями предлогов (и предложных слов) с притяжательными местоимениями эти конструк-

ции образуют синонимические ряды типа: *înaintea-mea* = *înaintea-mi* = *înainte-mi*; *în fața mea* = *în fața-mi* = *în față-mi* и т.д. [Lombard 1972, 209].

Кроме перечисленных выше случаев употребления притяжательных местоимений с именами в неопределенной форме, нельзя не упомянуть о сочетаниях некоторых существительных, преимущественно имен родства, с притяжательными местоимениями, где имя стоит в неопределенной форме, а притяжательное местоимение присоединяется к нему при помощи дефиса; ср., например, *maică-sa* 'его (ее) мать', *fiică-sa* 'его (ее) дочь', *mă-ta* 'твоя мать', *nevastă-mea* 'моя жена', *taică-său* 'его отец', *vecinu-meu* 'мой сосед' и др. [Graur 1968, 167; Gramatica I, 158—159; Paul Radu 1932, 97].

В просторечии и диалектной речи для 3 л. ед. ч. м.р. характерны энклитические формы *-so*, *-su*: *tatu-so*, *ta(tă)-su* 'его (ее) отец', *unchi-su* 'его (ее) дядя' и форма *-tu* для 2 л. м.р. ед. ч.: *tat-tu* 'твой отец', *frate-tu* 'твой брат', *ginere-tu* 'твой зять' [Gramatica I, 158, Graur 1968, 167].

Эти сочетания, вероятно, достаточно архаичны, поскольку они не допускают форм с артиклем и образуют столь тесное единство, что часто воспринимаются носителями языка как одно слово. Отсюда такие сочетания слов как, например, *măsa bdiatului* досл. '(его мать) мальчика', *frasu lui* досл. '(его брат) его', *măsa lor* досл. '(его мать) их' [Graur 1968, 167; Gramatica I, 1958].

Приведенные сочетания имени в неопределенной форме и притяжательного местоимения имеют свои особые правила склонения [см. Gramatica... I, p. 158—159]:

а) склоняется только притяжательное местоимение; ср. *nord-mea* 'моя невестка' — *nord mei* (по модели *casa* — *casei*); *ochii măică-sii* 'глаза его (ее) матери';

б) склоняются и существительное, и притяжательное местоимение; ср. *nevesti sii* 'своей жены, своей жене';

в) склоняется только имя; ср. *mîni-sa* 'его (ее) руки';

г) как имя, так и местоимение остаются без изменения: *ochiul soacră-sa* 'глаза его тещи (ее свекрови)³'; ср. также: *în locul socru-său* 'вместо его тестя (ее свекра)', *iese înaintea fecioru-său* 'выходит навстречу своему сыну' [Paul Radu 1932, 98].

Особый вопрос — употребление притяжательных местоимений с некоторыми предлогами и предложными словами. Известно, что в румынском все предлоги управляют винительным падежом. Исключение составляют предлоги *asupra*, *contra*, *deasupra*, которые сочетаются с именами с генитиве-дательном (*contra vîntului* 'против ветра', *asupra inamicului* 'на (против) врага') и притяжательными местоимениями, выступающими в функции личных местоимений; ср., например, *asupra mea* 'против(на) меня (досл. моя)', *deasupra noastră* 'над нами (досл.: над наша)' [Gramatica... I, 158, 323, 327].

Теми же особенностями отличаются и некоторые предложные слова:

а) производные от наречий типа *înaintea*, *dinaintea* 'перед, впереди', *înduntru* 'внутри', *dedesubtul* 'сверху, поверх', *îndărătul* 'позади', *împotriva* 'против'; они употребляются с определенным артиклем мужского

³ В последних двух пунктах даны диалектные примеры (Gramatica... I, 159).

или женского рода и сочетаются с притяжательными местоимениями; ср. *înaintea mea* 'вперед меня', 'передо мной' (досл. впереди моя), *dedesubtul meu* 'подо мной (досл. мой)';

б) производные от существительных; ср. *în fața lui* 'перед ним', *în fața mea* 'передо мной', *în fața noastră* 'перед нами', *în spatele său*, *în spatele ei* 'позади нее', *în stînga mea* 'налево от меня', *în dreptul lor* 'напротив них', *în dreptul nostru* 'напротив нас', *în jurul ei* 'вокруг нее', *în preajma ei* 'около нее', *în urma lui* 'вслед за ним', *în urma mea* 'вслед за мной', *în locul lor* 'вместо них', *din pricina mea* 'из-за меня' и т.д.

Одна из интересных особенностей румынских притяжательных местоимений состоит в том, что в их систему входит ряд местоимений особого рода — местоимения вежливости [Рор 1948, 373—374]. Принято считать, что в румынском выделяется три степени выражения вежливости для 2 л. ед. ч.: *tu* — *dumneata* — *dumneavoastră* и две — для 2 л. мн. ч.: *voi* — *dumneavoastră*. Местоимения вежливости часто выступают в функции личных местоимений, а в сочетании с существительными — в функции притяжательных местоимений; ср. *casa dumatăle* 'Ваш дом', *părinții dumneavoastră* 'Ваши родители', *casa dumneavoastră* 'Ваш дом', *parinții dumneavoastră* 'Ваши родители' (последние два примера можно понять и иначе — как множество посессоров и один объект обладания — в первом случае и как множество посессоров и множество объектов обладания — во втором). Нетрудно заметить, что местоимение *dumneata*, выступая в функции притяжательного местоимения, имеет форму генитива-датива (*dumatăle* < *domniei tale*); местоимение *dumneavoastră* не изменяет своей формы, выступая в той же функции.

В отличие от местоимений вежливости 2 л. ед. и мн. ч., которые отличаются большой употребительностью, соответствующие местоимения 3 л. ед. и мн. числа встречаются сравнительно редко и характерны для изысканного и даже для высокого стиля речи. Ср. *părinții dumnealui*, *dumneaei*, *dumnealor* 'его, ее, их родители', где посессор, в глазах говорящего, — это лицо, к которому он испытывает или, по правилам этикета, должен испытывать чувство глубокого уважения.

В систему местоимений вежливости входят и местоимения 3 л. ед. ч. *dînsul* (м.р.), *dînsa* (ж.р.), которые воспринимаются говорящими двояко: по мнению одних, они эквивалентны формам *dumnealui*, *dumneaei*; по мнению других — принадлежат менее изысканному стилю, нежели *dumnealui*, *dumneaei* [Gramatica... I, 148; Niculescu, Roceric 1958, 165—194]. Добавим, что, в отличие от форм *dumnealui*, *dumneaei*, *dumnealor*, которые не меняют своей формы в зависимости от того, в какой функции они выступают, — в функции личных или в функции притяжательных местоимений, — местоимения *dînsul*, *dînsa* в сочетании с именем имеют форму генитива-датива, ср. *tatăl dînsei* 'ее отец', *cartea dînsului* 'его книга'.

Такую же структуру, как посессивные конструкции с притяжательными местоимениями, имеют конструкции с возвратно-притяжательными местоимениями. Возвратно-притяжательные местоимения ведут себя синтаксически подобно притяжательным, согласуясь с су-

ществительным по тем же грамматическим категориям; в болгарском языке полные формы так же сочетаются с определенным артиклем; там наряду с полными возвратно-притяжательными местоимениями есть краткая форма *си*, одинаковая для всех лиц, родов и чисел.

Примеры: польск. *swój pokój, swoja walizka, swoje pióro, swoi rodzice, swoje sprawy, swoje zwierzęta*; чеш. *svůj dům, svá (svoje) kabelka, své (svoje) okno, svoji soudruzi, své (svoje) ruce, své (svoje) pole*; срх. *свој план, своја рука, своје време, своју зуби, своје ствари, своја танета*; слвн. *svoj dan, svoja lipa, svoje okno*; бол. *својат (своя) глас, својата (својта) мька, своето (својто) дете, своите (својте) мечти, гласът си, мьката си, детете си, мечтите си*; рум. *stăpinul său 'свой хозяин', arta sa 'свое искусство', vecinii săi 'свои соседи', cărțile sale 'свои книги'*.

В болгарском языке действуют те же правила выбора полной или краткой формы, что и в случае притяжательных местоимений. Например, *Той обича своето отечество* — в случае подчеркивания притяжательного значения — и *Той обича отечеството си* — в остальных случаях.

При этом во всех рассматриваемых языках, с разной степенью жесткости, действует так называемое правило рефлексивизации, согласно которому при совпадении имени посессора с субъектом действия при объекте употребляется не притяжательное, а возвратно-притяжательное местоимение. Например, польск. *Oni wchodzą do swego pokoju*, а не **Oni wchodzą do ich pokoju*; чеш. *Podepsal jim svou fotografii*, а не **Podepsal jim jeho fotografii*; срх. *Ја сам поздравео своје другове* (но не *моје*), *Ви сте се вратили у своју домовину* (но не *вашу*); ср. притяжательное и возвратно-притяжательное местоимения в предложении *Старац обори свој оштар поглед и око његових склопљених трепавица обиче нешто као магла*; бол. *Той обича своето отечество* (или *отечеството си*), но не **Той обича неговото отечество* (или *отечеството му*); ср. *През рамото му бе препасана патронна лента, в ръцете си държеше карабина*; слвн. *Ali je prinesel vsak svoj kovček?; Prebivalci imajo svoje govorne odtenke; Jaz imam svoj obraz; Sestra ima svojo hišo; Ona je prekopala svoj vrt; Jaz zapačkala sem svojo najljubšo knjigo; Kamni so imeli svoj glas; On podoben je svojemu očetu; Izročite moj poklon svoji sestri; Kaj lahko navedete v svoje opravičilo.*

Для 1 и 2 л., однако, допускается параллельное употребление и притяжательного и возвратно-притяжательного местоимений: бол. *Аз чета моята книга и Аз чета своята книга, Ти четеш твоята книга* или *Ти четеш своята книга*. Если же идея притяжательности особо подчеркивается (логическое ударение на местоимении), то естественно употребить притяжательное местоимение: *Ще ни изядеш с твоята* (вместо *свс своята*) *проклетая стока* (Г. Караславов) 'Ты погубишь нас из-за своего (букв. 'твоего') проклятого имущества'. В случае отсутствия акцентированности идеи притяжательности правильнее использовать возвратно-притяжательное местоимение.

Для местоимений 3 л. соблюдение правила рефлексивизации считается абсолютно обязательным: срх. *Он је сам својом руком плевио коров; Она не сме одати своју љубав*; бол. *Майорът е сконфузен от своето невежество; Фокусникът извади ръката си; Той взе своята*

книга. Использование невозвратного местоимения (*Той взе неговата книга*) придает предложению другой смысл — 'Он взял чью-то чужую книгу'. Однако в разговорном болгарском языке и в большинстве народных говоров употребление притяжательных местоимений вместо возвратных иногда проникает в область не только 1-2 л., но и 3. Подобное употребление находится за пределами литературной нормы⁴. То же относится к сербскохорватскому языку. М. Стеванович [Стевановић 1970, 286—288] объясняет замену возвратно-притяжательного местоимения притяжательным результатом иноязычного влияния. Он приводит следующие примеры: *У време када је Вук радио његов Српски рјечник, Она је на много вишем стопњу од свих њених критицара* и пр. Ю.С. Маслов также считает, что употребление притяжательного местоимения вместо возвратно-притяжательного в болгарском языке отражает неславянские языковые влияния [Маслов 1981, 302].

Нарушение правила рефлексивизации может также наблюдаться в случаях 1 и редко 2 л. мн. ч., когда субъект действия обозначает множество, являющееся лишь частью множества-посессора: чеш. *Slibujete (my vojáci) že naši vlast (tj. všech Čechů a Slováků) ubraníte* или когда субъект понимается расширительно: срх. *Mi smo već bili upoznali snagu naroda naše zemlje, jer smo već vidjeli na djelu naš narod u Srbiji u Црној Гори*.

Интересно, что в серболужицких литературных языках (верхне- и нижнелужицком), а также в серболужицких говорах, очень часто наблюдается взаимозаменяемость притяжательного и возвратно-притяжательного местоимений, особенно для 1 и 2 л.; эта взаимозаменяемость имеет характер свободного варьирования и не зависит от типа отношений между посессором и субъектом действия. Ср., например, н.-луж. *Su něnto swoj nastawk dopisać* 'Хочу теперь дописать свою статью' и *Njejsom po mojej chorosći zewšym wěcej dejala na želo hys* 'После моей болезни я не должна была больше ходить на работу'; *Wona ... pokažo nam wobrazе swojeju golcowu* 'Она ... показала нам фотографии своих мальчиков' и ... *Erika jeje rješazk mě darila* '... Эрика подарила мне ее (= свою) цепочку'; в.-луж. говор. *Woni ... su dupili swoje žěži* 'Они ... крестили своих детей' и *Wón džěwaše po jeho nana* 'Он работал у его (= своего) отца [Ермакова 1986].

В этом отношении румынский существенно выделяется среди рассматриваемых в данной работе языков. В отличие не только от западнославянских, но и южнославянских языков, в румынском возвратно-притяжательные местоимения никогда не употребляются вместо притяжательных местоимений 1 и 2 л. ед. и мн. числа. Правило рефлексивизации, которое, как мы отмечали, состоит в том, что при совпадении имени посессора с субъектом действия употребляется не

⁴ Поэтому болгарские лингвисты, занимающиеся проблемами культуры речи, часто пишут о необходимости соблюдать кодифицированную норму, см., например: Георгиева 1962; Орачева 1979; Димов 1971. Ст. Стойков отмечает ограниченное употребление местоимения *свой* в современных болгарских говорах. Оно встречается главным образом в балканских говорах; в мизийских, западных и большей части рупских говорах вместо него употребляются полные формы притяжательного местоимения [Стойков 1968, 169].

притяжательное, а возвратно-притяжательное местоимение, не соблюдается в 1 и 2 л. ед. и мн. числа. Ср., например, *Pînd la urmă am să gădesc un loc bun pentru animalele mele* 'В конце концов, я найду удобное место для своих (досл. моих) животных'; *să-l vezi cu ochii tăi* 'взгляни на него своими (досл. твоими) глазами'; *ca să avem casa noastră* 'чтобы у нас был свой (досл. наш) дом'.

В 3 л. ед. ч. формы возвратно-притяжательных местоимений (*său, sa*) существуют параллельно с формами *lui, ei*, которые происходят от генитива соответствующих личных местоимений. Ср. *degetele lui* 'его пальцы', *prăvălia lui* 'его лавка', *prietenul său* 'его (ее) друг'; *viața lui, viața sa* 'его жизнь'; *silueta ei* 'ее силуэт', *garda sa* 'его (ее) сторож' и т.д.

Теоретически, местоимение *său* соотносится с субъектом, а *lui* — с другими членами предложения, но это правило строго не соблюдается; исключения составляют лишь те случаи, когда несоблюдение правила рефлексивизации ведет к неправильному пониманию смысла фразы, к ее двусмысленности [Graug 1968, 316; Gramatica limbii române I, 157—158]. В остальных случаях современный румынский не делает различий между *său* и *lui* ср., например, *semăna leit cu tatăl său* 'Он, как две капли воды, был похож на своего отца'; *Incepu să se gîndească la soția lui* 'Он принялся думать о своей жене (досл. о его жене)'; *Tine la logodnica lui* 'Он привязан к своей невесте (досл. к его невесте)'; *I-o înapoie fiului său* 'Он вернул ее своему сыну'; *Tata o exilase la sora lui* 'Отец отправил ее к своей сестре (досл. к его сестре)'.

В современном языке возвратно-притяжательные местоимения воспринимаются как стилистически более изысканные формы, отсюда их значительная распространенность в письменном литературном языке. Разговорный язык отдает предпочтение формам *lui, ei*.

В 3 л. мн. ч. формы возвратно-притяжательного местоимения полностью вытеснены местоимением *lor* (генитив от *ei, ele*), ср. *fiul lor* 'их сын', *copiii lor* 'их дети', *viața lor* 'их жизнь' и т.д.

В болгарском языке иногда — для подчеркивания значения принадлежности субъекту действия — возможно одновременное употребление и полной и краткой форм возвратно-притяжательного местоимения: *Нека по своя си воля избере юнак*. Подобное удвоение возвратно-притяжательного местоимения клиткой *си* — типичный балканизм, один из наиболее рано засвидетельствованных в болгарском языке. Примеры употребления удвоенной формы *свои си* К. Мирчев отмечает уже в языке Супрасльской рукописи XI в. [Мирчев 1963, 171; Мирчев 1966, 282—283]. Они нередко встречаются в болгарских текстах вплоть до конца XIX в., гораздо реже — единичные примеры — в наши дни; в нормативные грамматики современного болгарского литературного языка эта форма не включается [Orzechowska 1973, 52—55; Пашов 1975, 105—116]. Интересные случаи удвоения полного возвратно-притяжательного местоимения клиткой *си* отмечены в новоболгарских дамаскинах XVII в., например, *тъгда да иде на своето си отечество, своята си жена, своят си гръх, ръката своя си* и пр. Там встречаются и такие сочетания, в которых, наоборот, краткая форма *си* дублирована полной формой *свои*: ср. *излезе манастирътъ си свои, съ силата си своя, очите си свои*. Лингвисты, исследовавшие

эти формы, высказывают мнение, что удвоенные формы *свој си* и *си свој*, подобно краткому *си*, не акцентирует идею притяжательности [Демина 1986].

В результате отдельных нарушений правил удвоения возвратно-притяжательных местоимений (*своја си*) иногда возникают "гибридные", контаминированные формы вроде *моят си*, *неговият си*, *техният си*: *душата си моя*, *неговата си бащина*, *техното си имане*; *Блед месец ... пришепна на немирните звездици нещо там на негов си език* (Елин Пелин). Этот тип выражения посессивных отношений, несвойственный современному болгарскому литературному языку, отмечен в ряде восточноболгарских говоров, а также в языке некоторых писателей—возражденцев (например, у Софрония Врачанского) [Маслов 1981, 302—303; Демина 1986; Демина 1983; Мирчев 1963, 171; Кочев 1969, 61]. Подобное сочетание двух разных способов выражения посессивности представляет значительный интерес для теории и типологии категории посессивности.

Болгарский язык обладает в этом отношении еще одной чрезвычайно интересной особенностью — там краткое возвратно-притяжательное местоимение *си* может употребляться также и при притяжательном прилагательном, согласованном с существительным (именем объекта обладания). Например, *Магдалена пасла бащините си кози*, *Загубих братовата си карабина*, *Скъсах бабината си забрадка* и пр. В подобных словосочетаниях посессором являются соответственно *баща*, *брат*, *баба* по отношению к *кози*, *карабина*, *забралка* (*кози на баща си*, *карабина на брата си*, *забралка на баба си*), а по отношению к *баща*, *брат*, *баба* — это *Магдалена* и *аз* (*баща на Магдалена = баща си*, *мой брат = брат си*, *моя баба = баба си*).

То же наблюдается с краткими притяжательными местоимениями: *Дето били бащините ѝ колиби* (*колиби на баща ѝ — баща ѝ*). Здесь имеем притяжательное *ѝ*, а не возвратно-притяжательное *си*, т.е. не происходит рефлексивизации, поскольку существительное *колиби* является субъектом действия. Ср.: *Магдалена пасла бащините си кози*, где существительное *кози* служит не субъектом, а объектом действия. При этом возможны нарушения правила рефлексивизации там, где оно должно соблюдаться. В результате возникают употребления типа *Загубих братовата му* (вместо *си*) *карабина*, *Скъсах бабината ѝ* (вместо *си*) *забралка* и пр., которые считаются нелитературными.

Как уже говорилось, нарушение правила рефлексивизации и удвоение притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений являются балканскими чертами. Из славянских языков этими особенностями более других характеризуется болгарский язык, самый балканский из славянской семьи; в гораздо меньшей мере это относится к сербскохорватскому.

Материал старославянского языка показывает активное употребление возвратно-притяжательного местоимения СВОИ. По формам словоизменения СВОИ полностью аналогично рассмотренным выше притяжательным местоимениям МОИ, ТВОИ, НАШЪ, ВАШЪ: ОЦА СВОЕГО — ОЦЮ СВОЕМОУ, БРАТРА СВОЕГО — БРАТРОУ СВОЕМОУ, ОТЪ ДОМОУ СВОЕГО — ВЪ ДОМОУ СВОЕМЪ,

МАТЕРЕ СВОЕѦ — МАТЕРИ СВОЕИ — МАТЕРЬ СВОИЖ — МАТЕРИИЖ СВОЕИЖ, СРДЦА СВОЕГО — ВЪ СРДЦИ СВОЕМЪ, ОТЪ ОУЧЕНИКЪ СВОИХЪ — ОУЧЕНИКОМЪ СВОИМЪ, РИЗЬ СВОИХЪ — РИЗЫ СВОѦ и т.д. Именно в этом аспекте выражения категории посессивности старославянский язык противостоял греческому, в котором не различалась собственно притяжательная и возвратно-притяжательная семантика посессивности, в обоих случаях передаваемая через родительный падеж личного местоимения 'его'. См. наглядный пример: **ИЗИДЕ ЖЕ ИСЪ И ОУЧЕНИЦЫ ЕГО ВЪ ВЪСИ КЕСАРИѦ ФИЛИПОВЫ. I НА ПЖТИ ВЪПРАШААШЕ ОУЧЕНИКЫ СВОѦ** — М. 8.27 (ἐξῆλθεν δ' ἰησοῦς καὶ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ... ἐν τῇ ὁδοῦ ἐπληρώτα τοὺς μαθητὰς αὐτοῦ). Из этого примера видно соблюдение правила подчиненности посессивной конструкции со СВОИ предикату — как синтаксическому, так и семантическому, которое характеризует употребление 'своей' в современных славянских языках [Падучева 1985, 180—209]. Однако даже для современного русского языка усиление строгого соблюдения правила рефлексивизации Е.В. Падучева считает активным процессом лишь XX в.: в литературе первой половине XIX в. в 1 и 2 л. употребление возвратно-притяжательного местоимения было еще очень ограниченным [Падучева 1985, 204]. В старославянском же языке конкуренция МОИ, ТВОИ, ЕГО, ЕЕ, НАШ, ВАШ, ИХ/СВОИ была гораздо более сильной. Особенно, конечно, это относится к 1 и 2 л. По данным Р. Вечерки [Večerka 1979], факты 7 старославянских памятников указывают на следующие пропорции употребления СВОИ в потенциально-рефлексивных конструкциях: МОИ/СВОИ — 342/41, ТВОИ/СВОИ — 521/249, НАШЪ/СВОИ — 39/9, ВАШЪ/СВОИ — 139/9. Не совсем понятное обильное употребление СВОИ во 2 л. ед. числа Р. Вечерка объясняет чисто звуковым влиянием греческого языка: формой притяжательного местоимения σοῦς.

Случаи соблюдения правила рефлексивизации в 1 и 2 л., как видно из данных Р. Вечерки, многообразны. Анализ нашего материала позволяет предположить, что в старославянском языке рефлексивизация не соблюдалась в императивных конструкциях. См. **ОБАЧЕ ЛЮБИТЕ ВРАГЫ ВАША И БЛАГОТВОРИТЕ** — Л. 6.35; **ЛЮБИТЕ ВРАГЫ ВАША. БЛАГОСЛОВИТЕ КЛЪНЖШТАѦ ВЫ** — Мф. 5.44; **ИЪМИ ПРЪВЪЕ БРЪВЪНО ИЗ ОЧЕСЕ ТВОЕГО** — Л. 6.42; **ВЪЗЪМИ ОДРЪ ТВОИ И ХОДИ** — И. 5.11; **ПОМОЛИ СА ОЦЮ ТВОЕМОУ ВЪ ТАИНЪ** — Мф. 6.6; **ВЪЗЛОЖИ НА НИЖ РУКЖ ТВОИЖ** — Мф. 9.18; **ОТЪПОУСТИ ЕМОУ И СРАЧИЦЖ ТВОИЖ** — Мф. 5.40. Помимо этого синтаксико-семантического ограничения, объясняющегося, по-видимому, не совсем четко воспринимаемым семантическим субъектом императива, поскольку личный показатель в императиве опускался (не *Ты приди*, а *Приди*), выявляются ограничения и лексико-семантические. А именно — не вводилось возвратно-притяжательное местоимение при определенной группе имен — показателей объекта обладания, характеризующих "картину мира" посессора. Так, не вводится в прямой речи Христа местоимение СВОИ по отношению к отцу: всегда **АЗЪ ВЪ ОЦИ МОЕМЪ**, но не **СВОЕМЪ**,

также обычно ДУША, ВОЛНА, СЕРДЦЕ и под. Однако это различие соблюдается нестрого, возможно смешение посессивов в пределах одного высказывания: ВЪЗЛЮБИШИ ГА БА ТВОЕГО ВЪСЪМЪ СРДЦЕМЪ ТВОИМЪ И ВЪСЕРЖ ДШЕНЖ СВОЕЖ. I ВЪСЕРЖ МЫСЛЫЖ ТВОЕЖ — Мф. 22.37 (в греческом тексте во всех четырех употреблениих стоит форма σου). См. также ВЪЗЪМИ ОДРЪ ТВОИ. I ИДИ ВЪ ДОМЪ СВОИ — И. 5.8 (в греческом языке — Ἐγεῖρε ἄρον τὸν κραββάτον σου καὶ περὶλάτει. т.е. в последнем случае посессив не представлен).

Большой интерес представляют случаи несоблюдения правила рефлексивизации в 3 л., а именно — употребление местоимения СВОИ как притяжательного, а не как возвратно-притяжательного. В этих случаях возможны следующие синтаксические структуры, в пределах которых рефлексивизация не соблюдается.

А. Синтаксическим подлежащим является не посессор, а объект обладания: ГЛАША ЕМОУ ОУЧЕНИЦИ СВОИ — М. 14.12.; ЧЛВКЪ. ЕГОЖЕ АЩЕ ПРОСИТЬ СНЪ СВОИ ХЛЪБА — Мф. 7.9;

Б. Ни посессор, ни объект обладания не являются ни синтаксическим, ни семантическим подлежащим: ПРИДЖ ОБРЪЗАТЬ ОТРОЧАТЕ. I НАРИЦА Ж Е ИМЕНЕМЪ ОЦА СВОЕГО ЗАХАРИЪ — Л. 1.59; СЪВЛЪША СЪ НЕГО ХЛАМИДЖ I ОБЛЪША И ВЪ РИЗЫ СВОГА — Мф. 27.31; I ВЪЗДВИЖЕ РОГЪ СПСНИИ НАШЕГО. ВЪ ДОМОУ ДАВДА ОТРОКА СВОЕГО — Л. 1.69.

В подобных случаях в старославянском языке затруднительно точно определить статус СВОИ: имеем ли мы дело с нарушением правила рефлексивизации или с возникновением этого правила, когда СВОИ еще могло развиваться в сторону *sein* или *his*.

Возвратно-притяжательное местоимение помимо основного может иметь дополнительные несобственно притяжательные значения, например, 'особый', 'надлежащий', 'находящийся в родственных, дружеских или еще каких-то близких или постоянных отношениях'. В таком случае оно теряет черты местоименности: чеш. *Žijí každý za své. Přišel i se svojí, Mužite počkat, až budem svojí (manželové)*; бол. *Нямам приятели, нямам свои; Лила е нам своя; срх. Свака рана има своје биље; Треба поставити све на своје место; Он ми је свој; С пушком у руци као прост војник био је са својима и пред својима; слвн. Svoj dom imam v Kranju 'Свой дом у меня там', Stanuje pri svojich ljudeh 'Он живет у своих', Storil bo svoje 'Он сделал все возможное', On je sam svoj 'Он упрямый, независимый'. 'Свои' в смысле 'родственники' в словенском языке обычно передается лексемой *svojci*.*

В этом отношении возвратно-притяжательные местоимения характеризуются почти одинаково во всех славянских языках, в том числе в русском [Падучева 1983].

Для всех славянских языков в рассматриваемой местоименной конструкции обычна препозиция согласованного притяжательного или возвратно-притяжательного местоимения. Случаи инверсии, конечно, не исключаются. Инвертированный порядок слов встречается чаще всего в поэтических, фольклорных, архаических или стилизованных под архаику или фольклор текстах. Например, поэт. (особенно при обра-

щении) бол. *O, майко моя, родина мила!* (Хр. Ботев), *Вечна слава на чедата твою!* (И. Вазов), *И радост в очите ще имате, мънички мои!* (Н. Вапцаров); чеш. *pro tebe, Gustino moje* (J. Fučík); польск. *Ojczyzna moja! ty jesteś jak zdrowie* (A. Mickiewicz); слвн. *vsa dela tvoja*.

Наибольшее количество случаев употребления согласованного притяжательного или возвратно-притяжательного местоимения в постпозиции по отношению к существительному в литературном нейтральном стиле наблюдается в словенском языке. Это неудивительно, ибо словенский язык больше, чем другие славянские, с одной стороны, сохраняет черты древнего языкового состояния, а с другой — сильно подвержен влиянию языков иного грамматического строя и иной генетической принадлежности, с которыми он контактирует (например, итальянского).

В румынском языке, где зависимый компонент атрибутивного словосочетания употребляется в постпозиции, притяжательное и возвратно-притяжательное местоимение, как правило, следует за существительным, которое обычно стоит в определенной форме (случаи употребления неопределенной формы оговариваются отдельно); ср. *sufletul meu* 'моя душа', *odaia ei* 'ее комната'. Если имя сопровождается определением, выраженным прилагательным, которое стоит в препозиции к имени, то и притяжательное местоимение также располагается в препозиции к нему, ср. *reaua mea creștere* 'дурное мое воспитание', *primul sdu volum* 'первый его том'. Заметим, что независимо от того, стоит притяжательное местоимение в препозиции или постпозиции к имени, оно непосредственно примыкает к нему, отодвигая остальные атрибутивные элементы на второе место, ср., например, *mina lui frumoasă și îngrijită* 'его красивая и ухоженная рука', *nasul ei subțire* 'ее тонкий нос', *petecul ei de hârtie* 'ее клочок бумаги'.

Если имя стоит в неопределенной форме или расположено дистантно по отношению к притяжательному местоимению, то перед притяжательным местоимением появляется посессивный артикль *al, a* (м. и ж. род, ед. ч.), *ai, ale* (м. и ж. род мн. ч.); ср. *întreaga ființă a mea* 'все мое существо', *într-o împărăție a noastră* 'в нашем царстве', *o chibzuință a lui* 'какой-то свой расчет', *o părere a ei* 'ее мнение', *primul impuls al meu* 'мой первый импульс', *chestiunea asta a ta* 'этот твой вопрос', *cele trei fripturi reci ale noastre* 'наши три холодные порции жареного мяса', *domnul Petrescu al nostru* 'наш господин Петреску'. Как можно видеть из приведенных выше примеров, выбор формы посессивного артикля зависит от формы имени, т.е. артикль согласуется с именем объекта обладания в роде и числе.

В ряде случаев посессивный артикль сочетается с предлогом *de*: *un prieten de-al meu* 'один мой приятель'; предполагается, что здесь имеет место контаминация двух форм: *un prieten al meu* 'один мой приятель' и *un prieten de-ai mei* 'один из моих приятелей'. Эта контаминация создает конструкцию *un prieten de-al meu*, которая по мнению исследователей не является правильной (*Gramatica limbii române*, 1963, p. 160), что не препятствует ее существованию в литературных текстах и в разговорном языке; ср. *un truc de-al lui* 'один из его трюков', *o brățară de a tea* 'один из моих браслетов'.

Существенным вопросом для определения системы посессивных отношений в старославянском языке является выявление значимости/незначимости порядка слов в посессивных конструкциях с притяжательными или возвратно-притяжательными местоимениями. Решить этот вопрос сложно из-за стремления создателей старославянских текстов следовать словопорядку греческого текста. Поэтому в первую очередь характерологичными являются случаи отклонения от греческого словопорядка. Таких случаев для 1 и 2 л. немного. Например, **НБО И ЗЕМЛЪ ПРЪИДЕТЬ. А МОВ СЛОВЕСА НЕ ПРЪИДЖТЬ** — οἱ δε Μ. 13.31 (οἱ δε λόγοι μου οὐ παρελεύσονται). В большинстве примеров препозиция **МОИ, ТВОИ, ВАШЪ, НАШЪ** соответствует и препозиция греческого посессива. Более разнообразную картину предлагает обзор данных с местоимением **СВОИ**.

Прежде, чем перейти к более общим выводам, удобнее всего рассмотреть словопорядок в известном тексте о пророке в своем отечестве.

1) **ЇСЪ ЖЕ РЕЧЕ ИМЪ. НЪСТЬ ПРЪКЪ БЕЩЪСТВИИ. ТЪКМО ВЪ СВОЕМЪ ОТЪЧЪСТВИИ. І ВЪ ДОМОУ СВОЕМЪ** — Мф. 13.57 (Οὐκ ἔστιν προφήτης ἄτιμος εἰ μὴ ἐν τῇ πατρίδι καὶ ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ).

В греческом тексте в первом случае посессив отсутствует: возможно по избыточности семантического характера, но возможно, здесь представлен один посессив на два однородных члена (αὐτοῦ).

2) **ГЛАШЕ ЖЕ ИМЪ ИСЪ. ЪКО НЪСТЬ ПРОРОКЪ БЕЧЪСТИ. ТЪКМО ВЪ СВОЕМЪ ОТЪЧЪСТВИИ И ВЪ РОЖДЕНИИ И ВЪ ДОМОУ СВОЕМЪ** — М. 6.4 (Οὐκ ἔστιν προφήτης ἄτιμος εἰ μὴ ἐν τῇ πατρίδι αὐτοῦ καὶ ἐν τοῖς συγγενεῦσιν αὐτοῦ καὶ ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐτοῦ).

В этом случае в греческом тексте представлено трижды личное местоимение αὐτοῦ 'его' в постпозиции.

3) **САМЪ БО ИСЪ СЪВЪДЪТЕЛЬСТВОВА ЪКО ПРЪКЪ ВЪ СВОЕМЪ ОТЪЧЪСТВИИ НЕ ИМАТЬ ЧЪСТИ** — И. 4.44 (ὅτι προφήτης ἐν τῇ ἰδίᾳ πατρίδι τιμὴν οὐκ ἔχει).

В последнем случае в греческом языке представлено в препозиции слово ἰδίᾳ 'в собственной'.

Таким образом в этой фразе старославянский язык последовательно ставит слово **СВОИ** в препозиции к 'отечеству', хотя греческий язык предлагает три разных варианта. Точное соответствие мы находим в третьем варианте. Но в этом случае передается не собственно посессивное значение, а значение подчеркнутой посессивности [Падучева 1983]. Недавно была вынесена на обсуждение гипотеза о том, что в старославянском (и позднее — в древнерусском литературном языке) постпозиция посессива передает неокрашенную посессивность, а препозиция — подчеркнутую посессивность [Николаева 1986]. При обсуждении этой гипотезы целесообразно снова вернуться к ситуации греческого словопорядка. В греческом языке мы имеем два разных случая препозиции посессива. В первом случае в препозиции стоят специальные лексемы подчеркнутого владения. Тогда имеется двойное различие: лексическое и позиционное. Например, **ЪКОЖЕ БО ЧЛВКЪ ОТЪХОДА ПРИЗЪВА СВО И РАБЫ. І ПРЪДАСТЬ ИМЪ ИМЪНИЕ СВОЕ** Мф. 25.14 ("Ὁσπερ γὰρ ἄνθρωπος ἀποδημῶν ἐκάλεσεν τοὺς

ιδίους δούλους καὶ παρέδωκεν αὐτοῖς τὰ ὑπάρχοντα αὐτοῦ). Здесь старославянская препозиция СВОИ отражает двойное различие в греческом — позиции и лексики. См. также I ОСТАВИ МРЪТВЫНѦ ПОГРЕТИ СВОѦ МРЪТВЪЦА — Мф. 8.22 (Καὶ ἄφες τοὺς νεκροὺς θάφαι τοὺς ἑαυτῶν νεκροὺς).

Во втором случае в греческом имеет место выдвижение обычного неподчеркнутого посессива в препозицию: ЕНѦ ЖЕ БРАТРЪ ЛАЗАРЬ БОЛЪШЕ — И. 11.2. — ἢς ὁ ἀδελφὸς Λάζαρος ἠσθένει; ЕДИНЪ БО ЕСТЬ ВАШЪ ОУЧИТЕЛЬ ХЪ — Мф. 23.8. — εἰς γὰρ ἔστιν ὑμῶν ὁ διδάσκαλος; ДА НЕ СЪМЖШТААТЬ СѦ ВАШЕ СРДЦЕ НИ ОУСТРАШААТЬ — И. 14.27. ЪДЫ МОИЖ ПЛЪТЬ И ПИГѦИ МОИЖ КРЪВЬ — И. 6.54. — ὁ τρώγων μου τὴν σάρκα καὶ πίπων μου το αἷμα. НЕ БИ МОИ БРАТРЪ ОУМРЪЛЬ — И. 11.32 — οὐκ ἂν μου ἀπέθανεν ὁ ἀδελφός. Создается, по нашим данным, впечатление, что вынесение посессива в препозицию без лексической замены, характеризовало сочетания с 1 и 2 л. местоимения, а замена лексемой и/или препозиция — 3 л. Существенно здесь указание исследователей греческого евангельского текста на то, что в греческом языке подчеркнутая "окрашенная" посессивность передавалась препозицией местоимения [Blass, Debrunner 1979, 234; Steyer 1979, 46].

Таким образом, можно предположить, что старославянский заимствует у греческого установку на передачу несобственно посессивной или подчеркнуто посессивной семантики через препозицию местоимения. То, что в старославянском эта форма различения посессивных значений не являлась простым копированием обеих греческих конструкций, объединенных в старославянском в одну — позиционную — подтверждается случаями, когда старославянский текст не соответствует греческому. Это значение подчеркнутой притяжательности передается в приведенных выше примерах о пророке в своем отечестве безотносительно к греческому варианту. См. также ВЪЗВРАТИ НОЖЬ СВОИ ВЪ СВОЕ (т.е. надлежащее ему) МЪСТО — Мф. 26.52 — Ἀπόστρεψον τὴν μάχαιράν σου εἰς τὸν τόπον αὐτῆς. См. НБО И ЗЕМЛЪ ПРЪИДЕТЪ. А МОЪ СЛОВЕСА НЕ ПРЪИДЖТЪ — М. 13.31. Ο οὐρανὸς καὶ ἡ γῆ παρελεύσονται, οἱ δὲ λόγοι μου οὐ παρελεύσονται, т.е. также имеет место противопоставление. подчеркнутость, осознаваемые авторами старославянского текста.

Еще более показательными являются случаи передачи в старославянском тексте тех значений посессивности, которые Е.В. Падучева характеризует как посессивность + дистрибутивность [Падучева 1983]. В греческом языке здесь выражена подчеркнутая посессивность, передаваемая препозицией и лексемами ἑκαστον τοῦ ἰδίου; ἑκάστῳ τὴν ἰδίαν. Примеры: Ἐκαστον γὰρ δένδρον ἐκ τοῦ ἰδίου καρποῦ γινώσκειται; ἑκάστῳ κατὰ τὴν ἰδίαν δύναμιν; ὃν τρόπον ὄρνις τῆς ἑαυτῆς νοσσιάν ὑπὸ τὰς πτέρυγας. В старославянском же здесь выражена постпозиция, соответствующая неподчеркнутой посессивности: ВЪСЪКО БО ДРЪВО ОТЪ ПЛОДА СВОЕГО ПОЗНААТЬ СѦ: КОМОУЖДО ПРОТИВЖ СИЛЖ СВОЕИ; ЪКОЖЕ КЪКШЬ ГНЪЗДО СВОЕ ПОДЪ КРИЛЖ.

Таким образом, мы можем говорить о внутренней структурированности категории посессивности в старославянском языке, о поиске языковых средств выражения этих структурно-семантических различий и об отличии этой структуры от греческой — как по форме, так и по содержанию.

II. Именные посессивные конструкции

1. Притяжательное прилагательное и существительное, согласованные в роде, числе и падеже (в чешском, польском, словенском и сербскохорватском) или в роде и числе (в болгарском). В румынском языке притяжательных прилагательных не существует.

Как известно, притяжательное прилагательное означает принадлежность одному лицу или животному, т.е. включает в себе указание на конкретного обладателя. Конструкция в целом выражает значение принадлежности. Грамматически управляющим компонентом является существительное (имя объекта обладания).

Примеры: чеш. *bratrův přítel, otcův klobouk, kovářův měch, soudcova zkušenost, Helenino okno, tetina kniha, dceřin úsměv, Čapkovo dílo, bratrovo pero, Nerudovy povídky* и пр.; польск. *ojców koń, synowa ziemia, stryjowe pole, córczyn dom, Zosina książka, Marysini koledzy, do Mrozowej zagrody, matczynie ręce* и пр.; срх. *Јевгенијево ухо, професорово око, братова кућа, селјаков живот, пишечево име, наставниково речи, кнежев заступник, судијина биографија, мајчина туга* и пр.; слвн. *sestrin plašč, mamino kolo, hiša sosedova, avto bratov, ključi mojstrov, Prokrustova postelja, Anina knjiga, Sankarjeva črtica, banta Janezova, do županove hčere* и пр.; бол. *Пенчов брат, Илиев поглед, Вазово стихотворение, Янкина снага, Любчовата стая, дядова ръка, царев син, братова карабина, сестрина коса, бабина забрадка, бащините кози, майчини очи* и пр.; ст.-слав. **СНЕ ДАВЫДОВЪ, ДЪЛА АВРААМЛЪ, ВЪ ДОМЪ ЗАХАРИИНЪ, ПАСХА ИЮДЕЙСКА.**

В чешском языке притяжательные прилагательные образуются от одушевленных существительных м. и ж.р. (обычно от имен лиц, реже — от названий животных: *lev — lvův, liška — liščin*. Примеры притяжательных прилагательных, образованных от имен лиц, приведены выше). От существительных м.р. притяжательные прилагательные образуются посредством присоединения суффикса *-ův-* для м.р., *-ov-(a)* для ж. и *-ov-(o)* для ср.р.: *bratr — bratrův přítel, bratrova kniha, bratrovo pero; otec — otcův, otcova, otcovo; Jan — Janův, Janova, Janovo*. От существительных ж.р. притяжательные прилагательные образуются присоединением к основе существительного суффикса *-in-* (для м.р. без окончания, для ж.р. с флексией *-a*, для ср.р. *-o*): *dcera — dceřin, dceřina, dceřino; Libuše — Libušin, Libušina, Libušino*.

Кроме притяжательных прилагательных с суф. *-ův-*, *-in-*, в чешском языке имеются притяжательные прилагательные на *-i-*: *divčí* 'девичий', *rybí* 'рыбий', *ovčí* 'овечий', *holubí* 'голубиный' и т.п. Они образованы, главным образом, от названий животных и, в отличие от прилагательных на *-ův-*, *-in-*, выражают принадлежность, свойственность определенной группе животных или лиц.

Атрибутивные сочетания притяжательного прилагательного с существительным являются основным именовым способом выражения отношения между лицом и его объектом обладания. Они употребляются чрезвычайно широко — обязательны в том случае, когда требуется выразить принадлежность определенному лицу. Как отмечает Ф. Травничек [Trávniček 1951; см. также Šmilauer 1966, 184 и др.], использование в подобных условиях родительного падежа противоречило бы самому духу чешского языка. Сочетания с родительным падежом выступают лишь в отдельных случаях, о которых будет сказано в разделе, посвященном именовым конструкциям с косвенными падежами существительного, называющего possessора.

Кроме принадлежности единичному, конкретному лицу чешские словосочетания с притяжательными прилагательными могут выражать и другие отношения. Так, они употребляются в качестве названий улиц, учреждений и прочих названий по имени или в честь кого-либо: *Smetanovo museum, Jungmannova třída, Karlův most, Lomonosovova universita, Leninova knihovna* и пр. Конструкции с притяжательными прилагательными могут также выражать объектные, временные и локальные отношения: *Husovo upálení, Husova doba, Jiráskův kraj*. Субстантивированные притяжательные прилагательные м.р. на *-ovi* (им. п. мн.ч.) употребляются для названия членов семьи и супружеской пары: *učitelovi* — 'семья учителя', *Jaroš — Jarošovi, Borek — Borkovi*. Женские фамилии на *-ová* (*Němec — Němcová, Puškin — Puškinová*) восходят к притяжательным прилагательным; несклоняемые фамилии на *-ů* (*Janků, Pavlů, Tomašů*) восходят к притяжательным прилагательным на *-ův*. Географические названия на *-ov* и *-in* (*Benešov, Holešov, Miletín, Radotín*) восходят к соответствующим притяжательным прилагательным.

Интересно, что в древнечешском языке сочетания с притяжательным прилагательным употреблялись еще шире, например, при наличии определения к имени possessора: *krev Abelova Spravedlivého* 'кровь Абелья Справедливого', *syn krále Herdův* 'сын короля Герда'; притяжательные прилагательные могли образовываться от двух существительных, одно из которых является определением к другому: *dvůr králův Václavův* 'двор короля Вацлава'; иногда было возможно образование притяжательного прилагательного даже от имени неодушевленного possessора: *miesto kamenovo* 'каменный город, город из камня' [Широкова 1961, 158—161].

В старопольском языке притяжательные прилагательные свободно образовывались от всех одушевленных существительных м.р. с помощью суф. *-ów-*: *ojciec — ojców, stryj — stryjów, Adam — Adamów, Władysław — Władysławów*. Пригательные прилагательные, образованные от существительных ж.р., имели суф. *-in-*: *mama — mamin, córka — córczyn, ciocin, Aniela — Anielin*.

В современном же польском языке притяжательные прилагательные являются архаической категорией. Их образование от существительных чрезвычайно затруднено. Наиболее живая словообразовательная модель — это присоединение суф. *-in(-yn-)* к основам личных имен ж.р. на *-a*: *Marysia — Marysin, Zosia — Zosin*. Соответственно современный польский язык заметно ограничивает использование притяжательных

прилагательных. Они встречаются главным образом в некоторых говорах, в бытовом просторечии (ср. распространенное выражение *tamin-synek*) и в языке художественной литературы, в частности, когда автор стремится передать особенности деревенской речи [Szlifersztejnowa 1960, 37—42 и др.; Petr 1971, 33—44]. Поэтому там, где в чешском языке употребляется сочетание существительного с притяжательным прилагательным, в польском обычно имеем сочетание двух существительных, из которых одно (имя посессора) стоит в форме родительного падежа: чеш. *Čapkovo dilo* — польск. *utwór Czapka*.

Притяжательными являются также прилагательные с суф. *-i(-y)-*: *barani (róg), kocia (muzyka), wilczy (apetyt)*. Они, как и соответствующие чешские прилагательные, имеют значение принадлежности не одному лицу, а группе лиц, чаще — животных, или значение характеристики класса животных: *wilczy apetyt* 'волчий аппетит' = 'аппетит как у волка'. Это значение сближает притяжательные прилагательные на *-i* с относительными прилагательными.

Так же как в чешском и других славянских языках, по своему происхождению притяжательными прилагательными являются многие названия городов и местностей: *Kraków, Tarnów, Częstochowa, Puszczykowo, Białczew, Lublin, Smółdzino, Sławęcin* (от *Sławęta*) и пр.

В современном сербскохорватском языке притяжательные прилагательные служат основным средством обозначения принадлежности одному уже известному лицу, название которого состоит из одного слова и не имеет никаких определений [Стевановић 1974, 183; Дмитриев 1961, 49—57 и др.]. А. Белич писал, что дух сербскохорватского языка требует, чтобы везде, где это только возможно, было использовано притяжательное прилагательное [Belić 1932, 93]. Притяжательные прилагательные свободно образуются от всех одушевленных существительных, особенно от личных имен и имен собственных. Используются суф. *-ov/-ev-, -in-* и *-ju(-ja, -je)*.

Суф. *-ov/-ev-* образует притяжательные прилагательные от существительных м.р. с основой на согласный, преимущественно личных и имен собственных: *братов, синов, кумов, капетанов, чобанинов, пријатељев, кнежев, Богданов, Марков*. Возможны прилагательные с этим суффиксом и от существительных, называющих животных: *соколово око, славујев глас*. Но такие прилагательные обозначают признак, свойственный группе животных, или сходство с животным: *славујев глас* — 'голос не одного соловья, а вообще соловьев как вида птиц'. Возможны также притяжательные прилагательные и от неодушевленных существительных в случае их персонификации: *сунчеви зраци, месечева светлост*.

С помощью суф. *-in-* образуются притяжательные прилагательные от одушевленных существительных ж. и м.р. с основой на *-a*: *мамин, сестрин, Ањин, Божин, владичин, агин, пашин*. У старых писателей и в произведениях фольклора встречаются притяжательные прилагательные от неодушевленных существительных: *чарапин почетак, питино дијете* (в Словаре Вука Караджича).

Суф. *-ju (-ja, -je)* образует прилагательные, имеющие значение не принадлежности одному лицу или животному, а свойства класса

лиц или животных, характеристики класса лиц или животных: *вражди, човечји, вуђји, телећи, крави, пасји*. (Пасје корито — не 'корыто, принадлежащее некоторой собаке', а 'корыто, предназначенное для кормления собак').

Притяжательные прилагательные в сербскохорватском языке не имеют того архаического оттенка, который характерен для русских притяжательных прилагательных, и употребляются гораздо чаще, чем формы родительного посессивного: *Титов подвиг, Његошева дела, Шеноине баладе, Мажурунићев еп, Змајеве песме, Броз-Боранићев правопис* (от правопис Броза и Боранића — здесь используется даже словосложение). Исключения составляют лишь имена собственные на *-ић*, которые чаще употребляются в форме генитива: *Мартића апотека, Мијовића кафана*. Родительный падеж имен собственных иных типов сохраняется преимущественно в фольклоре и в произведениях старых авторов.

Для современного словенского литературного языка также характерна высокая частность использования притяжательных прилагательных, являющихся живой, продуктивной категорией, тогда как формы родительного падежа (без определений) встречаются исключительно редко [Вајец 1952, 22—26; Вајец, Коралић, Рупел 1971, 64, 157, 338]. Для образования притяжательных прилагательных используются суф.: *-ов/-ев-* (*Šimnova tata, Gorijeve igrače, Frickov ata, Štembalova tata, Pivčeva hiša, Slavčeva trgovina, Prokrustova postelja, Prešernov Krst pri Savice, Titova hiša, Cankarjeva črtica, banta Janezova, očetovi kolesa, kolo sinovo, sosedova hiša, dojenčkova glava, sršenovo gnezdo, lipov cvet*); *-in-* (*Anina knjiga, materina sestra, sestrin plašč*); *-j-* (*kurja nožica, osje gnezdo, medvedja koža*). Значение притяжательного суф. *-i-* такое же, как в сербскохорватском и других славянских языках.

Об актуальности притяжательных прилагательных в словенском языке можно судить по тексту 1977 г. [Hartman. Celjski grofje v slovenski dramatik. Ljubljana, 1977], где о пьесах Фридриха Геббеля говорится: *Hebblova tragedija, Hebblova razrešitev, Hebblovo opozorilo* и т.д. и ни разу не употребляется генитивная конструкция.

В болгарском языке притяжательные прилагательные образуются от одушевленных существительных, особенно часто — от личных имен м.р., а также от имен ж.р. и терминов родства. Для образования притяжательных прилагательных со значением индивидуальной принадлежности от личных существительных м.р. (чаще всего — от имен собственных) используется суф. *-ов*: *Петров, Савов, Кольов, Пенчов, братов, чичов*. После основ на *-j* и в тех случаях, когда исходное существительное оканчивается на *-e* и *-u*, а иногда и после других основ на мягкий и шипящий согласный, используется вариант *-ев-*: *Илиев* (от *Илия*), *тамев* (от *таме*), *Добрев* (от *Добри*), *царев* (от *цар* при определенной форме *царят*). Суф. *-ов-* употребляется изредка для образования прилагательных, обозначающих не индивидуальную, а родовую принадлежность: *орлов* 'орлиный', *щърков* 'аистинный', *слонов* 'слоновый' (*слонова кост*) и немногие другие.

Суф. *-ин-* образует притяжательные прилагательные со значением индивидуальной принадлежности от основ существительных ж.р.,

преимущественно женских имен и терминов родства: *майчин* (от *майка*), *сестрин*, *лелин*, *Радин*, *Мариин*. Так же образуются притяжательные прилагательные от существительных м.р. *баща* (*бащин*) и *воевода* (*воеводин*). Остальные существительные м.р. с окончанием *-а* в общей форме ед.ч., если образуют притяжательные прилагательные со значением индивидуальной принадлежности, то используют суф. *-ов/-ев*: *Николов* (от *Никола*), *Илиев*. От существительных ж.р., не принадлежащих к личным именам и терминам родства, прилагательные с суф. *-ин*- малоупотребительны (*царицин* или *царичин* 'принадлежащий царице').

Между *майчин* и *майчински*, *бащин* и *бащински*, *дядов* и *дядовски* и т.д. наблюдается различие индивидуально-притяжательного значения и более обобщенного и широкого общепритяжательного или относительного значения. В отдельных случаях, однако, и прилагательные типа *майчин* получают более широкое относительное значение, например, в устойчивых сочетаниях *майчин дом* 'родильный дом' (просторечн.), *орден "Майчина слава"* 'орден "Материнская слава".

Согласованные сочетания существительных со всеми видами притяжательных прилагательных в современном болгарском языке весьма употребительны. Но в отличие того, что наблюдается в чешском, сербскохорватском и словенском языках, они начинают уступать место сочетаниям существительных с предлогом *на*: вместо *братова каша* — *каша на брата*. Известны также уже упомянутые ограничения на употребительность притяжательных прилагательных, образованных от существительных ж.р., не принадлежащих к личным именам и терминам родства.

В болгарском, как и в остальных славянских языках, на базе притяжательных прилагательных, образованных от имен лиц, развились существительные-фамилии (*Ботев*, *Вазов*, *Андрейчин*, *Владикин*) и названия населенных пунктов (*Драганово*, *Райково*). В некоторых случаях наличие параллельных вариантов суффикса *-ов-* и *-ев-* используется для дифференциации прилагательного и фамильного имени, например, *Кольов* (прилагательное — *Кольов брат*) и *Колев* (фамилия), *Пенчов* (прилагательное) и *Пенчев* (фамилия). С другой стороны, интересно, что фамильное имя такого типа может без какого бы то ни было дополнительного суффикса функционировать и как притяжательное прилагательное. Так, можно сказать *Ботево писмо* 'письмо Ботева', *Вазово стихотворение* 'стихотворение Вазова', что в русском языке невозможно [Маслов 1981, 96 и др.].

В серболужицких языках группа слов со словообразовательными формантами *-ow-(y)*, *-in-(y)*, *-n-(y)*, соответствующая притяжательным прилагательным во всех славянских языках, оценивается грамматистами по-разному. Согласно одной точке зрения, это притяжательные прилагательные с собственно притяжательным значением; согласно другой — адъективные формы имени существительного [Трубецкой 1937, 15—23; Исаченко 1954, 289; Дмитриев 1961, 49—57 и др.]. В сорабистической литературе выражается и третья точка зрения, что данная группа слов представляет собой особую часть речи — так называемые посессивы [Grammatik der obersorbischen Schriftsprache 1980, 381—

388]. Причиной различных суждений являются морфологические, синтаксические и семантические особенности данных слов в серболужицких языках. Подобно прилагательным, они характеризуются грамматическими категориями рода, числа и падежа, что находит выражение в формах согласования с управляющим существительным: в.-луж. *nanowy dom, sořina kniha, nanoweho doma, sořineje knihi*. Как прилагательные, они употребляются в атрибутивной функции и в функции предикативного определения: н.-луж. *Zagroda je sořina*. Одновременно с этим данные слова, подобно существительным, могут иметь при себе определение (прилагательное, местоимение, существительное): в.-луж. *staršeho synowe awto* 'автомобиль старшего сына', *mojeje sořiny dźěći* 'дети моей сестры', *knjeza wučerjowa kniha* 'книга господина учителя'. При этом особенностью данной конструкции является употребление атрибута только в родительном падеже единственного числа.

В серболужицких литературных языках наблюдается конкуренция конструкций с обсуждаемыми посессивами и родительным приименным: н.-луж. *nažogo nanowe bydlenje — bydlenje našogo nana* 'квартира нашего отца', в.-луж. *Jurija Winarjowe basnje — basnje Jurija Winarja* 'стихотворения Юрия Винаря'. Посессивы как правило образуются от существительных м. и ж.р., обозначающих конкретное лицо: в.-луж. *nan* 'отец' — *nanowy, bratr* 'брат' — *bratrowy, wučer* 'учитель' — *wučerowy, Jan* 'Ян' — *Janowy*; в.-луж. *sotra* 'сестра' — *sořiny*, н.-луж. *sořa* 'сестра' — *sořsyny*; в.-луж. *mać* 'мать' — *maćer(i)ny*; н.-луж. *tata* — *tatiny (matcyny), Liza — Lizyny* и т.д. Сочетания же с приименным родительным могут указывать на принадлежность не только известному лицу, но и представителю целого класса лиц. Однако в некоторых случаях возможно употребление так называемых посессивов для обозначения принадлежности не конкретному лицу, а любому представителю определенной группы лиц: н.-луж. *W nožom casu jo měła kantorowa swojźba swojo město pši předkownych žurjach na drugej lawje*. 'В наше время у семьи кантора было свое место возле передних дверей на второй скамье'. Сочетания с посессивом предпочитают, когда определяемое посессивом слово и сам посессив не имеют других определений или когда определение относится к определяемому посессивом слову: *Elcynu w złość ronjone ldzy* 'Элкины слезы, оброненные в злобе' [Ермакова 1983; Ермакова 1986].

В современном русском языке притяжательные прилагательные образуются при помощи суф. *-ов/-ев-, -ин-* и *-ий (-ья, -ье)*. С суф. *-ов/-ев-* образуются притяжательные прилагательные от существительных м.р. с нулевым окончанием с твердой и мягкой основой и с основой на *-й*: *отец — отцов, учитель — учителей, злодей — злодеев*. Суф. *-ин-* образует притяжательные прилагательные от названий лиц и животных м. и ж.р. с окончанием *-а(-я)* и реже — от существительных ж.р. с нулевым окончанием с основой на мягкий согласный: *дедушка — дедушкин, волчиха — волчихин, няня — нянин, свекровь — свекровин*. Притяжательные прилагательные с суф. *-ин-, -ов/-ев-* имеют ярко выраженное значение принадлежности одному лицу или предмету и не могут обозначать принадлежность группе лиц или предметов. Эти прилагательные почти неизвестны научному языку. Они распространены главным обра-

зом в разговорной речи и в соответственных стилях художественной литературы: *поварова жена, стариковы руки, Сергеевы одногодки*; в устойчивых фразеологических оборотах: *самсонова сила, ахиллесова пята, крокодиловы слезы* и пр. Притяжательные прилагательные с суф. *-ин-* особенно часто образуются от имен существительных, обозначающих отношения родства, и от личных имен: *тетин, папин, дядин, Манин, Васин*. Эти прилагательные довольно часто встречаются в художественной литературе.

Притяжательные прилагательные с суф. *-ов/-ев-, -ин-* получили широкое распространение в фамильных именах, где возможно их образование и от существительных, обозначающих неодушевленные предметы: *Володин, Костин, Еришов, Петухов, Плотников, Садовников, Щепкин* и др. По своему происхождению притяжательными прилагательными являются многие названия городов и местностей, например, *Киев, Юрьев, Козлов, Орехово-Зуево, Мамаев курган, Бородино* и пр.

Употребление притяжательных прилагательных с суф. *-ин-, -ов/-ев-* с нулевым окончанием в значении принадлежности одному лицу не выдерживается строго в литературном языке и в разговорной речи. Эти формы легко заменяются относительными прилагательными, образованными от того же корня при помощи других суффиксов и не обозначающими принадлежность одному лицу, но свободно употребляемыми в этом значении. Так например, значение единичной принадлежности от существительного *отец* может быть выражено, наряду с формой *отцов*, также прилагательным *отцовский* (ср. *отцова машина* и *отцовская машина*). По своему значению притяжательные прилагательные чрезвычайно близки к прилагательным относительным, значение принадлежности в них часто совмещается со значением отношения. Например, в словосочетаниях *отцовы советы, Сергеевы одногодки, мамыны слова* и т.п. значение принадлежности в прилагательном вытесняется более общим значением определительного отношения к лицу.

Прилагательные с суф. *-ин-, -ов/-ев-* имеют значение принадлежности лишь в том случае, когда они выступают в краткой форме, т.е. с нулевым окончанием. Образование полной формы от этих прилагательных лишает их значения принадлежности лицу, и они начинают обозначать признак, свойственный целой группе лиц или предметов, или сходство с предметом: *орлиный нос* — 'похожий на нос орла', *слоновая кость* — 'кость не какого-либо одного слона, а вообще слонов как целой породы животных'.

В отличие от прилагательных с суф. *-ин-, -ов/-ев-*, прилагательные на *-ий, -ья, -ье* не имеют значения принадлежности одному лицу. Их общее значение можно сформулировать как 'свойственный кому-либо' (чаще всего — какому-нибудь животному), 'типичный для кого-либо' или 'приготовленный, выделенный из меха, кожи и т.п. какого-либо животного': *павлиний хвост, лисьи норы, собачья конура, соболий воротник, птичий клюв*. Это значение сближает прилагательные на *-ий, -ья, -ье* с относительными прилагательными.

Притяжательные прилагательные на *-ий, -ья, -ье* широко распространены как в художественной литературе, так и в разговорной речи.

В старославянском языке посессивная конструкция, выраженная именем объекта обладания и притяжательным прилагательным, образованным от имени со значением possessора и изменяющимся в соответствии с родом, числом и падежом имени объекта обладания, преобладала над конструкцией с родительным падежом имени possessора. В этих случаях была представлена краткая форма прилагательного, без местоименного детерминанта. Притяжательные прилагательные образовывались при помощи четырех основных суф.: -ОВ-/-ЕВ-, -ЈЬ-, -ИН-, -СК-.

1. -ОВ-/-ЕВ-:

СНѢ ДАВЫДОВЪ; ДЪЩИ СИОНОВА; БЪ ИЗЛВЪ; СНА ЗЕВЕДЕОВА; ДО ОУМРЪТИА ИРОДОВА; ВЪ ГРАДЪ ИЮДОВЪ; МАРИВЪ КЛЕОПОВА; ДЪШТИ ФАНОУИЛЕВА; ОТЪ КОЛЕНА АСОУРОВА; СНЪ БЪ ИОСИФОВЪ. ИЛИЕВЪ. ЕНОСОВЪ. СИТОВЪ. АДАМОВЪ; ВЪ ДОМЪ СИМОНОВЪ И АНДРЪОВЪ; ВЪ КНИГАХЪ МОСЕОВАХЪ; ОТЦОУ АЛЕКСАНДРОВОУ и РУФОВОУ; ОУЧЕНИЦИ ИОАНОВИ; МАРИВЪ ИОСИОВА; МАТИ ИСВА; ПЛЪТЬ ХРИСТОСОВА и под.

2. -ЈЬ- (с соответствующими фонетическими модификациями, характеризующими сочетания с *j* в ст.-слав.):

ДЪЛА АВРААМЛЪ; ВЪ ДОМОУ ИВКОВЛИ; ВЪ ПРИТВОРЪ СОЛОМОНИ; ВЪ ДОМЪ КЪНАЖЬ. Притяжательное прилагательное БЖИИ, образуемое по данной модели, отличается полнотой, а не краткостью формы.

3. -ИН-:

ВЪ ДОМЪ ЗАХАРИИНЪ; ЦЪЛОВАНІЕ МАРИИНО; СИМОНЕ ИОНИНЪ; ДЪШТИ ИРОДИЪДИНА; СИЛОЖ ИЛИИНОЖ; ГРАДЪЦА МАРИИНА; ИОСИФА МЖЖА МАРИИНА.

4. -СКЪ-:

СНЪ ЧЛВЧСКИ; ВЪ РАСЪВАНІЕ ЕЛИНЪСКО; ПАСХА ИЮДЕИСКА; МОЛИТВЫ ФАРИСЪИСТИИ; СТАРЪЦИ ЛЮДЪСТИИ; ЦЪРИ ЗЕМЪСЦИИ.

В подавляющем большинстве случаев эти притяжательные прилагательные образуются от имени собственного, и выбор суффикса диктуется обликом основы этого имени собственного (см. приведенные выше примеры). Возможно образование подобных прилагательных и от имени нарицательного, обозначающего в таком случае имя с определенным артиклем, т.е. также уникального possessора. Ср. ЕДИНА ОТЪ РАБЫНЪ АРХИЕРЕОВЪ; ПРИДЕ ВЪ ДОМЪ АРХИСВНАГОВЪ; ЧИИ ЕСТЬ ОБРАЗЪ СЪ? — КЕСАРОВЪ; ВОИНИ ИИМОНОВИ и — с той же степенью определенности — ВЪ ЧРЪВЪ КИТОВЪ.

Из всех указанных четырех суффиксов наиболее обобщающим является суф. -СКЪ-. Он передает отношение к группе лиц: см. *фарисеи, иудеи, эллины, люди*. Именно этот суффикс вводится и для передачи отношения к неодушевленному объекту: СИЛА ПЛЪТСКАГА (Супр. рук.), ДРЪВА ПОЛЬСКАА (Син. пс.). Оба последних примера заимствованы из работ К.И. Ходовой.

В современных славянских языках суф. -ск- и суффиксальные комп-

лексы, включающие *-ск-*, типа бол. *-овск-* (*дедовски*), *-инск-* (*бащински*), *-ешк-* (*магарешки*), *-ическ-* (*исторически*); русск. *-овск-* (*отцовский*), *-анск-/енск-* (*африканский, керченский*), *-ческ-/ическ-* (*выдвиженческий*), *-истск-/ийск-* (*марксистский, олимпийский*) и пр., перешли из разряда средств образования притяжательных прилагательных в разряд словообразовательных средств относительных прилагательных. С помощью этого суффикса от основ существительных, преимущественно мужского рода, образуется очень большая группа прилагательных со значением 'свойственный кому-нибудь, чему-нибудь': ср. русск. *алтайский, апрельский, институтский, советский, университетский*; бол. *градски, селски, софийски, витошки* (от *Витоша*), *мартенски* (от *март*), *пощенски* (от *пошта*), *клинчески* (от *клиника*); срх. *градски парк, школко двориште, општински атар, париска мода, московски мразеви, београдска кошавица*; слвн. *družinsko ime*; польск. *Potocki, Zamojski, Siedlecki, Rynek Krakowski, szosa Piotrkowska, "Gazeta Krakowska", Cegła na Cegielski, Gajda na Gajdziński* и пр. (это многочисленные польские фамилии и другие собственные имена).

Особенно часто прилагательные с суф. *-ск-* образуются от основ существительных, обозначающих названия лиц: русск. *авторский, братский, воинский, геройский, дамский, женский, кандидатский, шахтерский* и пр.; польск. *ojcowska troska, materzynska miłość, braterska miłość, Kopernikowski rok*; чеш. *žákovská knížka, mužský hlas*; слвн. *otročka fantazija, bajtarska krava*; срх. *кравевски парк, беговски, кумовски, херојски, патриотски, болеснички, детьјски, војнички живот, рибарска чорба, драконске мере, лењинска логика, њгошевска мисаоност, иваньски, михольски* и пр.; бол. *мъжки, юнашки, войнишки, човешки, работнически, дядовски, бащински, майчински* и пр.

И первый и второй типы прилагательных являются живыми и очень продуктивными. От основ существительных одушевленных, но не личных, прилагательные с суф. *-ск-* образуются гораздо реже (ср. русск. *конский, свинский*; бол. *конски, волски, кравешки* — от *крáva*, *овнешки* — от *овен*; срх. *волоовско око*; польск. *końskie zdrowie*).

Прилагательные с суф. *-ск-* имеют обобщенное значение относительности. Данное значение отчасти соотносится с общим значением суф. *-н-*: ср. русск. *догматический* — *догматичный, практический* — *практичный, интеллигентский* — *интеллигентный, фактический* — *фактичный* и т.п. Однако значение относительных прилагательных с суф. *-ск-* является родовым, значением свойственности, принадлежности кому или чему-нибудь, связанности с какой-то сферой лиц, воззрений и общественной деятельности и этим отличается от тех ярко выраженных значений внутренней качественности, которыми характеризуются прилагательные с суф. *-н-*: ср. русск. *интеллигентские нравы* и *интеллигентный человек*. В болгарском языке в некоторых случаях также не наблюдается различия между суф. *-ск-* и *-н-*. Так, *стенографски* и *стенографен* значат одно и то же. В других случаях между этими суффиксами отмечаются смысловые различия, подобные тем, которые находим в русском: *практичен човек* (качественное значение) — *практически упражнения* (относительное значение), *поетична натура* — *поетическо творчество*. При отсутствии смыс-

ловых различий в последнее время предпочитают образования с суф. -н-: *эпидемичен, геометричен* [Маслов 1981, 95].

Различие в значении между суф. -ск- (включая и суффиксальные комплексы с ним) и рассмотренным выше притяжательным суф. -ов- видно при сравнении таких словосочетаний, как бол. *Алеков хумор* 'юмор Алеко Константинова' и *алековски хумор* 'юмор как у Алеко Константинова', *дядов* 'дедушкин' и *дядовски* 'дедовский' и пр.; срх. *Лънинова логика* 'логика Ленина' и *лънинска логика* 'ленинская логика', *волово око* 'глаз вола' и *волово око* 'глаз как у вола' и пр.

Исследователи отмечают, что значение качественности в русских прилагательных на -ский развивается в силу все растущей их соотносительности с отвлеченными существительными на -ство: *ханжество* — *ханженский, авторство* — *авторский* и т.п. Поэтому многие из прилагательных с суф. -ск- воспринимаются как тесно связанные с соответствующими обозначениями состояний на -ство: *ликвидаторский* (к *ликвидатор* и *ликвидаторство*) [Современный русский язык 1952, 194—195].

2. **Именные possessивные конструкции с формами косвенных падежей существительного, называющего possessора, без предлога.** Они выражают значение принадлежности. Грамматически управляющим членом словосочетания является существительное, называющее объект обладания.

а) **Конструкция с формой родительного падежа.** В ряде славянских языков, исключая болгарский, чешский, сербскохорватский и словенский, она очень частотна и чрезвычайно нагружена различными оттенками possessивного значения. Известно, что родительный падеж может обозначать принадлежность в собственном смысле; отношение possessора к лицу, к группе лиц или учреждению, в том числе родственные и другие социальные отношения; часть целого, в том числе часть тела человека или животного; отношение possessора к некоторому его признаку (размеру, свойству, качеству, имени); отношение possessора к действию (им производимому и на него направленному); отношение между possessором и его местом в социуме; авторство (в широком смысле); пространственные и временные отношения possessора и пр.

Примеры: польск. *książka siostry, dom ojca, gospodarstwo sąsiada, ubranie służącego, twarz ludzi, gniazdo myszy, szpory orła, rogi jelenia, wełna owcy, ojciec Magdy, żona Józefa, przyjaciel brata, siostra męża, project pana, utwory Zoli, teoria Einsteina, prawo odkrywcy; dach chaty, próg domku, drzwi werandy, przedział wagonu, liście brzozy, gałąź akacji, klomby ogródka, oddział wojska, wnętrze oficyny, kącik ust, środek lasu, koniec ulicy, początek roku, kolonie Francji, ulice Warszawy, słuchacz uniwersytetu, jasność gwiazd, świeżość uśmiechu, wdzięk policzków, światło słońca, zapach kwiatów, blask księżycy, śpiew ptaków, rżenie koni, krzyk strzelców, wschód słońca, choroba ojca, życie chłopca, autor "Pana Tadeusza"*.

Как уже говорилось, в чешском языке чрезвычайно распространены сочетания притяжательного прилагательного с существительным, замещающие именные сочетания с родительным падежом. Последние выступают лишь в отдельных случаях.

I. При одушевленном посессоре:

1) выражается принадлежность не конкретному, определенному лицу, а группе лиц или представителю определенной категории лиц: *povinnost otce* 'обязанность отца', т.е. каждого, всякого отца, *úkol lékaře* 'задача врача', *písň otroka* 'песни раба', *svoboda člověka* 'свобода человека';

2) выражается принадлежность нескольким определенным лицам. В этом случае употребляется родительный падеж множественного числа: *příchod vojáků, dům bratrů, pláč dětí, dusot koní*;

3) от названия посессора невозможно образовать притяжательное прилагательное — чаще всего от существительных женского рода с суф. *-ice*: *zkušenost dělnice, zloba babice, úsměv dívky*;

4) существительное, называющее посессора, имеет при себе грамматическое определение: *dům mého dědečka* — ср. *dědečkův dům, rada naší matky* — ср. *matčina rada, povídky Karla Čapka*, но *Čapkovy povídky, upálení Jana Husa*, но *Husovo upálení; panování Karla Čtvrtého, rodina Jaroslava Nováka, obličej doktora Goldberga, mluvnice Jana Gebaura, jméno Vladimíra Lenina, družina českého krále, bratr mého otce, přítele jejího manžele, syn staršího bratra, pomocník ředitele Ústavu*;

5) в случае существительных среднего рода, за исключением фамилий: *pokoj vnučete* — ср. *sestřin pokoj, hráčka dítěte* — ср. *Dítětův dům* 'Дом Дите' (фамилия);

6) в случае субстантивированных прилагательных и фамилий, совпадающих по форме с прилагательными: *do obličje spící, chalupa hajného, věci krejčího, spisy Dobrovského, spis Palackého*.

II. В случае, когда существительное, называющее посессора, является неодушевленным, употребляется исключительно конструкция с родительным падежом: *noha stoly, dno nádoby, ručička tlakoměru, věž kostela, střecha domu, strana trojúhelníka, lem šatu, úpatí hory, výběžky Karpat, přítok Vltavy, na ulicích Moskvy, listí stromu; zachránce Prahy, dobyvatel města, majitel domu, domovník baráku, představitel stavu, president republiky, ředitel gymnasia, předseda spolku*.

Уже было отмечено, что для сербскохорватского языка, так же как для чешского, характерно очень свободное образование и широкое употребление притяжательных прилагательных от всех одушевленных существительных, особенно от имен собственных. Сочетания таких притяжательных прилагательных с существительными, называющими объекты обладания, более частотны, чем генитивные сочетания существительных. Так что, *bratova kuřa, бегов коњ, Вукова дела* — более вероятные употребления, чем *kuřa брата, коњ бега, дела Вука*. Иначе говоря, конструкция с притяжательным прилагательным является очень серьезным конкурентом конструкции с родительным посессивным. Условиям употребления форм родительного падежа практически те же, что и в чешском языке.

1) Имя одушевленного посессора имеет определение: *kuřa мог брата, прсти његове жене, ухо једног синова, деца Анђе Видинке, костим барунице Кастели, две песме Јована Суботића, воља светог Николе, милост доброг господара, лик странца младића, фотографије домаћинове чељади*;

2) выражается принадлежность нескольким или множеству лиц: *одмор рудара, воља господара, речи наставника, одећа девојака, копије Мантење и Пусена*;

3) имя посессора выражено субстантивированным прилагательным или причастием: *лице безруког, господар верних*.

Субстантивированными прилагательными являются некоторые фамилии и некоторые географические названия, поэтому они также образуют конструкции с формами родительного падежа: *дела Толстоја, са идејама Циолковског, краљ Француске*. Однако в последнее время в югославской печати можно встретить притяжательные прилагательные, образованные от фамилий, которые по своему происхождению и форме являются именами прилагательными: *Црњански — Црњансков, Горки — Горков* и др. Такие образования, как справедливо отмечает М. Стеванович, не отвечают нормам современного сербскохорватского языка [Стевановић 1940, 39; см. также Ивић 1959, 160];

4) от имени посессора невозможно образование притяжательного прилагательного: *биографија друга*;

5) посессор выражен неодушевленным существительным: *оштрица ножа, лишће шевара, куле града, почетак пута, судбина ордера, боја неба, светлост месеца*.

Во всех остальных случаях, кроме перечисленных выше, в соответствии с нормой сербскохорватского литературного языка, должны быть употреблены притяжательные прилагательные [Vrabec, Hrgaste, Živković 1961, 223; Vuković 1962, 9; Белић 1962, 219; Maretić 1963, 566; Ivić 1967, 257—262; Стевановић 1974, 175—176]. Однако в современном языке довольно часто можно обнаружить исключения из этого правила. Так, при помощи конструкции с родительным падежом иногда выражается принадлежность известному лицу, названием которого служит имя собственное или нарицательное, состоящее из одного слова и не имеющее при себе никаких определений: *стан поручника, лице жене, муж газдарице, пријатељ мужа, роман мајстора, живот читаоца, управник установе*. Значительно чаще форма родительного падежа служит для выражения принадлежности неопределенному, неизвестному лицу, одному из многих: *Нисам знао да оваква горчина може испунити душу човека; Ципеле су важан податак за просуђивање социјалног положаја пролазника* [Иванова 1974, 33—40].

Наблюдения над современным письменным и разговорным языком, особенно представителей молодого поколения, показывают известную экспансию конструкций с родительным падежом за счет относительного уменьшения использования притяжательных прилагательных [Димитријевић 1966, 359]. Некоторые лингвисты связывают этот процесс с влиянием других языков [Поповић 1955, 130; Vuković 1962, 9; Димитријевић 1966, 359]. Подсчеты, характеризующие соотношение употребительности в сербскохорватском языке притяжательных прилагательных и родительного падежа в литературных произведениях различных стилей опубликованы П.А. Дмитриевым [Дмитриев 1961, 50].

Связанное о генитивных сочетаниях существительных в чешском и сербскохорватском языках относится и к словенскому языку: *usoda*

lepego dekleta, motiv Veroniki Deseniške, razvoj slovenskega naroda, usoda celjskih grofov, hčerka premožnega tovarnarja, konec našega vrta, slika jugoslavskega kralja, prebivalci posameznih okrajev, prva knjiga Slovenskega knjižnega jezika, oče slovenskega slovstva, jezik mladinskega tropa, hčerka sopotnice Terezije, glavo Franeca Korice — при наличии определения к существительному в родительном падеже; *oskrba bolnikov, jezik zakonov, jezik kmetov, usoda berača, podoba človeka* — когда существительное в родительном падеже называет не конкретного посессора, а группу лиц или общее групповое свойство; *žena drugega* — когда имя посессора является субстантивированным прилагательным или причастием; *duh časa, način življenja* (ср. *Je denar sveta vladar*) — когда объект обладания относится к абстрактному имени; *gospodar ladje* 'судовладелец', *pretres možganov* — когда все сочетание имеет терминологический оттенок значения.

В болгарском языке, где нет беспредложных именных конструкций, эквивалентом словосочетаний с родительным падежом служат сочетания существительного с различными предлогами, в первую очередь, с предлогами *на* и *от*: *knigata na ученика, баща на Иван, покривите на къщата; крак от животно, крило от самолет, роман от Балзак* и пр. О всех видах предложных конструкций подробнее будет сказано ниже.

В старославянских текстах конструкция с родительным падежом, характерная для греческого языка, представлена очень незначительно. Условиями ее употребления являются:

1) наличие определения к имени посессора, например, *сребро господина своего*, а не просто *господина; брат того Симона*, а не просто *Симона* и т.д. Возможно, это постпозитивное расположение притяжательной конструкции объясняется универсальной тенденцией увеличивать прогрессивную, а не регрессивную синтаксическую глубину. Примеры: СНЪ ИНОЧАДЪ МАТЕРИ СВОЕИ; ВОЛЬ ПОСЪ ЛАВЪШААГО МА ОТЦА; БРАТРЪ СИМОНА ПЕТРА; СНЪ БА ЖИВАГО; СЕГО МИРА КЪНАЗЪ; БРАТРА ТОГО СИМОНА; ОТЪ РЖКЫ ОТЦА МОЕГО; ПЛЪТИ СНА ЧЛСКААГО; ГЛАВЫ ИОАНА КРСТИТЕЛЪ; ГЛАСЪ СНА БЖИЪ; СНА БА ВЫШЪНЪАГО; РОГЪ СПСНИЪ НАШЕГО; ВЪ ДОМОУ СИМОНА ПРОКАЖЕНАГО; ВЪ СЛАВЪ ОТЦА СВОЕГО; СЪРЕБРО ГНА СВОЕГО; ВЪ ИМА ОТЦА НАШЕГО; ОУЧЕНИЪ ЗАПОВЪДИИ ЧЛВЪЧЕСКЪ; РЖКЫ МЖЧАШТИИХЪ СЛОУГЪ; КЪНИГЫ ИСАИИЖ ПРОРОКА; ВЪСКРИЛИИ РИЗЫ ЕГО; ОУСТЫ СТЫХЪ СЖШТИИХЪ ОТЪ ВЪКА ПРКЪ и т.д. Подтверждением этой гипотезы могут служить примеры сосуществования обеих посессивных именных конструкций: МАРИЪ ИЪКОВА МАЛАЕГО. I МАТИ ИОСИОВА — М. 20.40. Ср. I МАРИЪ ИЪКОВЛЪ;

2) существительное, называющее объект обладания, является именем нарицательным: ОТЕЦЪ ОТРОЧАТЕ; ГНЪ ХРАМА; ГНЪ ВИНОГРАДА; БОГЪ МРЪТВЫХЪ; БЪ ЖИВЫХЪ; СЕСТРА ОУМЕРЪШААГО; ПО ПРЪДАНИЮ СТАРЕЦЪ; ВЪ ДОМЪ КРЪПЪКААГО; ОТЦА ОТРОКОВИЦА; АЛАВАСТРЪ ХРИЗМЫ; КОСТИ СТЫИХЪ; ДША ОТРОЧАТЕ;

3) перифрастическое наименование possessора-Бога: **ВОЛЬ ПОСЪ-ЛАВЪШААГО МА; СНЪВЕ ВЫШЪНЪЕГО; ДЪЛА ПОСЪЛАВЪ-ШААГО МА.**

Эти три пункта не противоречат друг другу, но могут налагаться друг на друга.

Таким образом, конструкция с possessивным родительным больше тяготеет к possessору, обозначенному нарицательным именем, конструкция с притяжательным прилагательным — к possessору, имеющему собственное имя⁵. Эта модель не совпадает с греческой: см. **ГНЪ ХРАМА** и **ὁ οἰκοδεσπότης** — Мф. 24.43.

В рамках этой же структуры конструкции возможен и родительный падеж личного местоимения: **О ДЕСНЪЖЪЖ МЕНЕ** и **О ШЮЖ ЕГО**, что вновь возвращает к неясному для старославянского языка статусу конструкций типа **ОУЧИТЕЛЬ ЕГО** — родительный падеж или притяжательное местоимение?

Уже неоднократно говорилось о существовании в славянских языках двух синонимических способов выражения possessивного значения — конструкция с притяжательным прилагательным и конструкция с родительным беспредложным. Подведем итог сопоставления наших языков в этом отношении. В современном русском литературном языке притяжательные прилагательные в значительной степени вытеснены конструкцией с формами родительного падежа. Их употребление ограничивается стилями языка художественной литературы и бытового просторечия — в бытовой речи легко образуются притяжательные прилагательные на *-ин-* от существительных со значением родства и от имен собственных уменьшительных и уменьшительно-ласкательных: *дядин, борин, боренькин* и пр.⁶ В современном польском при-

⁵ Р. Вечерка определяет прерогативу родительного как функцию передачи количества, числа, отмечая также выбор родительного при распространении possessива и при таком, когда по разным причинам притяжательное прилагательное не образуется. Важным представляется его замечание о том, что родительный от одушевленных имен обычно представлен множественным числом: поскольку суффиксы **—ОВЪ, —ИНЪ** — это суффиксы сингуляризации. Напротив, редко представленный родительный падеж от неодушевленных имен бывает в единственном числе, поскольку в этом значении возникает значение сорта, вида, типа [Вечерка 1963, 196—197].

⁶ Хотя в современном русском языке генитив является основным средством выражения possessивности в именных конструкциях, существуют некоторые семантические и синтаксические условия, при которых невозможна замена генитивом притяжательного прилагательного:

а) когда объект обладания сам выражен possessивным словосочетанием с генитивом: *дедов образ богородицы* [Гриншпун 1967, 17];

б) когда и possessор и объект обладания принадлежат к одному грамматическому роду, и в словосочетании употребляется генитив ед. числа: *рассказ Иванова гостя*;

в) когда и possessор и объект обладания являются именами собственными: *Мишин пень*;

г) в трехсловных атрибутивных словосочетаниях типа *Петина фигура спортсмена* [Вечерка 1967, 97—101];

д) в конструкциях с отглагольным существительным не могут одновременно употребляться генитив и объекта и субъекта, поэтому субъектный генитив заменяется инструментом притяжательным прилагательным: *осмотр больного врачом*. Ср. совр. польское употребление притяжательного прилагательного вместо генитива: *лес в природе, Бабицево рецитование Маяковского* [Маројевић 1983, 176].

тяжелые прилагательные встречаются еще реже, чем в русском, они являются там архаической категорией. Современные чешский, словацкий [см. Orlovský 1971, 251; Светлик 1970, 259 и др.], сербскохорватский и словенский языки характеризуются иным соотношением этих конструкций. Там притяжательные прилагательные служат основным средством обозначения индивидуальной принадлежности. Как показало специальное обследование равных по объему текстов разных жанров (по 1000 страниц для каждого языка), проведенное Т.А. Ивановой [Иванова 1975, 148—152], в современных славянских языках наблюдается следующее распределение (в процентах) посессивных конструкций с притяжательным прилагательным и с родительным беспредложным.

	Русск.	Польск.	Чеш.	Словац.	Срх.	Словен.
Притяж. прил.	22,3	5,8	94,3	83	93,1	98,2
Род. пад.	77,7	94,2	5,7	17	6,9	1,8

Т.А. Иванова подсчитала также относительную частоту употребляемости притяжательных прилагательных сравнительно с общим количеством посессивных конструкций с беспредложным родительным и с притяжательными прилагательными. Эта частота составляет в современном русском литературном языке примерно 0,1, в польском — 0,03, в чешском — 0,51, в словацком — 0,42, в сербскохорватском — 0,52, в словенском — 0,66 (Иванова 1976, 3—10).

На основании всех этих количественных результатов обследования Т.А. Иванова делит славянские языки на две группы. Одну группу, характеризующуюся преимущественным использованием родительного падежа существительных, составляют русский и польский языки, историческое развитие которых привело к отеснению на второй план притяжательных прилагательных и к постепенной замене их родительным падежом⁷. Чешский, словацкий, сербскохорватский и словенский языки образуют другую группу, которая отличается преимущественным употреблением, без стилистических ограничений, притяжательных прилагательных, тогда как использование родительного падежа здесь, как правило, мотивировано формальными условиями: наличие определений, невозможность образования прилагательных и пр.

Что касается современного болгарского языка, то он ближе к первой группе, чем ко второй, но в отличие от перечисленных языков, он

⁷ Можно сказать, что одной из причин вытеснения притяжательных прилагательных является некоторая узость их семантики. В связи с этим уместно вспомнить замечание Л.А. Булаховского о том, что они не обладают гибкостью родительного падежа существительных, не допускают определений к названию possessора, невозможны в множественном числе, а также легко переводят несобственные названия группового свойства [Булаховский 1950, 269—271; Булаховский 1983].

не имеет конструкции с родительным беспредложным. Конструкцией, синонимической притяжательному прилагательному с существительным, там служит конструкция с предлогом *na* и общим падежом, качественно отличающаяся от беспредложного сочетания с родительным падежом. Поэтому было бы некорректно включить болгарский язык в сопоставляемый ряд славянских языков.

В румынском конструкции с формой родительного падежа чрезвычайно частотны и отличаются многообразием значений. Основные значения перечислены в начале данного раздела. Румынские примеры аранжированы в соответствии с этими значениями. Для удобства описания вначале перечисляются конструкции с одушевленным посессором, затем — с неодушевленным.

Примеры: а) *fratele învățătorului* 'брат учителя', *mama lui Ionel* 'мать Ионела', *prietenii verilor* 'друзья двоюродных братьев', *urechea elevului* 'ухо ученика', *coada calului* 'хвост лошади', *brațele mamei* 'руки матери', *casa bătrînilor* 'дом стариков', *atelierul tatii* 'мастерская отца', *umbrele cocorilor* 'тени журавлей', *toți copiii satului* 'все дети деревни', *nunta fratelui* 'свадьба брата', *idealul tatii* 'идеал отца', *barca lăutarilor* 'лодка музыкантов', *vocea tatălui ei* 'голос ее отца', *agitația ciinelui* 'беспокойство собаки'; б) *tălpile picioarelor* ' подошвы ног', *coastele bărcii* 'борта лодки', *usa oddii* 'дверь комнаты', *pietrișul aleii* 'гравий аллеи', *turnul școlii* 'башня школы', *coama dunei* 'гребень дюны', *virful vislei* 'конец весла', *fundul bărcii* 'дно лодки', *cracul plopului* 'ветка тополя', *pămîntul cărării* 'земля тропинки', *sala cinema tografului* 'зал кинематографа', *zgomotul furtunii* 'шум бури', *mirosul fînului* 'запах сена', *anii războiului* 'годы войны', *noapțile toamnei* 'осенние ночи', *marginea satului* 'окраина села', *conductorul trenului* 'кондуктор поезда', *directorul Casei scriitorilor* 'директор Дома писателей'.

Как видно из приведенного материала, управляемое существительное предшествует управляющему и стоит в определенной форме. В том случае, когда управляемый компонент употребляется с неопределенным артиклем или расположен дистантно по отношению к управляющему существительному в генитиве, перед этим последним появляется генитивный артикль, который согласуется в роде и числе с управляющим компонентом. Ср., например, *fașa nevăzută a lunii* 'невидимая сторона луны', *profilul sever al femeii* 'суровый профиль женщины', *frumoșii nebuni ai marilor orașe* 'прекрасные безумцы больших городов', *vechile locuri ale adolescenței* 'старые места юности'.

Разновидностью рассматриваемой именной конструкции с родительным падежом являются трехсловные сочетания с неопускаемым определением к существительному в родительном падеже. Например, русск. *человек высокого роста, ребенок слабого здоровья*. Ср. невозможность словосочетаний без прилагательного **человек роста, *ребенок здоровья* [Ivič 1962, 199—204].

Эта трехсловная конструкция выражает посессивное значение обладания. Грамматически управляющим членом словосочетания является существительное, называющее посессора. Напомним, что в двусловных сочетаниях с родительным падежом (*дом отца*) выражается посессив-

ное значение принадлежности и грамматически управляющим членом является существительное, называющее объект обладания. Так, *человек высокого роста* = 'человек имеет высокий рост', *ребенок слабого здоровья* = 'ребенок имеет слабое здоровье', в то время как *дом отца* = 'отец имеет дом', *отец Магды* = 'Магда имеет отца'.

Трехсловная конструкция с родительным падежом выражает такое посессивное отношение, которое в грамматиках обычно именуют качественной характеристикой лица или предмета. Это значение находится, так сказать, на периферии посессивности, оно очень близко к собственно определительному [см. Русская грамматика 1980, т. II, 65]. При этом интересно, что такие сочетания возникают, когда одно из существительных обозначает абсолютно неотчуждаемый объект обладания ('рост человека', 'здоровье ребенка').

Примеры: польск. *młodzieniec wielkich ambicji, człowiek dużych zasług, działacz stałych przekonań, wódz światowej sławy, zawodnik wysokiej klasy, kobieta miękkiego serca*; чеш. *člověk dobrého srdce, lidé dobré vůle, člověk veselé mysli, muž žhavého nadšení, děti předškolního věku, krasavice vysoké postavy, chrám gotického slohu*; срх. *човек оштра ума, младий високог роста, људи слободна срца, човек сумњиве политичке прошлости, девојка црних очију, старац беле браде, волови влажних губица, капут кратких рукава*; слвн. *krava rjave barve*.

В старославянском языке, хотя сочетания с родительным падежом часто бывают трехкомпоненты (КЪНИГЫ ИАСИЦА ПРОРОКА или ВЪСКРИЛИИ РИЗЫ ЕГО), трехсловных сочетаний с неопускаемым определением типа русск. *человек высокого роста* в нашем материале не было обнаружено, что свидетельствует об активном становлении родительного падежа как показателя принадлежности, когда "застывших" конструкций, приобретших значение качественной характеристики, еще не было.

Среди трехсловных сочетаний с неопускаемым определением выделяется подгруппа, в которой к значению качественной характеристики примешивается количественно-определяющее значение, например, русск. *мужчина тридцати лет*. С такими же словосочетаниями столкнемся при описании предложных трехсловных конструкций: ср. срх. *човек од педесет година* и пр.

Значение качественной характеристики лица или предмета находим также и в некоторых двухсловных сочетаниях с родительным падежом типа русск. *человек чести, человек дела*; польск. *ludzie honoru*, чеш. *muž činu, člověk praxe*, слвн. *mož besede, stvar okusa* и пр. Обычно это лексически ограниченные, чаще всего — фразеологически связанные словосочетания. В них, также как в трехсловных сочетаниях, грамматически управляющим компонентом является существительное, называющее посессора, а не объект обладания.

б) Конструкция с формой дательного падежа. Во всех славянских языках дательный, примененной с посессивным значением является архаической формой, отступившей под натиском родительного посессивного.

Наличие примененного посессивного дательного считается одной из наиболее ярких характеристик старославянского языка. По мнению

исследователей старославянского синтаксиса [Мирчев 1971; Вечерка 1963; Мразек 1963], именно эта конструкция оказалась особенно прочной на южнославянской основе. Более того, поскольку приименной посессивный дательный по функции оказывается близким приименному генитиву, в болгарском языке их функциональная адекватность явилась стимулом для слияния двух конструкций в одну с предлогом *на* и укрепления тенденции к аналитизму в болгарском языке в целом [Вечерка 1963, 200; Мразек 1963, 246]. Однако именно эта, характерная для языков Балкан, тенденция сохранять посессивный дательный заставляет более осторожно относиться к поздним памятникам старославянского языка, поскольку можно приписать более раннему и собственно старославянскому состоянию активные необолгарские черты.

Выявление собственно приименного дательного посессивного в любом славянском языке (а в старославянском — в особенности) сталкивается с теоретическими трудностями разного характера. Перечислим основные из них.

1. Лингвистическая неправомочность, выявившаяся в последнее время в результате занятий синтаксической семантикой, лингвистической прагматикой и семантикой текста, приравнять друг другу синтаксические конструкции по принципу "замена возможна". Дело в том, что замена оказывается возможно и в том случае, когда в одной конструкции представлена только сема А, а в другой — А, осложненная Б. Поясним сказанное простым русским примером. Можно заменить высказывание *Он мне друг* на *Он мой друг*. Но это не будет полная синонимия, поскольку дательный падеж содержит еще и сему предназначения: 'для меня'. Кроме того, эта сема возникает в основном в имени при сказуемом *быть*. То, что рассматриваемые здесь конструкции не эквивалентны, оказывается очевидным при построении высказывания с глаголом, не управляющим этой семой: *Мой друг пришел* ≠ **Друг мне пришел* или *Мой друг умер* ≠ **Мне друг умер* (речь идет только о русском языке). Поэтому собственно приименными конструкциями являются такие, которые не изменяют значения при изменении синтаксической структуры высказывания. Например: *Муж хозяйки приехал*, *Это муж хозяйки*, *К мужу хозяйки пришли* и т.д. Таким образом, для генитива мы с уверенностью можем говорить о приименном посессивном употреблении. Само понятие функциональной семантики синтаксической позиции есть понятие относительно новое, поэтому во многих работах по старославянскому языку даже всего лишь двадцатилетней давности зависимость употребления падежа от всего высказывания (в частности — от сказуемого) не принималась в расчет.

Между тем, если в современном языке мы можем создавать манипулятивные контексты, выявляя возможность — невозможность подстановки с приименным дательным, то для старославянского языка это исключено.

2. Тот практически уже несомненный факт, что греческий язык не имел подобной приименной структуры с дательным в посессивном

значении⁸, а имел гораздо более единообразную посессивную конструкцию с примененным генитивом, оказывается значимым для старославянского языка постольку, поскольку язык оригинала может оказывать воздействие не на язык перевода, но на переводимый текст. Поэтому примеры, в которых один старославянский памятник дает генитив, а другой — датив (И ГРАЖДАНЕ ЕМОУ НЕНАВИДБАХЖ ЕГО — Л. 19.14. Ассеман. еванг. и ГРАЖДАНЕ ЕГО — в Маринск.; И КОСНЖ СА ЕИ РЖЦЬ — Мф. 8.15. Савв. и ЕИ РЖЦЬ — Зогр. Мар. Ассем. и под.) не являются обязательным свидетельством того, что обе конструкции были эквивалентны для старославянского языка. Это можно было бы утверждать, если бы тексты не были переводными (см., однако, соображение 1). На выбор генитива в одном из текстов может влиять и желание переводчика максимально приблизиться к греческому тексту.

3. Все исследования по примененному посессивному дательному указывают на трудность проведения границы между дательным при имени и дательным — дополнением при двухвалентном глаголе: ВЪЗЛОЖИША НА ГЛАВЖ ЕМОУ — И. 19.2; ВИНО ВЪЗВЕСЕЛИТЬ СРДЦЕ ЧЛКОУ — Син. пс. С. III.15. *Веселит человеку* и *Веселит сердце* или *Веселит (сердце человеку)*? Подобных примеров можно привести множество.

Особенные трудности представляют проблемы словопорядка: неизвестно, может ли postponирование датива являться доказательством отнесения его к имени: см. СЪ ОТВРЪЗЫИ ОЧИ СЛЪПОУМОУ — И. 11.37; ПРИКОСНЖ СѦ ОЧИЮ ИМА — Мф. 20.34; ОТЪВРЪЗЕ ЕМОУ ОЧИ — И. 9.14; ОУРЪЗА ЕМОУ ОУХО — Мф. 26.56 и даже — ЕМОУЖЕ ОУРЪЗА ПЕТРЪ ОУХО — И. 18.26 — где и как различаются эти примеры?

Значительную долю скептического отношения к распространенности примененного дательного в старославянском вносит статья А.Б. Правдина о дательном приглагольном в старославянском и древнерусском языках [Правдин 1956]. Многие примеры, им приводимые, свидетельствуют о том, что стоящий за именем дательный относился к глаголу и является его правильным распространением по управлению: ИДЖ УГОТОВАТЬ МЪСТА ВАМЪ — Сав. л. 10 и КЪТО ОТЪВАЛИТЬ НАМЪ КАМЕНЬ — М. XVI.3. — Зогр.

4. В старославянском языке дательный падеж имел еще значение предназначения — 'для' — ТЪ ЕСТЬ НАДЪЖДА ВЪСЪМЪ; БЖДИ М И ПОМОШТНИКЪ и т.д. См. также МИРЪ ДОМОУ СЕМОУ — Л. 10.5; ГОРЕ ВАМЪ БОГАТЫМЪ — Л. 6.24; ДЪНЕСЪ СЪПАСЕНЬЕ ВЪСЕМОУ МИРОУ — Клоц. 12. б. 34—35 и т.д. В этом случае, как представляется, имеет место осложненная посессивность,

⁸ См. категоричное и проверенное на многих текстах заявление Р. Мразека о том, что если в греческом тексте стоял дательный падеж, то это дательный неатрибутивно-посессивного характера [Мразек 1963, 247]. См. также у него наблюдение о том, что переводчики чаще передавали греческий препонируемый генитив, чем postponированный [с. 242].

посессивность в комбинации с другими категориями высказывания, рассматриваемая специально в главе IV.

Если в указанных примерах посессивность может выступать, налагаясь на семантику предназначения, 'для' — семантику, то второй семой, сопровождающей старославянский дательный, является локативность, в современных славянских языках, а в особенности — в русском, выражаемая у + род.-конструкцией. См., например, АЩЕ КОМОУ БРАТЪ ОУМЪРЕТЬ — Мр. 12.19; МЪНЪ ЕСТЬ СЕСТРА; КОТОРОУМОУ ИХЪ БЖДЕТЬ ЖЕНА — Мр. 12.33; НЪСТЬ ТИ МЖЖЪ — И. 4.18. В этих случаях семантика локативности также связана с глагольностью (см. в данной главе у-конструкцию в разделе о глагольных конструкциях).

Поэтому предлагается считать собственно дательным приименным только формы дательного падежа в следующих случаях:

1) дательный падеж при имени должен быть полностью независим от синтаксической структуры высказывания в целом — высказывания с явным или имплицированным глаголом 'быть';

2) он должен не зависеть от управления глагола, точнее, не вызываться требованиями глагольного управления;

3) в семантику именного сочетания не должны входить предназначение, цель ('для') и локативность ('у').

Приведем примеры дательного приименного, удовлетворяющего предложенным нами выше требованиям: НОШААХЖ СѦ СКВОЗЪ РЪКЖ ДОБРЫМЪ МЖЧЕНИКОМЪ ТЪЛЕСА ПРИ БРЪЗЪ ПРИШЕДЪШТАШѦ — Супр. 67.7; ПЛЪТЬ ІЕМОУ АКЫ ВОСКЪ РАСТЕЧЕТЪ СѦ — Супр. 153.2; БЖДЕТЬ ПЛАЧУ И СКРЪЖЕТЪ ЗЖБОМЪ — Мф. 22.13; ПРИКОСНЖ СѦ ОЧИЮ ИМА — Мф. 20.34; ВЪПРАШААЖЖ ЖЕ ІЕГО ДРОУЖИНА ІЕМОУ — Супр. 218.25; ДЪВОЮ ЧЛВКОУ СЪВЪДЪТЕЛЬСТВО ИСТИННО ЕСТЬ — И. 18.16; ОУЗРЪ ... ДЪВА БРАТА ІАКОВА ЗЕВЕДЕѠВА И ІѠАНА БРАТА ІЕМОУ — Мф. 4.21; МОЛИТЕ СѦ ОУБО ГНОУ ЖАТВЪ — Мф. 9.37—38; РЪЦЪТА ГНОУ ДОМОУ — М. 14.14; СЪНЕМЪ АРХАНЪЕЛА МИХАИЛА И ПРЪПОДОБЪНЪИ МАТРОНЪ — Асс. л. 123а; ХРАМЪ МОЛИТВЪ — Мф. 21.13; АЛАВАСТРЪ МВРОУ — Л. 7.37 и под.

Особо выделяем местоименный приименной дательный: ИЖДЕ КЪ МЪНЪ ДРОУГЪ МИ ПРИДЕ СЪ ПЖТИ — Л. 11.6; ЪКО СЫНЪ ТИ ЖИВЪ ЕСТЬ — И. 4.50; И ПОСЛОУШЪСТВОУЕТЕЪ МИ СЛОВОУ — Супр. 283.24; И ГРАЖДАНЕ ЕМОУ НЕНАВИДЪАХЖ ЕГО — Л. 19.14; И КОСНЖ СѦ ЕИ РЖЦЪ — Мф. 8.15; ВЪЗЕМЪШЕ ТЪЛЕСА ИМЪ — Супр. 67.8—9.

В древнерусском языке приименной дательный с посессивным значением употреблялся наряду с родительным посессивным, уступая ему по распространенности: *мати имь, отцу имя, двери храму*. Исследователи указывают на сохранение такого положения в истории русского языка до XVI в., хотя возможно, что и раньше дательный принадлежности не был живым средством, а употреблялся в памятниках под влиянием старославянского языка [Правдин.1957, 106—119; Маројевић 1983].

Приименной дательный принадлежности был довольно широко представлен в русском языке еще в XVII и XVIII вв.: *О, дочь великому герою* и пр. Редкие примеры находим и в первой половине XIX в.: *Вот-с Чацкого, мне друга, Андрея Ильича покойного, сынок*. Затем в литературном языке он практически вышел из употребления (*памятник Пушкину* — пожалуй, единственный бесспорный случай приименного дательного посессивного). Однако он сохраняется в отдельных говорах (например, в южно-великорусских на территории Курской и Белгородской областей): *сын Anne, жала пчале, памошник бригадиру* и т.д. Но и там он активно вытесняется родительным падежом: *морда лисы, карова сястры* [Денисевич 1959, 150-171].

В других современных славянских языках дательный приименной с посессивным значением возможен лишь в виде отдельных редких архаизмов. Во всех славянских языках сохранившиеся формы дательного посессивного находим в составе предикативно-именных структур типа русск. *Я ему не слуга, Теперь ты нам помощник*. Обычно дательный уступает место родительному беспредложному, родительному с предлогом *od/od* (в польском, чешском, сербскохорватском) или родительному с предлогом *у* (в русском).

Примеры дательного в предикативно-именных конструкциях: польск. *Dobra niewiasta jest okrasa mężowi; niesława domowi ich* (XVI в.) — современ. *okrasa męża, niesława domu; Lew jest król zwierzętom* (XVII в.) — современ. *król zwierząt* (см. Писаркова 1974, Brodowska 1955, 9—58); срх. ... *да им буде учитель деци њиховой; Фердинанд је господару велики пријатељ; Купили су паре за неки споменик погинулим јунацима* [см. Стевановић 1974, 367]; *кућа Милошу, Николе мајка* [см. Цыхун 1981, 74—76].

В современном румынском приименной дательный также уступил место родительному принадлежности [Gramatica II, 1963, 124; Guțu Romalo 1973, 180]. Он является архаической формой, сохранившейся в качестве реликта в языке поэзии. Ср., например, *Preot deșteptării noastre, semnelor vremii profet*⁹ досл. 'Духовный отец нашему пробуждению, пророк знамению времени'. Интересной особенностью конструкций с приименным дательным является то, что существительное, выступающее в качестве главного компонента, обязательно стоит в неопределенной форме: *nepoată cumnatei mele* досл. 'племянница моей невестке'; *domn țării Moldovei* досл. 'князь Земле Молдовы'. Как и в рассмотренных выше конструкциях с приименным дательным в славянских языках, соответствующие румынские конструкции входят в состав предикативного словосочетания; ср., например, *stăpîn vieții mele* 'хозяин моей жизни'; пример взят из следующей стихотворной строки М. Эминеску: *Eu să fiu a ta stăpînă, tu stăpîn vieții mele* 'Чтоб мне быть твоей владычицей, а тебе властелином моей жизни', где отчетливо видна предикативная функция конструкции с приименным дательным.

⁹ Пример заимствован из Gramatica limbii române I 1963, p. 77 и принадлежит М. Эминеску.

Как уже говорилось, это синтаксические конструкции, основным значением которых не является посессивность, но которые одновременно со своим основным значением выражают также и одно из посессивных отношений.

К несобственно посессивным конструкциям в первую очередь относятся именные посессивные конструкции с формами косвенных падежей существительного, называющего объект обладания, и предлогами. Они выражают значение обладания (а не принадлежности). Грамматически управляющим членом конструкции является имя посессора. Исключение составляет лишь конструкция с предлогом *od/om/od* и родительным падежом, в которой грамматически управляющим членом является имя объекта обладания. Это, в частности, указывает на ее семантическую близость к беспредложному генитиву.

1. **Словосочетания с предлогом *od/om/od* и родительным падежом.** В сербскохорватском языке эта конструкция имеет очень широкий круг посессивных значений, почти равный значениям сочетаний с родительным беспредложным. Примеры: *отац од кћери, брат од сестре, ћерка од градоначелника, господар од (своје) жене, капетан од лађе, газда од (свог) имања, хроника од Андрића* ('написанная Андричем'), *заповест од кмета, врата од куће, прозор од кола, угао од постеле, слама од боба* ('сухие стебли бобов'), *дах од живота, сенка од дрвета, мирис од коже, светлост од свеће.*

В эту конструкцию включаются также трехсловные сочетания с опускаемым определением, имеющие значение качественной или количественной характеристики лица или предмета: *цар од друге вере, пас од племените расе, човек од педесет година, воденица од три камена.* В подобных трехсловных сочетаниях грамматически управляющим членом конструкции является имя посессора, а не объекта обладания.

В болгарском языке предлог *от* (естественно, с общим падежом, как и все остальные предлоги) выражает различные оттенки посессивного значения, в частности, часть целого, происхождение предмета, авторство: *крак от животно, крило от самолет, стрелка от часовника, развалини от крепост, рота от дружината, дим от параход, звон от хлопки, копия от картина, роман от Балзак, "Ад" от Данте.*

В польском соответствующему предлогу *od* свойственно значение части целого и происхождения предмета: *skórek od chleba, poła od sukni, guzik od płaszcza, zamek od drzwi, drzwi od szafy, zapach od róż, światło od komina.*

Заметим, что в польском языке, в отличие от болгарского и подобно русскому и чешскому, конструкция с предлогом *od* в значении части целого возможна лишь при неодушевленном посессоре (нет русск. *клык от слона, польск. *ręka od człowieka, чеш. *oblíček od chlapca — ср. бол. *крак от животно*), но в отличие от русского и подобно чешскому, болгарскому и сербскохорватскому, польский язык не различает в этой конструкции при неодушевленном посессоре отчужденную (отделенную) и неотчужденную части целого. Ср. польск.

drzwi od szafy otworzyły się — русск. *двери шкафа открылись*, чеш. *rukávy od košile* — русск. *рукова рубахи*; ср. бол. *крыло от самолет*, срх. *слова от боба* — русск. *крыло самолета*, (сухой) *стебель боба*.

В чешском языке предлог *od/ode* передает те же значения части целого, происхождения предмета, а кроме того — отношения родства и авторства: *řetězек od hodinek*, *rukávy od košile*, *šle od kalhot*, *knoflík od kabátu*; *synek od brata*, *opera od Smetany*, *báseň od Nerudy*, *mluvnice od Gebauera*.

В румынском конструкции с предлогом *od/ot/od* соответствуют словосочетания с предлогом *de* и винительным падежом, которые выражают значение собственно принадлежности, части целого, авторства и пр. Примеры: *stăpîinii de țigani* 'хозяева цыган', *frate de învățător* 'брат учителя', *frunte de poet* 'лоб поэта', *fecior de împărat* 'сын царя', *pui de vrabie* 'птенец воробья', *cap de câine* 'голова собаки', *limbă de miel* 'язык ягненка', *porți de mîndștire* 'ворота монастыря', *gură de tun* 'жерло пушки', *boturi umede de cai* 'мокрые морды лошадей', *flori de tei* 'цветы липы', *coji de piine* 'корки хлеба', *felii de șuncă* 'ломти ветчины', *șuvițele de păr* 'пряди волос', *voce de femeie* 'женский голос', *muguri de salcie* 'почки ивы', *rădăcini de zarzări* 'корни алычи', *frunze de măr* 'листья яблони', *flori de soc* 'цветы бузины', *scorbura de copac* 'дупло дерева', *cîntec de drumul mare* 'песня дальней дороги', *poezie de Argezi* 'стихотворение Аргези', *casele de aici* 'здешние дома', *oameni de ieri* 'вчерашние люди', *vînt de seară* 'вечерний ветер'.

Видимо, семантически близки к этим конструкциям словосочетания с предлогом *a*. Непременным условием существования таких конструкций является наличие какого-либо количественного показателя, чаще всего числительного; ср. *chipurile a doi copii* 'лица двух детей', *adunarea a tot satul* 'сборище всего села'. Эти конструкции в современном языке встречаются редко, поскольку предлог *a*, очень употребительный в старорумынском, в современном румынском чрезвычайно сузил сферу своего употребления.

В старославянском языке конструкция с предлогом **ОТЪ** и родительным падежом имеет в основном отложительное значение, близкое к значению русской конструкции с *из*: **ВЫ ОТЪ НИЖЪНИХЪ ЕСТЕ, АЗЪ ОТЪ ВЫШЪНИХЪ ЕСМЪ** — И. 8.23; **ВЫ ОТЪ СЕГО МИРА ЕСТЕ, АЗЪ НЪСМЪ ОТЪ СЕГО МИРА** — И. 8.23; **БЪ ЖЕ ЧЛВКЪ ОТЪ ФАРИСЪИ** — И. 3.1 и т.д. Но в этих примерах представлена все та же особо рассматриваемая конструкция с 'быть', поэтому также затруднительно говорить о применной конструкции. См. также еще более четко выраженное значение отложительности в следующих примерах: **ГЛА ЕМОУ ЕДИНЪ ОТЪ ОУЧЕНИКЪ ЕГО** — И. 6.8; **ПРИДЕ ЕДИНА ОТЪ РАБЫНЪ АРХИЕРЕОВЪ** — М. 14.66 и т.д. По-видимому это отложительное значение старославянского предлога **ОТЪ** сохранилось в болгарском *от*: ср. *мнозина от студентите*, *ария от опера* и пр.

2. Словосочетания с предлогом без/bez/brez и родительным падежом. Эта конструкция выражает только одно значение отрицательной принадлежности, т.е. необладания предметом или свойством — отсутствие у посессора объекта обладания.

Примеры: польск. *chłopak bez butów, człowiek bez ojczyzny, inwalida bez ręki, konie bez jeźdźców, okno bez szyb, suknia bez rękawów, kwiat bez owocu, niebo bez gwiazd*; чеш. *člověk bez domova, člověk bez rozumu, dědeček bez zubů, úloha bez chyb*; срх. *дете без родитеља, човек без руке, ћерка без имена, лице без мисли, тмина без обале, хаљина без накита*; бол. *крава без рога, птица без крило, кукувица без гнездо, дрво без корен, књига без комин, књига без автор*; словн. *človek brez moči, človek brez brade, človek brez nog, pravilo brez izjeme, bajtar brez konja, zver' brez črt, stvar brez okusa*.

В некоторых случаях сочетанию предлога *без/без* с родительным падежом существительного соответствует производное прилагательное, имеющее префикс *без-/bez-*: польск. *inwalida bez ręki – bezręki inwalida*, чеш. *člověk bez zubů – bezzubý člověk*; бол. *крава без рога – безрога крава*, срх. *небо без облака – безоблачно небо* и пр.

Словосочетаниям с предлогом *без* и родительным падежом в румынском соответствуют словосочетания с предлогом *fără (fără de)* и винительным падежом. Семантика румынских конструкций полностью совпадает с семантикой аналогичных конструкций в славянских языках. Ср., например, *fata fără zestre* 'девушка без приданого = бесприданница', *om fără necazuri* 'человек без неприятностей = удачливый человек', *pește fără os* 'рыба без костей', *curtea fără copaci* 'двор без деревьев', *bluză fără mincă* 'блузка без рукавов', *duș fără sită* 'душ без распылителя', *steaua fără nume* 'звезда без названия = безымянная звезда', *șoapte fără de-nțeles* 'шопот без смысла = непонятный шопот', ср. также следующую поговорку: *casa fără femeie e ca o corabie fără capitan* 'дом без женщины, что корабль без капитана'.

В отличие от славянских языков, где сочетаниям предлога *без* с родительным падежом нередко соответствует прилагательное с приставкой *без*, в румынском, как показывают некоторые из приведенных выше примеров, типа *steaua fără nume*, эта замена совершенно невозможна.

3. Словосочетания с предлогом *с/z/s* и творительным падежом. Они достаточно продуктивны в посессивном значении, в частности, они передают отношения, которые обычно называют сопровождающим признаком, совместностью и взаимностью.

Примеры словосочетаний с этими тремя значениями: польск. *pan z brodą, dom z wieżą, lampa z kloszem; ojciec z synem, król z królową, koń z jeźdźcem*; чеш. *člověk s kloboukem, koupaliště s kabinami, kniha s obrázky; bratr s sestrou, ja s dcerou, učitel s žákem*; срх. *старац с брадом, лепотица с младешком, војник са пушком, фес с кишанком, кућа с кровом; брат с сестром, цар с сином, овца с жагањцима*; бол. *господинът с бомбето, лице с мустаци, чудовище с рога, дрво с листа, дреха с ръкави, књига с балкон*.

В болгарском языке в словосочетаниях с предлогом *с*, выражающих совместность как посессивное отношение, почти всегда участвует также краткое притяжательное или возвратно-притяжательное местоимение: *Иван с баща му, вълчицата с вълчатата си*. Очевидно, здесь посессивность передается не столько именной конструкцией с предлогом *с*, сколько этим местоимением, ибо притяжательные местоимения

являются компонентами собственно посессивных конструкций.

Среди словосочетаний рассматриваемой конструкции часто встречаются трехсловные с неопускаемым определением к имени объекта обладания: польск. *pan z niebieskimi oczami, usta z jednym zębem, czapeczka z miękkim daszkiem*; чеш. *děvče s černýma očima, hoch s dívčí tváří, kůň s bujnou hřívou, tabulka s řadami číslic*; срх. *деца с престарашеним очима, девојка са замршеном косом, нос с округлим ноздравами*; бол. *момък с високо чело, старчуга с прошарена коса, левент с обичливо лице, човек с добро сърце, борец с непреклонна воля, поет с необикновено дарование, птица с железни крила, офицер с чин полковник*; слвн. *deček z objokanimi očami, čebela z razpetimi krili, čevlje z visoko peto, čevlji z nizkimi petami*.

Подобные трехсловные словосочетания, выражающие то посессивное значение, которое мы по традиции называем качественной характеристикой лица или предмета, нередко синонимичны трехсловным беспредложным словосочетаниям с родительным падежом, например, русск. *человек с прогрессивными взглядами* — *человек прогрессивных взглядов*, польск. *kobieta z miękkim sercem* — *kobieta miękkego serca*, чеш. *človek s jemné mravy* — *človek jemných mravů*, срх. *девојка са црним очима* — *девојка црних очију* и пр.

Заметим, что употребление абсолютно неотчуждаемого объекта обладания возможно в рассматриваемой конструкции, только если словосочетание является трехсловным — содержит неопускаемый атрибут к имени объекта обладания: польск. *pan z niebieskimi oczami*, но не **pan z oczami*, чеш. *hoch s dívčí tváří*, но не **hoch s tváří* и пр. (ср. польск. *pan z brodą*, срх. *старац с брадом*, бол. *лице с мустаци* — при относительно отчуждаемом объекте обладания).

В румынском сочетаниям с предлогом *cu* и творительным падежом соответствует конструкция с предлогом *cu* и винительным падежом. Как и в славянских языках, в румынском эти словосочетания очень употребительны и продуктивны.

Примеры: *fata cu ochelari* 'девушка в очках' (досл. 'с очками'), *omul cu vestă* 'человек в куртке', *om cu noroc* 'удачливый человек', *om cu casă* 'семейный человек', досл. 'человек с домом', *oameni cu stare* 'состоятельные люди', досл. 'люди с состоянием', *om cu talent* 'талантливый человек', досл. 'человек с талантом'; *casa cu livadă* 'дом с садом', *livada cu vișini* 'вишневый сад', досл. 'сад с вишневыми деревьями', *casa cu etaj* 'двухэтажный дом', досл. 'дом с этажом', *ceas cu cuc* 'часы с кукушкой', *cartea cu poze* 'книга с фотографиями', *zi cu soare* 'солнечный день', *cafea cu lapte* 'кофе с молоком', *bluză cu platcă* 'блузка с кокеткой', *sarmale cu varza acridă, cu orez și stafide* 'голубцы с кислой капустой, рисом и изюмом', *rulada cu gem* 'рулет с джемом'. Их семантика, видимо, ничем не отличается от семантики соответствующих славянских конструкций. Исключение составляют словосочетания с именами родства, в которых значение совместности ослаблено; ср. например, (e) *rudd cu mine* '(он) мой родственник', досл. 'родственник со мной', (e) *sord cu Maria* '(она) сестра Марии', досл. 'сестра с Ма;рей', (e) *frate cu Petre* '(он) брат Петра', досл. 'брат с Петром'.

Так же, как в болгарском, в румынском словосочетания с предлогом *cu*, выражающие совместность как компонент посессивного отношения, обычно содержат притяжательное местоимение; ср., например, *fratele meu cu familia lui* 'мой брат со своей семьей', *Petru cu sora lui* 'Петр со своей сестрой'.

Среди румынских конструкций с предлогом *cu*, как и среди славянских, часто встречаются трехсловные сочетания с неопускаемым определением к имени объекта обладания, ср., например, *o fată cu ochii mari* 'девушка с большими глазами', *un gentleman sportiv cu obraz ras ca-n palmă*, *li cu părul ondulat* 'джентльмен спортивного вида с гладко выбритым лицом, с волнистыми волосами', *mărul cu craci văruite* 'яблоня с выбеленными известью ветвями', *un stilou cu cerneală neagră* 'авторучка с черными чернилами', *calul cu stea-n frunte* 'конь со звездой во лбу', *camera de baie cu apă caldă* 'ванная с горячей водой'.

В отличие от русского, польского, чешского и сербскохорватского языков, трехсловные сочетания этого типа никогда не могут преобразовываться в румынском в беспредложные словосочетания с родительным падежом.

4. Словосочетания с предлогом *v/y/w/v* и предложным падежом.

Примеры: польск. *pan w cylindrze*, *chłopcę w czapkach*, *ułan w mundurze*; чеш. *žena v plachetce*, *dívka v národním kroji*, *muž ve vojenském stejnokroji*; срх. *човек у рукавицама*, *девојка у годинама*, *старац у добром здрављу*; бол. *охлюв в черупката*, *младежи в комбинезони*, *селянка в сватбарска премяна*, *хора в сиви шинели*, *драма в пет действия*.

Для этой конструкции очень характерны трехсловные словосочетания с неопускаемым определением к имени объекта обладания.

Среди трехсловных сочетаний встречаются такие, в которых к посессивному добавляется количественно-определяющее значение: польск. *drama w pięciu aktach*, бол. *драма в пет действия*.

Имя объекта обладания в рассматриваемой конструкции чаще всего называет относительно неотчуждаемую принадлежность (польск. *pan w mundurze*, чеш. *žena v plachetce*, бол. *младежи в комбинезони*, срх. *човек у рукавицама*), иногда — фактически в устойчивых выражениях — может называть абсолютно неотчуждаемую принадлежность (срх. *старац у добром здрављу*, бол. *охлюв в черупката*).

5. Словосочетания с предлогом *v/y* и винительным падежом. Эта конструкция встречается только в трехсловном варианте. Она обнаружена лишь в русском и сербскохорватском языках. Подобно группе трехсловных сочетаний, входящих в конструкцию с предлогом *v/y/w/v* и предложным падежом, данные словосочетания передают посессивное значение с количественно-определятельным оттенком.

Примеры: русск. *квартира в пять комнат*, срх. *комад у три чина*.

В болгарских количественных словосочетаниях с предлогом *в* существительное, естественно, не имеет формы падежа, поэтому эти словосочетания могут быть соотнесены как с конструкцией с предложным, так и с конструкцией с винительным падежом.

В румынском словосочетаниям с предлогами *v/y/w/v* соответствует конструкция с предлогом *în*; ср., например, *fetița în rochie albă* 'девочка в белом платье', *gramatica în două volume* 'грамматика в двух

томах', *drama in două acte* 'драма в двух действиях'. Как видно из приведенных примеров, для этой конструкции, также как и для соответствующих славянских, характерны неопускаемые определения.

6. **Словосочетания с предлогом у/и и родительным падежом.** Такой конструкцией обычно выражается отношение части и целого при одушевленных посессоре и объекте обладания: польск. *kołnierz u sukni, rękawy u bonżurki, gryf u skrzypiec, raznokcie u nóg*; чеш. *knoflík u kabátu, rukáv u košile, hlavička u hřebíčku, noha u stolu, ručički u hodinek, dno u sklenice, kolo u vozu, střecha u kočaři, zuby u pily*; срх. *почетак у чаране, грлић у пушке*.

В сербскохорватском языке, однако, в таких сочетаниях чаще употребляется предлог *од* и родительный падеж: *почетак од чаране, грлић од пушке*.

Конструкция с предлогом у/и и родительным падежом может быть синонимичной беспредложным сочетаниям с генитивом: польск. *rękawy u bonżurki – rękawy bonżurki*, чеш. *střecha u kočaři – střecha kočaři*, русск. *ножка у стола — ножка стола, ход у часов — ход часов* и пр.

В случае, когда посессор назван одушевленным существительным (срх. *срце у жене, уши у старца, очи у цара, уста у кита*; бол. *кожата у дете, сърце у него, душа у вас, жаждата у мене*; русск. *уши у ребенка, сын у родителей* и пр.), сочетание с предлогом у/и и родительным падежом обычно входит в предикативную структуру с 'быть' или другими глаголами: срх. *У Илије лепа ти је кћи; У мајки је ћерка била; Каква је била у мог мајстора кобила*; бол. *У жените любопитството беше голямо*; русск. *Он единственный сын у родителей*.

Заметим, что в конструкции с предлогом у/и и родительным падежом направление грамматической зависимости между посессором и объектом обладания противоположно тому, которое имеет место в большинстве других предложных конструкций. Здесь управляющим является имя объекта обладания (*рукава у рубахи, уши у ребенка*) — ср. беспредложные с родительным падежом (*рукава рубахи*), в то время как в конструкциях с другими предлогами, кроме предлога *от/од/od*, управляющим является имя посессора: *человек без шляпы, человек с бородкой, столик на колесах* и пр.

Это относится ко всем рассматриваемым языкам.

Словенский язык является единственным славянским языком, не знающим ни именной, ни глагольной конструкций с предлогом 'у' и родительным падежом.

Что касается современного русского языка, то о нем можно сказать, что, как отмечено рядом исследователей [Флекенштейн 1970], сочетание с предлогом у делается все более употребительным. Из разговорного языка оно проникает в язык науки. В качестве управляющего компонента теперь может употребляться даже отглагольное существительное, например, *управление у слов*. Кроме того, эта конструкция может выражать не только посессивные, но и субъектно-определятельные отношения, например, *Он пользовался доверием у товарищей*.

В старославянском языке встречаются применные словосочетания с предлогом ОУ и родительным падежом: КОЛИКО НАИМЪНИКЪ ОУ ОТЦА МОЕГО И ИЗБЫВАѢЖТЬ ХЛЪБИ — Л. 15.17. Но большая

часть словосочетаний с этим предлогом входит в глагольную экзистенциальную структуру с 'быть'.

В румынском славянским словосочетаниям с предлогом *у* и родительным падежом **соответствуют** конструкции с предлогами *la* и *de la* с винительным падежом; *dresajul la ciini* 'дрессировка (у) собак', *incovoieri àmare la colțul gurii* 'горькие складки в уголках рта', *casa la un om sărac* 'дом бедняка', *sărbătorile la români* 'праздники у румын', *boli și leacuri la oamenii, vite și păsări* 'болезни и лекарства от них у людей, скотины и птицы'; *degetele de la mână* 'пальцы у руки', *mîneca de la cămașă* 'рукав у рубашки'; *cumpănă de la fîntînă* 'журавль (у) колодца', *nasturii de la bluză* 'пуговицы (у) блузки', *ușa de la camera ei* 'дверь (у) ее комнаты', *turlele de la mîndștire* 'башни (у) монастыря'.

Сюда же, вероятно, относится и конструкция с предлогом *din*; ср. *plopul din curtea casei* 'тополь во дворе дома', *crengile din vârful coroanei* 'ветки на верхушке кроны', *focul din vatră* 'огонь в очаге', *tabloul din perete* 'картина на стене'.

Сходные оттенки значений передают и некоторые другие предлоги, которые так же, как и предлоги *de la* и *din*, образованы из двух предлогов, ср.; например, *pioile de prin septembrie* 'сентябрьские дожди', *oamenii de sub pom* 'люди под деревом', *omătul de pe culmi* 'снег на вершинах'.

Подводя итог рассмотрению румынских предложных конструкций нельзя не присоединиться к мысли, в неявной форме содержащейся во многих описаниях румынского синтаксиса и эксплицитно выраженной в одной из недавних работ, посвященной анализу именных атрибутивных групп в румынском [Репина 1979, 62—75]. Эта мысль заключается в том, что значение отношения части к целому состоит из двух тесно связанных аспектов: принадлежность и пространство. Развивая эту мысль, можно придти к выводу, что многие именные предложные словосочетания со значением отношения части к целому, качественной характеристики и пр. содержат, кроме принадлежности, также дополнительное пространственное значение. Эти наблюдения особенно важны для понимания семантики конструкций с так называемыми сложными предлогами, которые чрезвычайно распространены в румынском.

7. Словосочетания с предлогом *о* и предложным падежом. Эта конструкция имеется только в польском языке: *drzewa o gałęziach*, *dom o ciemnych oknach*, *pokój o trzech oknach*, *oczy o chudych powiekach*, *koń o obwisłych wargach*, *dziewczyna o jasnych włosach*, *kobieta o wesołym spojrzeniu*, *człowiek o twarzy trupa*. Ср. сохранившиеся в русском языке отдельные устойчивые архаические выражения, включающие в свой состав числительное, типа *конь о четырех ногах*, *змея о двух головах* пр.

Как видно из примеров, здесь преобладают трехсловные словосочетания с согласованным или несогласованным определением к имени объекта обладания.

В остальных славянских языках этой польской конструкции соответствует конструкция с предлогом *с/з/с* и творительным падежом: русск. *девушка с черными глазами*.

8. Словосочетания с предлогом *на*. В посессивном значении они характерны прежде всего для болгарского языка. Там это самая частот-

ная и самая нагруженная посессивными значениями именная предложная конструкция. Предлог *на* может обозначать принадлежность одушевленному посессору в собственном смысле, отношение одушевленного посессора к лицу, в том числе родственные отношения, часть целого, в том числе часть тела, отношение к абстрактным понятиям из сферы лица (например, жизнь, счастье и пр.), авторство, временные и пространственные отношения, признак и его носителя, качественную характеристику лица и предмета и пр.: *книгата на ученика, земята на българите, ръцете на стареца, окото на бивола, мъж на Даринка, живота на трудещите, смъртта на кмет, трудът на работника, сочинение на Вазов, глас на кукувицата, прилежание на ученика, предписание на лекар; покривите на къщите, корен на дърво, връх на планината, нивите на селото, краят на войната, миризма на тютюн,началник на отделение, поезията на старо време, утрото на светла ера.*

В болгарском языке притяжательное определение, выраженное предлогом *на* с существительным или личным местоимением, может быть усилено в предложении с помощью краткого притяжательного местоимения: *мъжът ѝ на Таса* (или с другим порядком слов — *на Таса мъжът ѝ*), *на Иван баща му, на царския син майка му, на Петър книгата му, на мене баща ми, на него брат му* и пр. Такие примеры с репризой несогласованного определения, обозначающего посессора, редки в литературном языке, хотя иногда еще встречаются в разговорной речи; они носят просторечный характер [Маслов 1981, 305]. В диалектах же болгарского и македонского языков реприза несогласованного определения, выражающего посессивное отношение, чрезвычайно распространена (Цыхун 1981).

В других славянских языках имеются немногочисленные словосочетания с предлогом *на* и предложным падежом, выражающие чаще всего отношение часть — целое при неодушевленных посессоре и объекте обладания: русск. *кресло на колесах* и под. Возможен также трехчленный вариант этой конструкции: *столлик на гнутых ножках* при недопустимости безатрибутного сочетания **столлик на ножках*.

Заметим, что в болгарской конструкции с предлогом *на*, как и в конструкциях с предлогами *од/от/од* и *у/и* всех славянских языков, грамматически управляющим членом является имя объекта обладания, а не имя посессора. Это свидетельствует о семантической близости данных конструкций к беспредложному генитиву: ср. бол. *книгата на ученика* и русск. *книга ученика*, с одной стороны, и остальные именные предложные конструкции, в том числе с предлогом *на* во всех языках, кроме болгарского — с другой, где грамматически управляющим членом является имя посессора (*господин с бородкой, господин в цилиндре, кресло на колесах* и пр.).

III. АДЪЕКТИВНЫЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

Это несобственно посессивные конструкции. Они выражают значение обладания. Грамматически управляющим компонентом является прилагательное, управляемый компонент может быть выражен формой косвенного падежа существительного без предлога или с предлогом. На-

пример, русск. *высокий ростом* = 'имеющий высокий рост', *мягкий по тембру* = 'имеющий мягкий тембр', *с виду здоровый* = 'имеющий здоровый вид' и пр. Как отмечено исследователями [Frei 1939], имя объекта обладания бывает представлено существительными, называющими абсолютно неотчуждаемую принадлежность (часть тела, абстрактные психические понятия, характеризующие лицо — в случае одушевленных посессоров — и неотъемлемую часть предмета — в случае неодушевленных посессоров): фр. (*couloir*) *bas de plafond* '(коридор), имеющий низкий потолок'¹⁰, бол. (*съобщение*) *дълбоко по съдържание* '(доклад), имеющий глубокое содержание'. В современных языках объект обладания не может быть выражен существительным, обозначающим отчуждаемую принадлежность, например, одежду человека, поэтому невозможны словосочетания типа фр. **belle de gants* 'красивая перчатками', **noir de chaussure* 'черный обувью' и пр. Ср. фр. адъективные словосочетания с существительными, называющими абсолютно неотчуждаемый объект обладания, *jolie des yeux* 'имеющая красивые глаза', *pâle de teint* 'бледная лицом', *pleine de visage* 'полная лицом = полнолицая', *pauvre d'esprit* 'нищий духом', *brave de coeur* 'храбрый сердцем', *brune de peau* 'смуглая кожей' и т.д.

В древних языках, где неотчуждаемость объектов обладания была гораздо шире, посессивные адъективные структуры (правда, скорее сложные слова, чем словосочетания) были возможны и с существительными, называющими оружие, боевое снаряжение и пр.: ср. др.-гр. *ἐὺχεσίμωνος* 'знаменитые = замечательные копьем', *ἰόμωνος* 'замечательный стрелой'. Многие собственные имена являются по происхождению посессивными адъективными сочетаниями: ср. *Κλεοπάτρη* 'по отцу знаменитая', *Πάτροκλος* 'знаменитый по отцу' и пр. [Frei 1939, 190]. Во всех древних языках — в греческом, латинском, древнегерманских и др., адъективные посессивные конструкции были очень распространены.

В современных славянских языках имеется несколько адъективных посессивных конструкций.

1. Адъективная посессивная конструкция с существительным, называющим объект обладания в форме творительного падежа: польск. *mały wzrostem, młody wiekiem, wielki rozumem, piękna kształtem*; чеш. *malý postavou, silný duchem i tělem*; срх. *висок растом, блед лицем, хром ногом, сиромашни духом*. Ср. русск. *бледный лицом, простой сердцем*.

Адъективные словосочетания с творительным падежом существительного, называющего абсолютно неотчуждаемый объект обладания, встречались также в старославянском языке, например, **І ПРИДЖ КЪ НЕМОУ НОСАШТЕ ОСЛАБЛЕНЪ ЖИЛАМИ. НОСИМЪ ЧЕТЫРЬМИ** — М. II. 3 (в греческом — *φέρωντες πρὸς αὐτὸν παραλυτικὸν αἰρόμενον*). Но более часты случаи передачи этого значения через сложное слово.

¹⁰ Все французские примеры заимствованы из чрезвычайно интересной статьи А. Фрея, упомянутой выше.

2. Предложные адъективные конструкции:

а) В болгарском языке самой распространенной является адъективная конструкция с предлогом на: *висок на ръст, млад на вид, горчив на вкус*. В остальных славянских предлог *на/на* сочетается либо с винительным, либо с предложным падежом:

а) *на/на* + вин. пад.: польск. *chory na oczu, kulawy na lewą nogę*; чеш. *chudý na zuby, kulhavý na jedni nohu, krásný na pohled*; слвн. *gluh na eno uho*; ср. русск. *слепой на один глаз, здоровый на вид, горький на вкус*.

б) *на/на* + предл. пад.: польск. *slaby na zdrowiu, blady na twarzy*; чеш. *slabý na duchu, slabý na rozumu*; срх. *слаби на ногама, брз на jeziku*; слвн. *bolan na duši in telesu, bolan na pljučih*.

б) Адъективная посессивная конструкция с предлогом в/у/в и а) вин. падежом: срх. *хрома у једну ногу, слеп у друго око*.

б) предл. падежом: польск. *szeroki w plecach, cienka w pasie, smukła w stanie*; срх. *блед у лицу, танак у појасу, погнут у раменима*. Ср. русск. *широкий в плечах*.

в) Адъективная посессивная конструкция с предлогом с/з и род. падежом: польск. *z natury łagodny, surowy z nawyku*; чеш. *dobří z duše*. Ср. русск. *спокойный с виду, с виду важный*.

В болгарском языке имеется конструкция с предлогом *с*, близкая по значению к посессивной: *богат с гори* 'имеющий много леса'. Ср. русск. *богатый хлебом* = 'имеющий много хлеба', *бедный фантазией* = 'имеющий бедную фантазию'.

г) Адъективная посессивная конструкция с предлогом по представлена в болгарском языке: *весел по нрав, добър по характер, отзивчив по сърце, дълбок по съдържание*. Довольно широко распространена подобная конструкция с предлогом *по* и дательным падежом в русском языке: *добрый по натуре, мягкий по тембру, по виду молодой*.

д) Встречается также адъективная посессивная конструкция с предлогом с/с и творительным падежом: чеш. *netocný s žaludkem* 'имеющий больной желудок'.

В румынском языке адъективные конструкции с посессивным значением включают в свой состав целый набор различных предлогов, например, *de* (*slab de minte* 'слабый разумом'), *la* (*alb la față* 'белый лицом, *bun la suflet* 'хороший душой'), *cu* (*sărac cu duhul* 'убогий духом'), *în* (*lat în spate* 'широкий в плечах'), *din* (*bun din fire* 'добрый по натуре'), *pe* (*scurți pe picioare* 'короткие в ногах = имеющие короткие ноги') и пр.

Рассматриваемые адъективные конструкции с посессивным значением обычно входят в состав именного сказуемого, подлежащее при котором является именем посессора: фр. *Sylvie est jolie des yeux*, русск. *Он был высокий ростом*. Иногда такие адъективные словосочетания употребляются в качестве определений, часто постпозитивных и обособленных, к существительным, способным играть роль любого члена предложения: русск. *Я слышу из соседней комнаты мягкий по тембру голос; У него был голос мягкий по тембру; Его голос, мягкий по тембру, слышался в соседней комнате* и пр.

IV. Глагольные посессивные конструкции

1. Конструкция с глаголом 'иметь'. В большинстве славянских (и шире — индоевропейских) языков основной глагольной посессивной конструкцией является предикативное словосочетание с глаголом 'иметь'. Это собственно посессивная конструкция. Она выражает значение обладания. Имя possessора выступает в роли подлежащего, имя объекта обладания — в роли прямого дополнения (употребляется в форме винительного падежа в языках с падежной системой), отношение посессивности передается глаголом 'иметь'. Сказанное относится к английскому, немецкому и другим германским языкам, к французскому, румынскому и другим романским языкам, к чешскому, словацкому, словенскому, сербскохорватскому, болгарскому, а также и литовскому языкам. В русском, латышском и в финно-угорских языках (финском, эстонском, венгерском) в составе основной посессивной конструкции используется глагол 'быть'. Соответственно принято различать 'иметь'-языки и 'быть'-языки. Украинский, белорусский и в известной степени польский находятся в состоянии перехода от одного типа к другому (там продуктивны обе конструкции) [Isačenko 1974, 43—47].

Индоевропейский был 'быть'-языком. Глагол 'иметь' возник позднее, развившись из глаголов со значением 'держатъ, хватать'. Ср члрг. $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\nu$ — *иметь* < *держатъ*. В старославянском **jьmѣti* развилось из **jemti* — *братъ*.

В старославянском имеются оба типа посессивных глагольных конструкций: 1) конструкция с ИМѢТИ и 2) конструкция с БЫТИ.

1) Конструкция с 'иметь'. Она представлена по модели, близкой всем 'иметь'-языками, и в основном соответствует греческим сочетаниям с глаголом $\epsilon\chi\epsilon\iota\nu$ *иметь*.

Примеры: МЫ ЗАКОНЪ ИМАМЪ; ОТЦА ИМАМЫ АВРААМА; ЕДИНОГО ОТЦА ИМАМЪ БА; НИЩА-А ИМАТЕ СЪ СОБО-ЮЖ; ЧТО СЪНЪДЕНО ИМАТЕ; КОЛИКО ИМАТЕ ХЛѢБЪ; ЪКО ПРКА ИМЖТЬ ИОАНА; ДО ЖИВОТА ИМЖТЬ; ЪКО ПРОРОКА ИМЪАХЖ И; ПРОДАСТЬ ВЪСЕ ИМЪНИЕ ЕЛИКО ИМЪАШЕ; I ИМЪАШЕ ЖЕ -А ТРЕПЕТЪ И ОУЖАСЪ; ЕЛИКО ИМЪАХЖ РАНЫ; ЧКЪ ЕТЕРЬ ИМЪ ДѢВЪ ЧАДЪ; ДА БЖ ИМЪЛИ НА НЪ ЧТО ГЛАТИ; НЕ БИСТЕ ИМЪЛИ ГРѢХА; АШТЕ БО БИСТЕ ВЪРЖ ИМАЛИ МОСЕОВИ; ИМЪИТЕ СОЛЬ ВЪ СЕБЪ. I МИРЪ ИМЪТЕ МЕЖДУ СОБО-ЮЖ. ИМЪ-АИ ОУШИ СЛЫШАТИ ДА СЛЫШИТЬ; ЖЕНА ИМЖШТИ АЛАВАСТРЪ МУРА ДРАГА; НЕ ДОСТОИТЬ ТЕБЪ ИМЪТИ ЖЕНЫ ФИЛИПА БРАТРА СВОЕГО: ДАСТЬ И СНОВИ ЖИВОТА ИМЪТИ ВЪ СЕБЪ.

При глаголе ИМѢТИ соблюдается различие по одушевленности — винительный падеж имени объекта обладания для неодушевленных существительных и существительных женского рода единственного числа, но родительный падеж для одушевленных существительных мужского рода и женского рода (во множественном числе): АЗЪ БРАШЪНО ИМАМЪ, но ОТЦА ИМАМЫ АВРААМА; АШЕ ЛЮБОВЬ ИМАТЕ, но ЪКО ПРКА ИМЖТЬ ИОАНА

и под. При отрицании винительный падеж заменяется на родительный при любом имени: АЗЪ БЪСА НЕ ИМАМЪ; НЕ ИМАМЪ МЖА; ЧЛКА ЖЕ НЕ ИМАМЪ; НЕ ИМАШИ ОБЛАСТИ НА МЪНЪ НИКОЕАЖЕ; НЕ ИМАМЪ ЦСРЪ; МЪЕЗДЫ НЕ ИМАТЕ ОТЪ ОТЦА ВАШЕГО; МЕНЕ ЖЕ НЕ ВЪСЕГДА ИМАТЕ; НЕ ИМЖТЬ БО ЧЕСО ЪСТИ и под.

В основном совпадая с 'иметь' греческого оригинала, старославянский язык демонстрирует некоторые отличия. Так, регулярно через конструкцию с 'иметь' передается греческий глагол πιστεύω 'верить'. См. ДА ВИДИМЪ И ВЪРЖ ИМЕМЪ ТЕБЪ — И.6.30 (ἵνα ἴδωμεν καὶ πιστεύσωμεν) ДА ВЪ ВЪРЖ ИМЕТЕ — И.19.35 (ἵνα καὶ ὑμεῖς πιστεύητε); ДА И ВЪРЖ ИМЕТЪ ВКО ТЫ МА ПОСЪЛА — И.17.21 (ἵνα ὁ κόσμος πιστεύῃ ὅτι σύ με ἀπέστειλας); ДА ВЪРЖ ИМЕТЕ — И.20.31 (ἵνα πιστεύητε); ДА ЕГДА БЖДЕТЬ ВЪРЖ ИМЕТЕ — И.13.19 (ἵνα πιστεύητε); I ВЪРЖ ИМЕМЪ ЕМОУ — Мф.27.42 (καὶ πιστεύομεν ἐπ' αὐτον); НЕ ИМЪТЕ ВЪРЫ — Мф.24.23 (μὴ πιστεύσητε).

Более интересными представляются те случаи, когда старославянское 'иметь' передает должествование (типа немецкого *zu tun haben, zu finden haben*), в этих случаях 'иметь' в греческом тексте отсутствует. См. ПРИТИ БО ИМАТЬ СНЪ ЧЛОВЪЧСКИ ВЪ СЛАВЪ ОТЦА СВОЕГО — Мф.16.27 (μέλλει γὰρ ὁ Υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου ἔρχεσθαι ἐν τῇ δόξῃ τοῦ πατρὸς); ЧАШЖ ЪЖЖЕ ДАСТЪ МЪНЪ ОТЦЪ НЕ ИМАМЪ ЛИ ПИТИ ЕА — И.18.11 (τὸ ποτήριον ὃ δέδωκεν μοι ὁ Πατήρ, οὐ μὴ πίω αὐτό); ХОДАИ ПО МЪНЪ НЕ ИМАТЬ ХОДИТИ ВЪ ТЪМЪ — И.8.12 (ὁ ἀκολουθῶν μοι οὐ μὴ περιπατήσῃ ἐν τῇ σκοτίᾳ).

2) Посессивные конструкции с глаголом БЫТИ. Можно считать, что посессивные конструкции, связанные с экзистенциальным статусом высказывания в целом, являются одной из характерных черт старославянского синтаксиса. В некоторой степени эту структуру заимствовал русский язык (см. об у-конструкциях в данной книге), но в русском языке господствующей стала конструкция с у+род. п., в которой совмещены посессив и локатив: У меня есть сестра; прочие же посессивные конструкции с *быть* не являются продуктивными. В старославянском же языке эти БЫТИ-конструкции разнообразны — как по форме, так и по семантике.

Существенны следующие признаки классификации этих конструкций: 1) беспредложность—предложность (АЗЪ ЕСМЪ ДВЪРИ ОВЪЦААМЪ и АЗЪ ОТЪ ВЫШЪНИХЪ ЕСМЪ); 2) наличие—отсутствие глагола-связки (ХРИСТОСОВЪ РОБЪ ЕСМЪ и РАБЪ АЗЪ ХРИСТОСА). Существенно также наличие — отсутствие местоименного субъекта и тип предлога для предложных конструкций.

Беспредложные конструкции с представленной связкой

а) Сочетания с родительным падежом:

ТАКОВЫХЪ БО ЕСТЬ ЦСРСТВИЕ НЕБЪСКОЕ — Мф.19.14 (в греческом — Ген.); ТАЦЪХЪ БО ЕСТЬ ЦСРСТВИЕ БЖИЕ — М.10.13 (в греческом — Ген.).

б) Сочетания с дательным падежом:

ПАСТЫРЪ ЕСТЬ ОВЪЦАМЪ — И.10.2—4 (в греческом — Ген.); ОТЪ КЖДЖ СЕМОУ ЕСТЬ ПРЪМЖДРОСТЬ И СИЛА — Мф. 13.54 (в греческом — Дат.); ОТЪ КЖДОУ СЕ ЕСТЬ СЕМОУ — М. 6.2 (в греческом — Дат.); АШТЕ БЖДЕТЬ ЕТЕРОУ ЧЛВКОУ Р. ОВЕЦЪ — Мф. 16.26 (в греческом — Дат.); ЕСТЬ ЖЕ ОБЫЧАИ ВАМЪ — И. 18.39 (в греческом — Дат.).

Беспредложные конструкции при отсутствии связи

а) Сочетаний с родительным падежом этой структуры нет.

б) Сочетания с дательным падежом в посессивном значении отсутствуют.

Ср. МИРЪ ДОМОУ СЕМОУ (в греческом — Дат.); ГОРЕ ВАМЪ БОГАТЫМЪ — Л. 6.24 (в греческом — Дат.), передающие значение предназначения. Ср. также русск. *Миру* — *мир* с тем же значением.

Конструкции с предлогами

а) Предлог ОТЪ+род. п.:

НЪСТЕ БО ОТЪ ОВЕЦЪ МОИХЪ — И. 10.26 (в греческом — предлог $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); ВЫ ОТЪ НИЖЪНИХЪ ЕСТЕ, АЗЪ ОТЪ ВЫШЪНИХЪ ЕСМЪ — И. 8.23 (в греч. — $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); БЪ ЖЕ ЧЛВКЪ ОТЪ ФАРИСЪИ — И. 3.1 (в греч. — $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); БЪАХЖ І СНА ЗЕВЕДЕОВА. І ИНА ДЪВА ОТЪ ОУЧЕНИКЪ ЕГО — И. 20.2 (в греч. $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); ВЫ ОТЪ ОТЪЦА ДИЪВОЛА ЕСТЕ — И. 8.44 (в греческом — $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); СЖТЬ ЕТЕРИ ОТЪ СЪДЕ СТО ЯШТИХЪ ІЖЕ НЕ ИМЖТЬ СЪМРЪТИ ВЪКОУСИТИ — Мф. 16.28 (в греческом — непосессивная глагольная конструкция); ВЫ ОТЪ СЕГО МИРА ЕСТЕ, АЗЪ НЪСМЪ ОТЪ СЕГО МИРА — И. 8.23 (в греческом — $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); ВЫ ИСТИНЖ ОТЪ НИХЪ ЕСИ — М. 14.70 (в греч. — $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.); ВЪ ИСТИНЖ И ТЫ НИХЪ ЕСИ — Мф. 26.73 (в греческом — $\acute{\epsilon}\kappa$ +Ген.).

б) Предлог ОУ+род. п.:

ПРЪЖДЕ ДАЖЕ НЕ БЫСТЬ МИРЪ ОУ ТЕБЕ — И. 18.5 (в греческом $\mu\alpha\rho\acute{\iota}$ +Дат.) ОУ ТЕБЕ ЕСТЬ ДРЪЖАВА — Син. евх. 64.6—7; ОГНЬ БО... ВЕСЪ ЁСТЬ ОУ ИМЖШТААГО — Супр. 95.5; И ПРИНЕСОША ЁЛИКО БЪАШЕ ОУ НЕГО КОУМИРЪ — Супр. 6.28; АШТЕ БОУДЕТЬ ОУ ЕТЕРА ЧЛКА. Р. ОВЕЦЪ — Мф. 18.12. Ассем.; ИСКОНИ БЪ СЛОВО И СЛОВО БЪ ОУ БА — И. 1.1. Ассем.

К. Мирчев указывает на активное развитие этой конструкции с ОУ в среднеболгарском языке (в особенности XIV века) (Мирчев 1971). По его мнению, процесс развития этих конструкций шел параллельно в болгарском и русском языках, но в болгарском эти конструкции рано исчезают, а в русском продолжают развиваться и в настоящее время.

в) Предлог ВЪ+предл. п.:

ВЕЛИКА БО ПЕЧАЛЬ ВЪ МНЪ ЁСТЬ — Супр. 225.1.

г) Предлог НА+предл. п.:

І БЛАГОДАТЬ БЖИЪ БЪ НА НЕМЪ — Л. 2.40 (в греч. $\epsilon\lambda\acute{\iota}$ +Акк.); І БЫСТЬ ОУЖАСЪ НА ВЪСЪХЪ — Л. 4.36 (греч. — $\epsilon\lambda\acute{\iota}$ +Акк.); І БЫСТЬ НА ВЪСЪХЪ СТРАХЪ — Л. 1.65 (греч. — $\epsilon\lambda\acute{\iota}$ +Акк.).

Как видно из приведенных примеров, дательный падеж греческого языка представлен только в структуре с беспредложным дательным. В большинстве остальных случаев греческий язык передает отношения через посессивный родительный. Сравнивая все конструкции с 'быть', имеющие посессивную сему, мы выдвигаем предположение о наличии посессивной семантики как части более сложной семантической структуры высказывания, включающей в себя экзистенциальность, посессивность и предназначение. Последнее, как указал А.Б. Правдин, в русском языке поздней поры передавалось через конструкцию с предлогом *для*. Эти семантические компоненты могли быть: а) представлены полностью или неполностью (т.е. значение 'для' могло отсутствовать); б) быть связанными или свободными по словопорядку, т.е. имя посессора могло примыкать к объекту обладания или быть дистантным.

Греческое высказывание имело другую структуру, предпочитая элиминировать 'для'-семантику и подчеркивать посессивность. Поэтому при передаче греческого текста создатели старославянского стояли перед дилеммой: максимально следовать смысловой модели греческого текста, выбирая наиболее точные эквиваленты, или строить высказывание по семантической модели собственного языка, с преобладающим дательным. Из того, что обе конструкции встречались параллельно в разных памятниках, следует только то, что их семантика совпадала, но не то, что она была идентична. Как будет показано в следующей главе, прагматические коннотации возникают там, где возможен выбор и где язык это позволяет. Так, не совпадают буквально конструкции *Он был ее хорошим другом, Он был ей хорошим другом, Он был для нее хорошим другом*, хотя все они могут появиться при переводе с языка, не знающего подобных семантических различий.

Как уже указывалось выше, вопрос о посессивном дательном решался бы легко, если бы можно было ввести в экспериментальный контекст проверяемые на чистую посессивность конструкции: *Он ему друг* и **Друг ему уехал*. Однако в старославянском языке такой материал дают богато представленные примеры с лексемой ИМА.

В собственно глагольных высказываниях при глаголе НАРЕКАТИ всегда представлен дательный падеж объекта: I НАРЕЧЕ ИМА СИМОНОУ ПЕТРЪ — М. 3.16 (в греч. — Дат.); I НАРЕЧЕШИ ИМА ЕМОУ ИСЪ — Л. 1.31 (в греч. — Ген.); I НАРЪША ИМА ЕМОУ ИСЪ — Л. 2.21 (в греч. — Ген.); I НАРЕКЖТЬ ИМА ЮМОУ ЮМЪМАНОУИЛЬ — Мф. 1.23 (в греч. — Ген.); I НАРЕЧЕШИ ИМА ЕМОУ ИОАНЪ — Л. 1.13 (в греч. — Ген.). Во всех этих текстах местоимение в дательном падеже следует за лексемой ИМА, создавая некоторое связное словосочетание. В рассмотренных структурах с лексемой ИМА происходит как бы слияние с формой дательного падежа и возникает ИМА ЕМОУ (ЕИ), но подобные случаи перемежаются и с такими, где местоимение дистантно по отношению к лексеме ИМА: КАКО ТИ ЕСТЬ ИМА — М. 5.9; ЛЕЃЕОНЪ МЪНЪ ЕСТЬ ИМА — М. 5.9.; ИОАНЪ ЕСТЬ ИМА ЕМОУ — Л. 1.63. Более слитные конструкции с препозицией ИМА и постпозицией датель-

ного встречаются в кратких сообщениях о наименовании человека или места, о котором будет речь идти далее: ...МЖЖЕВИ. ЕМОУ ЖЕ ИМА ИОСИФЪ І ИМА ДЪВЪВЪ МАРИЪ — Л. 1.27; ГРАДЪ. ЕМОУ ЖЕ ИМА НАЗАРЕТЪ — Л. 1.26; ВЕСЬ... ЕИЖЕ ИМА ЕМАОУСЪ — Л. 1.24; НИКОДИМЪ ИМА ЕМОУ — И. 3.1; ИМА ЕМОУ ІОАНЪ — И. 1.6; ЕДИНЪ ЕМОУ ЖЕ ИМА КЛЕОПА РЕЧЕ — Л. 24.18; ЕМОУ ЖЕ ИМА СЪМЕОНЪ — Л. 2.25; ВЪ ВЕСЬ ЕИЖЕ ИМА ВЕТЪСИМАНИ — М. 14.32. Может создаться впечатление, что в данном случае мы имеем дело с окончательно сформировавшимся приименным дательным падежом. Однако о том, что это не так, свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых, в данных текстах или непосредственно представлен глагол бытия (см. ѠБЪМА ЖЕ НА ДЕСАТЕ АПЛМА ІМЕНА СЖТЬ СЕ — Мф. 10.3), или он обязательно представлен в непосредственном окружении, и данное словосочетание как бы примысливает 'А имя ему (было)'. Еще более убедительным является другое доказательство. А именно — в тех конструкциях, где не идет речь о наименовании (оно уже существует), представлена конструкция с посессивным местоимением: СВАТО ИМА ЕГО — Л. 1.49; И СЪКАЗААХЪ ИМЪ ИМА ТВОЕ — И. 17.26; ПРОСЛАВИ ИМА ТВОЕ — И. 12.28; ИМЕНА ВАША НАПИСАНА СЖТЬ НБСХЪ — Л. 10.20; І АШТЕ ЧЕСО ПРОСИТЕ ВЪ ИМА МОЕ — И. 14.14; ЪВИХЪ ИМА ТВОЕ ЧЛВКМЪ — И. 17.6. Подобных примеров очень много. При устоявшемся дательном тут возникали бы ИМА ТЕБЪ; ИМА ВАМЪ и т.д. Таким образом дательный падеж "встроен" в общую семантику высказывания и имеет значение, близкое к русскому *У него было имя Иван*.

Примеры конструкции с глаголом 'иметь' в современных языках: англ. *We have so much money now, Robert Cohn had two friends, She has good eyesight*; фр. *Nous avons une maison, Elle avait deux francs dans sa poche, La jillette a les yeux bleus*; нем *Wir haben einen klugen Hund, Er hat zwei Töchter, Jetzt hat sie leider Grippe*; чеш. а) значение обладания при одушевленном посессоре: *Mám auto, Pavel má nový oblek, Ten má mnoho peněz, Má velmi pěknou sestru, Olga má černé oči, Máš výbornou pamět, Měl tísnivou předtuchu, že ..., Mám mnoho práce, Má kašel*; б) значение части целого при неодушевленном посессоре: *Jabloň má květy*; в) значение наличия: *Dnes máme středu*. (В данном случае точно также может употребляться и глагол *býti*: *Dnes je středa*)

Глагол *míti* и объект в винительном падеже могут распространяться предложно-падежной группой слов с обстоятельственным значением: *Ve sklepě máme pivo, V naší skupině máme Slováky, Na stole mám hodinky V ruce má kytici, Pan Benda měl na sobě nové šaty, Mám klobouk na hlavě, Otce mám v Brně, Mám tátu v Americe, Máme tu dokonce Kreml*. (В последнем примере может употребляться и глагол 'быть': *Je i u nás dokonce Kreml*. Точно также возможно *V naší skupině jsou Slováci*. Это предложение соответствует русск. *В нашей группе словаки*, в то время как приведенное выше *V naší skupině máme Slováky* означает 'В нашей группе есть словаки', т.е. некото-

рое количество словаков). Эту разновидность конструкций с глаголом 'иметь' называют посессивно-экзистенциальной (Селиверстова 1982, 42)¹¹.

Польские примеры: а) *Ty masz tylko jedną walizkę, Miał zegarek, ale popsuty, Musiałaby pani mieć wizę, Oni wszyscy mają jasne czupryny, Masz dobry wzrok, Stolnik miał jedyne dziecko, Ja miałem już narzeczonego, On ma żelazną wolę, Miał pewną delikatność, Miał grupę, U pana miał kolka granatów, Miał na sobie sweter, Mam dziurę w bucie.*

Значение обладания в польском языке может также выражаться конструкцией, состоящей из глагола *być* и предлога *u* с родительным падежом: *Był ten bochen chleba u matki* (= *matka miała ten bochen chleba*), *U jednego był długi muszkiet*, *U stracha wielkie oczy*, *Ogórki są w sadzie u starego ogrodnika*; б) *Stół ma cztery nogi*, *Dąb już nie miał gałęzi*, *Hotel ma elektryczność*, *Kilometr ma 1000 metrów*; в) *Mame wiosnę*.

В значении наличия может употребляться также и глагол *býc*: *Jest wiosna* = *Mame wiosnę*, *Ogorki są w sadzie* = *Mame ogorki w sadzie*. Однако при отрицании в польском языке возможна лишь конструкция с глаголом *mieć*: *Ogórków w sadzie nie ma*; ср. *Anna tu jest* — *Anny tu nie ma*.

Как уже говорилось, в украинском и белорусском языках также возможны обе рассматриваемые глагольные посессивные конструкции — и с глаголом 'иметь', и с глаголом 'быть'+предлог *у*+род. пад. Но если в польском явно преобладает конструкция с глаголом 'иметь', то в украинском это преобладание не столь очевидно, а в белорусском перевес уже на стороне конструкции с глаголом 'быть': укр. *Я маю гроши* и *У мене є гроши*. (При отрицании используется только глагол 'иметь': *Батьків у тебе немає*); бел. *У мяне ёсць брат*, возможно также *Я маю брата*.

Сербскохорватские примеры: а) *Он има кућу, Он има много новаца, Она има црне очи, Имала је много познаника, Имам нездраву склоност ка мрачним предметима, Имам пороке, којима... Људи, који имају реуматизам, ..., Казаси имају шта да бране, На глави је имао црни шешир*; б) *Касарна има велико двориште, Рајхстаг има свега три спрата, Град има дугачку историју, Авијација има много различитих авиона*; в) *Данас имамо лепо време, Имате лифт у хотелу*.

В сербскохорватском языке существуют также безличные экзистенциальные обороты с глаголом *имати*: *На станици има носача, У Бугарској има све више нових школа*.

Сербскохорватскому языку не чужда и конструкция с глаголом *бити*, предлогом *у* и родительным падежом имени посессора: *У бога су пуне руке, У Милице дуге трепавице*.

В словенском языке представлены как 'иметь'-конструкция, так и 'быть'-конструкция. При этом их параллельность и дистрибуция не всегда точно соответствуют другим славянским языкам: *Knjiga ima naslov, Imamo sobe, Imaš tamo?, Imeli so čebele, Sošolka je*

¹¹ Селиверстова пишет, что в значении посессивно-экзистенциальных конструкций признак посессивности входит дважды — он характеризует и объект и пространство, в котором находится этот объект.

imela velik avtomobil, Doma imam ženo in pet otrok. Teden ima sedem dni, Koliko let ima?, Imate kaj denarja?, Vse ima svoje meje, Vsakdo ima svoj okus.

Через конструкцию с 'иметь' передается и владение неотчуждаемыми объектами — частями тела (в русском языке этому соответствует у+род.-конструкция): *Oči imajo, pa ne vidijo, Strah ima velike oči, Deklice so imeli rdeča lica, Je imel dobro srce, Možaki so imeli brke, Imela je lepše lasje, Nobene gube ni imela na obrazu, Vsaka je imela lase spletene v kito.*

В словенском языке в придаточных предложениях, по значению определительных и включающих в себя глагол 'иметь', возможна местоименная реприза, повторяющая объект обладания: *Imel je take igrače, kot jih imajo punčke — Имел-он-такие-игрушки, как-их-имеют-девочки; Karte niso bile take, kot jih imela ciganka — Карты-не-были-такие, как-их-имела-цыганка.*

В русском и в других славянских этот повтор объекта обладания представлен во флексии союзных слов *какой, который* и под.: *У него были такие игрушки, как-ие имеют девочки; Не было таких карт, как-их она хотела* и т.д.

В словенском языке, единственном из всех славянских, нет экзистенциальной посессивной конструкции с у+род. п., но другие экзистенциальные конструкции с посессивным значением представлены: а) Конструкция с родительным падежом, аналогичная старославянской модели 'Таковых есть царствие небесное': *So bili še prekratkin nog — Они были-еще-очень-коротких ног — 'У них еще были короткие ноги';* б) Конструкции с дательным падежом имени посессора. В этих конструкциях имеется дополнительная семантика локативности или предназначения, поэтому подобные конструкции не рассматривались в разделе о применных посессивных конструкциях — в них посессивность представлена как бы на уровне высказывания: *Kako ti je ime?, To ti je v krvi, To ti je deveta brig.*

Болгарские примеры: а) *Имаш ли тая книга?, Баща ми има дългове, Имаше светли очи, Левски имаше весел нрав, Имам роднини, Имам заслуги, Аз имах чудна страст да шаря стените, Имах в ума си няколко разказа.*

В болгарском языке глагол *имам* также употребляется в различных экзистенциальных оборотах: *Нощем има луна, Там имаше хиляди шумове.* Значение обладания выражается в болгарском языке и конструкцией с глаголом 'быть' и предлогом *у*: *У кого е хляб?, Парите са у брат ми.*

В глагольную конструкцию обладания с 'быть' может также входить дательный падеж имени посессора: *Къде ти е пушката?* Ср. слвн. *Kako ti je ime?* и русск. *Где у тебя ружье?, Как твое имя?.* В приведенных примерах болгарская форма *ти* и словенская *ти*, особенно при изменении порядка слов в предложении (ср. бол. *Къде е пушката ти?*, слвн. *Kako je ime ти?*), могут трактоваться не как дательный падеж, а как краткое притяжательное местоимение. В таком случае все предложение (глагольное словосочетание) выражает не обладание, а бытийность; посессивность же (принадлежность) выражается место-

именной конструкцией: бол. *пушкама ти, слвн. ime ти*. Ср. аналогичные конструкции в румынском: *Unde ți-e capul?* 'Где у тебя голова?'; *Unde ni sînt visătorii?* 'Где же у нас мечтатели?'; *Mi-e prieten* 'Он мой друг'; *Îi erau ochii ca o miere mai întunecată* 'У нее глаза были, как темный мед'.

Во всех славянских языках в случае отрицательной формы глагола 'иметь' прямое дополнение ставится не в винительном, а в родительном падеже. Исключение составляет чешский язык, где винительный падеж сохраняется и при отрицании. Отрицательная частица в некоторых языках (в чешском, болгарском, сербскохорватском, в словенском — в форме настоящего времени) пишется слитно с глаголом, а в болгарском она к тому же трансформируется из *не-* в *ня-*: польск. *Nic innego pan nie ma, Nie mam czasu*; чеш. *Om nema dobrý rozum, Neměl žádný šaty, Měl ještě jsem mnoho sil. Už nemám*; срх. *Он нема куће, Он нема ни оца ни мајке, Са њима немам посла, Грађани немају могућности да се хране код куће*; бол. *Господ ज्याма уши за бедните, Нямам работа, Сладолед ज्याмаме*; слвн. *Nimat časa, On ni imel nog, On ni imel takih lepih potonik*.

Характерной словенской формой отрицания является приименное отрицание, параллельное глагольному. Представляется, что эта модель ближе к немецкому *kein*, чем к 'никакой' или 'ни один': *Ker nisem imela nobene družčine* — 'Потому что не имела никакой компании'; *Nobene gube ni imela na obrazu* — 'Никакие морщины не имела на лице'; *Imela štiri otroka, vendar nimam nobenega* — 'Имела четыре ребенка, а вот не имею никакого'; *Hešo imela nobele* — 'Дом имели никакой'.

Румынские примеры глагольной посессивной конструкции с глаголом *a avea* 'иметь':

а) *Avea un băiat de zece ani* 'У него (нее) был десятилетний сын'; *Ea are străbunică, bunici, veri, mătuși, unchi, nepoți* 'У нее есть прабабушка, дед с бабушкой, двоюродные братья и сестры, тетушки, дядюшки, племянники'; *Are mintea alăt de proaspătă* 'У него (нее) такой ясный ум'; *Are totdeauna o bluză albă* 'На ней всегда белая блузка'; *Are puține amintiri* 'У него (нее) мало воспоминаний'; *Femeile au limbă mai ascuțită* 'У женщин острый язык'; *Are dreptate* 'Он(а) прав(а)'; *Aveau musafiri* 'У них были гости'; *Are o foame de lup* 'Он голоден, как волк'; *Are scarlatină* 'У него (нее) скарлатина'; *Avea scurte crize depresive* 'У него (нее) бывали короткие приступы депрессии'; *În clipa asta n-are timp* 'В данную минуту у него (нее) нет времени; *Nu mai are răbdare* 'У ней (него) нет больше терпения'; *N-are destui ani* 'Ему(ей) слишком мало лет'; *N-are pe nimeni aici* 'У него (нее) здесь никого нет';

б) *Mișcarea ei are o lentoare, o lipsă de ritm* 'В ее движениях есть замедленность, отсутствие ритма'; *Un zid avînd doi metri înălțime* 'Стена, имеющая в высоту два метра'; *Țara are nevoie de tihnă* 'Стране нужен покой'; *Supărarea acut nu avea margini* 'Раздражение уже не имело границ';

в) *Avem lift la hotel* 'У нас в гостинице есть лифт'; *Am avut o iarnă grea* 'У нас была трудная зима'.

Хотя румынский принадлежит к числу языков, в которых глагол 'иметь' играет очень важную роль, тем не менее, подобно, например, сербскохорватскому, ему не чужд и глагол 'быть'; ср. *E o uşoară ac-reală în vocea lui* 'В его голосе есть легкая горечь' (ср. близкую по семантике фразу с *a avea*: *Are o nuanţă de satisfacţie în glas* 'В его (ее) голосе есть нотка самодовольства'; *Era, chiar la intrare în oraş, o fântână de piatra roşie* 'У самого въезда в город был колодец из красного камня'; *Pe birou sînt multe scrisori* 'На письменном столе много писем' (ср. *Avèţi pe masă flori albastre* 'У вас на столе — синие цветы'); *În parc sînt mulţi copii* 'В парке много детей'; *Azi e joi* 'Сегодня четверг'; *Timpul e foarte frumos* 'Погода прекрасная'; *E soare* 'Солнечно'.

В современном русском языке посессивная конструкция с глаголом *иметь* употребляется преимущественно в книжном стиле речи, особенно в сочетаниях с существительными неодушевленными и абстрактными, а также в составе фразеологических оборотов: *Тогда имели вы хоть жалость, хоть уважение к летам, Он имеет право, Имею собственное мнение, Это правило имеет ряд исключений, Толпа имела форму клина, Все люди имеют недостатки, Башня имеет сто метров в высоту. Она имела упрекнуть ёго, Имею возможность приехать и пр.*

Глагол *иметь* образует живую посессивную конструкцию чаще всего в форме инфинитива: *хочу иметь друга, не хочет иметь детей, мне хотелось иметь заместителя, иметь лодку иностранцам запрещено и пр.* Сфера применения глагола *иметь* расширяется также в императиве: *Всегда имей при себе документы.* Ср. также употребление императива в условном значении: *Имей он терпение, все сложилось бы иначе.*

2. Конструкция с глаголом 'быть'. Основной глагольной собственно посессивной конструкцией, выражающей значение обладания, в русском языке является конструкция, состоящая из глагола *быть*, предлога *у* с родительным падежом имени possessора и именительного падежа имени объекта обладания: *У меня есть брат, У Берга были деньги, У вас с ним есть общие черты, У него только двое детей, У меня отец в Америке, У него есть друзья в разных местах, У нас оаца на берегу моря, У них свадьба через месяц и пр.* (Маројевић 1983; Adamec 1960, 191—213; Isačenko 1974). В книжном, официальном языке вместо *есть* употребляется *имеется*: *У меня имеется собственное мнение, В стене имелось отверстие и пр.*¹²

Облик глагола *быть* в настоящем времени определяется семантико-синтаксическими условиями. В случае, когда сообщается лишь о постоянном наличии, существовании у possessора объекта обладания, употребляется форма *есть*: *у X есть У.* Если же сообщается, какой

¹² Посессивное значение у генитива с предлогом *у* развилось из локативного, пространственного значения в результате постепенного семантического преобразования экзистенциальных конструкций с локативным определением, выраженным предлогом *у* и родительным падежом. См. об этом в ряде специальных исследований (например, Собинникова 1958, 33—46).

именно объект обладания имеется у посессора, то глагол *быть* опускается: у Х У. Ср.: *У Вас есть дети?* — объект обладания качественно и количественно не идентифицирован — и *У него двое детей (сыно-вей)* — объект обладания идентифицирован количественно (количественно и качественно). То же: *У него есть седые волосы, оригинальные мысли, друзья на работе* и пр. — объект обладания выражает неопределенность, а *У него седые волосы, оригинальные мысли* — нет неопределенности. При трансформации в отрицательную форму различие значений проявляется явственно: *У него нет седых волос* и *У него не седые волосы*.

Кроме того, *есть* обычно не употребляется с абсолютно неотчуждаемыми объектами обладания: *У Наташи голубые глаза, У него прекрасная память, У него доброе сердце* и пр.; ср. *У него есть жена, дети* — с относительно неотчуждаемым объектом и *У него есть деньги, У Федя есть велосипед* и пр. — с объектом отчуждаемой принадлежности. Ср. также различие значений в: *У меня есть новый костюм* (=‘Я им владею’) и *У меня новый костюм* (=‘на мне надет’), *У меня есть автомобиль* (=‘Я им владею’) и *У меня автомобиль* (=‘в данный момент автомобиль находится в моем распоряжении, но может мне не принадлежать’). Эти варианты посессивной конструкции с глаголом *быть* в презенсе подробно описаны в лингвистической литературе (Селиверстова 1973, 95—105; Селиверстова 1977, 5—67; Селиверстова 1983а; Селиверстова 1983б; Adamec 1960, 191—213; Isačenko 1974).

В отрицательном предложении настоящее время глагола *быть* представлено формой *нет*, объект обладания употребляется в родительном падеже: *У меня нет времени, У него нет сил* и пр.

В прошедшем времени глагол *быть* имеет формы *был, -а, -о, -и* с нормальным отрицательным вариантом *не был, -а, -о, -и*: *У него были жена и дети, У него не было времени* и пр.

Интересно сопоставление с другим ‘быть’-языком — латышским из балтийской семьи, в котором для выражения обладания широко употребляется конструкция с глаголом ‘быть’ (*būt*), состоящая из формы дательного падежа без предлога имени посессора, неизменяемой по числам глагольной формы *ir* (настоящее вр. 3 л.) и формы именительного падежа имени объекта обладания: *Man ir tēva* ‘Мне есть отец’ = ‘У меня есть отец’, *Cilvēkam ir glava* ‘У человека есть голова’, *Brālim ir istaba* ‘У брата есть комната’, *Galdam ir kājas* ‘У стола есть ножки’ и пр. В отрицательном предложении вместо *ir* используется *nav*, а имя объекта обладания ставится (как и в русском языке) в родительном падеже: *Man ir draugs* ‘У меня есть друг’ — *Man nav drauga* ‘Мне нет друга’ = ‘У меня нет друга’. Особого глагола для выражения значения обладания, такого, как русск. *иметь*, англ. *have*, нем. *haben* и пр., в латышском языке нет.

В литовском же, близкородственном латышскому, положение иное, там обладание выражается конструкцией с глаголом ‘иметь’ и винительным падежом имени объекта обладания: *Aš turiu brolių* ‘Я имею брата’. При отрицании имя объекта обладания ставится в родительном падеже: *Aš neturiu brolių* (Булыгина, Сталтмане 1985). В литовской

разговорной речи встречаются конструкции типа *У меня есть брат — Pas mane ura brolis*, но это русизмы и диалектизмы, находящиеся за пределами литературной нормы.

Ряд исследователей рассматривает обсуждаемую глагольную посессивную конструкцию с предлогом *у*, родительным падежом имени посессора, глаголом *быть* и именительным падежом имени объекта обладания как бытийные предложения личной сферы (Арутюнова, Ширяев 1983; Арутюнова 1976). Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев называют сочетание "у+род. п." имени посессора личностным локализатором, а все другие предложные сочетания — пространственными локализаторами. Пространственные и личностные локализаторы могут совмещаться: *У меня в кошельке нет мелочи, У него в портфеле интересна́я книга*. Личностный локализатор может трансформироваться в притяжательное местоимение — определение к пространственному локализатору: *В моем кошельке нет мелочи, В его портфеле интересная книга*.

Как показали Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев, бытийные предложения личной сферы содержат высказывания различного содержания:

а) О ближайшей предметной сфере человека — о том, как человек одет, что он держит в руках, что у него в сумке, в кармане и пр. Личностный локализатор может быть распространен пространственным с различными предлогами: *На голове у него была фуражка, В руках у нее были еловые ветки*;

б) О личном составе микромира человека: *У нее есть родственники, У мальчика нет матери*. Эти предложения не терпят перестройки методом инверсии типа *У меня есть книги — Эти книги мои*. Здесь возможна лишь трансформация типа *У меня есть сестра — Это моя сестра* (**Эта сестра моя* не соответствует норме русского языка);

в) О наличии внешних обстоятельств и событий в жизни человека. Здесь имя объекта обладания не предметно, семантика его событийна: *У меня есть работа, У него большие надежды на будущее*;

г) О физических свойствах и облике человека: *У него длинный нос, На лице у нее была родинка*;

д) О физических состояниях человека: *У меня жар, У него не было кори*. Возможны предложения с двойным локализатором: *В глазах у меня круги*.

е) О внутреннем мире человека: *У тебя есть совесть?, У него плохой характер, У нее есть вкус*. Здесь часто встречается двойной локализатор: *У нее на душе (в сердце, в груди, в мыслях и пр.) была радость*.

К этому разряду можно отнести и предложения модального содержания. Имя объекта обладания в них имеет модальное значение и подчиняет себе инфинитив, придаточное предложение или существительное (чаще всего — отглагольное): *У меня нет возможности приехать, У них есть сомнение в том, что эти планы осуществляются, У нас не было повода для ссоры*.

Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев установили, что бытийные предложения с личностным локализатором имеют несколько коммуникативных разновидностей:

а) Нейтральные формы, в которых реме соответствует глагол *быть* в совокупности с именем объекта обладания: *У нас есть дача*;

б) Актуализован глагол: *А деньги у меня есть, чтобы купить, что будет нужно;*

в) В коммуникативный фокус попадает локализатор, указывающий на possessora: *У кого есть машина? — Машина есть у Сергеева;*

д) Посессивные предложения не употребительны в интродуктивной функции, хотя ее допускают: *Была у меня в юности мечта о путешествиях;*

е) При актуализации качественного определения к имени объекта обладания, предложение утрачивает черты бытийного типа, оставаясь possessивным: *Отец у нее старый;* ср. ниже в 'иметь'-языках: польск. *Mat ocy zielone*, чеш. *Otce má starého* и пр. Ср. также польск. *Mat ojca wójeń*, чеш. *Otce má učitelem* при качественном определении к имени объекта обладания, выраженного существительным в творительном падеже;

ж) При актуализации количественного определения possessивные предложения сохраняют основные черты бытийной структуры: *Книг у него несколько тысяч.*

Во многих 'иметь'-языках есть специальные переходные глаголы владения, образующие конструкции, параллельные рассматриваемым: чеш. *vlastnit (továrnu, stroj)*, польск. *posiadać (coś)*, срх. *posedovati нешто*, нем. *besitzen*, англ. *own*. В русском языке нет переходного глагола владения, глаголы *владеть* и *обладать* управляют творительным падежом. Это еще одно отличие русского языка от 'иметь'-языков.

В некоторых 'иметь'-языках существует тесная связь между глаголами 'иметь' и 'получать'. Например, в английском форма настоящего времени от *have* синонимична перфектной форме от *get*: *I have some money = I have got some money*. Исходное значение 'получать, добывать' в глаголе *get* стерлось.

В 'иметь'-языках нормально соотношение типа чеш. *Mám nápad — Dostal jsem nápad*, нем. *Ich habe eine Idee — Ich bekam eine Idee*, англ. *I have an idea — I got an idea*. По-русски же невозможно **Я получил идею*. (Русским соответствием будет *Мне пришла в голову идея*), так как в русском языке глагол *получать* не имеет структурного сходства с *иметь* и *быть*; он коррелирует с такими глаголами, как *дать, подарить, послать, отправить, вручить*. При них обязателен дательный адресата, это совсем другая, не possessивная конструкция.

В 'иметь'-языках глагол 'давать' тесно связан в одном из своих употреблений с глаголом 'иметь': чеш. *Mám s tím hodně práce — To mi dá hodně práce*. В русском аналогичные конструкции с *давать* немыслимы (**Это мне дает много возни*), так как *быть* не коррелирует с *давать*. Глаголы *иметь* и *давать* иногда соотносятся друг с другом (*иметь/давать право, иметь/давать слово*), но абсолютно нет корреляции между конструкцией "у+род. п.+*быть*" и *давать*.

В 'иметь'-языках глаголы 'получать' и 'давать' могут считаться разными модификациями глагола 'иметь': чеш. *Dostal jsem injekci — Dali mi injekci*, англ. *I got a shot — They gave me a shot*. В русском невозможно **Я получил укол* или **Мне дали укол*; по-русски надо сказать *Мне сделали укол*. В современных чешском и словацком

языках развились особые 'давать'-конструкции, равные 'иметь'-конструкциям: чеш. *Dali jsme si gulaš a pivo* = *Meli jsme gulaš a pivo* (ситуация в ресторане). В русском языке **Мы дали себе гуляш и пиво* немыслимо.

Как видно из изложенного выше, в 'иметь'-языках глагол 'иметь' вступает в различные синтаксические и семантические отношения с глаголами 'получать' и 'давать' и употребляется в различных конструкциях, которые нельзя считать чисто посессивными.

В современном русском языке, 'быть'-языке, положение с глаголом 'иметь' иное. Там есть и 'быть'-конструкция (*У Ивана есть недостатки*) и 'иметь'-конструкция (*Иван имеет недостатки*). Различия между этими конструкциями не только стилистические — в русском языке наблюдается много случаев, когда конструкции с глаголом *быть* нет соответствия с глаголом *иметь*: *У него хорошее настроение*, но невозможно **Он имеет хорошее настроение*. С другой стороны, есть немало конструкций с *иметь*, для которых нет соответствия с *быть*: *Книга имеет много иллюстраций*, но нет **У книги есть много иллюстраций* (посессор — неодушевленное существительное)¹³. Хотя во многих случаях обе конструкции стилистически нейтральны и могут считаться взаимозаменяемыми, преобладает 'быть'-конструкция. Областью использования 'иметь'-конструкции является преимущественно язык газет и научной прозы, а область предлога *у* с родительным падежом и глаголом *быть* — разговорный язык и язык художественной литературы. Иначе говоря, конструкция с глаголом *быть* и предлогом *у* с родительным падежом в ее различных описанных выше вариантах употребляется гораздо шире, чем конструкция с личными формами глагола *иметь* и именем посессора в именительном падеже. Таким маргинальным положением глагола *иметь* в посессивных конструкциях и преобладанием глагола *быть* с предлогом *у* и родительным падежом русский язык резко отличается от всех остальных славянских и вообще индоевропейских языков, выступая в качестве типичного представителя 'быть'-языков (См. Isačenko 1974, 43—77; Mrázek, Brym 1962, 99—118; Маројевић 1983).

3. Предикативно-атрибутивная посессивная конструкция с глаголом 'иметь'. В ней глагол 'иметь' с объектом в винительном падеже распространяется существительным в творительном падеже или прилагательным, согласованным с именем объекта, или предложно-падежной группой, выражающей определительное значение: чеш. а) *Otce má učitelem*; б) *Srdce má dobré, Otce má starého*; в) *Papíry má v pořádku*.

Отметим важную роль актуального членения предложения в организации разновидности конструкции с глаголом 'иметь'. Перемещение

¹³Здесь возможна только локативная (экзистенциальная, а не посессивная) конструкция с глаголом *быть*: *В книге есть много иллюстраций*. Однако далеко не всем локативным конструкциям с глаголом *быть* можно поставить в соответствие конструкции с глаголом *иметь*: *При доме есть сад*, но невозможно **У дома есть сад*. Ср. чеш. *Dům má zahradu*, нем. *Das Haus hat einen Garten*, англ. *The house has a garden* — в 'иметь'-языках.

центра сообщения с одного элемента на другой вызывает изменения в порядке слов и логическом ударении (чеш. *Otce má starého — Má starého otce*) и превращает конструкцию из предикативно-атрибутивной в простую глагольно-субъектную. Напомним, что то же относится к различию соответствующих русских глагольных конструкций с предлогом *у* и родительным падежом: ср. *У него отец старый* и *У него старый отец*.

Примеры предикативно-атрибутивной конструкции с глаголом 'иметь' в польском языке:

а) *Mam ojca wójtem, Miał swego syna zakładnikiem, Nie chciał mnie mieć uczestnikiem swojej zabawy*; б) *Mam oczy zielone, Mam buty dziurawe, Brwi miał wielkie*.

В польском языке конструкция с творительным падежом существительного является устаревшей, в настоящее время вместо творительного чаще используется винительный: *Miał matkę Polkę*. Это еще один структурный тип посессивной конструкции с глаголом 'иметь'.

4. Глагольная посессивная предикативно-атрибутивная конструкция.

Она имеется в русском языке; в ней участвует глагол *быть*, посессор выражен генитивом с предлогом *у* и выполняет функцию определения к подлежащему предложения (имени объекта обладания). При этом в состав предикативно-атрибутивной конструкции входит существительное в именительном падеже или прилагательное, согласованное в роде, числе и падеже с именем объекта обладания: *У нее отец — видный химик, Глаза у нее светлые, Школа у нас не маленькая, Интересы у нас общие* и пр. [Маројевић 1983; Adamec 1960].

В 'иметь'-языках глагол 'иметь' давно получил тенденцию к грамматикализации. Проникая в грамматическую систему, он становится показателем временных форм и различных модальностей. Так, эти языки используют 'иметь' для выражения долженствования: чеш. *máš odpovídat*, польск. *manu przyjąć*, англ. *You have to answer*. В русском, вообще говоря, есть сочетание инфинитива с *иметь*, но это редкое, устаревшее выражение, по-видимому заимствованное из немецкого. В романских языках 'иметь'+инфинитив или конъюнктив стали грамматическими показателями будущего времени.

Ср. румынские конструкции с *a avea* в сочетании с конъюнктивом, супином и инфинитивом, выражающие различные оттенки модальности: *Ce aveam să-i spun? Nimic n-aveam* 'Что я должен был ему сказать? Ничего не должен'; *Mai avea cel puțin o oră de așteptat* 'Ему (ей) предстояло ждать еще, по крайней мере, час'; *Nu are de susținut conversația* 'Поддерживать разговор ему (ей) не придется'; *N-am a mă plînge de nimic* 'Мне не на что жаловаться'; *Voi n-aveți decât să luați mașina* 'Вам нужно только сесть в машину'.

Болгарский глагол *има* может также употребляться — в разговорной речи — для выражения будущего времени: *има да кажа* = *ще кажа*. При отрицании форма этого типа употребляется даже чаще, чем форма с *ще*: *няма да кажа* вместо *не ще кажа* (Андрейчин 1944, 248). Это соответствует румынскому будущему времени типа *am să fac*, также употребляемому в разговорной речи.

Из румынских конструкций с глаголом *a avea* следует выделить сочетания, с *ce, cum, cînd, unde, cine* и инфинитивом без частицы или конъюнктивом; в этих словосочетаниях глаголу *a avea* часто предшествует отрицание *nu*. Примеры: *cei de la care mai ai ce învăța* 'те, у которых еще есть чему учиться'; *și la care ar avea și ea ce să spună* 'и которым ей тоже было бы что сказать'; *n-am ce face* 'мне нечего делать'; *n-are cine să mă hrănească* 'меня некому кормить'; *n-am cine să mă bată* 'меня некому бить'; *În jurul morii e umbră, avem unde sta* 'вокруг мельницы есть тень, нам есть где посидеть'; *n-are cum să vină* 'у него (нее) нет возможности приехать'. Ср. *cînd om avea timp mai mult, am să-ți spun eu toată povestea* 'когда у нас будет больше времени, я расскажу тебе всю эту историю'. Этот пример интересен употреблением в пределах одной фразы двух типов румынского будущего времени — с глаголом 'хотеть' и с глаголом 'иметь'.

В большинстве 'иметь'-языков развились составные аналитические глагольные формы (так называемые перфектные формы), в которых 'иметь' выступает в качестве вспомогательного глагола: фр. *J'ai fait*, англ. *I have done*, нем. *Ich habe gelesen* и пр. Наряду с этим в большинстве западноевропейских языков существуют каузативные причастные обороты типа англ. *I have it done* 'У меня это сделано', *She had a dress made* 'Ей сшили платье', *They had their photo taken* 'Они сфотографировались', в которых глагол 'иметь', хотя и не является полностью полнозначным глаголом, все же не может рассматриваться как чисто вспомогательный. Он выражает значение обладания объектом; причастие обозначает состояние, в котором находится этот объект в данный момент; это состояние представляет результат предшествующего действия, субъект которого может и не совпадать с подлежащим глагола 'иметь'. Так, англ. *She had a dress made* не означает, что она сама сшила платье. От аналитических глагольных форм рассматриваемые обороты с предикативным причастием отличаются не только по значению¹⁴, но и по формальным признакам — в английском, например, порядком слов: предикативное причастие стоит в конце предложения после объекта, а в составе сложной глагольной формы причастие следует за вспомогательным глаголом (ср. *I have it done* и *I have done it*). Рассматриваемые обороты с предикативным причастием принято называть посессивным перфектом. Значение посессивности в них было отмечено еще А. Поттом, который писал: "Действие, особенно когда оно завершено, как это имеет место в перфекте, вполне хорошо может быть представлено в образе собственности, приобретенной действующим лицом и ему принадлежащей" (Pott 1884, 291—292). При этом идея посессивности не сводима здесь к реальному или метафорическому обладанию, она должна, считает Ю.С. Маслов, "пониматься как определенная заинтересованность лица в действии и его результатах, как

¹⁴ Заметим, что и в аналитических перфектных формах глагола есть значение посессивности — так, Э. Бенвенист пишет, что в индоевропейских языках перфект есть форма состояния, связанного с обладанием (Бенвенист 1974, 217).

нахождение действия в сфере субъекта (оттенок, напоминающий семантику среднего залога в греческом), наконец, как момент эмоционального отношения к сообщаемому, подобно тому, который выражается так называемым *dativus ethicus* (Маслов 1949, 96).

5. Посессивный перфект. Он развился и в славянских языках, в которых нет аналитических перфектных форм с глаголом 'иметь'. Например, в чешском и словацком встречается конструкция, состоящая из глагола 'иметь', винительного падежа объекта и согласованного с ним в роде, числе и падеже пассивного причастия прошедшего времени совершенного вида: чеш. *Máte už žadost podanou?; ... co mám přišito na klobouce ...; Já mám nakázáno, abych tu čekal; Mám tady napsáno že ...* (Mathesius 1947, 190 и сл.); слов. *Mám peniaze odložené, Otec má ruku napuchnutú; Máš to tú napísané; Mám polievku uvarenú.*

В словацком языке эта конструкция уже считается литературной, в чешском она широко употребляется в разговорной речи, но остается в субстандарте. Е. Паулини называет эти формы стативным перфектом, или перфектом состояни: (Pauliny 1949, 55).

Подобную причастную посессивную конструкцию можно встретить и в польском языке: *Masz to posprzątano, Paznokcie miała przycięte krótko, Włosy miał już dobrze przyczeszone siwizną*

В болгарском и македонском языках также есть посессивный перфект, представляющий собой сочетание глагола *имам* с пассивным причастием прошедшего времени на *-н/-т* и именем объекта обладания в общем падеже (или — в случае личного местоимения — в винительном падеже). Первое описание этой конструкции как специфической македонской особенности было дано в студенческой работе Г. Поповой (Попова 1931, 490—501). За ней последовали многочисленные статьи о глаголе *имам*+причастие на *-н/-т* в болгарском и македонском литературных языках и в болгарских и македонских говорах (Теодоров-Балан 1957; Георгиев 1957; Пенчев 1968; Бояджиев 1968; Конески 1966, 316—319; Усикова 1973). Большинство исследователей считает, что это сочетание имеет значение перфекта, т.е. обозначает совершенное действие в прошлом, результат которого актуален для настоящего времени. Однако относительно грамматического статуса *имам*+прош. пас. причастие высказываются различные точки зрения. Одни (например, Й. Пенчев) относят это сочетание в болгарском языке к синтаксическим конструкциям (свободное синтаксическое сочетание слов), другие (например, Т. Бояджиев) видят здесь аналитическую форму слова (факт морфологии), третьи (например, В. Георгиев) склонны считать, что *имам*+причастие на *-н/-т* находится в состоянии перехода от синтаксического сочетания слов в аналитическую форму слова. Данная конструкция в македонском языке почти всеми оценивается как глагольная форма — новый перфект, отличный от старого с глаголом *сум* и причастием на *-л*. Дело в том, что в македонском языке и в его диалектах причастие на *-н/-т*, сочетаясь с глаголом *имам*, остается, как правило, не согласованным в роде и числе с именем объекта обладания; оно выступает в форме ср.р. ед. числа независимо от рода и числа объекта обладания: *...го имаше запазено само ликот* (м.р.) *на мајка си; Той имаше изнесено стотици* (мн.ч.) *оки компири;*

Човекот има видено нешто (ср.р. ед.ч.); ...*ти ја* (ж.р. ед.ч.) *имаш потпишано*; ...*имаме сторено клефта*; *Јас имам читано статии*; ...*некаја пастрма смрадена имаш донесено*; ... *ја нема слушнато пресудата*; *Одамна го немаше видено*.

Возможно употребление *имам+причастие* от переходного глагола без объекта: *Имала ли родено она порано?* Известны и случаи согласования причастия с именем объекта: *Свиња да имаш врзана со долга ортома*; *Во тој грб имало некој дервиш закопан*; *Тамо има една софра ставена*; *Имаш бележани белешки*. Редко, но засвидетельствованы случаи употребления в составе данной конструкции причастий от непереходных глаголов: *имам дойдено*, *имам одено*, *имам бегано*: *Јска имам одено на моарабеа*; ...*дали нема дойдено некој од В*¹⁵.

Считается, что сочетание *имам+причастие* на *-н/-т* появилось в македонском языке сравнительно недавно, в результате контактов с другими балканскими языками — романскими, албанским, греческим. В. Георгиев указывает на греческую форму результатива, в которой участвует глагол $\xi\chi\omega$ и прош. страдат. причастие; такая же форма есть в албанском (*kam bërë*).

В болгарском языке положение рассматриваемой конструкции гораздо менее стабильно, чем в македонском. Она часто встречается в народных говорах и в разговорном языке, но литературного гражданства еще не получила. Исследователи приводят редкие примеры из произведений Хр. Ботева, Ив. Вазова, Зах. Стоянова. Однако в письменном научном и канцелярском стиле сочетание *имам+причастие* на *-н/-т* не избегается. В. Георгиев приводит много примеров из научных работ, канцелярских записей и — главное — из устной разговорной речи. При этом в болгарском языке посессивный перфект образуется исключительно с помощью причастий от переходных глаголов, и эти причастия в подавляющем большинстве случаев согласуются с именем объекта: *Ние имаме допуснати много грешки*; *Аз ги (песните) имам също записани*; *Аз имах приготвени лекции до 1948 г.*; *Той има изработен материал*; *Имам изготвен един широк план*; *Имахме обявен конкурс по българска история*; *Той имал предвиден доклад по животновъдство*; *Ние имаме въведена лятна учебна практика*; *При обявяване на войната Русия имала съсредоточена в Бесарабия една армия*; *Имам дадено тук едно заявление*¹⁶.

В. Георгиев считает, что в подобных сочетаниях болгарского языка часто еще ощущается собственное лексическое значение глагола *имам*. В сочетании со значением достигнутого результата и принадлежности этого результата субъекту действия создается характерная семантика конструкции, которую мы называем посессивным перфектом.

В болгарской разговорной речи отмечаются редкие случаи несогласованного причастия, имеющего форму ср.р. ед.ч.: *Тук имаме посечено елен-рогач*. Редки также случаи употребления *имам+причастие* без объекта: *Имате ли написано?* На основании этих факторов В. Геор-

¹⁵ Примеры заимствованы у Б. Конеского, В. Георгиева, Р.П. Усиковой.

¹⁶ Примеры В. Георгиева.

гиев делает вывод о том, что в настоящее время в разговорной болгарской речи происходит процесс перехода конструкции с *имам*+ причастие на *-н/-т* из свободного синтаксического словосочетания в аналитическую глагольную форму слова. Этим обстоятельством болгарский язык для нас очень интересен, ибо данная грамматическая форма глагольного слова — перфект — в романских (в том числе в румынском) и германских языках и в значительной степени в македонском языке — является производной от рассматриваемой конструкции; в ней стирается явное посессивное значение, заменяясь чисто грамматическим значением — будь то результативность или временная отнесенность¹⁷.

В русском языке посессивное причастие прошедшего времени проникает в конструкцию "у+род. п.+быть": *У него уже прочитана вся литература, У меня работа не начата, У меня деньги отложены, У него уже было решено*. Семантическое сходство этой конструкции с западноевропейским посессивным перфектом впервые было отмечено еще в 1852 году С. Шафроновым. В дальнейшем предикативные причастия с посессивным значением исследовались Ф.И. Буслаевым, А.А. Потебней, П.С. Кузнецовым, В.И. Борковским, С.П. Обнорским, Ф.П. Филином и мн. др. Особенно распространен посессивный перфект (в его многочисленных разновидностях) в говорах — более всего в западных севернорусских и среднерусских. В последнее время ему посвящен целый ряд очень интересных работ (Кузьмина 1972; Кузьмина, Немченко 1971; Петрова 1968; Матвеев 1961). Исследователи единодушно отмечают характерную особенность посессивного перфекта, состоящую в том, что субъект действия (посессор) выражен почти исключительно одушевленными существительными (как правило, именами человека, иногда именами животных) или личными местоимениями: *Привязана у Коли с Ленинграду жонка (= жена Коли), Штотки-то обои у крёсной унесены (=щетки крестной), У меня уже два платья сношено (=мои платья), У его корову украто (=его корова), У нее мужа убито (=ее муж), Погибши сын у меня (=мой сын), У меня уже корова подоивши (=моя корова), У волкоф кошку съядено (=волки съели), У девушки уехано (=девушка уехала), Ночь у меня не спано (=я не спала), У меня забыто (=я забыла)* и пр. Чрезвычайно редко встречаются предложения с неодушевленным субъектом: *Тут у трактора пройихано (=Трактор проехал), У афтомобиля идено (=Автомобиль прошел), Фсе у власти дано (=Власть дала), Топольё насажено у клуба (=клубом)*¹⁸.

Как уже было сказано, общее значение причастных конструкций рассматриваемых типов — состояние в настоящем, являющееся результатом действия, совершившегося в прошлом. Посессивность означает принадлежность этого состояния (результата действия) субъекту

¹⁷ О грамматическом значении категории перфекта как временной отнесенности, в частности в английском языке, см. Смирницкий 1959, 274—316.

¹⁸ Все приводимые примеры посессивного перфекта в русских говорах заимствованы из работ, перечисленных на данной странице, и из упомянутой статьи Ю.С. Маслова (Маслов 1949).

действия, действие представляется как принадлежащее субъекту, находящееся в его владении. В этом смысле субъект действия может быть назван посессором¹⁹.

В зависимости от переходности или непереходности глагола, от которого образовано причастие, от наличия или отсутствия в предложении грамматического подлежащего, от наличия или отсутствия согласования причастия с именем объекта, можно выделить следующие структурные типы конструкций с посессивным перфектом.

*Объектный тип
(причастие от переходного глагола)*

1) Объект действия (он же объект обладания) служит грамматическим подлежащим предложения и стоит в именительном падеже

а) Причастие согласовано с именем объекта:

Хороший муж был: век у меня кости не биты, не ломлены (= мои кости не биты), У этого мужика иконы пропиты;

б) Причастие не согласовано с именем объекта:

Муж-то у ней убито (= ее муж убит), У Шурки приведено своя старая невеста.

Смысловые отношения между субъектом действия (посессором), сказуемым и объектом действия могут быть аналогичны отношениям этих компонентов в страдательном обороте в литературном языке: *У этого мужика иконы пропиты (= Этим мужиком пропиты), У меня самовар согревши (= Мною согрет).* Но в отличие от значения пассивного оборота в литературном языке, в диалектах сочетание "у+род. п." не обязательно обозначает реального деятеля, скорее — это лицо, в интересах которого, для которого совершено действие, это лицо, располагающее результатом действия, но при этом и само это лицо может принимать участие в действии.

2) Объект действия (он же объект обладания) стоит в винительном падеже, предложение не имеет подлежащего и является безличным: *У его корову украли, У нее мужа убито, У меня на железной дороге руку сломано, У волкоф кошку съедено.*

Встречаются случаи, когда по форме не ясно, винительный это падеж или родительный: *У нее мужа убито.* Обычно для подобных причастных посессивных конструкций характерен родительный партиципный, здесь же нет значения партиципности, следовательно, это винительный падеж. Часты также случаи, когда не ясно, имеется ли винительный или именительный: *У меня положено соль, Самовар-то поцинено у нас, Армяк у меня им дано, У меня два платья сношено, У меня надевши валенки.* Представляется, что бесспорный именительный падеж можно видеть там, где есть согласование хотя бы вспомогательного глагола с именем объекта обладания: *Кровать была куплено у йей.* При этом причастие может оставаться несогласован-

¹⁹Ср. мнение А.А. Потебни, который считал, что в конструкциях с сочетанием "у+род. п." различаются значение лица — обладателя состояния (значение 'у кого') и значение действующего лица ('кем'). (Потебня 1941, 204).

ным. Ср. 1.а., с согласованным причастием; данный пример относится к этому типу. В случае полного отсутствия согласования классификация причастных оборотов возможна лишь по смыслу.

3) Объект действия (он же объект обладания) стоит в родительном падеже, предложение безличное: *У меня пробовано аспиринту этого, У ней всякого варенья наварено, Луку у меня вытаскано на потолке* и пр.

Безобъектный тип

(причастие от переходного и непереходного глагола)

1) Непереходный

а) Объект обладания обозначает активного деятеля

а) является грамматическим подлежащим и стоит в именительном падеже:

Погибши сын у меня (= Мой сын погиб), Где у ей муж столько лет уехавши (= Ее муж уехал), У меня были свои приехавши (= Мои родственники приехали).

б) стоит в родительном падеже:

У них приехано гостей (= Их гости приехали).

б) Посессор обозначает активного деятеля, предложение является безличным.

а) причастие не имеет частицы *-ся*:

У меня было плакано (= Я плакала), У меня уже встано было (= Я уже встала), У Катьки замуж выйдено (= Катька вышла замуж), С сельсовету уже уехано у них (= Они уехали), У девок с города приехано (= Девки приехали), У пса убежено (= Пес убежал), У него ушетчи (= Он ушел). Сюда же относятся приведенные выше примеры с неодушевленным посессором *Тут у трактора пройихано* и пр.

б) Причастие имеет частицу *-ся*:

У меня выпанось-то теперь (= Я выпалась), Там у хозяйки отстряпанось (= Хозяйка отстряпалась), У коты на печку забранось (= Кот забрался).

2) Переходный

Этот тип переходного перфекта может иметь такое же значение, как и безобъектный непереходный с посессором, обозначающим активного деятеля в безличном предложении:

У них еще не пахано, У меня стирано, Это не у меня, у сестры вышито, У деда-то наудивши.

Заметим, что в безобъектных причастных конструкциях значение деятеля выступает явственнее, чем значение результата действия, находящегося во владении субъекта действия.

Подобные безобъектные безличные причастные обороты, но, естественно, с глаголом 'иметь' наблюдаются также в чешском (литературном) языке: *Mám uklízeno* — У меня убрано, *Mám vupráno* — У меня выстирано, *Mám uvařeno* — У меня сварено (готов обед) и пр.

Как видно из русских примеров, причастия, участвующие в конструкции "посессивный перфект", могут быть образованы либо суффиксами *-н-*, *-ен-*, *-т-* (страдательный залог), либо суффиксами *-вш-*, *-ш-*

(действительный залог). По значению в составе этой конструкции они не различаются: ср. *У него уйдено и У него ушетчи*, одинаково значащие 'Он уже ушел, Он сейчас отсутствует'.

Как справедливо отмечают Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев (Арутюнова, Ширяев 1983, 184—185), в русском языке глагольные посесивные конструкции обладания построены по бытийному типу, т.е. на личную сферу человека переносится пространственно-предметный принцип (Ср. *В лесу есть земляника и У меня есть отец*). Использование одного принципа для описания и внешнего мира, и человека составляет особенность русского языка, отличающую его от романских и германских языков, в которых сообщение о мире и его частях в плане их предметного содержания создаются по бытийному типу, представленному специальными синтаксическими конструкциями (анг. *there is*, нем. *es gibt*, фр. *il y a*, исп. *hay*), а микромир человека изображается в виде его владений, здесь используется глагол со значением 'иметь'. В мире нечто существует, человек же нечто имеет.

Интересно сделано Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, Ширяев 1983) наблюдение над французским и испанским языками, где конструкция, служащая для сообщения о предметном содержании мира, сформировалась на базе глаголов обладания (фр. *avoir*, исп. *haber*), но сам синтаксический принцип построения конструкций различен. В испанском языке это различие заключается в противопоставлении безличных предложений с глаголом *hay* (от *haber*) и личных предложений с глаголом *tener*: *En el huerto hay manzanos* 'В саду есть яблоны' и *Yo tengo manzanos* 'У меня есть яблоки'. Таким образом, наблюдается не только синтаксическое, но и лексическое различие: в высказываниях о мире сохранился глагол *haber*, в то время как во всех прочих случаях и прежде всего в сообщениях о человеке используется глагол *tener*, первоначально имевший значение 'держат'. Во французском языке в обоих случаях употребляется личная конструкция с глаголом *avoir*, но применительно к предметному миру используется делексикализованный субъект, функция которого ограничена грамматическим значением, причем в бытийную конструкцию включен наречный показатель *y*: *Il y a des pommiers dans ce jardin* 'В этом саду есть яблоны' и *Il a des pommes* 'У него есть яблоки'.

Таким образом, в романских и германских языках прослеживается тенденция к дифференциации принципов выражения значений бытия и обладания; в русском языке, напротив, те и другие высказывания часто строятся по одному образцу²⁰.

Как видно из нашего материала, в болгарском и сербскохорватском языках положение несколько отличное и от русского, и от романских и германских языков. Там и обладание, и бытие часто выражаются с помощью глагола 'иметь': ср. бол. безличные предложения *Там има кафе* 'Там есть кафе', *Вятър нямаме* 'Ветра не было'; срх. *Ту има кућа* 'Здесь есть дом', *Нема разлога* 'Нет причины' и пр. В чешском также во всех бытийных предложениях, в том числе и

²⁰ О функциях глаголов со значением бытия и владения в разных языках писал Э. Бенвенист (Бенвенист 1974).

сообщающих о предметном мире, возможен глагол 'иметь': *Mají tam nový hotel*, но и *Je tam nový hotel*; в польском глагол 'иметь' обязателен в отрицательной форме любых бытийных предложений: *W tej części Warszawy nie ma nic ciekawego* и пр.

6. Конструкция с посессивным дательным без предлога. Имеются в виду трехсловные глагольно-именные сочетания с дательным двойной зависимости, т.е. с существительным в дательном падеже, которое не зависит ни от глагола, ни от существительного — прямого дополнения в отдельности, а характеризуется зависимостью от всего глагольно-именного сочетания в целом. Это несобственно посессивная конструкция. Она выражает значение принадлежности. Имя посессора стоит в форме дательного падежа, имя объекта обладания — в форме винительного и является прямым дополнением.

Примеры: польск. *całuję rączki pannie, całować jej kolana, ścisnęła mu rękę, żał ścisnął ojcu serce, ranisz serce poecie, ręce zawiązał królowi, głaszczący mu twarz, uratować życie pacjentowi, ostrzygano im włosy, przestrelił mi udo, złamał mi kark, wybić mu oko, rozbić mu głowę, rękę mu uciął, im kości połamię, złamał jej życie, kaszel wyrывa mi płuca, policzy ci zęby, zepsuł mu skórę, trzeba mu krew puścić, przetaczać im krew, otworzyć im oczy na różne rzeczy, światło razi mi oczy, rumieniec pali jej twarz, splamić komu suknię, skradną ci trepy, poprawiała im póściel, popsuć sobie zdrowie, poprawia sobie okulary, rwać sobie włosy z głowy, złamać sobie nogę, przemył sobie oczy, oczyścił sobie paznokcie; чеш. ulíbat Pánu Bogu nohy, zalíbal jí ruce, lízat někomu paty, potřást ruku někomu, potřásl jí ruku, stisknout někomu dlaň, stiskla mu ruku, rozvázala kuřatům křídla, převazovat rány někomu, fěrtoch mu uvázal, lámat vaz někomu, rozbit někomu hlavu, trhat husám peří, granát mu utrhл nоgu, okrájel houbám nožičky, list mu vyškulb, pláč jí rve srdce, ostříhal mu vlasy, doktor ti prsty ustříha, kazit lidem náladu, nekazil ženě radost, zachranil mi život, pít krev dětem, kočka si líže tlapky, poranit si nohu, rozbit si koleno, ničit si zdraví, kazil si oči, palit si vlasy, hladit si bradu, upravovala si účes, zavazovat si prst, uvázat si kravatu, poškubával si vousy, rozbit si brýle, trhat si šaty, pan si musil oběma rukama držet klobouk; срх. стускату руку ратнику, им протресу руке, му пољубим руку, љубе руке фратрима, држати некоме руку, узетост му стегла мождане конце, јој кошуља реже младо месо, то ми срце пара, капетан спасио је живот мајору, слепима очи може отворити, лахор глади нам лица, загорчавати себи радост, ми кваре веселе, му олакшати болести, везати језик некоме, некоме пробити главу, извући уши некоме, сломиће ми кичму, сломити ребра некоме, сломио му ноге, му руши сан, сунце му жига теме, вадити душу некоме, врана врани очи не вади, поклону се зуби не гледају, пустио ми литру крви; слвн. odtegni bele mu roke, vran oči mi izkljuval, so mu zmrznili noge, odbil mu je prošnjo, je treba posmoditi jezik tatim otrokom, odgrnil sem si nogo, meti si roke, meti si oči; бол. брсна глава човеку, целувам ръка някому, спася живот някому, връзвам ръцете някому, отварям някому очите, пускам някому кръв, вадя зъб някому, вадя душата някому, гарван гарвану око не вади, турците си брснат главите.*

отрязаха му ухото, да му целунеш ръка, ти спаси живота, един му продупчи дрехата, счупиха му чашата, вълкът му ближе лютата рана, глади му глава къдрава, поправя си здравето, поправят си забрадките, вържи ми пръста, му счупи главата, гърдите му пробил куршумът проклет, хабя си нервите, той ми извучи едното око, счупвам си ръката, скубя си косата, лови кокошки и скубя им перата, режа си ноктите, снаряд му откъсна единия крак, ще ти откъсна главата, откъсна ми ръката; рум. *tata i-a strîns ciobanului mîna* 'отец пожал руку пастуху', *și-i sărută mîna Astei* 'и поцеловал руку Асте'; *ni voia să-mi strice cheful* 'он(а) не хотел(а) портить мне настроение', *le-am simțit zgomotul* 'Я услышал их шум', *asta i-a hotărît soarta* 'это решило его (ее) судьбу', *vîntul ne flutura hainele* 'ветер раздувал нашу одежду', *înțelegîndu-i durerea* 'понимая его (ее) боль'; *îmi plimb și cîinele* 'я заодно выведу собаку', *tu îți părăsești soția* 'ты оставляешь свою жену', *își arată biletul de peron* 'он показал свой перонный билет', *și-a desfăcut cocul* 'она распустила волосы', *ne pierdem interesele pe aici* досл. 'мы теряем здесь свои интересы', *ridicați-vă flintele* 'поднимите ваши мушкеты', *nu-și găsiseră muierile acasă* 'они не застали своих жен дома'.

Данную конструкцию образует семантически ограниченная, но весьма употребительная группа глаголов, обозначающих действие, затрагивающее (чаще всего физически) часть объекта и тем самым — объект в целом. Существительные в этой конструкции находятся в отношении "лицо — объект из сферы лица"²¹. Это значит, что существительное в дательном падеже бывает представлено названиями человека, животных или персонифицированных неодушевленных предметов, а существительное в винительном падеже называет части тела человека или животного, имена родства, физические и психические понятия, относящиеся к человеку, социальные понятия, связанные с личностью, неодушевленные предметы обладания (чаще всего — одежду, находящуюся на теле человека). При этом в разных языках сфера лица может быть в разной степени открытой. Так, в чешском кроме существительных, для которых отнесенность к лицу составляет неотъемлемое свойство и входит в их значение, к этой сфере могут быть отнесены любые существительные, как-либо связанные с лицом. Это проявляется в том, что такие существительные входят в характерные для личной сферы дативные конструкции. В результате глагольная конструкция с дательным посессивным в чешском языке оказывается самым распространенным синтаксическим способом выражения посессивности — более распространенным, чем в русском и польском.

Довольно часто наблюдается частичная омонимия глагольных именных (где посессор выражен формой родительного падежа существительного) или местоименных (посессор выражен притяжательным местоимением) посессивных конструкций. О неполноте синонимии обсуждаемых конструкций см. ниже, с. 189.

²¹ Термин "имена сферы лица" восходит к Ш. Балли, в современной лингвистике он употребляется довольно широко. (Bally 1926. а также Вольф 1974; Журинская 1979).

Примеры: польск. *całuję rączki pannie* — *całuję rączki panny*, *żał ścisnął ojcu serce* — *żał ścisnął serce ojca*, *uratować życie pacjentowi* — *uratować życie pacjenta*, *ścisnęła mu rękę* — *ścisnęła jego rękę*, *światło razi mi oczy* — *światło razi moje oczy*, *poprawiała im pościel* — *poprawiała ich pościel*, *skradną ci trepy* — *skradną twoje trepy*.

Поскольку форма дательного падежа личного местоимения 3-го л. ед.ч. ж.р. *jej* омонимична соответствующему притяжательному местоимению, возникает также омонимия глагольного и местоименного словосочетаний: *ściskał jej rękę* — ‘сжал ей руку’ и ‘сжал ее руку’; то же в словосочетаниях *złamał jej życie*, *zranił jej serce*, *całował jej kolana* и пр. В более широком контексте омонимия в принципе может быть снята, например, в предложениях *Bose jej nogi raniły ...*; *Stryglak nozyczkami tureckie jej szale* естественно понимать форму *jej* как притяжательное местоимение, но не полностью исключена, пожалуй, и интерпретация ее как датива личного местоимения.

Глагольные словосочетания с возвратным местоимением в форме дательного падежа *sobie* редко образуют частично синонимические пары с местоименными словосочетаниями, содержащими возвратно-притяжательное *swój*: *popsuć sobie zdrowie* — *popsuć swoje zdrowie*, *poprawia sobie okulary* — *poprawia swoje okulary*. Чаще всего в качестве соответствий глагольным словосочетаниям рассматриваемого типа выступают словосочетания безо всякого местоимения, т.е. такие, в которых опускается возвратно-притяжательное местоимение; обычно это наблюдается при глаголах, выражающих повторяющееся, рутинное действие: *złamał sobie nogę*, *przemył sobie oczy*, *oczyścił sobie paznokcie* — *złamał nogę*, *przemył oczy*, *oczyścił paznokcie* (См. Wierzbicka 1979).

Примеры частичной синонимии глагольных и именных и местоименных конструкций в чешском языке:

může otevřít oči slepým — *otevřik oči slepých*, *osušit slzy všem zamoučeným* — *osušit slzy všech zamoučených*, *zalíbal jí ruce* — *zalíbal její ruce*, *chceš kazit mi plány* — *kazit moje plány*, *tyto léky zmírňují bolesti lidem* — *zmírňují bolesti lidí*, *to usnadňuje práci radlici* — *usnadňuje práci radlice*.

(Заметим, что в последнем примере в качестве посессора выступает неодушевленное существительное. Это иллюстрация того факта, что сфера лица в чешском языке более открыта, чем в других рассматриваемых языках).

В чешском языке местоимения в дативе употребляются в посессивной конструкции чаще, чем существительные. Местоимение как бы притягивает датив. Особенно часто встречаются краткие формы личных местоимений, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры. Появление кратких личных местоимений в дательном падеже представляется иногда даже избыточным, так как они употребляются и тогда, когда нет явного указания на лицо, затронутое действием. Так, краткое *si* появляется почти автоматически при глаголе в форме 3-го лица ед.ч., например, *kazil si oči*, *hladil si bradu*, *uvázal si kravatu*, *držel si klobouk* (Ср. русск. *портить глаза чтением; он вошел, поглаживая бороду; он завязал перед зеркалом галстук и*

пр., где нет ни притяжательных местоимений, ни личных местоимений в дативе). Некоторые авторы рассматривают такое *si* (и другие краткие формы личных местоимений в дательном падеже) не как полнозначные слова, а как грамматикализованные агглютинирующие притяжательные частицы (Чолакова 1978). Разное положение с дательными формами личных и притяжательных местоимений в русском и чешском (а также польском) языках связано, в частности, с разными способами выражения категории определенности — неопределенности в этих языках (См. гл. II данной книги, а также Головачева 1979).

Примеры частичной синонимии посессивных конструкций в сербскохорватском языке:

стисну руку ратнику — стисну руку ратника, је гладила му нерве — је гладила његове нерве, је стегнуо јој руку — је стегнуо њезину руку, упропаштивати себи здравље — упропаштивати своје здравље, олакшати себи положај — олакшати свој положај.

В румынском конструкции с дательным посессивным получили очень широкое распространение, причем, как и в болгарском, особенно употребительны конструкции с личными и возвратными безударными местоимениями в дативе (формы *îmi, îți, îi, își, ne, vă, le, își* и их морфонологические варианты).

Семантика имен объектов обладания, в основном, совпадает с кругом, очерченным Ш. Балли, т.е. с так называемой "сферой лица", которая в румынском включает в себя очень большое количество понятий, связанных в той или иной степени с человеком. Кроме терминов родства, различных имен релятивной семантики и названий животных, в большинстве случаев в роли объектов обладания выступают имена неодушевленные. Сюда относятся названия частей тела, одежда и ее детали, украшения; жилище человека и его убранства; собственность (движимая и недвижимая); домашняя утварь; еда, питье; орудия, оружие; характерные особенности человеческой внешности; изображение человека; особенности характера, духовные и душевные качества, мысли, чувства, ощущения и другие проявления человеческого разума и психики; выражение чувств и проявления воли, характерные особенности материального, духовного состояния человека, его личности, его отношения к человеку, обществу, к природе, ко времени, к пространству; занятия человека; рутинные действия; различные действия и проявления человеческого существа; имена, обозначающие временные отрезки человеческой жизни; пространственные обозначения; особую группу образуют конструкции с именами действия, где местоимение в дативе указывает, в частности, на соотнесенность отглагольного имени с возвратным глаголом.

Конструкции с дательным посессивным в румынском разделяются на три класса в зависимости от согласованности/несогласованности посессива с субъектом глагола посессивной конструкции (Вольф 1975, 67—69).

В первый класс входят, в частности, конструкции с именами объектов обладания, обозначающими части тела, различные проявления умственной и эмоциональной сферы деятельности человека и

его организма: *își mișcă buzele* 'пошевелил губами'; *mi-am arătat ne-mulțumirea* 'Я выразил неудовольствие'; *își ținea respirația* 'сдерживал дыхание'. Ко второму классу относятся посессивные конструкции с глаголами восприятия, каузативными глаголами, глаголами, выражающими различные проявления чувств; ср.: *le-am simțit zgomotul* 'я слышал их шум'; *asta i-a hotărât soarta* 'это решило его (ее) судьбу'; *urșii au să ne lingă mâinile* 'медведи будут лизать нам руки'. Третий класс образуют посессивные конструкции, для которых в равной степени возможна согласованность и несогласованность посессива с субъектом глагола. Здесь особенно ярко проявляется взаимодействие семантики глаголов и имен, образующих посессивную структуру. Ср. *oprindu-și calul* 'останавливая свою лошадь' и *oprindu-i calul* 'останавливая его лошадь'; *își freca obrații cu palmele* 'он тер себе щеки ладонями' и *îi frecă obrații cu palmele* 'он потер ему щеки ладонями'; *mi-am strâns lucrurile* 'я собрал свои вещи' и *i-am strâns lucrurile* 'я собрал его вещи'. Как можно видеть из приведенных примеров, при согласованности по рефлексивности все связи, синтаксические и семантические, реализуются в пределах -одной конструкции, при рассогласованности по рефлексивности семантические связи реализуются в рамках более широкого контекста.

Приведенные синонимические пары во всех наших языках не являются полными дублетами. В то время как в именной и местоименной конструкциях посессивное значение передается через грамматическую зависимость одного имени от другого без всякой связи с глагольным действием, в глагольной конструкции с дательным падежом подчеркивается отношение лица и глагольного действия, через глагольное действие выражается связь двух объектов со значением посессивности. Если именная и местоименная конструкции могут быть названы посессивными, то глагольно-именная — объектно-посессивной. Она менее категорически подчеркивает идею посессивности, чем соответствующая местоименная или именная конструкция.

В болгарском языке соотношение глагольных и именных и местоименных конструкций особое, поскольку там нет падежной системы у имени существительного. В современном языке сохранились отдельные старые формы винительного, а иногда — дательного падежей некоторых существительных, а также трехпадежная система (Им — Вин — Дат) у личных местоимений. К личным местоимениям в данном отношении примыкает неопределенно-личное местоимение *някой*, имеющее формы *някой* — *някому* — *някого*. Подавляющее большинство существительных не имеет падежных форм, для выражения значений датива и генитива одинаково используется предлог *на* в сочетании с общим падежом существительного:

стискат ръцете на кондуктора, целуна ръката на жената, подрязват гривите на конете си, мъка късаше сърцето на Мито, простреля фуражката на младежа, разваляше настроение на всички.

Это неразличение дативных и генитивных словосочетаний соответствует общебалканской тенденции к слиянию дательного и родительного.

Такая ограниченность падежного словоизменения и совмещение

значений дательного и родительного падежей в конструкции с предлогом *на* сужает объем глагольных посессивных конструкций — в их составе выступают преимущественно личные местоимения и неопределенно-личное *някой* — и определяет два основных случая частично-синонимических соотношений глагольных и именных или местоименных конструкций.

I. В случае глагольных словосочетаний с остатками датива существительных или с дательным падежом неопределенно-личного местоимения *някой* соответствующая генитивная именная конструкция содержит предлог *на* и существительное, называющее посессора, в старой форме винительного падежа или неопределенно-личное местоимение *някой* в винительном падеже:

бръсна глава човеку — бръсна глава на човека, отрязаха ухото някому — отрязаха ухото на някого, връзвам ръцете някому — връзвам ръцете на някого, спася живота някому — спася живота на някого.

Если имя посессора выражено неопределенно-личным местоимением *някой*, то последнее в составе именного словосочетания может употребляться не только в винительном падеже с предлогом *на*, но и в общем падеже с предлогом *на*: *отрязаха ухото на някой, спася живота на някой*. Это одно из выражений общей тенденции к аналитизму в развитии болгарского языка (Дуриданов 1956; Минчева 1964).

II. В случае глагольных словосочетаний с личным местоимением в форме дательного падежа соответствующее генитивное словосочетание включает существительное, называющее объект обладания, в общем падеже и краткую энклитическую форму притяжательного местоимения: *турците си бръснат главите — бръснат главите си, отрязаха му ухото — отрязаха ухото му, ти спаси живота — спаси живота ти, счупиха му чашата — счупиха чашата му*.

Поскольку в болгарском языке дательный падеж личных местоимений и притяжательные местоимения совпадают по форме, различие глагольной и местоименной конструкций сводится к различию порядка слов. Но поскольку порядок слов в болгарском предложении и словосочетании, хотя и более жесткий, чем в других славянских языках, все же допускает известную свободу, часто остается неясным, имеем ли мы дело с дательным падежом личного местоимения или с притяжательным местоимением, и, следовательно, оказывается невозможным определить, имеется ли глагольная посессивная конструкция или местоименная посессивная конструкция. Например, в предложении *Гърдите му пробил куршумът проклет* не ясно членение — *гърдите му* (притяжательное местоимение) или *му пробил* (дательный падеж личного местоимения). Традиционно считается, что краткое местоимение входит в глагольное словосочетание, т.е. является формой дательного падежа, если оно предшествует глаголу (*ти спаси живота, му ближе лютата рана*) или стоит непосредственно после глагола, начинающего предложение (*Отрязаха му ухото, Глади му глава къдрава*). Энклитика входит в местоименное словосочетание, т.е. является притяжательным местоимением, если она стоит на втором месте в именной группе (чаще всего — после су-

ществительного, например, *да целунеш ръката ми*)²². В предложении краткое местоимение может оказаться в позиции, отвечающей этим двум требованиям одновременно — перед глаголом и после существительного или на втором месте в именной группе. Таков приведенный выше пример *Гърдите му пробила куршумът проклет*. Краткое местоимение *му* стоит после существительного, поэтому, казалось бы, должно рассматриваться как притяжательное местоимение, но одновременно оно предшествует глаголу и может считаться дательным падежом личного местоимения. В таких случаях омонимия неразрешима формальными средствами и, если может быть снята, то лишь на семантическом уровне, в более широком контексте. В большом количестве примеров из нашего материала омонимия остается неснятой, поэтому оказывается невозможным определить, имеется ли глагольная дативная посессивная конструкция или местоименная посессивная конструкция.

Заметим также, что в современном болгарском языке посессивный дательный продолжает существовать и широко употребляется только в области энклитических местоименных форм (краткие дативные формы личных местоимений *ми, ти, му, ѝ, ни, ви, си*), которые в посессивном значении более походят на постпозитивный аффикс с этим значением, чем на слово в косвенном падеже. Ряд исследователей отмечает, что все болгарские краткие падежные формы личных местоимений имеют тенденцию утрачивать свое первоначальное лексическое значение; дальнейшее развитие может привести их только к состоянию морфемы [Тагамлицкая 1963; Тагамлицкая 1960; Чолакова 1978; Чолакова, Иванова 1973]. Поэтому краткие дательные и винительные формы называются здесь падежными формами весьма условно и лишь по традиции — повторяем, в современном болгарском языке они выступают как аффиксы, привносящие в значение управляющего слова дополнительное значение посессивности.

Обращаясь к проблеме синтаксической синонимии в румынском, следует отметить, что многие конструкции с дательным посессивным могут преобразовываться в конструкции с притяжательными местоимениями, хотя, как отмечают исследователи, трансформации с сохранением смысла почти невозможны (Stati 1954, 141; Asan 1957, 133). Примеры: *își pipăi ciocănelul – pipăi ciocănelul său* 'он потрогал свой кадык'; *își continuă drumul – continuă drumul său (lui)* 'он продолжает свой путь'; *îi mîngîi umărul cu palma – mîngîia umărul lui (ei) cu palma* 'он(а) гладил(а) его(е) плечо ладонью'; *treceîndu-și sapa dintr-o mîină în alta – trecînd sapa (lui, ei) dintr-o mîină în alta* 'перекладывая свою мотыгу из одной руки в другую'; *lucrurile își recăpătau forma – lucrurile recăpătau forma lor* 'вещи вновь обретали свою форму'; *începu să-și adune cărțile – începu să adune cărțile sale* 'он(а) начал(а) складывать свои книги'; *păcat că țî-ai*

²² В данном примере местоименная клитика *ми* непосредственно примыкает к существительному *ръката*. При наличии у существительного согласованного определения она может предшествовать определяемому существительному, но должна в таком случае обязательно следовать за согласованным определением к нему: *гладеше гиздавата му грива*. См. об этом Цыхун 1968; Цыхун 1962; Цыхун 1962.

întrerupt orele de germana – păcat că ai întrerupt orele tale de germana 'жаль, что ты прервал свои занятия немецким'.

В конструкциях с дательным посессивным, где в функции имени объекта обладания выступает существительное, обозначающее лицо, имеет место нейтрализация противопоставления по одушевленности/неодушевленности, т.е. предлог *pe*, обычно предшествующий одушевленным существительным (именам лиц) в аккузативе, в рассматриваемых конструкциях опускается (Pop 1948, 427; Graur 1968, 304—305). Ср., например, *își aștepta tatăl* 'он(а) ждал(а) своего отца' (но *il aștepta pe tata*). При трансформации таких конструкций в конструкции с притяжательным местоимением противопоставление по одушевленности/неодушевленности, как правило, восстанавливается. Ср., например, *își aștepta tatăl – aștepta pe tatăl său (lui)* 'он(а) ждал(а) своего отца'; *se năpusti lăsindu-și soția în urmă – lăsind pe soția sa (lui) în urmă* 'он бросился вперед, оставив жену далеко позади', *am să-ți împuşc într-o zi camerădinerul – am să împuşc într-o zi pe camerădinerul tău* 'я застрелю в один прекрасный день твоего камердинера', *înfruntându-și inamicii – înfruntând pe inamicii săi (lui, ei)* 'встречая лицом к лицу своих врагов'. При такого рода преобразованиях в трансформе с притяжательным местоимением нередко появляется местоименный повтор. Ср., например, *dorea să-și îmbuneze soția – dorea s-o îmbuneze pe soția sa* 'он хотел задобрить свою жену'.

Нельзя не отметить еще одно интересное явление, которое иногда возникает при трансформации конструкций с дательным посессивным в соответствующие конструкции с притяжательными местоимениями. Речь идет о плеонастических структурах, в которых в результате трансформации не только появляется притяжательное местоимение, но и сохраняется местоимение в дативе. Ср., например, *așteptam un miracol care să-mi lumineze calea – așteptam un miracol care să-mi lumineze calea mea* 'я ожидал чуда, которое бы осветило мне мой путь'; *își descleștă brațul drept – își descleștă brațul său drept* 'он распрямил свою правую руку'.

Конструкции с дательным посессивным, в которых функцию объекта обладания выполняют имена, обозначающие часть тела и такую неотъемлемую принадлежность человеческого существа, как душа, сила, нрав, жизнь, чаще всего не могут трансформироваться в соответствующие конструкции с притяжательным местоимением (Asan 1957, 133). Ср., например, *căuta să-și retragă mâinile* 'он(а) пытался(лась) высвободить руки', *își fereau ochii* 'они прятали глаза', *și-a rupt piciorul* 'он(а) сломал(а) себе ногу', *sprijinindu-mi coatele* 'опершись локтями', *ține-ți gura* 'придержи свой язык', *să-mi împac cugetul* 'чтобы успокоить совесть'.

Однако, некоторые из этих конструкций преобразуются в конструкции с возвратным местоимением в аккузативе и существительным с предлогом; ср. *a-și spăla mâinile – a se spăla pe mâini* 'мыть руки', *a-și spăla fața – a se spăla pe față* 'умывать лицо'; *a-și freca ochii – a se freca la ochi* 'тереть глаза'; *a-și încâlța ghetele – a se încâlța cu ghetele* 'надевать башмаки' [Stati 1954, 140; Asan 1957, 133].

Кроме того, известно, что в современном румынском возможны отступления от сформулированного выше ограничения на трансфор-

мацию с притяжательным местоимением. Ср. следующие фразы с именами неотчуждаемой принадлежности, которые могут преобразовываться в конструкции с притяжательным местоимением: *își ridică ochii* 'он(а) поднял(а) глаза', *își deschise gura* 'он(а) открыл(а) рот', *își întoarse capul* 'он(а) повернул(а) голову', *izbuti să-și scoată mîinile din palmele lui* 'ей(ему) удалось высвободить руки из его ладоней' и т.д.

Во всех рассматриваемых языках частичной синонимии глагольных и именных или местоименных конструкций не наблюдается при известных семантических условиях — в случае, когда существительное, называющее объект обладания, обозначает неотчуждаемую принадлежность (обычно — часть тела), а глагол обозначает нарушение неотчуждаемости или причинение некоторого изъяна, деформации объекту обладания: польск. *ręce mi ucią!* — невозможно **ucią! jego ręce, złamał mi kark* — невозможно **złamał mój kark*; то же самое — *wybić zęby przeciwnikowi, wybić mu oko, im kości połamię, złamali nogi Janowi, rozbić mu głowę, zepsuł mu skórę, kaszel wyrwa mi płuca, trzeba mu krew puścić, przetaczać choremu krew*; чеш. *granát mu urhl nohu* — невозможно **utrhl jeho nohu, lámal vaz někomu, rozbít někomu hubu, prostřelit mu hlavu, kašel mu rve plíce, poranit si nohu* и т.д.; срх. *пустуо ми лупру крви, но не *пустуо лупру моје крви, вадити зуб некоме, но не *вадити зуб некога, вади очи некоме, но не *вади очи некога* и пр.; бол. *пускам някому кръв, не невозможно *пускам кръв на някого* и пр.; рум. *acesta-și mută iute ochii în altă parte* 'он быстро отводит глаза в сторону' — невозможно: **acesta mută iute ochii săi în altă parte; își împreună mîinile pe piept* 'скрестил руки на груди', но не *împreună mîinile sale pe piept, mi-am lăsat capul pe spetează* досл. 'я откинул(а) голову на спинку (кресла)', но не **amlăsat capul meu pe spetează* (подробнее об этих конструкциях и возможности/невозможности их преобразования в конструкции с притяжательным местоимением см. выше).

Ср. подобное же положение в русском языке: *пустить пациенту кровь* при невозможности **пустить кровь пациента, вырезать больному опухоль*, но не **вырезать опухоль больного*.

Надо заметить, что во всех рассматриваемых языках в случае любых глаголов, способных образовывать посессивную конструкцию с дательным падежом, даже если возможна трансформация этой конструкции в именную или местоименную, гораздо свободнее и естественнее образуется и употребляется именно глагольная конструкция, т.е. словосочетания с дательным падежом существительного или личного местоимения, а не с генитивом существительного или с притяжательным местоимением. Достаточно часто конструкция с дативом существительного или личного местоимения является единственно возможной и при отсутствии обсуждавшейся выше семантической ситуации — противоречие между неотчуждаемостью объекта и действием, нарушающим неотчуждаемость. Исключение составляет лишь современный русский язык, для которого характерна тенденция к переразложению глагольно-именных словосочетаний с посессивным дательным, приводящая к тому, что господствующей конструкцией, вытесняющей синонимичную ей глагольно-именную, становится именная конструкция с посессивным генитивом (и местоименная конструкция).

Это связано как с общим процессом экспансии родительного падежа в субстантивных словосочетаниях, так и с ростом количества и употребительности самих субстантивных словосочетаний различных структурных типов. Активно протекавшие в русском литературном языке уже в XIX в., эти процессы еще более активизируются с начала XX в. и особенно в наше время [Прокопович 1966а; Прокопович 1966б; Молошная 1982].

Во многих рассматриваемых языках наблюдаются случаи, так сказать, совмещения глагольной конструкции с посессивным дательным и местоименной посессивной конструкции, т.е. одновременное употребление датива личного местоимения и притяжательного местоимения: чеш. *poranil mi mé naděje, vam chtěl kazit vaši karieru*; срх. *вам олакшати ваше бреме*; бол. *и неправяше настроение си*; слвн. *služiti si svoj kruch*.

Плеонастические конструкции, в которых, наряду с местоимением в дативе, содержится притяжательное местоимение, встречаются и в румынском [см. Sandfeld, Olsen 1936, 153]. Ср., например, *ne regdsim, ne întilnim viața noastră* 'мы находим друг друга, мы встречаем нашу жизнь', *să-și poată orîndui și apăra gîndurile lui adevărate* 'чтобы упорядочить и защитить свои истинные мысли', *să-și sacrifice propriile ei dorințe* 'чтобы пожертвовать своими желаниями', *să-și arate concepția sa profund înnoitoare* 'чтобы выразить свой глубоко новаторский взгляд', *tu poți să-mi pricepi situația mea* 'ты можешь понять мое положение', *lasă-ți inima ta să se deschidă* 'открой мне сердце'.

Казалось бы, для выражения посессивного значения достаточно одного притяжательного местоимения или одного личного местоимения в дативе. Такое положение характерно для русского языка: *хотел испортить вашу (или вам) карьеру*. Случаи типа *Всё мое пальто мне испачками* относятся исключительно к эмоционально окрашенному, а не нейтральному стилю речи. В чешском же, сербскохорватском, словенском, болгарском и румынском языках личное местоимение в дативе подкрепляется притяжательным. При этом в болгарском языке возможен также местоименный повтор несколько другого рода — посессор может быть выражен одновременно краткой формой дательного падежа личного местоимения и общим падежом полной формы этого местоимения с предлогом *на*: *на мене ми хабя времето*. Местоименный повтор посессора является — как и другие виды местоименной репризы — общебалканской языковой особенностью. Надо заметить, что во всех языках она более характерна для устной, чем для письменной формы языка.

7. Конструкция с двумя дательными. Этот тип трехчленного глагольно-именного словосочетания с посессивным значением, в котором объект обладания является прямым дополнением, известен в сербскохорватском языке. В него входят дательные падежи имен посессора и объекта обладания: *прилазити руци некоме, pride му руци, joj прилазе руци* (Gallis 1978). Это устаревшая изолированная конструкция. Ср. подобные устаревшие выражения с дательным падежом имени посессора в русском языке: *Он старцу пал к ногам; Схватив ей руку, говорит*.

8. Конструкция с именительным падежом имени объекта облада-

ния. Во всех славянских языках, кроме русского, посессивный дательный участвует не только в конструкциях, в которых имя объекта обладания является прямым объектом действия (винительный падеж), но также и в конструкциях, в которых это существительное играет роль подлежащего в предложении (именительный падеж): польск. *zabłyszczały oczy Czerskiemu, rwie mu ręka, serce mi zamiera, włosy mu posiwiały, ząb mi się złamał, zaostrzyły mu się rysy, Józefowi umarł ojciec, córka mi wyszła za mąż, siostrze zginął zegarek, Staś mi się pochorował, dziecko mi się urodziło, bielizna już mi wyschła, kartofle mie się rozgotowały, wszyscy pacjenci mi wyzrowieli*; чеш. *nohy mu uklouzly, chvějí se jí rty, hlava mu klesá, Toníkovi jihlo srdce, dech se nám zatajil, krev se mu pěni, narodil se mu syn, žena mu zemřela, otec mi stůně, chlapec nám pokašlává, kalhoty mu klouzou dolů, praskly mi rulavičky, hodinky mi jdou velmi přesně*; срх. *Лују се стеже срце, му срце бује, човеку срце цена, срце ми не пукне, глас јој звони, ноге јој клецају, прст ми штреца, стеже ми се грло, срце нам се тресе, груди му се дизаху, завезао му се језик, умрла му је жена, отац ми је балан, роди им се син*; слвн. *sline se mi čede, roka mi je otekla, noge so mi ohromele, lasje mi stoje pokonci*; бол. *падна ми шапката, ми растат крила, ми се е скъсал ръкавът, да му пострадам панталоните*; рум. *vocea îi slăbește* 'голос у него (у нее) падает', *urechile îi vîjîiau* 'в ушах в него (у нее) гудело, досл. уши ему (ей) гудели', *glasul îi este puțin răgușit* 'голос у него (у нее) немного хриплый', *limba i se încliea* 'язык у него (у нее) не слушался', *picioarele îmi erau moi* 'ноги у меня стали ватными', *ochii îi alunecă pe deasupra cheiului* досл. 'глаза его (ее) скользят по набережной', *colțul gurii îi zvîcnește de nerăbdare* 'уголок рта у него (у нее) подергивается от нетерпения'.

В польском, и особенно, в чешском языках данная конструкция очень распространена. Она употребляется без каких-либо ограничений. Некоторые авторы объясняют это исторически сложившимися контактами с немецким языком, влияние которого обеспечило поддержку дательному принадлежности при именительном падеже объекта обладания: ср. польск. *Dziecko mi się urodziło*, чеш. *Narodil se mu syn* и нем. *Ihm war der Sohn geboren* (Андерш 1975, 222—238).

В румынских конструкциях этого типа участвуют только непереходные глаголы, семантически далекие от глаголов рассмотренных выше конструкций с дательным посессивным, где объект обладания является объектом действия. Выделяются следующие группы глаголов: глаголы эмоционального состояния 'блуждать' (о глазах, мыслях), 'гудеть' (об ушах), 'светиться' (о глазах, лице), 'сверкать' (о глазах), 'развеваться' (о волосах), 'трепетать, колотиться, подпрыгивать, разрываться' (о сердце), 'останавливаться' (о взгляде), 'застывать' (о крови), 'брызнуть, струиться' (о слезах), 'гореть' (о душе), 'падать, опускаться' (о руках), 'дрожать' (о голосе, о всем существе) и др. Ср., например, *brațele îi căzură muiate* 'руки у него (у нее) безвольно опустились', *îmi tremură inima pentru el* 'у меня трепещет сердце за него', *îmi înghețase și inima și răsufierea* 'у меня замерло сердце и дыхание', *îmi arde sufletul* 'у меня душа горит', *lacrimile îi șiroiau încă* 'слезы у нее еще струились'. Вторую группу образуют глаголы с общим значением 'исчезать, пропадать, возникать, появляться'; ср.: 'пропадать,

исчезать' (о беспокойстве, застенчивости), 'проходить' (о ярости), 'падать' (о температуре), 'умирать' (о близких существах), 'вырастать' (о бороде). Примеры: *mi-a trecut furia* 'у меня прошла ярость', *interesul îmi scăzuse* 'интерес у меня пропал', *mi-a pierit toată neliniștea* 'у меня исчезло всякое беспокойство', *ne mor femeile înghețate* 'у нас умирают замерзшие женщины'; *simțea că-i crescuse barba* 'он чувствовал, что у него выросла борода', *i se mărise nasul cu trecerea anilor* 'с годами у него увеличился нос'. В третью группу входят глаголы со значением уменьшения/увеличения активности 'засыпать' (о человеке, животном), 'затуманиваться/проясняться' (об уме) и пр. Ср., например, *mi-a adormit calul* 'конь у меня заснул', *mi se limpezea mintea* 'голова у меня прояснялась'.

В рассматриваемых конструкциях возможно употребление местоименных повторов. Ср., например: *lui Mor îi înghețd singele în vine* 'у Мора (у него) кровь застыла в жилах', *lui Onițoiu nu i-au îmbătrînit ochii* 'у Оницею (у него) не постарели глаза'.

Что же касается возможности преобразования конструкций с именительным падежом имени объекта обладания и дативом имени possessора, выраженного личным местоимением, в конструкции с притяжательным местоимением, то, в принципе, здесь действует то же правило, что и для конструкций с винительным падежом имени объекта обладания, т.е. для большинства конструкций это преобразование возможно; исключения составляют конструкции с именами неотчуждаемой принадлежности, хотя и в этом случае современный румынский допускает известные отклонения от общего правила. Примеры: *simțea că-i crescuse barba* – *simțea că barba lui crescuse* 'он чувствовал, что борода его выросла'; *mi-a pierit toată neliniștea* – *toată neliniștea mea a pierit* 'все мое беспокойство исчезло'; *ne mor femeile înghețate* – *femeile noastre mor înghețate* 'наши женщины умирают от холода'. Для следующих конструкций такого рода преобразование невозможно: *mi-au căzut ochii pe ea* 'мой взгляд (досл. мои глаза) упал на нее', ср.: **ochii mei au căzut pe ea*; *îi vijitau urechile* досл. 'У него гудели уши', ср.: **urechile lui vijitau*.

В сербскохорватском, словенском, болгарском и румынском языках конструкция с именительным падежом имени объекта обладания и дативом имени possessора в случае, когда последний выражен личным местоимением, не является однозначной — в подобных предложениях можно усматривать и глагольную possessивную конструкцию и местоименную possessивную конструкцию, т.е. срх. *Srce mu zalupa* может пониматься и как 'У него забилося сердце' и как 'Его сердце забилося'; бол. *Падна ми шапката* — как 'У меня упала шапка' и как 'Моя шапка упала'; слвн. *Lasje mi stali pokonci* — как 'У него волосы встали дыбом' и как 'Его волосы встали дыбом'. Глагольные possessивные конструкции с объектом обладания в именительном падеже однозначно реализуются лишь в тех случаях, когда и possessор и объект обладания выражены существительными: срх. *Човеку srce цена* — 'У человека колет сердце'.

Румынские конструкции с именительным падежом объекта обладания и дативом имени possessора, в том случае, когда он выражен

личным местоимением, также не являются однозначными. Как и в болгарском, румынская фраза *mi-a căzut pălăria* может интерпретироваться двояко: 'у меня упала шляпа' и 'моя шляпа упала'. По мнению А. Ломбарда, румынские глагольные посессивные конструкции этого типа, в свое время, привели к образованию применного дательного (Lombard 1972, 205): *inima-imi bate* 'сердце у меня бьется', *sufletul-imi plinge* досл. 'душа у меня плачет', *ochii-ii strălucesc* 'глаза у него (у нее) сверкают' дают *inima-mi bate* 'сердце мое бьется', *sufletu-mi plinge* 'душа моя плачет', *ochii-i strălucesc* 'глаза его (ее) сверкают', а затем *în sufletu-mi* 'в моей душе', *sub ochii-i* 'перед его (ее) глазами'.

Исследователи обычно отмечают и случаи неоднозначной интерпретации конструкций с дательным посессивным, где имя объекта обладания употребляется в винительном падеже (Iordan, Guțu Romalo, Niculescu 1967, 126; Șuteu 1962, 272). Ср., например, *ți-am adus pălăria* 'я принес тебе шляпу' и 'я принес твою шляпу', где местоимение в дативе трактуется в одном случае как косвенное дополнение, в другом — как определение. Иногда можно избежать двусмысленности, употребляя имя, выступающее в функции объекта обладания, то в определенной, то в неопределенной форме; ср. *ți-am luat pălăria* 'я взял твою шляпу', *ți-am luat pălărie* 'я взял тебе шляпу'.

Анализ довольно большого числа конструкций с дательным посессивным показывает, что случаи синтаксической омонимии конструкций с винительным падежом имени объекта обладания достаточно редки. Это достигается, при помощи соединения в пределах одной конструкции таких имен и глаголов, что семантика одного из них или их обоих исключает возможность понимания конструкции иначе как конструкции с дательным посессивным. Кроме того, очень редко употребляются глаголы, управляющие дательным падежом. В тех же случаях, когда не соблюдается ни первое, ни второе правило, синтаксическая омонимия разрешается с помощью контекста; ср., например, *a zis că ne vinde casa dacă nu plătim* 'он сказал, что продаст наш дом, если мы не заплатим', где конструкция с дательным посессивным *ne vinde casa*, рассматриваемая вне ее связи с контекстом, допускает двойное толкование: 'продаст наш дом' и 'продаст нам дом'.

В русском языке, как уже было сказано, в глагольной посессивной конструкции, где существительное, обозначающее объект обладания, играет роль подлежащего и употребляется в именительном падеже, посессор может быть назван только сочетанием предлога *у* и родительного падежа: *У нее родился сын, У него отнялись ноги, У брата мельница не мелет* и пр. Повторим еще раз, что предлог *у* с родительным падежом является основным формальным средством выражения посессивности в глагольных конструкциях русского языка (Маројевич 1983)²³.

В других восточнославянских языках, белорусском и украинском,

²³ Р. Маројевич считает даже, что генитив с предлогом *у* является универсальной посессивной конструкцией, взявшей на себя функции посессивного датива и номинатива субъекта в предложениях с глаголом *иметь*, а также функции притяжательного прилагательного и притяжательного местоимения.

конструкция с именительным падежом объекта обладания еще встречается, но реже, чем сочетание *у + род. п.*: ср. бел. *Яму родзіўся сын* и *У яго нарадзіўся сын*, укр. *Йому родився сын* и *У тому бідному вродилася дитина* (Андерш 1975).

Интересно, что посессивный дательный при именительном падеже объекта обладания характерен и для балтийских языков: лит. *Jam gimė sūnus* 'У него родился сын', лат. *Viņam piedzima dēls*. В этих языках широко распространен и дательный посессивный при объекте обладания в винительном падеже: лит. *sugydė vištytei akyles* 'Вылечили курочке глазки', *Povogė Jonui arkli* 'Украли у Йонаса лошадь', лат. *Jānim pozaga zirgu* 'У Яна украли лошадь' и даже с неодушевленным посессором: лит. *Nuėmė autobusul ratus* 'Сняли колеса у автобуса', лат. *Autobusam noņēma riteni* 'У автобуса сняли колеса' [Grabauskas 1971].

Невозможность четкого разграничения приглагольных и приименных конструкций с дательным проходит через весь славянский ареал. Выше нами были предложены критерии такого различия (см. о приименном дательном в старославянском языке). Однако есть пограничные случаи. Р. Мразек (Мразек 1963) предлагает считать приименным сочетанием конструкцию с подчеркиванием признака: РЖКА ДЕСНАА ЕМОУ БЪ СЛОУХА — Л. 6.6; ВЪСЪМЪ ВЪ СЪНМИШИ ОЧИ БЪАШЕТЕ ЗЪРАШТИ НА НЪ — Л. 4.20. Однако даже в этих двух его примерах дательный падеж появляется как в препозиции, так и в постпозиции. Поэтому возникают трудности при различении таких примеров: ОУРЪЗА ЕМОУ ОУХО — Мф. 26.56; I ОУРЪЗА ЕМОУ ОУХО ДЕСНОЕ — И. 18.10 и ЕМОУЖЕ ОУРЪЗА ПЕТРЪ ОУХО — И. 18.26.

В данном разделе будут рассматриваться как чисто приглагольные конструкции, так и находящиеся на грани синтаксического перерасположения и тяготеющие к приименному примыканию.

Пути к осмыслению семантики приглагольных дательных конструкций в старославянском языке, как кажется, лежат в сфере лексико-денотативного их осмысления. Р. Мразек, с одной стороны, утверждает, что эти конструкции представляли собой "открытый лексический ряд" [Мразек 1963, 242], с другой стороны, сам же предлагает различать объектные (приглагольные) и "симпатетические" (атрибутивно-приименные) конструкции, исходя из семантики управляющего имени. Интересно, что приводимые им лексемы часто выражают не принадлежность, а обладание (см. выше о двух основных компонентах значения категории посессивности). Это — БОГЪ, ВЛАДЫКА, ЦЪСАРЬ, ОТЬЦЪ, ПРОРОКЪ и под. Например, ЦЪСАРЬ СЛАВЪ, ВРАЧЬ ДОУШАМЪ. Однако в его ряду есть и менее характерные лексемы: ДРОУГЪ, ВРАГЪ, ГРАЖДАНИНЪ, МЖЧЕНИКЪ и т.д. Чисто объектными он считает отглагольные имена: ЗАШТИТЕТЕЛЬ, ХРАНИТЕЛЬ, ОБРЪТАТЕЛЬ, ЛОВЦЪ, ПРОПОВЪДАТЕЛЬ и под. Но, приводя это предположительное деление, Р. Мразек говорит о принципиальной трудности его соблюдения: см. ВРАЧЬ ДОУШАМЪ и ЦЪЛИТЕЛЬ ДОУШАМЪ.

Анализ старославянских данных показывает наличие трех лексиче-

ских групп, тяготеющих к посессивному дательному, находящемуся на грани между приименным и прилагольным. Эти группы следующие:

а) Слова, называющие части тела:

ПЛЪТЬ НЕМОУ АКЫ ВОСКЪ... РАСТЕЧЕТЪ СА — Супр. 153.2; МАСА НЕМОУ ПАДОША ВЪСИ НА ЗЕМИ — Супр. 149.21; РАСЛАБЪ НЕМОУ АБЪЕ ТЪЛО — Супр. 563.23; І НАЧАТЪ ОУМЫВАТИ НОСЪ ОУЧЕНИКОМЪ — И. 13.5; И ПАДЕ ЕМОУ ЧА НОГОУ — И. 11.32; И ВЪНИДЕ НЕМОУ НОГА ВЪ ДОУПИНЖ — Супр. 218.21; СЪВАЗАВЪШЕ ЕМОУ РЖЦЕ И НОСЪ — Мф. 22.13; ПРЪДАНЪ ИМАТЪ БЫТИ СНЪ ЧЛВЧСКИ ВЪ РЖЦЪ ЧЛВКОМЪ — Мф. 17.22; ПРЪДАСТЪ СА СНЪ ЧЛВЧСКИ ВЪ РЖЦЪ ГРЪШНИКОМЪ — М. 14; І ОТВРЪСТЕ СА ИМА ОЧИ — М. 9.30; ОБРАТИТИ СРДЦЕ ОТЬЦЕМЪ НА ЧАДА — Л. 1.17; ВИНО ВЪЗВЕСЕЛИТЬ СРДЦЕ ЧЛКОУ — Син. пс. СIII. 15; ХЛБЪ СРДЦЕ ЧЛКУ ОУКРЪПИТЬ — Син. пс. СIII. 15; ДА ВЪЗВЕСИТИТЬ СЪА СРДЦЕ ИСКЪШТИМЪ ГА — Син. пс. XIV. 3; НЕ ЗЪРИШИ БО НА ЛИЦЕ ЧЛВКОМЪ — М. 12.14; ИЗМЪНИША СА ЛИЦА ВЪСЪМЪ — Супр. 270.2; ИЗМЪНИ СА ЛИЦЕ НЕМОУ И БЫСТЪ АКЫ ПЛАМЫ — Супр. 159.16; И ПОМАЗА ЕМОУ ОЧИ БРЪНЪЕМЪ — И. 9.6; ЕДА БЪСЪ МОЖЕТЪ СЛЪПОМЪ ОЧИ ОТВРЪСТИ — И. 10.21; СЪ ОТВРЪЗЫИ ОЧИ СЛЪПОУМОУ — И. 11.37; ПРИКОСНЖ СА ОЧИЮ ИМА — Мф. 20.34; ДА ОВРЪЗЕТЕ СА ИМА ОЧИ — Мф. 20.38; И ОТВРЪЗЕ ЕМОУ ОЧИ — И. 9.14; КОПИЕМЪ ЕМОУ РЕБРА ПРОБОДЕ — И. 19.34; ПРИЕМЪ КОПИЕ ПРОБОДЕ ЕМОУ РЕБРА — Мф. 27.49; ПРЪБИША ЕМОУ ГОЛЪНИЮ — И. 19.33; ОБРАТИТЬ СА БОЛЕЗНЬ ЕГО НА ГЛАВЖ ЕМОУ — Син. пс. VII. 14; ПРОБИША ГЛАВЖ ЕМОУ — И. 19.2; ОУРЪЗА ЕМОУ ОУХО — Мф. 26.56; І ОУРЪЗА ЕМОУ ОУХО ДЕСНОЕ — И. 18.10; ЕМОУЖЕ ОУРЪЗА ПЕТРЪ ОУХО — И. 18.26.

б) Вторую группу составляют имена родства:

СНЪ ИОСИФОВЪ. ЕМОУЖЕ МЫ ЗНАЕМЪ ОТЦА И МАТЕРЬ — И. 6.42; АЩЕ КОМОУ БРАТРЪ ОУМЪРЕТЬ — М. 12.19; СЪТВОРИ БРАКЪ СНОУ СВОЕМОУ — Мф. 22.2.

в) В третью группу входят слова, называющие социальные отношения: ДАВЪШААГО ВЛАСТЬ ТАКЖ ЧЛВКОМЪ — Мф. 9.8; І ДАСТЪ ІМЪ ВЛАСТЬ ЧАДОМЪ БЖИЕМЪ БЫТИ — М. 1.12; КАЪ ВАМЪ ХВАЛА ЕСТЬ — Л. 6.33; СЪТНИКОУ ЕТЕРОУ РАБЪ БОЛА — Л. 7.2.

Характерно, что именно эта совокупность лексики в первую очередь реагирует на добавление несобственно посессивного значения изменением порядка слов, именно эти лексемы в древнерусском литературном языке являлись наиболее консервативными (*имеет свои войска, но послал сына своего*). Эта же группа лексем в современных языках начинает первая освобождаться от семантически избыточных притяжательных и возвратно-притяжательных местоимений.

9. Конструкции с посессивным дательным имени посессора и предложными сочетаниями. Предложные сочетания выступают в роли косвенных дополнений и обстоятельств. В таких глагольно-именных сло-

восочетаниях имя объекта обладания бывает выражено:

а) винительным падежом с предлогами:

а) w/v/в/у:

польск. *patrzyłem jej w oczy, zająrzeć dziewczynie w twarz, zagląda mi w twarz, popatrzeć prawdzie w oczy, darowanemu koniowi w zęby nie zaglądają, palić sobie w łeb, rzuciła się bratu w objęcia, w twarz mu trzasnął, ugodził mi w serce, śmiać się wierzycielom w oczy, cięła kazdemu prawdę w oczy;* чеш. *hledět smrti v tvář, hledět nebezpečí v tvář, v oči pohlédla světu milému, pohlížel neznámému v obličeji;* срх. *љубити некоме у руку, пљунуше му у лице, ударају горостасу у чело, матери не гледа у очи, гледати некоме у срце, загледати у желудац некоме, смрт не гледа никоме у брке, завирити у душу некоме, баца увреде у лице некоме, пасти у очи некоме, сишло му је срце у пете;* слвн. *v oči ji stopijo solze, to mi je prešlo v meso in kri, mraz je grisel mi v noge in v nos, mi pričaralo v srce čudno veselost;* бол. *трябва да му надникнеш в душата, злокобен мрак се сбираше Бетховену в душата, пада му в краката, пада в краката на стареца, погледна му в очите, погледна в очите на брата си, пхна човека в устата на вълка;*

б) на/на:

польск. *patrzyła ci na usta, założył jej postronek na rogi, rzuciła tu się na szyję, zwała tu się na kark, wsiedli na kark uciekającym, nędza i głód ziemi szły na rękę agitatorom, imię się wszystkim na język garnie;* чеш. *vylila mu mast na hlavu, hledět někomu na prsty, podívá se mu na zuby, darovanému koni na zuby nehled', padl panu Kašparu na mysl, padlo mu na um, vrhla se tu na šíji, poslal mi svou ženu na krk, slunce vložilo svým vyznaváčům na tvář masku;* срх. *леваше му маст на главу, се ђогу на рамена баца, изиће на очи некоме, пада јој на лице, тргла му је крв на нос, седе му на кољена, старцу ударише сузе на очи;* слвн. *nastavila sta očetu pištlo na prsi, policija tu je prišla na sled, otrokom ni prišla na misel, prišlo mi je na misel;* бол. *лежи ми на сърцето, дойде ми на ум, седни ми на крилата, тя си тури ръцете на рамената му;*

γ) pod/под:

польск. *spróbował denatowi zająrzeć pod powieki;* срх. *им под руку дође, ставити некоме нож под грло;*

δ) пред:

срх. *бацити се му пред ноге, му пред очи мајка дође, пред носом му стао трамвај, изиће му пред очи гомила;*

ε) о:

срх. *обесити се о врат некоме;*

з) кроз:

срх. *ми кроз срце пролеће нека туга;*

б) родительным падежом с предлогами:

а) do/до:

польск. *mucha wleciała mi do pokoju, przyjdzie ci myśl do głowy, krew rzuciła tu się do głowy, polityka idze ludziom do głowy, wpadł mu do nóg, włosy sięgały jej do pasa, pryskały dzieciom do oczu;* чеш. *hledět někomu do oči, hledět někomu do oken; podíval se jí do oči, padnout do náruči někomu, člověku nahrne do srdce, slunce nám peklo do zad, tu naplivali do tváře, panům teče do bot;* срх. *им је дошла до ушју;*

β) z/uz:

польск. *wziął mu z rąk dłuto, wyrwała im Darka z ręki, kapelusz zleca mi z głowy, tytuł wyleciał mi z głowy, starł Grekom z oczu ostatnie błyski fal, wybić sobie tę dziewczynę z pamięci, spadł mi ciężar z serca*; чеш. *list padl mu z ruku*; срх. *му је успало из памету*; слвн. *kri mu teče iz nosa, beseda mi je ušla z jezika*; бол. *му измъкна цигарата из устата*;

γ) s/c:

чеш. *kámen jí padl se serce, trhla si vlasy s hlavy, bělmo padlo Fabiánovi s oči*; срх. *уди му с очију, му ишли с памету*;

δ) od/om:

слвн. *kamen se mu je odvalil od srca*;

ε) koło/kolem/oko:

польск. *mucha lata ci koło nosa*; чеш. *děti vrhnou se tátovi kolem krku, položil jí ruku kolem krku*; срх. *пасту око врата некоме, бацула му је руке око врата, бациту се око врата некоме, везату себи коноп око врата, осмех му лебди око уста*;

в) дательным падежом с предлогами:

а) k:

чеш. *padnout k nohám někomu*. Ср. русск. *Он старцу пал к ногам*;

г) творительным падежом с предлогами:

а) za/за:

польск. *stoisz mi za plecami*; срх. *седети некоме за вратом*; бол. *хвана му коня за ноздрите*;

β) pod:

польск. *kręcisz mi się pod nogami*; чеш. *ustoupí tu pod nohami*;

γ) przed/pred/пред:

срх. *Томашу пуче пред очима, слика му лебди пред очима*; слвн. *pred očmi mi mrgoli*;

д) предложным падежом с предлогами:

а) w/v/в/у:

польск. *w uszach dźwięczał mi jej śmiech, decyzja tłukła mi się w piersiach, dzwoni ci w uszach, ćmi się tu w oczach, kręci się mi w głowie, nie mogło im się w głowie pomieścić*; чеш. *v očích jí pářilo, poškubává mně v levém rameni, jí zůstaly ve tváři jen ... oči*; срх. *нешто збива му у души, лакше му је у души, речи су му звонили у ушима*; слвн. *je očetu zataknilo v grlu*;

β) na/на:

польск. *położył mu dłoń na ramieniu, oparła tu dłonie na ramionach, położył jej palec na ustach*; чеш. *Václavovi vystal na čele pot*; срх. *то ми лежи на срцу, леди ми се на души, осмех задрхи joj на уснама, ми је на памету*;

γ) po/no:

польск. *przejechał mi się po nodze*; чеш. *mráz mi šel po těle*;

δ) o:

срх. *мени о врату висииш*;

ε) при:

срх. *било ми је чудно при души, при души му јо било нелагодно*; слвн. *pri srcu mi je odleglo*.

В русском языке кроме дательного падежа имени possessора может использоваться сочетание предлога *у* с родительным падежом имени по-

сессора; ср. *заглянул ему в глаза, навалился ей на плечо и У меня в ушах гудело, Мысли теснились у него в голове, Висишь у меня на шее, Румянец вспыхнул у него на лице, У него сосет под ложечкой, У нее по телу побежали мурашки* и пр. Исследователи отмечают, что сочетание "у + род. п. имени посессора" является единственно возможным вариантом в случае, когда имя объекта обладания выступает в роли обстоятельства и бывает выражено сочетанием предложного падежа с предлогом (Андерш 1975).

В старославянском представлено незначительное число конструкций с предлогом при имени объекта обладания:

а) предлог ВЪ:

ТЪГДА КОСНЖ Ъ ВЪ ОЧИ — Мф. 9.29 (в греческом — беспредложный родительный — τῶν οφθαλμῶν αὐτῶν); ОУДАРИ ВЪ ЛАНИТЖ ІСА — И. 18.22 (ἐδῶκεν ῥαπίσμα τῷ Ἰησοῦ);

б) предлог ПО:

И БИЪХЖ И ПО ЛАНИТАМА — И. 19.3 (в греческом — беспредложный родительный — καὶ ἐδίδοσαν αὐτῷ ῥαπίσματα).

В румынском, так же как в рассматриваемых славянских языках, дательный посессивный употребляется и в тех случаях, когда существительному, выступающему в функции объекта обладания, предшествует предлог [Lombard 1972, 204—205]. Предлоги, которые входят в рассматриваемые конструкции, управляют винительным падежом, поэтому в румынском, в отличие от польского, сербскохорватского и русского языков, где имя объекта обладания в исследуемых глагольно-именных словосочетаниях выражается различными падежами с предлогами, возможны лишь конструкции с винительным падежом с предлогами.

Славянской конструкции с предлогом *в* соответствуют в румынском словосочетания с предлогом *în* в том же значении. Ср., например, *soarele îi bate în creștet* 'солнце бьет ему (ей) в затылок', *un obuz le-a căzut drept în curte* 'снаряд попал прямо им во двор', *ochii roșii îi ardeau în cap* 'воспаленные глаза жгли ему голову, досл. горели у него в голове', *fiecare nouă imagine care îi răsărea în minte* 'каждый новый образ, который возникал у него в мозгу', *mi-a venit în minte o idee* 'мне пришла в голову одна мысль', *și-a scuipat în sân* 'плюнул через левое плечо, досл. плюнул себе за пазуху', *îmi sună în urechi* 'у меня звенит в ушах'. В конструкции этого типа довольно распространены местоименные повторы, ср. *Petrinei îi sărise în ochi expresia îndrăznească cu care el înlîmpina fiecare femeie* досл. 'Петрине (ей) бросилось в глаза дерзкое выражение, с которым он встречал каждую женщину'; *se silește să-i declare cuiva un adevăr neplăcut în față* досл. 'он стремится высказать (ему) кому-нибудь в лицо неприятную истину'.

Нередки случаи, когда местоимение в дативе соотносится в рассматриваемых конструкциях с двумя существительными, выступающими в функции имен объектов обладания; ср., например, *și-a țezemat obrazul în pumn* 'она облокотилась щекой на ладонь', досл. 'она себе облокотила щеку на ладонь'; *și-a tras ghetele în picioare* 'он надел башмаки на ноги', досл. 'он себе надел башмаки на ноги'; *îmi jineam în poală trusa roșie de manichiură* 'я держала у себя на коленях красный несесер'.

Многие из рассматриваемых далее румынских конструкций с предлогом *pe* соответствуют славянским словосочетаниям с *на*; ср., например, *mi-am pus paltonul pe umeri* 'я набросил себе на плечи пальто', *pe buze i-a rămas același zîmbet silit* 'у него (у нее) на губах застыла вымученная улыбка', *pe față îi apare o expresie neașteptată* 'у него (у нее) на лице появляется неожиданное выражение', *părul`lucios și drept îi alunecă pe frunte* 'блестящие и прямые волосы падают ему (ей) на лоб', *i-a căzut pe mînă* 'он угодил ему в руки', *mi-am călcat pe inimă* досл. 'я наступил себе на сердце', *îți intră pe-o ureche și-ți iese pe alta* 'у тебя в одно ухо входит, в другое выходит', *îi zdcea pe masă un teanc de extrase* 'у него на столе лежала пачка оттисков'.

Среди конструкций с предлогом *din* в румынском нетрудно выделить такие, которые точно соответствуют славянским сочетаниям с предлогом *из*. Примеры: *fusul îi scăpă din mînd* 'веретено выскользнуло у нее из рук', *totul îmi cade din mîini* 'все валится у меня из рук', *se silea să-și alungă din minte tăcerea coridorului* 'он старался изгнать из памяти тишину коридора', *din gură îi ieșea un balon țuguiait* 'у него (у нее) изо рта вышел продолговатый мыльный пузырь', *sub duș îi apărui chiar o senzație de mulțumire, o simți cum îi trece fulgerător din trup în gînd* 'под душем у него возникло чувство удовлетворения, он почувствовал, как оно мгновенно перешло у него из тела в мысли'; *îmi scot pălăria din cap* 'я снимаю шляпу с головы'; ср. также фразеологизм *i-a scos și dinții din gură* досл. 'он вытащил у него и зубы изо рта', т.е. 'он взял у него все, что он имел'.

В число рассматриваемых в данном разделе словосочетаний входят и конструкции с предлогом *prin* 'через, сквозь'. Ср. следующие примеры: *o urăcare-i pătrunde prin toate arterele* 'ненависть, которая проходит у него через все артерии', *îi trecu de cîteva ori prin minte să lase facultatea* 'ему несколько раз приходило в голову бросить факультет', *își trece nervos mîna prin păr* 'он нервно проводит рукой по волосам, досл. 'он нервно проводит руку себе через волосы'. Как и в большинстве случаев, здесь возможна местоименная реприза; ср., например, *s-ar putea ca nimănuî să nu-i treacă prin minte așa ceva* досл. 'возможно, что это никому (ему) не пришло бы в голову'.

Из других предлогов встречаются: а) предлог *la*; ср. *își ține cu amîndouă mîinile geanta la spate* 'он обеими руками придерживает сумку у себя на спине', *i-a ajuns la ureche* 'дошло до его ушей'; б) предлог *de*, ср., например, *mi-a sărit de gît* 'он(а) бросился (бросилась) мне на шею'; в) предлог *de la*: *i-a luat piinea de la gură* 'он вырвал у него кусок хлеба изо рта'; г) предлог *de sub*: *îi fuge terenul de sub picioare* 'почва уходит у него из-под ног'; д) предлог *pe la*: *mi-a trecut pe la ureche* 'я слышал об этом краем уха, досл. это прошло у меня через ухо, е) предлог *peste*: *i-a dat peste mînd* 'он ударил его по рукам, досл. 'он дал ему по рукам'; ж) предлог *înainte*: *ne jucau luminile înaintea ochilor* 'у нас перед глазами плясали огни'.

10. Конструкция с посессивным винительным падежом без предлога. Это несобственно посессивная конструкция. Она выражает значение принадлежности. Такие глагольно-именные словосочетания образуются почти исключительно глаголами, передающими разные оттенки по-

нятий 'болеть' и 'испытывать неприятные физические ощущения'. Имя possessора стоит в винительном падеже, а имя объекта обладания — в именительном.

Примеры: польск. *uszy mię bolą, gardło go boli, boli cię głowa, świerzbi mię język*.

В польском литературном языке при глаголе *boleć* употребляется винительный падеж; при других глаголах, обозначающих болезненные состояния, обязателен дательный падеж, например, *głowa mi pękała* и пр. В диалектах польского языка на территории СССР дательный падеж возможен и при глаголе *boleć*: *dziesięciu głowa boli* (Desaux 1955).

В чешском и сербскохорватском языках для такой конструкции также характерен винительный падеж:

чеш. *bolí mě hlava, už ho hlava nebolí*; срх. боли ме глава, младу (вин. п. ед. ч. от сущ. ж.р. млада — 'молодуха, невеста') боли глава, мене душа боли, вас душа не боли, боли га стомак, зуби је боле, ме болео зуб, нешто га боли и гризе, су ме длани засврбели.

Также как в глагольных конструкциях с посессивным дательным, здесь наблюдаются случаи местоименных повторов — одновременно могут употребляться аккузатив личного местоимения и притяжательное местоимение: *мене душа моја боли*. Ср. *вам олакшати ваше време*.

В словенском языке при глаголе 'болеть' тоже используется винительный падеж: *mene boli želodec, mene boli srce, glava me boli, noga me boli*. Этот же винительный употребляется и в тех высказываниях, где субъектом является не объект обладания, а болезнь. Поэтому как бы создается сфера семантики неприятных ощущений вокруг конструкций с винительным падежом; этим широким употреблением винительного словенский, по нашему мнению, отличается от других языков, где употреблялся бы дательный падеж или "у + род.п.". Например, *Krč me je prijel* — 'Судорога меня взяла', *Vročina me kuha* — 'Жар меня жжет'. Ср. русск. *У меня судороги, У меня жар*. Однако в словенском для выражения значения болезненных состояний используется и дательный падеж: *Moti se mi* 'Кружится мне'. Ср. ниже бол. безличн. *Боли ми*. Заметим, что эти безличные конструкции с дательным не являются собственно посессивными.

В болгарском языке болезненные ощущения также передаются конструкцией с винительным падежом имени possessора: *боли ме глава, черепът го болеше страшно, болят ги краката, зъбите ме болят, боляло я зъб, ме болеше сърцето, сърбят ме ръцете, раната ме смъди, смъдеше ме гърбът*.

Здесь, как и в сербскохорватском, возможен местоименный повтор — одновременное употребление и краткой и полной форм личного местоимения в винительном падеже: *мене ме болят зъбите*.

В болгарском языке при глаголах, обозначающих душевные и физические состояния, в безличных предложениях краткая форма местоимения употребляется не в винительном, а в дательном падеже: *Боли ми, Сърби ми, Причернее ми, Прилошее ми, Докривее ми, Домъчнее ми, Догневее ми* [Андрейчин 1949, 107]. Очевидно, в таких предложениях не выражается посессивное значение, поскольку не назван объект

обладания. Ср. предложение с личной формой глагола *Болят ме ръцете*, где есть и посессор — *ме* и объект обладания — *ръцете*.

В русском языке при глаголах типа *болеть* вместо винительного падежа имени посессора используется сочетание "у + родительный падеж имени посессора": *У меня болит голова*. Однако в говорах широко распространены выражения *Голова мне болит*, *Нога ему болит* с дательным падежом [Сравнительно-исторический синтаксис 1968, 203].

Интересно, что в других восточнославянских языках, белорусском и украинском, представлены обороты с глаголом 'болеть' и дательным падежом имени посессора: бел. *Яму живот баліць*, *Баляць яму плечы*, *Мне баліць галава*; укр. *Дуже мені живіт болить*, *Дитину живіт болить*²⁴.

Дательный падеж при глаголе 'болеть' употребляется также в балтийских языках — в литовском и латышском: лит. *Man galvą skauda*, лат. *Man sāp galva* 'У меня болит голова'. При этом в литовском имя объекта обладания 'голова' стоит в винительном падеже, в отличие от того, что находим в латышском и во всех славянских языках, где имя объекта обладания употребляется в именительном падеже.

В румынском, равно как в рассматриваемых в данной работе славянских языках, распространены конструкции с посессивным винительным падежом имени посессора без предлога. Глаголы, входящие в эти конструкции, имеют значение 'болеть, испытывать неприятные физические и нравственные ощущения'. Ср., например, *mă doare capul* 'у меня болит голова', *o usturdă ochii* 'ей жмет глаза', *il mînîncă capul* 'у него чешется голова', *și nu te mustră cugetul?* 'и ты не испытываешь угрызений совести?', *il roade gelozia* 'его терзает ревность'. Как и в болгарском, в румынских конструкциях этого типа возможно употребление местоименной репризы: ср. *pe mine mă doare capul* 'а у меня болит голова', *pe Dan îl roade gelozia* 'Дана терзает ревность' и пр.

11. Конструкции с посессивным винительным падежом имени посессора и предложными сочетаниями. Имя объекта обладания в таких словосочетаниях бывает выражено:

а) винительным падежом с предлогами:

а) *w/v/y:*

польск. *pocałował Ewę w rękę*, *poglaskał Ewę w policzek*, *uderzył go w głowę*, *uderzono go w twarz*, *wyrzucił kogo w zęby*; срх. *полюбити майку у руку*, *люби га у руку*, *ме полюбио у чело*, *полюбје ме у образ*, *целива владику у руку*, *нега у руку целивати*, *гледати некога у лице*, *удари дива у лице*, *лупио га у образе*, *кљуцне вас у главу*; бол. *го гледам в очите*, *в устага го зяпате*, *удари го в коляното*, *го блъсна в гърдите*, *блъсна ме в главата*, *ме зяпа в очите*, *души го нещо в гърдите*.

²⁴ В украинских говорах наряду с конструкцией *Мені болить голова* встречается также конструкция *У меня болить голова*. См. распределение этих конструкций по территории нижней Припяти у Назаровой (Назарова 1985, 110). Из карты, приведенной на указанной странице, видно, что повсеместно преобладает дательный падеж; даже в тех точках, где отмечен предлог *у* с родительным падежом, в качестве варианта имеется и дательный падеж.

Поскольку в болгарском языке существительное не имеет падежных форм, приведенные примеры соответствуют сочетаниям предлога *в* как с винительным, так и с предложным падежами в других славянских языках. Ср. русск. *Поцеловать кого-либо в щеку.*

β) *па/на:*

чеш. *líbat někoho na tvář, zalíbal někoho na rty.* Ср. русск. *повалил его на спину.*

γ) *за:*

бол. *го улови за лакътя, го прихвана за лакътя.* Ср. русск. *схватил его за руку.*

δ) *под:*

бол. *бол го под мишницата.* Ср. русск. *взять кого-либо под руку.*

б) предложным падежом с предлогами:

а) *w/v/v/y:*

чеш. *bolí mě v krku;* срх. *ga probada y groudima, probada me y leřima, něšto me grebe y duři;* слвн. *tene je peklo v grlu, v hrbtu me pobada, nas je zgečkaló v nosu;*

β) *po/no:*

польск. *uderzyć go po głowie, to razem uderzyło go po łbie, wyprawa uderzyła go po kieszeni, pogłaskał dziecko po głowie;* бол. *ще те целуна по гушката, я целунах по студената бузка, я милва по младо лице, ме тупаха по рамото, ме блъска по гърба, бия някого по главата, ме побутна по лакътя, я потисне по чипото;* срх. *ударити некога по рамену, ударити га по лицу.* Ср. русск. *ударил его по голове* (дат. п.).

В румынском языке славянским конструкциям с предлогом *в* соответствуют словосочетания с предлогом *în* в том же значении: ср., например, *nu-l privise în ochi atunci* 'в тот момент он не заглянул ему в глаза', *l-a lovit în piept* 'он ударил его в грудь'; *mă manîncă în cap* 'у меня чешется в голове'; ср. также *se caută în buzunare* 'ищет у себя в карманах', *se bate cu pumnii în piept* 'бьет себя кулаком в грудь'; *se priveau drept în ochi* 'они смотрели друг другу в глаза', где значение взаимности передается при помощи возвратного местоимения при глаголе. В конструкциях этого типа возможен местоименный повтор; ср. *s-a întors încet, anume ca să-l poată privi pe tânăr în ochi* 'он медленно повернулся, чтобы заглянуть молодому человеку в глаза'. Однако, в отличие от ряда других конструкций, здесь местоименная реприза носит факультативный характер, ср., например, *vorbele lui Ilie loviseră pe Gheorghe drept în suflet* 'слова Илие поразили Георге прямо в душу'.

Как уже говорилось, большинство румынских предлогов управляют винительным падежом, поэтому все предложные конструкции, которые рассматриваются в данном разделе, это сочетания с аккузативом. Примеры группируются в зависимости от предлогов, с которыми сочетаются имена, выступающие в функции объектов обладания.

К рассмотренным выше словосочетаниям с предлогом *în* близки по значению конструкции с *la*. Примеры: *l-a lovit drept la inimă* 'он попал ему прямо в сердце', *a secăt-o la inimă* 'нанес ей душевную рану, ранил ее в самое сердце', *m-a usturat la ficăți* 'плюнул мне в душу', *cizma îl roade la piciorul sfîng* 'сапог трет ему левую ногу', *mă doare la*

lingurea 'у меня болит под ложечкой'; ср. также *s-a umflat la față* 'у него опухло лицо', где глагол употребляется с возвратным местоимением.

Далее следует конструкция с предлогом *pe*, который в приводимых ниже словосочетаниях имеет несколько значений, в том числе, 'на, по, в'. Примеры: *l-a bătuț pe umăr* 'он похлопал его по плечу', *m-a sărutat pe frunte* 'он(а) поцеловал(а) меня в лоб', *și eu s-o sărut pe ochii plinși* 'а я поцелую ее в заплаканные глаза'; ср. также идиоматическое выражение *s-a șters pe buze* 'его помазали по губам', досл. 'он вытер себе губы'; сюда же следует отнести фразеологизм *l-a pus pe picioare* 'поставил его на ноги, вылечил'.

К рассмотренным выше конструкциям с предлогами *în, la, pe* близки по значению не слишком употребительные словосочетания с предлогом *prin* 'через'. Ср., например, *de tulburare l-a săgetat singele prin cap și inimă* 'от волнения кровь прилила у него к голове и к сердцу'; *începu să se caute prin buzunare* 'он начал искать у себя в карманах'.

Предлог *de* подобно предлогам *în, la, pe*, достаточно часто встречается в анализируемых нами структурах. Ср., например, *l-a luat de gât* 'он взял его за горло', *am luat taurul de coarne* 'я взял быка за рога', *l-am prins de braț* 'я схватил его за руку', *a prins-o de talie* 'он обнял ее за талию', *ne-au legat de mâini și de picioare* 'они связали нас по рукам и ногам', *l-a apucat de gât* 'он взял его за глотку', *nimeni nu te trage de limbă* 'никто не тянет тебя за язык'; ср. также следующие фразеологизмы: *l-a apucat pe dumnezeu de picior* досл. 'ухватил бога за ногу', т.е. почувствовал себя на седьмом небе; *l-a mușcat de inimă să facă asta* досл. 'укусил его за сердце', т.е. 'дернуло его сделать это'.

Приведенный перечень глагольно-именных посессивных конструкций с предложными сочетаниями не является исчерпывающим, он может быть дополнен — здесь приведены лишь некоторые примеры.

Как уже говорилось, во всех рассмотренных глагольно-именных конструкциях с предложными сочетаниями посессивное значение осложняется локативным (см. Lyons 1967).

12. Некоторые другие глагольные конструкции, заключающие в себе посессивность и не требующие для ее выражения притяжательного местоимения. Это несобственно посессивные конструкции. Они выражают значение принадлежности. Существительные, выступающие в роли объектов обладания, относятся в подавляющем большинстве случаев к сфере лица или (при неодушевленных посессорах) называют obligatory часть предмета (*спинка кресла* и пр.).

В части из таких конструкций имя посессора стоит в именительном падеже (это подлежащее предложения, чаще всего обозначающее одушевленный предмет), имя объекта обладания имеет форму косвенных падежей (винительного или творительного) без предлогов или косвенных падежей с предлогами.

а) Конструкции с винительным падежом имени объекта обладания

а) Объект обладания является одновременно и объектом и исполнителем действия. Конструкция имеет значение "движения частями тела":

русск. *Он открыл/закрыл глаза*; польск. *Król zamknął oczy, Zagłoba*

otworzył oko; чеш. *N. sklopil oči*; срх. *Она је отворила очи*; русск. *Он протянул руку*; польск. *J. wyciągnął rękę po buławę, N. rzekła, wyciągając rękę do gościa*; чеш. *K. podal ruku*; срх. *Он пружу руку*; русск. *Он сморщил лицо, нахмурил брови, опустил голову, опустил глаза*; польск. *P. zmarszczył brwi*; бол. *Тој мрщеше лице, Ф. клатеше глава, Х. понаведе глава*.

Ср. обязательность притяжательного местоимения в подобных конструкциях западноевропейских языков, например, англ. *He opened his eyes*; фр. *Il a levé sa tête*.

β) Объект обладания является объектом действия, но не его исполнителем:

русск. *Он почистил зубы/ногти*; польск. *P. umył zęby, P. oczyścił paznokcie, P. wygolił twarz*; срх. *Он је прао зубе*, но чеш. *J. čistil si zuby*, где обязательно возвратное *si*.

Ср. русск. *Он сломал зуб* при польск. *J. połamał sobie ząb, Jeszcze sobie Sojecki na mnie zęby połamie* и чеш. *P. zlámал si zub*.

Ср. русск. *Он отпустил бороду*; срх. *Он је пустио браду*; польск. *P. zapuścił brodę*, но чеш. *K. nechal si bradku* с возвратным *si*.

Ср. русск. *Он потерял голос*; польск. *N. stracił głos* при чеш. *Namocil si hlas*.

Ср. русск. *Он снял/надел плащ*; польск. *P. zdjął płaszcz/czapkę, N. przed nim czapki nie zdejmował, J. włożył kapelusz/buty/palto*, при чеш. *svlékal si kabát, zouval si boty*; срх. *Он скинуо је шешур* при бол. *П. свали шапката и палтото си* с возвратно-притяжательным *си*.

Ср. русск. *Он воспитал сына*, польск. *Wychowywał syna w ideologii romantyzmu*; чеш. *vuchoval syna*; срх. *васпитао је сина*.

б) Конструкции с творительным падежом имени объекта обладания.

а) Объект обладания — орудие действия:

русск. *Он ударил кулаком, грозил кулаком*; польск. *uderzył pięścią (w stół, w brzuch), trzasnął pięścią (w stół, w brzuch), N. groził pięścią*; срх. *Он ударуо је песницом (о стол)*; чеш. *vyhrožoval pěstí*.

Ср. русск. *Он взмахнул рукой*; польск. *P. machnął ręką, Pies machnął ogonem*; чеш. *tavnouł rukou*.

Ср. русск. *Он сверкнул глазами*; польск. *N. błysnął oczyma*; чеш. *K. blýskl očima*; срх. *Он севнух очима*. Ср. болгарские словосочетания, в которых творительный падеж замещен предлогом *със*: *Тој скръцна със зъби*.

Отметим невозможность употребления без атрибута имени объекта обладания при глаголах, обозначающих действие, единственным исполнителем которого является данный объект обладания: **Он смотрел глазами*, но возможно *Он смотрел на нас ясными голубыми глазами*.

β) Объект обладания — объект действия:

русск. *Он рисковал жизнью*; польск. *J. ryzykował życiem/życie*; срх. *Рескирам живот/животом*. В чешском языке сталкиваемся с необходимостью употребления в подобной конструкции возвратно-притяжательного местоимения: *K. riskoval svůj život*. Интересно, что в польском, чешском и сербскохорватском глагол 'рисковать' управляет как творительным, так и винительным падежом.

в) Имя объекта обладания имеет форму косвенных падежей с предлогами:

русск. *Он встал с постели. Он лежал в постели.*

В ряде других посессивных глагольных конструкций такого типа имя посессора может стоять в форме и именительного и винительного падежей.

г) Имя объекта обладания имеет форму творительного падежа с дополнительными, распространителями предложения, выраженными либо предложно-падежным сочетанием, либо наречием. Это пространственно ориентированные конструкции:

русск. *Он стоял лицом к стене, Она уткнулась носом в книгу, Его несли ногами вперед, Поставили кресло спинкой к стене.*

Как видно из последнего примера, пространственно ориентированные конструкции возможны и при неодушевленных посессорах (кресло — целое, спинка — его часть).

Необходимо отметить, что глагольных конструкций, заключающих в себе посессивность и не требующих для ее выражения притяжательного местоимения или дательного падежа личного местоимения, в чешском языке меньше, чем в других славянских. Очевидно, это объясняется большей открытостью в чешском языке сферы лица, о чем упоминалось выше в связи с приглагольным дательным. В чешском языке существует большая необходимость в эксплицитном выражении значения принадлежности с помощью посессивных местоименных форм.

Перечень конструкций рассматриваемого типа можно продолжить, причем он едва ли будет конечен. Это связано с тем, что посессивность относится к числу таких категорий, границы которых неопределенны (см. Топоров 1983; Топоров 1986).

СЛОЖНЫЕ И ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА С ПОСЕССИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Во всех славянских языках значение посессивности может выражаться в пределах одного слова — словообразовательными средствами. Так, имеются сложные существительные, обозначающие отношение посессора и объекта обладания, чаще всего — отношение посессора к локусу или хроносу. Ср. срх. *Кнештоље =кнежеје (кнезово) поље* 'поле князя', бол. *Петровден* 'день Петра' и пр. В разделе, посвященном именным конструкциям с притяжательными прилагательными, было сказано, что в славянских языках многие названия городов и местностей являются по происхождению притяжательными прилагательными, например, польск. *Lwów, Lublin*; чеш. *Benešov, Radošín*; русск. *Бородино, Юрьев* и пр. Представляется, что к такой же посессивной семантике притяжательности восходят и сложные существительные типа бол. *Ботевград*, срх. *Иванград*, русск. *Ленинград*, хотя в современных языках эта семантика не ощущается как живая.

Второй класс сложных посессивных слов составляют сложные прилагательные, передающие партитивные отношения и обозначающие целое по характерной его части (польск. *czarnowłosy* 'имеющий черные

волосы', бол. *кривокрак* 'имеющий кривые ноги', русск. *ясноглазая* 'имеющая ясные глаза'). К словообразовательным посессивным структурам относим также производные прилагательные с префиксом *без-/bez-*, выражающие так наз. отрицательную принадлежность, т.е. отсутствие у посессора объекта обладания — необладание предметом или свойством (русск. *безногий* 'не имеющий ног', *бездушный* 'не обладающий душевностью', чеш. *bezzubý* 'не имеющий зубов', срх. *бездетан* 'не имеющий детей').

В сложных посессивных существительных и посессор и объект обладания выражены внутри слова. Сложные и производные прилагательные представляют собой имена объектов обладания, именами посессоров же являются существительные, составляющие с ними атрибутивные или предикативные словосочетания: русск. *безногий инвалид*, *Он был кривоног*, польск. *czarnowłosa dziewczyna*, срх. *Петар је бездетан* и пр.

Ниже будут перечислены структурные типы посессивных сложных и производных слов.

А. СЛОЖНЫЕ СЛОВА

1. Сложные существительные

По смыслу они соответствуют сочетанию притяжательного прилагательного и существительного или субстантивному словосочетанию с родительным падежом:

1. **Сложные существительные, образованные основами прилагательного и существительного без интерфикса и суффикса:** бол. *Илинден*, *Петровден*, *Ивановден*, *Георговден*, *Игнажден* (из старого *Игнащъ*), *Димитровден*, *Цариград*, *Цариброд*, *Лютиброд*. В последних трех примерах *-и-* не является интерфиксом. Это флексия устаревшей формы притяжательного прилагательного, включаемая в состав первой части сложного слова. Сюда примыкают также сложные слова типа *Ботевград*, *Благоевград*. Есть мнение (Маслов 1981, 90), что здесь обе части сложного слова являются основами существительного. Но первая часть (*Ботев-*, *Благоев-*) произошла из притяжательного прилагательного, поэтому представляется, что в данном образовании ее следует рассматривать как основу прилагательного. Ср. подобные же русск. *Ленинград*, *Калининград*, где первая часть также является по происхождению притяжательным прилагательным. Другое дело срх. *Титоград*, *Иванград*, где обе основы субстантивные; здесь имеем дело со сложным посессивным словом, образованным путем сложения основ двух существительных без интерфикса и суффикса (См. ниже); срх. *Кнештоље = княже, поље*, *Цариград = царји град*.

2. **Сложные существительные, образованные основами двух существительных без интерфикса и суффикса:** бол. *помощник-министър*, *помощник-аптекарка*, *помощник-кмет*, *помощник-командир*, *заместник-командир*.

Такой тип сложных слов с посессивным значением характерен только для болгарского языка. В сербскохорватском этого нет; там (то же — в русском) в этом случае выступает генитивное слово-

сочетание. Но, как было сказано выше, в сербскохорватском языке есть сложные слова, состоящие из основ двух существительных без интерфикса и суффикса, одно из которых является именем собственным: *Титоград, Иванград*.

II. Сложные прилагательные

Они соответствуют по смыслу конструкциям с родительным падежом или с предлогами, например, срх. *црноока девојка* = *девојка црних очују*, чеш. *modrooký* = *s modrýma očima*, бол. *синеок* = *със сини очи* и пр.:

1. Сложные прилагательные, образованные основами прилагательного и существительного:

а) Основа прилагательного + интерфикс *-o-/-e-* + основа существительного:

польск. *bialolicy, niebieskooki, modrooki, czarnooki, czarnobrewy, czarnowłosy, czarnoskóry, rudowłosy, krzywonogi, długorąky* ~ *i*; чеш. *bělolíci, bělohlavý, černoooký, modrooký, černovlasý, dlouhovlasý, švětlovlasý, tmavovlasý, rudovousý, černovousý, dlouhobradý, dlouhosrsnatý, křivonohý, rychlonohý, bystronohý, rychlokřídlý, ostroúhlý, drobnolistý, jemnosrstý*; бол. *синеок, разноглед, белоглав, гологлав, остроглав, едроглав, тънкокор, чернокож, тънкокож, русокос, дългосок, дългоград, дългопол, остронос, дребнозъб, клепоух, низкочел, кривокрак, бързокрил*; срх. *црноока, плавоок, плавокоса, риѠоглав, риѠокоса, голоград, гологлав, празнорук, брзоног, кривоног, кривошија, кривоград, танкокълун, танковрх*; слвн. *belolas, črnolas, črnook*.

б) Основа прилагательного + интерфикс *-o-/-e-* + основа существительного + суффикс прилагательного:

польск. *cienkorunny, długoletni, równoboczny, równoramienny, ostrokaty, cienkowłoknisty, ciepłokrwiście, drobnoporowaty*; чеш. *tenkostěnný, jemnozrný, ostrohranný, ravnostranný, rovnoramenný*; слвн. *črnokožen, velikolisten, velikocveten*.

Сложные прилагательные посессивного типа широко представлены в старославянском языке. Основы существительных, участвующие в их образовании (объекты обладания), относятся к именам, входящим в так называемую сферу лица — названия частей тела, психические характеристики человека и пр.: ЗЛАТООУСТЬ, СОУХОРЖКЪ, СОУХОНОГЪ, ЖЕСТОСРЪДЪ, МИЛОСРЪДЪ, ТАЖЬКОСРЪДЪ, ЦЪЛОМЖДРЪ, СВЪТЪЛООБРАЗЪНЪ, ВЕЛЬГЛАСЪНЪ, ЗЪЛО-НРАВЪНЪ, ВЕЛИКОДОУШЪНЪ, БЛАГОРОДЪНЪ, РАВНО-ДОУШЪНЪ, НЕДНОДОУШЪНЪ, НЕДИНОСЖШНИ, ЗЪЛОЧЪСТЪНЪ, РАВНОЧЪСТЪНЪ, МИЛОСРЪДЪНЪ, ХОУДОВЪРЪНЪ, ХОУДО-ОУМЪНЪ, ЦЪЛООУМЪНЪ²⁵.

Как легко заметить, семантика сложных прилагательных в современных славянских языках почти такая же, как в старославянском, но она несколько шире, поскольку включает значения части целого и пр., характерные для неодушевленных имен.

²⁵ Материал в основном взят из монографии Р. М. Цейтлин [Цейтлин 1977].

2. Сложные прилагательные, образованные основами числительного и существительного:

а) Основа числительного+основа существительного без интерфикса и суффикса: чеш., *dvójcípý* (от основы числительного *dvój-*), *trojboký* (от основы числительного *troj-*), *trojhlasý*, *čtyřletý*;

б) Основа числительного+основа существительного+суффикс прилагательного без интерфикса: чеш. *trojúhelníkový* (от основы числительного *troj-*), *trojhlasný*, *trojfázový*, *čtyřhranný*, *čtyřkolový*, *čtyřúhelníkový*;

в) Полная словоформа числительного+основа существительного без интерфикса и суффикса. Это так называемые сращения: чеш. *tříletý*; бол. *триглав*, *трикрак*, *четирикрак*, *четирино*²⁶. Ср. подобный аналитический тип сложения в английском языке: *ten-hour (day)*, *five-year plan* и пр. В сербскохорватском и польском языках этого нет.

г) Полная словоформа числительного+основа существительного+суффикс прилагательного без интерфикса: польск. *trzyletni*, *trzykołowy*, *trzypiętrowy*, *trzyśilnikowy*; чеш. *tříroční*, *třídenní*, *tříštranný*, *tříkolový*, *třílampový*; бол. *трицветен*, *тринднєвен*, *тригодишен*, *трилистен*, *четиристенен*, *четиричленен*, *петвековен*, *петднєвен*, *тримиллиметров*, *четиричасов*, *четирицилиндров*, *петчасов*, *петпроцентов*; слвн. *osemdneven*, *osemleten*, *deveteleten*.

В сербскохорватском и польском языках подобного типа слово-сложения без интерфикса нет.

д) Основа числительного+интерфикс+основа существительного без суффикса. В качестве интерфикса выступают: 1) собственно интерфикс *-o-*; 2) интерфикс *-u-* (*-y-*), омонимичный флексии род. п. числительных (польск. *dwugłowy*, бол. *двуглав*); 3) интерфикс *-ou-*, также омонимичный флексии род. п. числительных (чеш. *dvouhlavý*); 4) интерфикс *-i-* (*-u-*), также омонимичный флексии род. п. числительных (чеш. *pětiletý*, бол. *петилетен*)²⁷; польск. *jednooki*, *dwugłowy*, *dwuskrzydły*, *dwuznaczný*; чеш. *jednooký*, *jednohlavý*, *jednooký*, *jednoruký*, *dvouhlavý*, *dvouhrbý*, *dvouruký*, *pětiletý*, *pětícípý*, *žestiletý*; бол. *еднорѣк*, *еднорѣх*, *едноок*, *еднолик*, *еднокрак*, *двуглав*, *двугрѣб*, *двукрак*; срх. *дворог*, *двоглав*, *тпорог*, *троглав*, *трогод*, *шестокрил*, *једноок*, *једнорог*, *једнорук*, *једногрѣб*, *четворогуб*, *четворорог*, *петокрак*, *петопрст*.

е) Основа числительного+интерфикс *-o-/-u-(-y-)/-ou-/-i-(-u-)+* основа существительного+суффикс прилагательного: польск. *jednoletni*, *jednorooczny*, *jednostrunny*, *jednobarwny*, *jednoskrzydłowy*, *jednolampowy*, *jednosilnikowy*, *dwubarwny*, *dwuletni*, *dwukołowy*, *dwujęzyczny*, *dwumasztowy*, *dwupiętrowy*, *czteroboczny*, *czteroletni*, *czteromotorowy*, *czterogłosowy*, *pięcioletni*, *pięciodniowy*, *sześcioletni*; чеш. *jednodenní*, *jednoroční*, *jednohrbný*, *jednokolejný*, *jednopatrový*, *jednosvazkový*, *jednolampový*, *jednomotorový*, *dvoumotorový*, *dvoupatrový*, *dvouměsíční*, *dvouroční*, *pětidenní*, *pětíúhlníkový*,

²⁶ Ср. описание структуры сложных прилагательных в книге Е. Пернишки [Пернишка 1980, 51 и др.].

²⁷ Об интерфиксе *-y-* в болгарском языке см. Маслов 1981, 89, 103; об интерфиксах в сложных прилагательных русского языка см. Грамматика современного русского литературного языка 1970, 228 и Русская грамматика 1980, т. I, 326.

žestihraný, šestidenní, žestihodinový; бол. *едноетажен, еднокопитен, едномоторен, едномесечен, едноцветен, петоактен, петолистен, петостенен, петогълен, едномачтов, еднометров, едnochасов, двуетажен, двауктен, двугласен, двукопитен, двуличен, дулампов, двумачтов, пятилетен*; срх. *једнодушан, једноличан, једнослојан, двобојан, двокрилан, двојезичан, дводневни, двонедельни, дволичан, двосмислен, трогласан, тројичан, тромесечни, четвородневни, четворокатан, четворочасовни, петогодишњи, петодневни, шесточасовни, шестогодишњи*; слвн. *dvobarven, dvodelen, dvoceven, dvodneven, dvodomen, enoglasen, enoleten, enoročen, enozložen, enovprežen, četveroglasen, četverokoten, četveronožen, peterokoten*.

Заметим еще раз, что в сербскохорватском языке нет ни одного вида сложных прилагательных без интерфикса, кроме того там используется только собственно интерфикс *-o-*. Ср. ст.-слав. **ЈЕДНО-ОУМЪНЪ, ТРИИМЕНЪНЪ, ТРЪБЛАЖЕНЪ, ЧЕТВРЪНОГЪ, ШЕСТОКРИЛАТЬ, ШЕСТОКРИЛЬНЪ**. Ср. также ст.-слав. существительные с тем же значением: **ТЕТРААРХЪ, ТЕТРАРХЪ, ЧЕТВОРОВАЛЪСТЪНИКЪ, ЧЕТВРЪТОВАЛЪСТЪНИКЪ, ЧЕТВРЪТОВАЛЪСТЪЦЪ**.

Б. ПРОИЗВОДНЫЕ СЛОВА С ПОСЕССИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ, ОБРАЗОВАННЫЕ СПОСОБОМ ПРЕФИКСАЦИИ И СУФФИКСАЦИИ

Эти слова выражают так называемую отрицательную принадлежность .:

1. Производные прилагательные, образованные основой существительного и префиксом *bez-/beze-/brez-/без-*

а) Префикс *bez-/beze-/brez-/без-* + основа существительного без суфф.: польск. *bezglósy, bezmózgi, beznogi, beznosy, bezuchy, bezwasy, bezoki, bezglówy, bezrogi, bezręki, bezpalcy*; чеш. *bezbarvý, bezbřehý, bezedný, bezesný, bezhlavý, bezkrevý, bezkřídly, bezlistý, beznohý, bezoblaký, bezocasý, bezoký, bezvlasý, bezruký, bezvousý, bezzubý, bezdomý*; бол. *безкос, беззъб, безкрил, безрък, безкрак, безвлас, безбрад, безног, безнос, безок, безрог, безух*; срх. *безглав, безок, безрук, безуб, безцен*; слвн. *brezglav, brezdanji*.

б) Префикс *bez-/beze-/brez/без-* + основа существительного + суффикс прилагательного: польск. *bezbarwny, bezbłędny, bezbronny, bezchmurny, bezdenny, bezdomny, bezdrzewny, bezduszny, bezdzietny, bezgwiazdny, bezśnieżny, bezsenny, bezsilny, bezprawny, beznadziejny, bezzębny, bezalkoholowy, bezcelowy, bezksiężycowy, bezkrawy*; чеш. *bezčílný, bezbranný, bezdětný, bezdýmný, bezhraničný, bezhvězdny, bezchmurný, bezoblačný, bezlunný, bezkrevný, beznadějný, bezprávný, beztaktní, bezdomový, bezmotorový*; бол. *безалкохолен, безболезнен, безбоязнен, безгрижен, бездетен, бездомен, безлесен, безлистен, бездушен, безвкусен, безверен, безволен, безводен, безвластен, безвъздушен, безветрен, беззвезден, безмлечен, безобачен, безпочвен, безрадостен, безкласов, безполов*; срх. *безбојан, безваздушни, безбрижан, безверан, безводан, безвольни, безвредан, безвучан, безгласан, безграничан, безгрешан, бездањи, бездетан, бездуман, бездушан, безимен, безимућан, безлобан, безљудан, безуман, безобличан, безпринципијелан, бесилан, бескичмен, бескрвни, бескрилни, беспна*.

метан, бесубъектни; слвн. *brezdomen, brezmesen, brezbrizen, brezčuten, brezskrben, brezsrčen, brezvoljen, brezdušen*.

Производные прилагательные с префиксом БЕЗЪ- очень характерны для старославянского языка: БЕЗДОУШЬНЪ, БЕЗРОДЬНЪ, БЕЗЪОУМЬНЪ, БЕЗЪОУВЪСТВЬНЪ, БЕСЛОВЕСЬНЪ, БЕСПЕЧАЛЬНЪ, БЕСТОУДЬНЪ, БЕСЦЪНЬНЪ, БЕСЧЪСТВЬНЪ, БЕСЪМРЪТЬНЪ, БЕЗВИНЬНЪ, БЕЗБОЖЬНЪ и т.д.

Во всех славянских языках для выражения отрицательной принадлежности используется префикс. В некоторых других индоевропейских языках эту роль играет суффикс, например, в английском — суффикс *-less* (*painless, tearless* и пр.). Широта употребления этих префиксального и суффиксального словообразовательных способов выражения посессивности почти неограничена.

Сопоставление перечисленных выше типов сложных и производных слов с посессивным значением в славянских языках показывает, что они многочисленны и достаточно широко употребительны во всех языках, но при этом выделяется болгарский язык, обнаруживающий больше аналитизма в их строении, чем остальные славянские. Об этом свидетельствует несколько типов сложных слов в болгарском языке, образованных без интерфикса простым соположением основ и даже словоформ: 1) основа существительного + основа существительного (*помощник-министър*); 2) словоформа числительного + основа существительного (*триглав, четирикрак*, ср. срх. *троглав*, польск. *czteroboczny* с интерфиксом *-o-*); 3) словоформа числительного + основа существительного + суффикс прилагательного (*петчасов*, ср. срх. *трогласан* с интерфиксом *-o-*, чеш. *pětiletý* с интерфиксом *-i-*).

VI. ПРЕДЛОЖНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОСЕССИВНОСТИ

Как уже говорилось, посессивность выражается чисто предложными конструкциями без участия падежных форм в болгарском языке. Эти конструкции были описаны выше.

В румынском языке также очень велика роль предлогов; посессивные конструкции, образуемые с их помощью, также были описаны выше.

Ср. английскую посессивную конструкцию с предлогом *of*. В связи с исчезновением в английском языке падежных форм существительного, предлоги очень часто употребляются для выражения отношений между словами в словосочетании. Предлог *of* по своему грамматическому содержанию и грамматическим функциям занимает особое положение — он сближается с падежными флексиями, в этом смысле говорят, что он грамматикализовался. Он выражает не конкретные, а наиболее общие отношения — в первую очередь, отношения принадлежности, партитивности и некоторые другие смежные по значению отношения, включаемые нами в посессивность: *the roof of the house* 'крыша дома', *the trees of the park* 'деревья парка', *the bulk of the work*, 'объем работы', *the roar of planes* 'гул самолетов', *a portrait of Blanche* 'портрет Бланш', *the plans of generals* 'планы генералов' и т.д. В подавляющем большинстве

случаев именем possessора в таких словосочетаниях является неодушевленное существительное.

Наряду с предлогом *of* для выражения отношений possessивности в английском языке используется формант *'s*. Подобная possessивная конструкция состоит из существительного или субстантивного словосочетания, обозначающего одушевленное существо, с формантом *'s* и второго существительного: *Irene's lips* 'губы Ирены', *the two men's eyes* 'глаза двоих мужчин', *nobody else's business* 'ничье дело'. В современном языке наблюдается тенденция к употреблению в таких словосочетаниях также и существительных, обозначающих неодушевленные предметы: *the water's edge* 'край воды', *his book's success* 'успех его книги'. Однако все же продолжает соблюдаться различие между употреблением предлога *of* и форманта *'s* по признаку одушевленности — неодушевленности имени possessора.

ВЫРАЖЕНИЕ ПОССЕССИВНОСТИ С ПОМОЩЬЮ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Поссесивные отношения во всех языках могут передаваться также с помощью определительных придаточных предложений. Последние выражают значение принадлежности. При этом в зависимости от характера предиката придаточного предложения наблюдается разная степень неотчуждаемости объекта обладания — существительного, входящего в состав главного предложения. Ср. по убывающей степени неотчуждаемости русск. *Письменный стол, который принадлежит мне*, = 'мой стол'; *Письменный стол, за которым я работаю*, = 'мой стол'; *Автобус, которым я обычно езжу на работу*, = 'мой автобус'; *Экзамен, который мне предстоит сдать*, = 'мой экзамен' и пр.

ПОСЕССИВНОСТЬ И ДРУГИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

I

Как и большинство функционально-языковых категорий, посессивность, будучи объективно представленной в языковой системе, не соотносится в то же время с четко обозначенным набором языковых средств, характеризующих только одну эту категорию. На формальном уровне посессивность выражается применными словосочетаниями, где управляемый компонент может быть выражен родительным и дательным падежами существительного, предложной конструкцией, местоимением с посессивным значением, притяжательным прилагательным, глагольными сочетаниями с *иметь* и *быть* и т.д. В свою очередь каждая из этих формальных структур соотносится с набором сем, только часть из которых может быть связана с семантикой посессивности¹. Тот факт, что грамматические категории, в частности, категории падежа, имеют "общее значение", делает на уровне лингвистического анализа затруднительным отсечение чисто посессивных значений от несобственно посессивных и от непосессивных вообще на тех участках грамматической системы языка, где посессивные значения могут иметь место². См., например, *Имя ему дали Василий— Руку ему оторвало во время катастрофы— В руки ему дали чашу— Ему дали чашу*. Во всех этих примерах форма дательного падежа *ему* связана с общей семантикой бенефактивности, личностной направленности действия, однако сема посессивности представлена не во всех конструкциях. Сказанное относится к содержательным связям категории посессивности в пределах грамматической системы любого конкретного языка. Можно сказать так: конструкция X имеет набор значений, в число которых входит и значение посессивности, однако значение посессивности представлено не во всех употреблениях конструкции X. В то же время конструкция X обладает неким "общим значением", через это "общее значение" посессивность оказывается связанной и с другими значениями конструкции X.

Соединенной с другими содержательными категориями посессивность оказывается не только на уровне грамматической системы, но и на уровне высказывания. Под соединенностью имеется в виду не

¹ См. замечание Е.М. Вольф о том, что "нет таких грамматических структур, которые обозначают только владение в узком смысле слова" [Вольф 1977, 170].

² Знаменательно в этом аспекте настойчивое требование Р. Якобсона не смешивать "общее значение" падежей и "основное, или главное" значение, которое терминологически открывает путь для расщепления падежа как категории [Якобсон 1985, 136].

случайная совмещенность посессивных и непосессивных структур в одном высказывании, что тоже может иметь место. Например, *Моя машина сейчас находится в гараже*. Здесь посессивная конструкция (*моя машина*) сосуществует в высказывании с локативной (*в гараже*), но они дистантны и структурно не объединены. Подлинная совмещенность локативного и посессивного значения в одной структуре представлена, по нашей точке зрения, в русской конструкции "у+род.": *У Пети заболела голова*. Таким образом посессивность оказывается связанной с другими грамматическими категориями.

Однако в концептуальной системе высказывания семантика посессивности оказывается обусловленной и тем, что посессивы, выступая в роли примененных детерминативов, входят в парадигматические связи с другими определителями имени (демонстративными, неопределенными местоимениями, артиклями и т.д.) и включаются — в общей системе шифтерных показателей — в коммуникативно-текстовые отношения высказывания. Ср. *Со стола упала конфета* и *Со стола упала моя конфета*. Посессивы выполняют таким образом функции показателей определенности и показателей анафоричности, т.е. выступают как показатели текстовых отношений.

Третьей группой содержательных категорий, связанных с посессивностью, являются категории модально-оценочные, связанные с прагматической стороной семантики высказывания. Например, *Он пришел домой после работы и принял свой душ*. *Свой* здесь значит "привычный, регулярный". Ср. чеш. *Knedlíky, to je moje jídlo* (т.е. мое любимое блюдо) и под.

Таким образом, все содержательные категории, связанные с посессивностью, делятся на три группы: категории грамматические, категории текстовые и категории прагматические. Возможность смысловых корреляций с каждой из этих групп объясняется принципиально различными сторонами речевой манифестации категории посессивности.

Оказывается возможным сформулировать общий принцип формального различения каждой из этих трех названных групп. Для первой группы существенна многозначность языковой конструкции. Например, конструкция *Сущ._{им.} + Сущ._{2род.}* может иметь и не иметь посессивную семантику: *шляпа отца* и *выдача зарплаты*. В этом случае задача описания — определить посессивные семы от других значений данной структуры.

Для текстовых категорий нет необходимости в подобном разделении сем, но важно выявить, имеет ли несомненно присутствующая в данной конструкции семантика посессивности еще дополнительное смысловое наложение в виде, например, подчеркнутого противопоставления: *Он послал туда своего сына* (чистая посессивность) и *Он послал туда своего сына* (посессивность+противопоставление и/или подчеркнутость).

Прагматические категории связаны в речепотреблении с возможностью выбора. Прагматические коннотации возникают там, где нет грамматической обязательности, но есть грамматическая допустимость. В свете высказанного тезиса очевидно, что реализация праг-

матических категорий в первую очередь зависит от частоты и обязательности употребления посессива в данном языке. Например, если в русском языке было бы обязательно отмечать посессивом каждый предмет, находящийся во временном или постоянном владении актанта (*Я поднес свою ложку к своей тарелке и отломил кусок своего хлеба*), то тогда высказывания типа *Я столько слышала о вашем Петрове* или *Он опять принялся за своего Робинзона Крузо* и под. не могли бы приобрести никаких дополнительных коннотаций.

Таким образом, для грамматических пересечений важно отделить посессивность от непосессивности в пределах одной и той же формы; для текстовых — выявить, есть ли дополнительная семантика у конструкции заведомо посессивной; для прагматических — определить семантику выбора между нулевой формой посессива и/или посессивами равной степени допустимости.

Решение указанных задач представлено в настоящей главе. Полученные результаты имеют и типологический аспект: привлекаются данные польского, чешского, словенского, сербскохорватского, болгарского и русского языков. Для получения единообразного по материалу описания, основанного на точном чувстве языка, мы обращались к информантам — носителям указанных языков. Все информанты были филологами, преподавателями соответствующего языка в русской аудитории, умеющими анализировать семантические тонкости обсуждаемых примеров³.

II

Соотношение пространственного, экзистенциального и посессивного значений представляется уже априори языковой универсалией, поскольку обладание чем-то предполагает существование этого чего-то, а существование немислимо без пространственной реализации. Эти три категории связаны с денотативной стороной высказывания, определяющей актантно-ролевое воплощение ситуации, являющейся денотатом высказывания⁴. Однако, хотя категориальная близость посессивности, локативности и экзистенциальности прослеживается на материале большинства языков, каждый из них структурирует эти соответствия по-разному.

Связь посессивности с локативностью и экзистенциальностью — одно из древнейших языковых категориальных совмещений [Иванов 1973]. Однако по мере развития каждого языка тип этого совмещения и форма его выражения может меняться. Ниже предлагается общая схема совмещения/несовмещения этих категорий. Каждый классификационный тип является типом выражения посессивности в ее кор-

³ Сходный метод применялся О.Н. Селиверстовой [Селиверстова 1977].

⁴ О сближении этих категорий см. [Арутюнова, Ширяев 1983; Селиверстова 1973; Селиверстова 1977; Селиверстова 1983а; Панде 1981; Lyons 1967; Bach 1967; Lehiste 1969; Christie 1970].

реляции с бытийностью и локативностью. Таких категориальных пучков может быть три:

	Лок.	Экзист.	Посесс.
1. Представлены все три категории	+	+	+
2. Представлены две категории (без локативности)	-	+	+
3. Представлена одна категория	-	-	+

Иные комбинации невозможны, так как они исключают сему посессивности и тем самым оказываются вне настоящего исследования.

Тип 1. Локативность + экзистенциальность + посессивность

Необходимо заметить, что в данном случае под локативностью понимается указание на нахождение явлений или предметов в "сфере влияния" актанта. Поэтому не совмещенным, а чистым локативом мы считаем локатив в том случае, когда он отвечает на вопрос: Где находится данный предмет? Например, *Где наша машина?* — *Машина у Пети*. В ответной реплике *У Пети* есть по нашему мнению, чистый локатив, функционально тождественный локативу в реплике: *Машина в гараже*. Был предложен критерий, согласно которому локатив, связанный с посессивностью, соотносится с вопросом: Что происходит в данном пространстве?⁵ Однако, в этих случаях возможны ответы типа *В лесу много грибов*, *В комнате сидит несколько посетителей*, где экзистенциальность связана не с посессивностью, но только с локативностью. Подобного рода совмещение передается конструкциями типа *There is, Il y a, Es gibt*. Существенно для разбираемых нами случаев различие между высказываниями *В машине есть специальное приспособление для спортивного инвентаря* и *У машины есть специальное приспособление для спортивного инвентаря*. Только в последнем случае мы говорим о совмещении локативности, экзистенциальности и посессивности. Именно эта русская конструкция с у+род. переводится в 'иметь'-языках конструкцией с 'иметь': *У нее в глазах были слезы* — чеш. *V očích měla slzy*; *Сегодня у нас гости* — чеш. *Dnes máme hosty*; *У него уже есть седые волосы* — чеш. *Má už někteřé šedivé vlasy* и под. [Mrázek, Врум 1962].

Указанное совмещение трех категорий не связано обязательно с конструкцией "у+род.", см. ст.-слав. БЫСТЬ НА ВЪСЪХЪ СТРАХЪ (Л, I, 65); БЫСТЬ ОУЖАСЪ НА ВЪСЪХЪ (Л, IV, 36); I БЛАГОДАТЬ БЖИЪ БЪ НА НЕМЪ (Л, II, 40).

Тип 2. Экзистенциальность + посессивность

В славянских языках этот тип представлен, как правило, глаголом бытия+род. п.: ТАЦЪХЪ БО ЕСТЬ ЦСРСТВИЕ БЖИЕ (М, X, 14), ТАКОВЫХЪ БО ЕСТЬ ЦСРСТВИЕ НЕБСКОЕ (Мф. XIX, 14); польск. *Dom jest Adama*. Возможность/невозможность замены этой конструкции на 'иметь'-конструкцию считается в некоторых работах критерием различения отчуждаемого владения ('быть'+род.) или неотчуждаемого (*'быть'+род.) [Писаркова 1974]: польск. *Adam ma dom*—

⁵ Этот критерий предлагается К.Г. Чинчлей [Чинчлей 1984б, 5]

Dom jest Adama; Adam ma dwie ręce — **Dwie ręce są Adama; Adam ma kłopoty* — **Kłopoty są Adama*.

Сл. кным случаем для излагаемой классификации являются посессивные бытийные конструкции с дательным падежом имени. Строго говоря, их можно считать лишенными локативности. Однако, как показывает Вяч. Вс. Иванов, посессивные отношения в древних языках часто сочетались с формой так называемого направительного (позднее — дательного) падежа [Иванов 1973, 57], недаром в парадигмах имени современных славянских языков и на этапах более ранних формы дательного и местного падежей часто совпадают. В большинстве славянских языков 'там' и 'туда' представлены одним словом, т.е. направление и локальное состояние совпадают. Поэтому бытийные посессивные предложения с дательным падежом обладателя: И НЕ БЪ ИМА ЧАДА (Л, I, 7) можно считать промежуточным случаем между типом 1 (с тремя совмещенными категориями) и типом 2 (без локативности)⁶.

Тип 3. Посессивность

В этом типе посессивность выражена лексически (см. главу III).

Классификационной проблемой является определение статуса 'иметься' — 'не иметься' в восточнославянских конструкциях типа *Батьків у тебе немає?* (укр.), *У мяне няма часу* (бел.). Если конструкцию с *иметься* считать бытийной (*У меня имеются три вопроса*), то этот тип входит в группу 1 (локативность+экзистенциальность+посессивность), если не считать ее бытийной, то это будет совмещение локативности и посессивности минус бытийность.

Широко известное членение языков на *have-языки* и *be-языки* [Isačenko 1974] не делит славянский ареал на две непересекающиеся группы. Так, и восточнославянские языки знают конструкцию с 'иметь': см. *Не имею ни малейшего желания туда ехать* (русск.); *Ён мае талант у руках* (бел.) *Хто мае охоту держати банк?* (укр.) и под. Таким образом, можно говорить лишь о тяготении к каждому из этих двух типов.

Однако, существенно, что типологически 'быть'-языками оказываются языки, субстратно и ареально близкие к славянским. Это финноугорские языки, также сочетающие посессивность с бытийностью и с дательным падежом: эст. *Karolynak dāza van* 'Карлу — дом — его — есть' или с падежом локативного значения: *Isallā on talo* 'Отец+при+есть+дом'. См. подробно об эстонском у Лехисте [Lehiste 1969]. Тот же тип совмещенной посессивности представлен в кельтских языках. Ср. валл. *У мае ci gan у dyn* 'Есть+собака+при+мужчина', а также ирландск. *Tá deirfir ag Sean* 'Есть+сестра+у+Шон', *Má teach ag Sean* 'Есть+дом+у+Шон', *Tá sneachta againn* 'Есть+снег+у+нас', *Tá a rogha aige* 'Есть+его выбор у него'. Сходную структуру высказывания знал и древнеармянский язык [Тер-Аракелян 1972].

Несмотря на ареальную и генетивную отдаленность, именно эту модель демонстрирует и японский язык: локативный показатель *ni*+субъект обладания+объект обладания+бытийный глагол. Напри-

⁶ Р. Мразек считает такие конструкции чисто посессивными [Мразек 1963].

мер, *Watakusi wa ani ga are* ('Я+старший брат+я+локатив+существовать') [Bach 1967, Wierzbicka 1979, 371].

В связи со сказанным встает вопрос: скрывается ли за делением языков на 'быть'-тип и 'иметь'-тип факт универсалии языковой эволюции или это разбиение есть не интерпретируемый диахронически показатель синхронных типологических различий? На первой точке зрения стоит Э. Бенвенист, который, проанализировав древние языки, пришел к выводу об утверждении первенства 'быть'-конструкции и ее количественном преобладании: "Каждый может легко убедиться, какие бы языки он не взял, в преобладании типа "mihi est" ("У меня есть") над типом "habeo" ("имею") [Бенвенист 1974, 212]. Языковое развитие, по Э. Бенвенисту, однонаправленно: развитие идет от "mihi est" к "habeo", но не наоборот.

В свете этой гипотезы вполне объяснимы и такие как будто бы противоречивые явления, как развитие 'иметь'-типа у языков, хронологически более древних: возникновение 'иметь'-структуры есть факт относительной хронологии (т.е. развития именно этого языка), а не факт абсолютной хронологии.

Бытийные конструкции с у+род., совмещающие локативные, possessивные и бытийные семы в пределах всего высказывания, известны всем славянским языкам, кроме современного словенского. Для старославянского языка этот тип был исследован К.И. Ходовой [Ходова 1966]. Проследивая семантику конструкции с у+род., она обнаруживает переход от чистой локальности к близости и совместимости, а от них — к значению владения, обладания предметом, находящимся в близости к лицу". См. примеры УПОСТАСЬ МОЪ ОУ ТЕБЕ ЕСТЬ (Син. пс. XXVIII, 8); ОУ ТЕБЕ ЕСТЬ ИСТОЧЬНИКЪ ЖИВОУОУ (Син. евх. 79₃); ОУ ТЕБЕ ЕСТЬ ДРЪЖАВА (Син. евх. 64₆₋₇); ОГНЬ БО... ВЕСЬ І-ЕСТЬ ОУ ИМЖШТААГО (Супр. 95₆).

Поддерживая и дополняя идеи К.И. Ходовой об общеславянском распространении этой модели, К. Мирчев приводит факты, свидетельствующие о том, что ОУ-конструкция была возможной и реальной для среднеболгарского языка XIII и XIV в. [Мирчев 1971]. См. Добрейшево Евангелие XIII в.: НЕ БЪШЕ ОУ НЕЮ ЧАДА — Л, I, 17; перевод Манасиевой хроники XIV в.: ДЪШТИ БЪ ОУ ЦАРЪ МИДСКАГО, 24; БЪШЕ СЫНЪ ОУ ЦАРЪ КИРА ИМЕНЕМЪ ЗМЕРДИЕ, 28; ОУ СЕГО БЪ ЦАРЪ СЪПРЖЖНИЦА ТEOДOPА, 120; НЖ ТАКОВЫМИ ДАРМИ ЦАРЕВИ ИСПЛЪНЪМОУ НЕ БЪ ОУ НЕГО ДЪЩЕРЕ НИ СЫНА, 120 (в греческом оригинале во всех этих случаях представлен дательный падеж). По мнению К. Мирчева, процесс замены праславянской структуры с Dativus ("mihi est") на предложную у-конструкцию шел параллельно и в болгарском, и в русском языках, но в русском языке эта конструкция всегда была активной, а в болгарском постепенно вытеснялась. Ср. примеры этой конструкции в древнерусском: *Се бѣ искони оу бѣ* — Ио. I, 2. Остр.ев.; *Прослави ма, Очѣ, оу тебе самого славо: ж ѣже имѣхъ прѣже даже не бысть миръ оу тебе* — Ио. XVII, 5, там же; *Таче быша снове мнози оу Владимира* — Нест Бор. Гл. 8; *Аже боудуть дѣчери оу него дома, то да-ати часть на не* — Р. Правда; *Родиса оу княз снѣ оу І-Аросла* —

Новг. I, л. 6699. Ср. также в Смоленской грамоте 1229 г.: *Где есть луга у немцев или у готов, владеть ими тем, где они их объявят.*

Таким образом, кроме словенского, эта конструкция известна всем славянским языкам. Ср. укр. *У мене є гроші; Такі, справді, у страху очі завеликі; Що було в його поля, худоби, що всякого добра; Клімат у нас не той, що за кордоном; У Андрія під вусом блукає усмішка; У сусіда хата біла, у сусіда жінка міла;* бел. *У яго три сыны; У вас ёсць размах; У мяне грошай ёсць; У нас парубкі ж як орлята; У яго загареліся вочы;* срх. *У тога царя биле су уши козје; У бога су пуне руке; У кога је погаћа, у тога и нож;* бол. *У него заяшко сърце; У тебе ли е писалката?;* мак. *Еден син у мајка;* польск. *Co godzina inne sympatie u tej kobiety;* чеш. *Později se u něho projevil zájem o hudbu; Dnes jsou u mne hosté; U nás je takový stadion; U nás je velitelem X.*

Русский язык предпочитает локативную форму с у+род. и в собственно бытийных конструкциях, там, где другие славянские языки выбирают дательный падеж: *У меня умерла мать, Matka mi zmarla* (польск.), *У меня текут сапоги — Теče mi do bot* (чеш.), *На руке у него сидела птичка — Na rukou mi seděl ptáček* (чеш.), *Дочь у меня учится в Праге — Dcera mi studuje v Pražě* (чеш.); *У меня умерла мать — Умрла ми је мајка* (срх.); *Волосы у меня седеют — Коса ми је већ помало седа* (срх.). По сообщению сербского информанта, конструкция с у+род. в настоящее время встречается в нелитературной речи жителей сельской местности и достаточно распространена как некодифицированный вариант. Например, *У тебе је слама у глави; Имам дрхтавицу у рукама; У мене ћерка студира у Београду; У неџа су болесне ноге.*

В конструкции с у+род. происходит дезактивация субъекта, топик высказывания помещается в локативную по форме конструкцию, а грамматический субъект передает объект обладания. Напротив, дательный падеж, употребляемый в славянских языках, передает активную направленность на субъект обладания.

Конструкция "у+род." в русском языке активна и вытесняет пассивную конструкцию с *иметь*. У+род. — конструкция свойственна как основная русской разговорной речи. И в то же время, по Э. Бенвенисту, эта конструкция является фактом древности. Действительно, многие, занимавшиеся этой конструкцией, отмечают ее разговорный, неархаический характер. Так, К. Флекенштейн считает ее в основном конструкцией XX в., отмечая как инновацию тот факт, что раньше у+род. применялся в основном по отношению к одушевленному лицу, а в настоящее время — и к абстрактным понятиям: *управление у слов*, и к отношению "часть — целое": *кран у ванны* и т.д. [Флекенштейн 1970]. Также считает эту конструкцию разговорной, поздней и возникшей на базе чисто локативных отношений В.И. Собинникова [Собинникова 1958]. По ее данным, конструкция "у+род." в основном фигурирует в русском языке старшего периода, т.е. в текстах XV—XVI в., а не в более ранних — там, где тексты близки к живому разговорному языку. Напротив, Г. Сафаревичова считает эту конструкцию старой, в древнерусском языке она синонимична 'иметь'-кон-

струкции, но более раннее доминирование 'иметь' объясняется старославянским влиянием [Safarewiczowa 1964]. Как представляется, противоречие здесь кажущееся. Оно объясняется распространенным ранее заблуждением, связанным со статусом разговорной речи. Поскольку разговорная речь и ее конструкции стали позднейшим лингвистическим фактом, то она, по экстраполяции, считается и поздним языковым материалом. Между тем, очевидно, разговорная речь есть и хранилище реликтовых конструкций, и арена для инноваций. Таким образом, не все количественно активно распространяющееся есть новый языковой факт.

В целом конструкция "у+род." вполне соответствует той модели славянского синтаксиса, которая отражает содержательную тенденцию передавать событие в целом [Николаева 1982, гл. IV]. Одним из критериев наличия этой тенденции является легкость — затрудненность анализа предложения по непосредственным составляющим. Затрудненность эта отчетливо проявляется в старославянском языке, в частности, в конструкциях с дательным падежом типа: СЪ ОТВРЪЗЫИ ОЧИ СЛЪПООУМОУ (И. II. 37); ОУРЪЗА ЕМОУ ОУХО (Мф. 26. 51); ВЪЗЛОЖИША НА ГЛАВЖ ЕМОУ (И. 19.2.) и под. Такие высказывания трудно разложимы на синтаксически подчиненные единицы — Возложил ему? Возложил на голову? Возложил на голову+ему? или Возложил ему+на голову? В греческом тексте в этих конструкциях представлен генитив, объединяемый с управляющим словом в одно словосочетание. Особенно отчетливо факт принадлежности конструкций с дательным падежом всему высказыванию проступает в ситуации с названием имени: ГРАДЪ ЕМОУ ЖЕ ИМА НАЗАРЕТЪ (Л. I.26), ЮАНЪ ЕСТЬ ИМА ЕМОУ (Л. I.63) и под. Ср. с этим ЪВИХЪ ИМА ТВОЕ ЧЛВБКЪ (И. 17.6), ИМЕНА ВАША НАПИСАНА СЖЪ НЕБСХЪ (Л. 10.20). Если бы на выбор формы не влиял тип высказывания в целом, то были бы возможны структуры *ИМЕНА ВАМЪ, ИМА ТЕБЪ в последних примерах. Большая семантическая связанность старославянского высказывания проявляется и в многочисленных вставках посессивов при отсутствии их в греческом. К общесемантической связанности высказывания можно отнести и известное всему славянскому миру правило рефлексивизации: появление местоимения СВОИ, когда объект обладания относится к грамматическому субъекту, и других посессивов — в остальных случаях. Ср. ИЗИДЕ ЖЕ ИСЪ И ОУЧЕНИЦИ ЕГО ВЪ ВЪСИ КЕСАРИИ-А ФИЛИПОВЫ. I НА ПЖТИ ВЪПРАШААШЕ ОУЧЕНИКЫ СВОИ-А (Мф. 8.27), в греческом языке в обеих конструкциях одинаково употреблен родительный падеж местоимения 3 лица: αὐτῆς.

Русская бытийная конструкция с у+род. является таким образом конструкцией, совмещающей понятийные категории, налагающиеся друг на друга в пределах одного высказывания. Сопоставляя эту конструкцию с польскими посессивными структурами, Г. Сафаревича показывает, что в русской конструкции совмещаются две глубинные структуры: активная и инактивная:

Золотые руки у Ивана = *Iwanko ma złote ręce* + *Ręce Iwanka są złote*;

У меня больные ноги = *Nogi moje są chore + Mam chore nogi* [Safareviczowa 1964, 11].

Неоднократно отмечалась синонимичность или квазисинонимичность конструкции "у+род." другим посессивным конструкциям. Например, *У меня есть к Вам предложение — Я имею к Вам предложение; Руки у нее дрожали — Ее руки дрожали; Они разбили стенку у ванны — Они разбили стенку ванны* и т.д. Однако эти корреляции далеко нерегулярны, а ряд конструкций оказывается безэквивалентным. Например, *Она у меня молодец! — *Я имею молодца, *Она мой молодец* и т.д.

В пределах славянского ареала конструкция "у+род." может совпадать и не совпадать при эквивалентности семантики высказывания. Например, ср. русский и чешский варианты: *У Петра умерла жена — Petrovi zemřela žena; Ножка у стола сломалась — U stolu se zlomila noha; Листки у календаря были вырваны — Listky z kalendáře vytrženy; Дочь у нее учится на филологическом факультете — Její dcera studuje na filologické fakultě.*

Задача исследования состоит в том, чтобы выяснить, какова в каждом славянском языке дистрибуция этих посессивных конструкций, каково их количественное предпочтение и каковы при этом интерязыковые соответствия.

Дальнейший предлагаемый ниже анализ типологии бытийных посессивных конструкций с у+род. строится, в первую очередь, на отграничении бытийных конструкций с у+род. от небытийных конструкций с у+род. Поэтому не рассматриваются конструкции типа *У Маши сильно заболели зубы; У нее внезапно заболело сердце*; не рассматриваются также высказывания с приименным у+род.: *Волосы у нее отливали золотом.*

В пределах бытийной конструкции с у+род. посессивность может включаться с разной степенью активности, может и не присутствовать совсем. Мы не придерживаемся расширенного понятия посессивности, включающего в себя вообще отношение ко всему пространству, в рамках которого существует актант, будь то "денотативное пространство" или "психологическое пространство". В соответствии с позициями настоящей монографии считаем, что в высказывании *У нас есть книга* 'мы' и 'книга' связаны отношением посессивности, а в высказывании *У нас дождь* 'мы' и 'дождь' этим отношением не связаны (необходимо еще раз подчеркнуть, что речь идет о грамматических, а не о прагматических отношениях). Поэтому в прагматическом плане возможно: *Наш дождь утих*, т.е. тот дождь, о котором мы писали, наш привычный дождь и т.д. См. об этом далее).

Таким образом, практической задачей было выработать методику формального выделения посессивных сем в пределах бытийной структуры *У X есть У*.

Существенной особенностью именно русских бытийных предложений этого типа является универсальность. Как пишут Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев [Арутюнова, Ширяев 1983, 184—185], "использование одного принципа для описания мира и человека, категорий субъективных и объективных, составляет особенность русского языка, отли-

чающую его от романских, германских и западнославянских языков, в которых сообщения о мире и его частях, взятых в плане их предметного содержания, создаются по бытийному типу, представленному специальными синтаксическими конструкциями ..., а микромир человека изображается в виде его "владений".

Еще одной особенностью высказываний с конструкцией "у+род." является возможность комбинации конструкции "у+род." с другим локализатором. В этом случае личное местоимение становится притяжательным (существительное в родительном падеже преобразуется в производное прилагательное). Например, *У нас на улице — На нашей улице; У меня в семье — В моей семье* и т.д. Однако такое объединение оказывается возможным не всегда: *У меня за Окоя есть дом — *За моей Окоя есть дом* или *У нас в августе цвели одуванчики — *В нашем августе* и т.д.

Таким образом в высказываниях с конструкцией "у+род." существенно решить две проблемы, связанные с вычленением собственно посессивных сем в их отличии от смежных содержательных категорий.

Схема анализируемого высказывания:

[У X]+[в, на, при и т.д.]+[есть/∅]+У

Лок. 1

Лок. 2

Первая проблема определяется следующим образом: В каких случаях X и У связаны отношением посессивности, а в каких Лок. 1 передает чистую локативность? Возможны ли промежуточные случаи?

Вторая проблема определяется следующим образом: Когда оказывается возможным объединение Лок. 1 и Лок. 2 в единый локатив при сохранении общего смысла и преобразовании у+род. в конструкцию с изменяемым посессивом?

Для решения первой проблемы применялся метод трансформаций — подстановок. Конструировалось высказывание, как бы непосредственно следующее в контексте за анализируемым. В это экспериментальное высказывание вставлялись допустимые и прагматически нейтральные приименные детерминативы из следующего набора: *Этот, -а, -о; Этот мой (наш, ваш и т.д.); Его (мой, ваш, свой и т.д.); ∅*. Например, *У нас в саду есть яблоки. Эти наши яблоки отнимают очень много времени; У нас в саду есть яблоки. Эти яблоки были посажены еще моим дедом; У нас в саду есть яблоки. *Наши яблоки...*

Оказалось, что в некоторых случаях высказывание допускает разное число подстановок. Выявились следующие пять групп высказываний с у+род. по числу и типу возможных детерминативов:

1. *Этот / Это его / Его.*
2. *Этот / Этот его / *Его.*
3. **Этот / *Этот его / Его.*
4. *Этот / *Этот его / *Его.*
5. ∅

В соответствии с указанным типом возможных подстановок считалось, что семы посессивности присутствуют в группах 1, 2, 3, но не присутствуют в группах 4 и 5, где возможны подстановки только *Этот* или ∅.

Еще одним критерием типологического сопоставления был критерий оценочной модальности, возникающей или не возникающей при введении детерминатива. Например, *У меня есть брошка. Эта моя брошка всем нравится* — нет пейоративного оттенка. *У нее есть брат. Этот ее брат работает учителем* — появляется легкий пейоративный оттенок. *У него нет матери. *Эта его мать умерла несколько лет назад* — вообще невозможно.

Оказывается, что появление/непоявление пейоративного оттенка различается по славянским языкам и во многом связано с наличием/отсутствием в каждом языке артиклевой функции у слова 'этот'.

Группа I. Подстановки: *Этот / Это его/ Его*

В группу входят подгруппы высказываний со следующей семантикой: 1) X обладает постоянным У-ом, который может входить в некоторое множество однородных ему феноменов. Русск.: *У меня есть кот. Этого кота любит весь дом; У меня есть кот. Об этом моем коте ходят легенды; У меня есть кот. Моего кота ни с чьим не спутаешь; такой он пушистый.* Польск.: *Mam kotka. Ten kotek codziennie budzi mnie o szóstej godzinie; Mam kotka. Ten mój kotek jest czarny; Mam kotka. Mój kotek nosi zawsze czerwoną wstążeczkę.* Чеш.: *Mám kocoura. Tento kocour má rad mléko; Mám kocoura. Můj kocour má rad mléko; Mám kocoura. Tento můj kocour má rad mléko.* Слвн.: *Na ulici sem videla mačko. Ta mačka je bila videti zelo lačna; Imam mačko. Moja mačka je zelo lačna.* Срх.: *Ja имам мачка. Тај мачак је врло леп; Ја имам мачка. Тај мој мачак често спава; Ја имам мачка. Мој мачак лови мишене* (по сообщению информанта, *Тај мој* употребляется чаще и нейтральнее, чем *тај негов*). Бол.: *Имам котка. Тази моя котка е много хитра; Имам котка. Тази котка е много хитра; Имам котка. Моятта котка е много хитра. Котка та ми често я крадат.*

2) У обладает теми же свойствами, но характеризуется количественно. Русск.: *У нее трое детей. Эти дети всегда поражали своими способностями; У нее трое детей. Эти ее дети были грозой нашего района; У нее трое детей. Ее дети были очень похожи друг на друга.* Польск.: *Basia ma troje dzieci. Te dzieci wszystkim nam obrzydly; Basia ma troje dzieci. Te jej dzieci wszystkim nam obrzydly; Basia ma troje dzieci. Jej dzieci chodzą do szkoły.* Чеш.: *Ivan má tři bratry. Tito jeho bratři žijí v Moskvě; Ivan má tři bratry. Jeho bratři žijí v Moskvě; Ivan má tři bratry. Tito bratři žijí v Moskvě.* Слвн.: *Maria ima pet otrok. Ti njenj otroci so zelo nadarjeni; Maria ima pet otrok. Ti otroci so zelo nadarjeni; Maria ima pet otrok. Njeni otroki so zelo nadarjeni.* Бол.: *Той има двама братя. Тези неговите братя са хвали единая — удари другия; Той има двама братя. Неговите братя са по-возрастни; Той има двама братя. Тези братя са по-возрастни; Той има двама братя. Братята му са по-возрастни.*

По данным информанта, пейоративный оттенок в болгарском языке имеют сочетания с *тези* и *тези негов*, но не имеют его *неговите* и *братята му*.

3) X обладает неодушевленным, но психологически важным для

него ("престижным"?) У-ом, которого в принципе он может и не иметь: машина, дача, яхта и пр. Русск.: *У Сергея есть машина. Эта машина досталась ему нелегко; У Сергея есть машина. Эта его машина всегда была объектом моей зависти; У Сергея есть машина. Его машина может развивать большую скорость.*

В других анализируемых языках представлена та же модель замены (ср. польск. *Kowalscy mają willę; Andrzej ma samochód; Staszek ma jacht* и т.д.; чеш. *Maša má chatu* и т.д.).

В болгарском языке включается активная семантика пейоративности в сочетании *тази нейна* и *тази* (слабее): *Ваня има вила. Тази вила ѝ изяде главата; Ваня има вила. Тази нейна вила ѝ изяде главата.* Этого оттенка нет в *Вилата ѝ е голяма* и *Нейната вила е голяма.*

4) У обозначает некоторую ситуационную характеристику. Русск.: *У Петрова большие связи. Эти связи помогут ему устроить дела; У Петрова большие связи. Эти его связи стали притчей во языцех; У Петрова большие связи. Его связи часто используются знакомыми.* Чеш.: *Petrov má velké styky. Tyto jeho styky mu jsou na obtíž; Petrov má velké styky. Jeho styky mu jsou na obtíž; Petrov má velké styky. Tyto styky mu jsou na obtíž.* Слвн.: *Petrov ima dobre zveze. Te njegove zveze so trdni; Petrov ima dobre zveze. Njegove zveze so trdni.* По замечанию информанта, *te zveze* не относятся к сфере владения актанта. Бол.: *Петров има големи връзки. Тези неговии връзки са навсякъде; Петров има големи връзки. Тези връзки са навсякъде; Петров има големи връзки. Неговите връзки са навсякъде; Петров има големи връзки. Връзките му са навсякъде.*

5) X обладает обязательным У-ом с необязательными свойствами. Русск.: *У Нади голубые глаза. Эти глаза она унаследовала от матери; У Нади голубые глаза. Эти ее голубые глаза всегда мне напоминали кусочки эмали; У Нади голубые глаза. Ее глаза были единственным ее достоинством⁷.* Чеш.: *Nad'a má modré oči. Její modré oči jsou příjemné; Nad'a má modré oči. Tyto modré oči jsou příjemné. *Tyto její oči...* Слвн.: *Nadja ima modre oči. Njene modre oči so zelo lepe.* По сообщению информанта, *te* или *te njene* имеют пейоративную окраску.

Точно так же имеют пейоративную окраску сочетания с 'эти' и 'эти ее' в сербскохорватском и болгарском языках. Нейтральными в болгарском языке являются лишь членные конструкции: *Момчето има дълги коси. Нейните коси са руси.*

6) X обладает У-ом постоянным, но необязательным. Русск.: *У него есть воля. Эта воля помогает ему жить; У него есть воля. Эта его воля всегда вызывала у меня зависть; У него есть воля. Его воля должна служить нам примером.* Польск.: *On ma silną wolę. Ta jego wola pozwoliła mu wiele osiągnąć; On ma silną wolę; Jego wola pomaga mu stale w życiu; On ma silną wolę. Tę wolę*

⁷ Подобные высказывания часто переходят в высказывания с подчеркнутой актуализацией признака: *Косы у девочки были длинными; Лекции у этого профессора интересные; Собрание у нас было бурным*, где у-локализатор превращается в у-определение [Арутюнова, Ширяев 1983, 71].

mial on od dzieciństwa. Чеш.: *Má vůli. Tato vůle mě okouzlovala; Má vůli. Tato její vůle mě okouzlovala; Má vůli. Její vůle mě okouzlovala.* Слвн.: *Ima vkus. Njen vkus me je vedno presenečal; Ima vkus. Ta njen vkus me je vedno presenečal.* По сообщению информанта, *ta vkus* здесь недопустимо. Срх.: *Она има вољу. Та воља је јака; Он има вољу. Та његова воља ми је досадила; Он има вољу. Његова воља је смешна.* Бол.: *Той има воля. Тази негова воля е пословична* (Пейоративное употребление); *Той има воля. Тази воля е пословична* (пейоративное употребление); *Той има воля. Неговата воля е пословична; Той има воля. Волята му е пословична.*

Итак, во всей разобранной группе семантика посессивности наличествует активно: возможна и подстановка *этом его* и подстановка *его*.

Общую специфику семантики этой группы можно передать как обозначение постоянной, но факультативной принадлежности (так, можно не иметь кошки, братьев, дачи, связей, воли, голубых глаз, но если это есть, то, как предполагается, надолго).

Группа 2. Подстановки *Этом/Этом его*, но не **Его*

В эту группу входят подгруппы высказываний следующей семантики.

1) Сообщение о владении X-а У-ом в прошлом. Русск.: *Была у меня в детстве одна кукла. Эта кукла была случайно куплена бабушкой где-то на севере; Была у меня в детстве одна кукла. Эта моя кукла почему-то вызывала зависть подруг; Была у меня в детстве одна кукла. *Моя кукла...* Польск.: *Miałam kiedyś czajnik. Ten czajnik wszyscy pamiętają; Miałam kiedyś czajnik. Ten mój czajnik wszyscy pamiętają; Miałam kiedyś czajnik. Mój czajnik wszystkim się podobał.* Чеш.: *V dětství jsem měla jednu panenku. Tato panenka byla vyrobená z břeva; V dětství jsem měla jednu panenku; Tato moje panenka byla vyrobená z dřeva; V dětství jsem měla jednu panenku. *Moje...* Слвн.: *V deštvi sem imela punčko. Ta moja punčka... Та рунчка... *Моја рунчка...* Бол.: *Като дете имах една кукла. Тази кукла беше от парцали; Като дете имах една кукла. Куклата беше от парцали; Като дете имах една кукла. *Моята кукла или *Куклата ми...* По сообщению информанта, *тази (кукла)* и *тази моя (кукла)* не имеют пейоративной окраски.

2) Сообщение о кратковременном или потенциальном владении X-а У-ом в заданный период времени. Русск.: *В тот день у нее на руке был удивительный браслет. Этот браслет напомнил мне одну давнюю историю; В тот день у нее на руке был удивительный браслет. Этот ее браслет очень шел к ее черному платью; В тот день у нее на руке был удивительный браслет. *Ее браслет...*

Чешский, польский и болгарский языки демонстрируют то же распределение демонстративов, что и русский язык.

Словенский и сербскохорватский языки допускают, в отличие от них, прямое введение посессива. Ср. срх.: *Тог дана је на руци имала*

дивну наруквицу. Њена наруквица вредела много пари. Слвн.: *Ta večer je imela lepo napestnico. Njena napestnica mi je bila zelo všeč.*

3) Сообщение об X-е, не включенном в узкий микромир говорящего. Русск.: *У одного моего родственника есть большой фруктовый сад. Этот сад я помню с детства; У одного моего родственника есть большой фруктовый сад. Этот его сад в последние годы сильно пощипали мальчишки; У одного моего родственника есть большой фруктовый сад. *Его сад...*

О возможности в подобную конструкцию ввести прямой посесив высказались носители чешского и сербскохорватского языков. Чеш.: *Jeden můj známý má velký ovocný sad. Jeho sad potřebuje hodně práce.* Сербскохорватский язык: *Jedan moj rođak ima veliki voćnjak. Његов воћњак је највећи у том саду.*

4) Сообщение о временном негативном состоянии в микромире X-а, где У — абстрактное понятие. Русск.: *У меня беда. Эта беда пришла, как всегда, неожиданно; У меня беда. Это моя беда связана с нашей машиной; У меня беда. *Моя беда...* Польск.: *U nas — nieszczęście. To nieszczęście dotyczy wszystkich nas, całej rodziny; U nas — nieszczęście. To nasze nieszczęście dotyczy wszystkich nas. *Nasze nieszczęście...* Чеш.: *Přihodily se mi nepřijemnosti. Tyto moje nepřijemnosti mě znepokojují; Přihodily se mi nepřijemnosti. Tyto nepřijemnosti mi jsou na obtíž; Přihodily se mi nepřijemnosti. Moje nepřijemnosti se vás nehybají; Слвн.: Doletela me je nesreča. Ta nesreča je prišla povsem nepričakovano.* Примечательно сообщение информанта о том, что нельзя здесь сказать *moja nesreča* и *ta moja nesreča*, поскольку "никто не хочет иметь беду постоянно". Бол.: *Сега имам неприятности. Тези мои неприятности ще ме побољат; Сега имам неприятности. Тези мои неприятности ще ме побољат; Сега имам неприятности. Непријатностите ще ме побољат; Сега имам неприятности. *Непријатности ми или *Моите непријатности невозможно.*

5) Сообщение о владении недетерминированным или "странным" объектом. Русск.: *У него есть какое-то обаяние. Это обаяние особенно действует, когда он читает стихи; У него есть какое-то обаяние. Это его обаяние и помогло сделать карьеру; У него есть какое-то обаяние. *Его обаяние...* Польск.: *Mój ojciec miał dziecię jedną sprawę do załatwienia. Ta sprawa zajęła mi cały dzień; Mój ojciec miał dziecię jedną sprawę do załatwienia. Ta jego sprawa zajęła mi cały dzień od rana do nocy; Mój ojciec miał dziś jedną sprawę do załatwienia. *Jego sprawa...* Чеш.: *Má jakousi práci. Tato jeho práce mu zabírá příliš hodně času; Má jakousi práci. Tato práce mu zabírá příliš času; Má jakousi práci. Jeho práce mu zabírá příliš času.* Таким образом, по чешским данным, эта конструкция должна входить в группу 1, где оказываются возможными все три подстановки. Слвн.: *Ima neke opravke. Ti opravki ti vzamejo veliko časa; Ima neke opravke. Ti njegovi opravki ti vzamejo veliko časa.* По сообщению информанта, последняя конструкция может быть употреблена только в том случае, если дела определяются самим актантом. Серх.: *Он има некакав шарм. Тај шарм ме обеспокојаве; Он има некакав шарм. Тај његов шарм ми је сео на главу;*

Он има некакав шарм. Његов шарм је нешто посебно. Таким образом, и в сербскохорватском языке оказывается возможным употребление чистого посессива. Это же оказывается возможным и в болгарском языке: *Тя има с мене някаква работа. Тази нејна работа ми е јасна; Тя има с мене някаква работа. Тази работа ми е јасна; Тя има с мене някаква работа. Нејната работа ми е јасна; Тя има с мене някаква работа. Работа ѝ ми е јасна.*

Если же попытаться в целом сформулировать общую семантику группы 2, то ее можно передать как сообщения о факультативной принадлежности, временной принадлежности или владении неясным или несущественным объектом.

Посессивное значение в этой группе наличествует в меньшей степени, чем в группе 1: возможна подстановка *этого*, но не *его*.

Группа 3. Подстановка *Его*, но не **Этого* и **Этого*

В эту группу входят подгруппы со следующей семантикой.

1) Сообщение об уникальном объекте, активно входящем в мир X-а. Именно в эту группу входят сообщения о жене, муже и т.д.

Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев, отмечая, что в ситуации с *есть* обычно вводится неопределенное имя, пишут, что в высказываниях типа *У тебя же есть Надя*, имя собственное обозначает статус: жена, дочь и т.д.⁸ К этому можно добавить и то, что предлагаемые нами подстановки также могут прояснить статус У-а по отношению к X-у. Например: *Не расстраивайся. У тебя же есть Коля. Твой Коля тебя выручит* или *Не расстраивайся. У тебя же есть Коля. Этот твой Коля тебя выручит* — по типу подстановки можно судить о статусе У-а (Коли).

Данные славянских языков совпали в этом пункте полностью: *Твой и этот твой* являются критерием различия единственного близкого (муж, сын) и неблизкого человека (сослуживец, нанятый рабочий и т.д.).

В эту же группу можно отнести событийно-бытийные высказывания типа *У него умер отец*. Русск.: *У него умер отец. Его отец был большим ученым; У него умер отец. *Этот отец* или **Этого его отец*. Польск.: *Zmarł mi ojciec. Jego ojciec miał 86 lat. *Ten jego, *Ten ...* Однако, по сообщению информанта, хорошо знающего русский язык, высказывание *A, ta twoja tata zawsze przesadza* звучит менее обидно, чем его русский эквивалент. Чеш.: *Umřel mi otec (Jeho otec zemřel). Jeho otec byl velký vědec; Jeho otec zemřel. Tento otec byl velký vědec; Jeho otec zemřel. Tento jeho otec byl velký vědec*. Высказывания с *tento jeho* и *tento*, по сообщению информанта, не имеют пейоративной окраски. Словенский язык: *Umrol mi je oče. Njegov oče je dolgo bolehal*. Остальные подстановки невозможны.

⁸ «Предложения типа *У тебя же есть Надя* были бы непонятны, если бы говорящим не была известна роль Нади в данном микромире» [Арутюнова, Ширяев 1983, 15].

Срх.: Умро му је отац. Његов отац је био писац. Остальные подстановки невозможны. Бол.: Умря баща му. Неговият баща беше голем учен; Умря баща му. Баща му беше голям поет. Сочетания *този негов баща* и *този баща* в данных высказываниях обладают яркой пейопативной окраской.

2) Сообщение о перманентном или длительном отсутствии уникального У-а, необходимого для Х-а (возможно метафорическое употребление). Русск.: *У него нет сердца. Сердце его давно очерствело; У него нет сердца. *Это сердце или *Это его сердце.* Польский язык: *On jest bez serca. Ona nie ma serca dla swojej wychowanki.* Чеш.: *Nemá srdce. Jeho srdce se dávno porouchalo; Nemá srdce. To jeho srdce je už dávno rozbito; Nemá srdce. To srdce je už dávno rozbito.* Слвн.: *Nima srca. Njegovo srce je že zdovnoј kurito.* Срх.: *Она њма срца. Срце јој је сломлено.* Бол.: *Тој няма сърце (Тој е без сърце). Това негово сърце е студено; Тој няма сърце. Това сърце е студено; Тој няма сърце. Сърцето му е студено.*

Таким образом, подстановки с указательным местоимением в этой группе допускают два языка: чешский и болгарский.

Общая семантика группы 3 может быть охарактеризована как семантика постоянного владения уникальным У-ом или длительного отсутствия этого У-а.

Группа 4. Подстановка *этом/ не *его / не *этом его*. Например, *У нас сейчас метель. Эта метель парализовала всю нашу жизнь.* По замечанию Е.М. Вольф, некоторые предикатные имена вообще не сочетаются с посессивом, это имена, безличные по семантике, например, **его дождь, *его ветер.* "Их нельзя употреблять с посессивом вне особых условий контекста" [Вольф 1974, 63].

Эта группа включает в себя подгруппы высказываний, сообщающих о более широком мире, чем мир Х-а, хотя Х и может быть в него включен.

1) Сообщения о нахождении У-а в широком локусе, куда входит и Х. Русск.: *У нас в лесу много грибов. Эти грибы сильно украшают наше меню; Не *Наши грибы или *Эти наши грибы.* Польск.: *U nas w lesie jest dużo grzybów. Te grzyby są bardzo smakowite.* Чеш.: *V našem lese je hodně hřibů. Tyto hřiby jsou velmi chutné.* Слвн.: *V gor-du je veliko gob. Te gobe količimo celo poletje.* Срх.: *Код нас у шуми има много печурки. Те печурки су израсле ноћу.* Болгарский язык: *В нашите гори има много гъби. Тези са отравни; В нашите гори има много гъби. Гъбите са отравни.*

Таким образом, типологическая картина здесь демонстрирует языковое единообразие.

2) Сообщение о состоянии природы в сфере восприятия Х-а: Русск.: *У нас снег. Этот снег меня как-то успокаивает.* Польск.: *U nas są teraz upały. Te upały irwają już dwa miesiące.* Чеш.: *Tady je u nás metelice. Tato metelice je velmi nepřijemná.* Слвн.: *U nas zimaј je metež. Ta metež je ustavil promet.* Бол.: *У нас вали дъжд. Тази дъжд е краткотраен; У нас вали дъжд. Дъждът е краткотраен.*

3) Сообщение о временной ситуации, не вызываемой Х-ом и не руководимой им. Если же У-событие осуществляется или инспирирует-

ся X-ом (X принимает экзамен, X устраивает прием и под.), то тогда такие высказывания переходят в группу 2. Например, *У нас завтра спектакль. Этот спектакль обещает быть очень интересным* (мы идем на спектакль). Но — *У нас завтра спектакль. Этот наш спектакль готовился очень долго.*

Этот тип различия высказываний по степени участия актанта одинаков для анализирувавшихся славянских языков.

4) Сообщение о временном состоянии объекта У, находящегося на внешней поверхности тела Х. Например: *Под мышкой у него был сверток; В руках у нее были темные еловые шишки; За плечами у него был мешок; У него в зубах была сигарета; У него в руках был журнал.* Интересно, что эту группу составляют — как подгруппу Группы 4 — только высказывания на русском языке. В других славянских языках подобные высказывания входят в Группу 2 с подстановками *Этот* и *Этот его*.

Итак, в Группу 4 входят высказывания со смысловым центром У, а не Х, они описывают некое временное состояние — ситуацию, как бы проходящую мимо Х-а.

Группа 5. Подстановки невозможны. Возможен лишь повтор У-а, не сопровождаемый детерминативом.

Эту группу высказываний составляют подгруппы двух типов: высказывания с отрицанием и высказывания с вопросом.

1) Сообщения об отрицании У-а: Русск.: *В сентябре у нас редко бывают грозы. Грозы — явление более раннее.* Польск.: *We wrześniu rzadko bywają u nas burze. Burze bywają zwykle wrześniewej.* Чеш.: *V září u nás zřídka bývají bouřky. Bouřky přicházejí později.* Слвн.: *V septembru. so nevihte redke.* Срх.: *У септембру код нас су непогоде ретке. Непогоде обично долазе касније.* Болгарский язык: *У нас пред септември рядко вали дъжд.*

2) Высказывания с вопросом о наличии У-а. Русск.: *У тебя есть мука? Мука нужна мне для пирога.* Польск.: *Czy masz mąkę? Potrzebuję mąkę do ciasta.* Чеш.: *Máš mouku? Potřebuji mouku udělat knedlíky.* Слвн.: *Ali maš moko? Moko volim za potico.*

По сообщению словенского информанта, если в данном случае добавить местоимение *to* (*to moko*), то это будет вопрос об определенном сорте муки.

В сербскохорватском и болгарском языках оказалось возможным для информантов здесь ввести посессив, так как в этих странах чаще употребляют муку собственного изготовления. Ср. срх. *Имаш ли брашно? Твоје брашно је увек боле од мог.* Бол.: *Имаш ли брашно? Това твоје брашно ми е много вкусно.*

Но в целом в Группе 5 посессивность не представлена, так как обладание в этих высказываниях либо специально отрицается, либо ставится под сомнение.

Таким образом, оптимальной ситуацией обладания (посессивности) является, судя по данным всех возможных примененных подстановок, постоянность владения, установка на единственность, уникальность У-а, которым Х хочет владеть в позитивных для себя об-

стоятельствах. "Неудачной" ситуацией обладания является ситуация несуществующая или неясная, а также ситуация временная, затрагивающая X лишь благодаря стечению обстоятельств. Обладание таким образом стремится к стагнации, к статичности. Эти выводы вполне согласуются с положениями, высказанными Э. Бенвенистом по поводу глагола 'иметь' в 'иметь'-языках, хотя формально это глагол полноценного словоизменения: "Все проясняется, когда мы наконец признаем "иметь" тем, чем он и является — глаголом состояния" [Бенвенист 1974, 213]. Таким образом, по Э. Бенвенисту, 'иметь' — псевдо-транзитив, это конверсив по отношению к 'быть у'. Общую и непременную статичность посессивных высказываний, особенно в соединении с налагающимся локативом, для английского языка специально подчеркивает Дж. Лайонз [Lyons 1967, 390], для суахили — Дж. Кристи [Christie 1970]. (См. также у Э. Бенвениста — "И подтверждение этому мы находим в системах самых различных языков")

Благодаря методу примененных подстановок выясняется, что в языковую категорию посессивности оказывается встроенным некий фрагмент общей "картины мира", характерной чертой которой вообще является установка на позитивную стабильность.

Сказанное выше относится к решению первой из проблем, связанных с конструкцией *У X есть У*. Вторая проблема — это совмещение/несовмещение двух локализаторов: *У нас в доме — В нашем доме* и т.д. Этот вопрос мог быть рассмотрен только на материале русского языка, поскольку в других языках нашего анализа употреблялся глагол 'иметь' и тем самым двух локализаторов не появлялось.

Оказалось, что совмещение локализаторов возможно при следующих типах Лок. 2:

1) Если Лок. 2 составляет часть X, помещается на X-е: *У него на пальце сверкал бриллиант — На его пальце сверкал бриллиант; На ногах у девочки валенки — На ногах девочки валенки; У тебя в голове ералаш — В твоей голове ералаш.*

2) Если Лок. 2 входит в непосредственное окружение X-а: *У нас на улице есть аптека — На нашей улице есть аптека; У нас в магазине будут заказы — В нашем магазине будут заказы; У нас на корабле был один матрос — На нашем корабле был один матрос.*

Необходимо заметить, что масштаб непосредственного пространственного окружения X-а есть на самом деле понятие относительное и контекстно обусловленное: от *У меня на столе* до *У нас во Вселенной*.

3) Если Лок. 2 представляет собой некоторое фразеологизированное описание человеческого тела, являющееся временным пристанищем У-а: *На спине, за пазухой, за плечами, на закорках, в кармане, в ушах — У него в зубах была сигарета — *В его зубах была сигарета*⁹.

⁹ Специфичность группы ситуаций, передаваемых этими фразеологизованными сочетаниями подчеркивается Арутюновой и Ширяевым [Арутюнова, Ширяев 1983, 146].

4) Если Лок. 2 представляет собой продукт деятельности X-а: *У него в стихах есть удивительные созвучия*— *В его стихах есть удивительные созвучия*; *У вас в плане много недостатков*— *В вашем плане много недостатков*.

5) Если Лок. 2 представляет собой предмет обладания X-а: *У него на кольце был тогда странный след*— *На его кольце был тогда странный след* и т.д.

Локализаторы не могут оказаться совмещенными в следующих случаях:

1) Если Лок. 2 означает пребывание во времени: *У нас в сентябре редко бывают грозы*.

2) Если Лок. 2 представляет собой общегеографическое понятие, а У входит в посессивные отношения с X-ом: *У меня на Оке был друг садовник*— **На моей Оке...*; *У него за Волгой есть домишко*— **За его Волгой* и т.д.

Ср. с этим *У нас на Волге течение спокойное*— *На нашей Волге течение спокойное*. Здесь совмещение локативов возможно, так как У (течение) соотносится с Лок. 2 (т.е. с Волгой).

3) Если Лок. 2 снабжен детерминативом и детерминатив показывает "особость" Лок. 2 — *У меня в этом городе есть родственники*.

4) Если У представляет собой особое болезненное состояние: *У меня в руках дрожь* (**В моих руках дрожь*); *У него в глазах круги* (**В его глазах круги*) и т.д.

Все полученные путем подстановок данные о типе включения/невключения посессивной семантики проходили также через анализ типологического характера. У-конструкция в русском языке, как уже отмечалось, является универсальной конструкцией, объединяющей семантику владения и семантику бытия в пространстве. Привлекаемые для сопоставления славянские языки обладают другим способом отделения посессивной семантики от непосессивной: передача ситуации владения через глагол 'иметь' или отказ от него.

В каких же случаях глагол 'иметь' не использовался?

1) В подгруппе 4 Группы 2 (семантика 'У нас беда') См. *U nas nieszczęście* (польск.), *Přihodily se mi nepřijemnosti* (чеш.), *Doletela me je nesreča* (слвн., см. выше о замечании информанта: "Никто постоянно беду не хочет"). Здесь отказ от глагола обладания объясняется прагматическими причинами.

2) В подгруппах 1 и 2 Группы 5 ('У нас в лесу много грибов') и ('У нас метель'). Ср. польск. *U nas w lesie jest dużo grzybów*; *U nas są teraz upały*; чеш. *V našem lese je hodně hřibů*; *Tady u nás je metelice*; слвн. *V gordu u nas je veliko gob*; *Zimój je metež*; срх. *Kod nas je sneg*; *Kod nas je sneg*; *Kod nas u шуми има много печурки*; бол. *В нашите гори има много гъби*.

3) В подгруппе 1 Группы 5 ('У нас в сентябре редко бывают грозы'). Ср. польск. *We wrześniu rzadko bywają burze*; чеш. *V září u nas zřídka buvají bouřky*; слвн. *V septembru so nevihte redke*; срх. *У септембру су код нас непогоде ретке*; бол. *У нас през септември рядко валя дъжд*.

Таким образом, отличие конструкции *У X есть У* с локативным

и чисто possessивным значением осуществляется посредством введения сказуемого, отличного от 'иметь' (бытийного или описательного глагола).

Значение русской конструкции *У X есть У* в ряде случаев передавалось дательным падежом possessивного значения. Дательный падеж появлялся в тех случаях, когда затрагивалась сфера, близкая к актанту (отношение к близким людям, психосоматические характеристики актанта). Ср. польск. *Zmarł mi ojciec; Głowa mi dzięć pęka; Kasia ma zupełnie siwe włosy. Jej włosy są zupełnie siwe;* чеш. *Umřel mi otec;* слвн. *Umrol mi je oče;* срх. *Умоу му је отац; Срце јој је скјвктзј;* бол. *Умря баца му, Баца му беше голям поет; Сърцето му е студено.*

Интересный материал для выявления дополнительной семантики, связанной с введением possessивов в бытийные предложения, дает болгарский язык. Как было видно по приводимому выше набору примеров, болгарский информант пользовался двумя способами идентификации и актуализации имени: через указательное местоимение и через артикль. См. *Имам котка. Тази моя котка е много хитра. Моята котка е много хитра, Котката ми често я крадат.* Как уже говорилось, увеличение выбора открывает дорогу модальным коннотациям. Пейоративное значение в болгарском приобретают сочетания с 'этот' и 'этот его'. Однако это отмечается не во всех случаях. Нами были проанализированы указания информанта по этому поводу. Оказалось, что пейоративная окраска слабее по мере продвижения от уникального постоянно существующего неотчуждаемого объекта владения (У) к объекту владения отчуждаемому не-уникальному и/или временному. В приводимых ниже примерах два плюса отмечают яркую пейоративную окраску, один плюс — более слабую, минус — отсутствие пейоративной окраски: *Умря баца му. Този негов баца (++) обичаше чашката; Той има двама братя. Тези негов братя (+) хвани единия — удари другия; Аз имам котка. Тази моя котка (+) е много хитра; Като дете имах една кукла. Тази моя кукла (-) беше от парцали; Имам един приятел. Този мой приятел (-) замина за София; Петя има температура. Тази нейна температура (-) мя плаци.* Сходное движение семантики можно увидеть и в русских примерах.

Полученные путем перестановок группы высказываний можно характеризовать следующим образом. Эти подстановки продемонстрировали важность для включения possessивности реальности/нереальности описываемой ситуации, отделив ситуацию нереальную или потенциальную (Группа 5. Подстановка: Ø). Для реальных ситуаций выделилась ситуация владения уникальным близким У-ом (Группа 3, Подстановка: *Его*). Метод подстановок позволил также разделить владение объектом неуникальным, необязательным, но постоянным (группа 1. Подстановки: *Этот/Этот его/Его*) и объектом временным, случайным или нежелательным (Группа 2. Подстановки: *Этот/Этот его*). Группа 4 — это высказывания реальные, но включающие не possessивность, а чистую локативность.

Наиболее полный набор possessивных подстановок характеризует таким образом группу 1. И это неслучайно: в центре внимания

оказывается желательный объект, принципиально отчуждаемый, которым актант хочет владеть постоянно.

Наблюдаемые типологические отличия относились, таким образом, не к "картине мира", совпадающей в указанных языках, а к типу сильной — слабой артиклевости анализированных языков. Поэтому введение демонстративов оказалось возможным в артиклевом болгарском языке. Сходную картину показал и чешский язык, где демонстративы более активны и часто употребляются там, где в других славянских языках оказываются возможными посессивы¹⁰.

III

Прагматические коннотации посессивности, как уже говорилось, связаны с частотой и обязательностью употребления посессивов в данном языке. То, что тенденция обильно вставлять посессивы или, напротив, минимизировать их количество, зависит от свойств системы каждого конкретного языка, становится очевидным при сопоставлении старославянского евангельского текста с греческим¹¹. Анализ показывает, что в сравнении с греческим источником осуществляются вставки посессивов, но не их элиминирование.

Можно сказать, что вставки посессивов появляются при введении в текст однозначно трактуемых лиц: например, в речи Христа при лексеме 'отец'. Например, МЪНОГА ДЪЛА ЪВИХЪ ВЪ ВАСЪ ОТЪ ОТЦА МОЕГО — И. 10.32 /ἐκ τοῦ Πατρὸς/; ЪКО ОТЕЦЪ МОИ БОЛИИ МЕНЕ ЕСТЬ — И. 14.28 /ὅτι ὁ Πατήρ μεῖζω μου/; ЪКО ЖЕ НАОУЧИ МА ОТЦЪ МОИ — И. 8.28 /ἐδίδαξεν με ὁ Πατήρ/; БЖДЕТЬ ДАНО ЕМОУ ОТЪ ОЦА МОЕГО — И. 6.65 /δεδόμενον αὐτῷ ἐκ τοῦ Πατρὸς/; ЪЖЕ ВИДЪХЪ ОУ ОТЦА МОЕГО — И. 8.38 /ἑώρακα παρὰ τῷ Πατρὶ/.

Во всех подобных случаях имеет место I л., выраженное либо глагольной формой, либо личным местоимением I л., эти тексты — тексты прямой речи. См. также о матери Христа не в прямой речи: ГЛА МАТЕРИ СВОЕИ. ЖЕНО СЕ СНЪ ТВОИ — И. 19.26 (λέγει τῇ μητρὶ). См. также о Христе как о сыне: ПОСЪЛА БО БЪ СНА СВОЕГО ВЪ МИРЪ — И. 3.17 (ἀπέστειλεν ὁ θεὸς τὸν υἱόν); БЪ ВЪЗЛЮБИ МИРА. ЪКО СНА СВОЕГО ИНОЧАДААГО ДАСТЬ — И. 3.16 (ὥστε τὸν υἱὸν τὸν μονογενῆ); ДОНЪДЕЖЕ РОДИТЬ СНЪ СВОИ ПРЪВЪНЕЦЪ — Мф. 1.25.

Максимальное число посессивов-вставок представлено при лексеме 'ученики' Христа в текстах, где необходимость уточнения через посессив избыточна, так как принадлежность всегда конкретизирована контекстом. Например, ПРИСТЪПИША КЪ НЕМОУ ОУЧЕНИЦИ ЕГО — Мф. 24.1 (προσῆλθον αὐτῷ οἱ μαθηταί):

¹⁰ Этот вопрос специально рассматривается А.В. Головачевой (см. гл. II настоящей монографии).

Основным источником старославянского материала служил глаголический памятник XI в. — Маринское четвероевангелие (Codex Marianus), издание которого осуществлено И. Ягичем в 1883 г. По всему тексту выявлялись посессивные структуры. Данные сопоставлялись пофразно с греческим текстом Нового завета.

И ГЛША ЕМОУ ОУЧЕНИЦИ ЕГО — Мф. 19.10 (λέγουσιν αὐτῷ οἱ μαθηταί); И ВЪПРОСИША И ОУЧЕНИЦИ ЕГО — Мф. 17.10 (ἐπηρώτησαν αὐτὸν οἱ μαθηταί); ТЪГДА ПРИСТЖПЪШЕ ОУЧЕНИЦИ ЕГО РЪША ЕМОУ — Мф. 15.12 (οἱ μαθηταί λέγουσιν αὐτῷ); ВЪПРОСИША И ОУЕНИЦИ ЕГО — Мф. 17.10 и т.д.

Впоследствии в позднейших славянских языках количественная насыщенность высказывания посессивами начинает меняться в сторону уменьшения. В первую очередь посессив начинает опускаться в языках артиклево слабых по отношению к именам так называемой неотчуждаемой принадлежности. При этом трактовка этой неотчуждаемой, уникальной принадлежности может диахронически меняться, отражая соответствующие изменения "картины мира".

Так, в "Слове о полку Игореве" посессив *свой* употребляется гораздо чаще, чем в современном русском языке. См.: *До нынешняго Игоря, иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужеством; наплннвися ратнаго духа наведе своя храброя плъкы на землю Половцькую за землю Руськую; вся своя воя; къ дружинѣ своей; на свои брѣзьи комони; главу свою приложити; свои брѣзьи комони; своя милья хоти; повелѣ яти отца своего; своихъ ладѣ; своими сильными плъкы; своими желѣзными плъки; позвони своими острыми мечи славу дѣду своему Всеславу; понизите стязи свои, вонзите свои мечи вережени; претръгоста бо своя брѣзая комоня.* Итак, слово *свой* в "Слове" скрепляет как предметы собственности почти все предметы и явления человеческого микрокосмоса. Исключением были сочетания со словом *золотой*: *Тогда вступи Игорь князь въ златѣ стремя и поѣха по чистому полю; Ступаетъ въ златѣ стремя въ градѣ Тьмутораканѣ; Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата въ сѣдло кощиево; Вступита, господина, въ злата стремя; Изрони жемчужну душу изъ храбра тѣла чрѣзь злато ожерелие.* Объяснение того, почему в подобных высказываниях можно было опускать посессив *свой*, находим в специфике реалий того времени. "Только княжеские вещи имеют эпитет "золотой" — "стремя", "шлем", "стол" [Лихачев 1950, 279]. Таким образом, золотые княжеские аксессуары не могли быть ничьими другими. Посмотрим, как переданы эти предложения "Слова" и стоящая за ними реальность в издании 1800 г.: *Тогда князь Игорь, вступя въ золотое стремя, поѣхалъ по чистому полю; Онъ ступалъ въ золотое стремя въ городѣ Тьмуторакани; Тогда Игорь князь изъ своего золотого сѣдла пересѣлъ; Вступите, Государи, въ свои златые стремена; Испустилъ жемчужную свою душу чрѣзь золотое ожерелие.* Пестрая картина употребления посессива *свой* в 1800 г. показывает, что это важное различие реалий, так четко отражавшееся в "Слове", к концу XVIII в. уже стало непонятным и потому не отраженным.

Именно насыщенность — бедность посессивов привлекает в качестве критерия "современности" русского текста Л. Яхнина при сравнении трех переводов на русский язык романа А. Камю "Чужой" [Яхнина 1979]. Точное соответствие французскому оригиналу делает русский язык излишне богатым посессивами, в результате чего текст не кажется современным. Изменение претерпевает и образ героя, ко-

торый кажется молодым человеком, принадлежащим более сентиментальному XIX веку, а не тем персонажем, характерным для середины XX в., каким он предстает в романе.

Однако, приобретая разнообразные прагматические коннотации, поссессивы не уходят от основной своей семантики — семантики принадлежности. Так, поссессив может модифицировать семантику принадлежности, представляя ее как привычность, постоянность: *Il a pris une douche — Il a pris sa douche*, т.е. свой, постоянный душ [Ducrot 1970]. Ср. *Вот Вам кофе — Вот Ваш кофе*, в последнем случае речь может идти о том кофе, который пьют постоянно. В этой связи представляется интересной мысль Е.М. Вольф о том, что поссессивные структуры содержат "латентный" типовой предикат — например, карандашом обычно пишут, в доме живут, в школе учатся и т.д. Поэтому в тех контекстах, где основной предикат уже предсказан, поссессив является избыточным. Однако, если он все-таки выражен, то возникает "значение постоянного действия, характерного для данного лица" [Вольф 1974, 94]. Например, *В два часа он съедает свой суп*. *Съедать* и *суп* семантически связаны предсказуемыми отношениями, значит, поссессив здесь создает семантику: свой обычный суп и/или тот суп, который он сам готовит и т.д. Такое прагматическое значение поссессива есть во всех славянских языках. Например, *O drugiej on zjadal swojå jeczmiennå kaszå, o ósmej zjadal zupå* (польск.), *Přišel domů a snědl svou polévku* (чеш.), *Tutaj je vaša kava — т.е. привычное блюдо (слвн.), Он је попио чај и Он је попио свој чај*, т.е. обычный (срх.), *Тој узде супата и Тој узде својта супа* (бол.).

К этим отношениям: привычное vs окказиональное и обязательное vs необязательное можно свести англоязычные примеры, приводимые Д. Болинджером [Bolinger 1979, 293]:

*His mother hates John all the time;

His mother hates John when he behaves that way;

*His pen is in John's pocket;

His pen is John's constant companion.

"Карандаш" связан с постоянностью, потому что является отчуждаемым объектом, мать же — явление постоянное и неотчуждаемое, поэтому введение поссессива при назывании матери оказывается возможным при экстраординарности ситуации.

Семантика постоянности, привычности может переходить в семантику любви, привязанности к тому, что вводится через поссессив: ср. *У меня нет времени. У меня есть работа и У меня нет времени. У меня есть моя работа*. Ср. также *У него есть его стихи; У меня есть моя дача; всегда есть занятие* и т.д. Ср. польск. *Zdzisław zwykle nie ma czasu. Ma swojå psychologię, którą się stale zajmuje*; чеш. *Netám čas. Mám svou práci; Nemiluje mě. Má své verše*; срх. *Он има своје стихове*; бол. *Имам си своя работа и Имам си моя работа* (последнее еще более эмоционально).

Семантика привычного, любимого по отношению к 1 л. часто приобретает еще одно прагматическое значение: 'хороший, положительный'. В книге Е.М. Вольф, специально посвященной языковым средствам выражения оценки, подчеркивается связь поссессивов с

оценкой и их аксиологическая дистрибуция. "Зона I лица притяжательных местоимений соотносена с положительной частью оценочной шкалы или смягчает отрицательную оценку, а зона 2-го и 3-го лица — с отрицательной" [Вольф 1985, 180]. По всей вероятности, выделен посессива I л. как носителя позитивной оценки можно считать языковой универсалией. См. *Norwid to mój poeta* (польск.), *Knedlík, to je moje jídlo* (чеш.). С этой же семантикой I л.: привычно-позитивное связано и употребление так называемого *Dativus ethicus: Quid mihi Celsus agit? — Quid Celsus meus agit?* Как показывает материал балканских языков Т.В. Цивьян, местоименные клитики в балканских языках, эквивалентные притяжательным местоимениям, в отношении к I л. связаны с общечеловеческим желанием присвоить себе самое лучшее, и нейтральная грамматически метка *мой* становится выражением наивысшей оценки [Цивьян 1983, 116].

В противоположность I л. посессив 2 л., действительно, часто имеет оттенок пейоративной семантики. Однако во многих случаях это не просто отрицательная семантика, но и скрытая цитация, отсылка к адресату, она передает мнение адресата, его манеру говорить и его темы, его среду. Поэтому *твой* — это о ком ты говоришь, о ком ты любишь говорить, возможно, кого ты любишь. Во всех анализированных славянских языках эта семантика совпадает. См. *Твоя Смирнова мне совершенно не понравилась* (рус.); *Twój Szczecin bardzo mi się nie podoba* (польск.); *Váš Londýn se mi vůbec nelíbí* (чеш.); *Ta tvoj Talin mi sploh ni bil vseč* (словн.); *Твой Борхес ме је поразио* (срх.); в этом примере нет отрицательной семантики, но ср. *Твой Шоје више никог не интересује; Гледах филма. (Тази) твоя Пугачова никак не ми се хареса* (бол.).

Специфическую роль в оценке ситуации и ее актантов играет особое возвратное местоимение в дательном падеже — *себе*. Как мы считаем, широко известное его разговорное употребление, для литературного русского языка считающееся некодифицированным: *Мы зовем ее, а она себе играет* соответствует общей семантике замкнутости, сосредоточенности на своем мире, игнорирования окружающих. См. *Время идет, а он себе читает и читает* (рус.), *Ja sobie siedzę i pracuję sobie, a tu raptem wchodzi Zosia; Wieczorem ja sobie chodzę codziennie na spacer nad Wisłą* (польск.), *Zvu jí k obědu, ona si jen hraje a hraje* (чеш.). В словенском языке эта конструкция не отмечается, по сообщению информанта. *Он реке сурове, а ја си читам книгу* (срх.); *Ние я викаме, а тя все си чете* (бол.). Оценочный компонент здесь накладывается на общее значение дательного падежа: направленности, поэтому, как уже отмечалось для дательного субъекта, он часто связан с оценочным словом [Арутюнова 1985, 19], а именно — *Мне плохо, Нам хорошо вдвоем, Мне противно* и т.д. соотносятся именно с дательным падежом. В этом плане, замечая, что многие индоевропейские языки грамматикализуют идеи "плохого события" и "хорошего события" через конструкции, включающие эмоционально воспринимающего субъекта "посессора", А. Вежбицка различает негативные и позитивные дательные субъекта [Wierzbicka 1979, 357—360]. По ее гипотезе, позитивные дательные, скорее,

связаны с активной деятельностью самого субъекта (lucky agentive dative). Ср. польск. *Ciasto ładnie mi się upiekło; Kartofle mi się rozgotowały; Wszyscy pacjenci mi wyzdrowieli*; а негативные от него не зависят (dative of misfortune). Поэтому в польском языке будет *Matka mi umarła*, но маловероятно: *Matka mi wyzdrowiała*. Сходным был пример словенского информанта: *Umrla mi je mati / Njegova mati je ozdravela*. Однако, в сербскохорватском языке, входящем в балканскую структуру посессивных форм, с более интенсивным употреблением дательного падежа, клитика *ми* будет возможна в обоих исходах: *Тесто ми се одлично испекло* и *Сви пациенти су ми оздравили*.

Вероятно именно потому, что посессив сам имплицитно семантику оценки, направляя ее в определенную сторону, для посессивов не характерно в целом сочетание с качественными приименными определителями. Так, отмечалось, что возможны конструкции *Мария Ивановна — Петина мать* и *Мария Ивановна — хорошая мать*, но маловероятно: *Мария Ивановна — хорошая Петина мать* или *Петя — наш повар* и *Петя — хороший повар*, но маловероятно: *Петя — наш хороший повар* [Вольф 1983]. Однако, как кажется, эти примеры неоднотипны: *У Пети, конечно, одна мать, но возможен в данном социуме еще и плохой повар*.

Выше говорилось о прагматических значениях посессивов, связанных с индивидуализацией объекта. Однако возможны коннотации противопоставления типизированного и индивидуализированного. Оттенко пейоративной семантики связывается с типизированным объектом. Этот тип семантики выступает при неместоименных формах выражения посессивности. Например, *профессорская дочь* — это типичный представитель некоторого класса и *дочь профессора* — это единичный объект, дочь одного профессора [Birkenmaier 1976]. Ср. *profesorská dcera / profesorová dcera* (чеш.), *ona je profesorska kći / ona je kći profesora* (слвн.), *професорска ћерка / професорова ћерка* (срх.), *тя е професорска дъщеря / тя е дъщеря на професор* (бол.). Приведенные примеры интересны различием способов выражения одного и того же содержательного противопоставления; в русском и словенском языках противопоставлены притяжательное прилагательное и посессивный родительный, в чешском и сербскохорватском языках — разные суффиксы притяжательных прилагательных, в болгарском языке — притяжательное прилагательное и предложная группа с *на*. Однако и в этом случае прагматические коннотации обеспечиваются существованием функциональных синонимов. В случае различения типизированного и индивидуализированного существа не только семантика посессива, но и тип определяемого имени. Так, при отношении неотчуждаемой принадлежности референция сохраняется: *женские глаза — глаза женщины; женские руки — руки женщины*, ср. также *детские игрушки — игрушки детей*. Однако, *улыбка ребенка ≠ детская улыбка* и *детские привычки ≠ привычки детей* и т.д. [Волоцкая, Николаева 1984].

С семантикой типизации—индивидуализации соотносится и тот вид семантики, который можно условно назвать "интимизацией — эксте-

приоризацией объекта". Так, Е.В. Падучева описывает прагматическое различие для себя: *Она не упускала выгодных для себя обстоятельств* (внешний взгляд) и *Она не упускала выгодных для нее обстоятельств* ("ее" точка зрения) [Падучева 1983]. Ср. аналогичный сербскохорватский пример: *Није испуштала околности које су за њу биле повољне* и *Није испуштала за себе повољне околности*.

С этой же категорией связывается и различие *мой* — *свой*. Так, высказывалось предположение о внутренней направленности *мой* у А.С. Пушкина: *Я предаюсь моим мечтам* и о внешней направленности *свой*: *Я пережил свои желанья* [Yokoуama, Klenin 1977]. Именно такой тип семантики для *мой* и *свой* был предложен болгарским информантом: *Аз обичам моята дъщеря* (интимное сообщение) и *Аз обичам своята дъщеря* (официальное сообщение). Словенским информантом было в этом плане указано на различие дательного падежа (для более интимизированного объекта) и посессивного местоимения (большая экстернизация): *Она ти је жена* / *Она је njegova sodelavka*.

Таким образом, прагматические значения, накладывающиеся на общую семантику посессивности, связаны со следующими противопоставлениями: освоенный, привычный — чужой, новый; мой — не-мой; конкретный — типизированный; интимизированный, внутренний — экстернизированный, внешний. Положительное значение приобретает каждый левый член из перечисленных противопоставлений, пейоративную окраску — правый, второй член. Таким образом, самое позитивное — это освоенное, мое, конкретное, интимизированное.

Третья группа категорий, связанных с посессивностью, это — категория текста. Рассматриваются три категории текста: подчеркнутая посессивность (*мой!* а не чужой), текстовая интродуктивность, выражаемая через введение посессива (*Есть у меня в Саратове одна знакомая*), где важно сочетание посессива с *есть*. Ср. *Она торопится: у нее ребенок*, в последнем случае отсутствие связи демонстрирует неинициальность. Третья текстовая категория — это анафоричность и/или определенность: *Дайте ручку* и *Дайте мою ручку*.

За семантикой подчеркнутой—неподчеркнутой посессивности стоит архаическая индоевропейская языковая категория, формулируемая как противопоставление отношений 'progrius' / 'privatus' (Markey 1984). Все компоненты этого семантического ряда восходят к корню *s(w^f/o). В ходе языкового развития появляются специфические показатели подчеркнутой посессивности. Например, греческое ἴδιος < *Fhedios < *sFedio- < *swe-dio. В германских языках к выражению подчеркнутой посессивности привлекаются глаголы. Ср. готск. *aigan*, нем. *eigen*.

В анализируемых языках подчеркнутая посессивность выражается тремя способами: акцентным выделением, инверсией и лексическими дополнениями типа 'собственный': *Я люблю свою жену*; *Свою жену он не любил*; *Я живу в своем собственном доме* и т.д. Все эти три способа равно известны всем славянским языкам: *Kocham swoją żonę, a cudzych nie chcę*; *Mieszkam w swoim własnym domu*; *Wszedł do swego domu* (польск.); *Miluji svou vlastní ženu*; *Svou ženu on nemiloval*; *Mi-*

lují svou ženu (чеш.); *Rad tam svojo ženo*; *Svoje žene nimam rad*; *Nimam rad svoje žene* (словн.); *Обичам собствената си жена*; *Обичам жена си*; *Собствената си жена човек не може да оцени* (бол.).

В старославянском языке подчеркнутая/неподчеркнутая посессивность различалась порядком слов в словосочетании: в препозиции к имени ставился подчеркнутый посессив, в постпозиции — нейтральный (см. об этом в гл. III).

Типологически существенным является отмеченный нами факт сохранения этого противопоставления подчеркнутой и неподчеркнутой посессивности при общем изменении языковой системы и ее синтаксических норм. Это хорошо прослеживается на материале истории русского языка. Так, в ранний период истории русского языка всюду, где есть противопоставление, как явное, так и имплицитное, встречается конструкция с препозицией *свой*: *Тако же и Изяславъ ись своихъ полковъ напередъ одинъ в полкъ противныхъ и прииде*; *Видѣвъ же полкъ Изяслави король и тако и своимъ полкомъ повелъ*; *Юроу же ни ихъ посла к нимъ отпусти, но и своего к нимъ посла*; *Написаши и своихъ книгъ немало, о великихъ таинахъ сказавъ* [Николаева 1986]. Значение подчеркнутого, а не только противопоставленного обладания также выражается препозицией *свой*: *И видѣ его сестра его Рогнѣдъ велми изнамагающа, и нача ему молитися, да ляжетъ въ Смоленсѣ въ своемъ зданици*; *Аще познаеть кто чюжь конь, любо оружје въ своемъ миру, то взати ему свое, а 3 гривнѣ за обиду*. На основе этих значений возникают сохранившиеся до сих пор устойчивые русские сочетания типа *своим умом*, *своими глазами*, *своими руками* с окрашенной посессивной семантикой 'свой собственный': *Цареградци же умориша его, глаголюще, яко умре своею смертию*; *А кабалу писалъ Гридя своею рукою*; *Се язъ пишу духовную грамоту, и да въ Орду, ни кимъ не нужень, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи*; *А мы холопу вашему подали сказку за своими знаменами, а въ сказки имъ написано*; *Бѣху же Угри первое въ православие крещение от Грековъ приемше, но не постѣвшимъ имъ своимъ языкомъ грамоту изложити* и т.д. Нейтральное, немаркированное значение принадлежности выражается в этот период через постпозицию *свой*: *Мы, княже, за ты главы своя складываемъ, а ты нынѣ держишь врагы свои и наши просты*; *Наряди же полки свои Всеволодъ и пусти возы своя за рѣку*; *И повороти конь Мъстиславъ ись дружиною своею отъ стрыя своего*; *А самъ Рюрикъ на томъ же цѣлова к нимъ крестъ, и распусты дружины свою и дѣти свое, и Половици отпусти въ вѣжи свои, одаривъ ихъ дарми многими, а самъ иде во Вручии орудии своихъ дѣля*; *Онъ же не поѣха, но и сына своего выведе из Орѣхова, князя Александра, токмо намѣстники своя*.

Именно вокруг этого неокрашенного посессивного значения группируется поле лексем, означающих лиц и предметы непосредственной сферы окружения актанта: слова типа *двор*, *послы*, *воевода*, *град*, *ратники*, *полки*, *бояре* и особенно лексическая группа — родственники. В дальнейшем в русском языке укреплялась тенденция помещать изменяемый атрибут в препозицию, а неизменяемый — в постпозицию, т.е. возникали: *свой дом*, *новый дом*, но — *дом Петра*, *дом соседа*. Эта тенденция связана с общей линией развития русского словопорядка

ка и выходит за пределы собственно possessивной сферы. Так, М. Виднэс, анализируя структуры *Петров дом, дом Петров, Петра дом* и *дом Петра*, показывает, что постпозиция атрибута была явлением более поздним [Виднэс 1958]. Так, сочетание типа *дом Петра* появляется лишь в середине XVII в. ("Повесть о Савве Грудцыне"). Пре-
позитивных possessивных структур, выраженных генитивом, много и у писателей XVIII в.: Тредьяковского, Ломоносова, Сумарокова. Решительным переходом к постпозиции possessивного генитива можно считать употребление этой конструкции в "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина.

Конкретные подсчеты, проводившиеся для русских текстов начала XVIII в., показывают, что для притяжательного прилагательного постпозиция осуществлялась в 60% случаев, а препозиция — в 40%. Для родительного же possessивного беспредложного постпозиция была представлена в 64% случаев, а препозиция — в 36% [Манучарян 1984].

Таким образом, на этом как бы промежуточном этапе оба способа выражения приименных possessивных отношений тяготели к постпозиции, содержательная сторона словопорядка в словосочетании была нейтрализована. К настоящему времени оба средства выражения possessивности по отношению к исходным, ранним данным как бы поменялись местами: изменяемый possessив стал располагаться в пре-
позиции, а родительный принадлежности перешел в постпозицию. Можно сказать, что русский язык в своем развитии пришел к статусу приименных определителей, указанному в качестве универсалии Дж. Гринбергом: согласованные определения тяготеют к препозиции, несогласованные — к постпозиции [Гринберг 1970].

Таким образом, разница между чистым, нейтральным значением possessивности и значением окрашенной, подчеркнутой possessивности неизменно сохраняется. Очевидно, что в начальном периоде маркированной является позиция. Затем происходит изменение словопорядка в сторону уменьшения регрессивных структур, схема с препозицией possessива становится нейтральной. Тогда окрашенное значение possessивности начинает искать маркированные формы для своего выражения и находит их в трех типах реализации: добавлениях лексического плана типа 'собственный', либо в акцентной выделенности: *У него своя машина*, либо в особой конструкции с дистантной постпозицией: *Дача у них своя*.

Вторая текстовая категория — текстовая интродуктивность — является одним из характерных функциональных свойств possessивных высказываний бытийного плана. В этой связи разные типы бытийных структур с наложением possessивности анализировались в указанных выше работах О.Н. Селиверстовой, Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширияева, Хем Чандра Панде. Оказалось, что для possessивного по своей семантике высказывания свойство быть или не быть интродуктивным в тексте связано с двумя аспектами этих высказываний. Во-первых, существенно наличие или отсутствие связочного бытийного глагола. Во-вторых, интродуктивность связана и с лексическим планом: с конкретной лексемой имени вводимого объекта обладания. Так, *есть* не обязательно при количественных характеристиках: поз-

тому может быть интродуктивным и *У меня есть знакомый* и *У меня много знакомых*. Точно так же *есть* обязательно в интродукции конкретного предмета и необязательно при абстрактном понятии. Поэтому может быть интродуктивным и *У нас есть одна книга* и *У меня к тебе просьба*, *У нас сейчас странная ситуация* и т.д. Таким образом, интродуктивные высказывания непредметного значения имеют свою специфику, отличающую их от интродуктивных высказываний предметного значения [Арутюнова, Ширяев 1983, 161]. Существенно также предыдущее знание (контекстного или пресуппозитивного плана) об обсуждаемом предмете. Например, если уже известно, что у человека есть машина, высказывание *У него машина серая*, где должно было бы быть *есть* по правилу предметного высказывания, лишается связки и тем самым не является интродуктивным. К этому необходимо добавить и не раз развивавшееся в этой главе положение о тяготении славянского высказывания к содержательной и структурной глобальности. Глобализованные по семантике высказывания не требуют *есть*, поэтому они могут быть интродуктивными: *У меня завтра экзамен*, *У нее грипп* и т.д. В этом смысле мы не присоединяемся к трактовке Х. Чандра Панде высказывания *У него уникальная коллекция марок* как обязательно не-интродуктивного высказывания с уже известным из контекста мнением о существовании коллекции марок [Панде 1981]: подобное высказывание может быть глобальной характеристикой X-а и потому быть интродуктивным.

Для осуществления и неосуществления текстовой интродуктивной функции высказывания с посессивной семантикой существенна также отнесенность объекта обладания к явлениям так называемой неотчуждаемой принадлежности. Имена неотчуждаемой принадлежности редко участвуют в текстовой интродукции без отрицания. Так, маловероятна интродукция *У него есть глаза*, *У него была мать* и т.д. В этих случаях глагол *быть* выполняет функции глагола существования, но не бытийной связки. Интродукция в подобных случаях оказывается возможной лишь при характеристике вводимого неотчуждаемого объекта. Например, *У него была мать только в раннем детстве, а потом она умерла*, *У него глаза какого-то особенного цвета*.

Указанная связь интродуктивной текстовой способности и типа лексемы вводимого имени относится не только к собственно посессивной сфере. С типом лексемы связана и интродуктивность через неопределенный показатель *один* (в тех славянских языках, где *один* не является артиклем). Можно предположить, с точки зрения текстовой грамматики, деление имен на имена, нарративно обещающие и имена, нарративно не обещающие. Первый тип объединяет имена, называющие предметы или явления, которые могут быть центром нарративного эпизода. Книга, история — нарративно обещающие, а яблоко, стол — скорее, не обещающие. Поэтому различаются по текстовой интродуктивной возможности: *Я вчера прочла одну книгу* и *Я вчера съела один огурец* (в последнем случае именной детерминатив будет восприниматься как числительное). Неотчуждаемые имена принадлежности не будут нарративно обещающими, а отчуждаемые — более способны к

нарративному обещанию и скорее поэтому могут быть в интродуктивных высказываниях. Эта классификация в общем виде связана с тяготением к позитивному сценарию мира, где о норме обычно не сообщается. Начать рассказ словами *У него есть руки* так же странно, как и словами "У Мюллеров сегодня кто-то здоров" (**Bei Müllers ist jemand gesund*) или "Посмотрите, там какая-то трезвая женщина" (**Da ist eine Frau nüchtern*) [Harweg 1969].

Отличие интродуктивных посессивных структур с вянских языков от многократно в этом плане описывавшегося английского языка и языков, близких ему по структуре, состоит в том, что в применении к сфере родственных отношений носитель славянских языков обычно употребляет посессив в интродукции лишь при представлениях, знакомстве: "Познакомьтесь, моя дочь" и т.д. В других ситуациях, даже в интродуктивных высказываниях посессив может опускаться. Он опускается в интродуктивных высказываниях с двойным указанием родства, например, срх. *Улази ујаков дечко* или мак. *Влегува вујково момче*, а в английском языке нельзя сказать **Uncle's boy is coming in*, но обязательно *My uncle's boy is coming in* [Mišeska-Tomić 1973].

Выражение анафорических отношений посредством посессивов связано с определенностью имени, его предупомянутостью. Однако от других примененных показателей посессивы отличает их денотативная соотнесенность. Например, *Я купил книгу и эта книга стала мне очень нужной*. Здесь *эта* — шифтерное слово, оно соотносится в денотативном плане только с им же определяемым именем *книга*. Ср. с этим *Я узнал новости о Петре. Его приезд — дело решенное*. Здесь *его* соотносится с *Петр*. *Петр все-таки решил приехать. Его приезд — дело решенное*. Здесь *его* соотносится с *Петр*, и с *приехать*. В соответствии с этим двойственным началом посессивов их анафорическая сущность и степень их текстовой обязательности в большей степени, чем у демонстративов, зависит от предшествующего текста. Например, *Английский писатель Вальтер Скотт родился в Шотландии. Его отец был дворянином и Родители Вальтера Скотта жили в Шотландии. Отец был дворянином* [Падучева 1973]. Для славянских языков в последнем случае посессив может быть избыточен. Поэтому для посессивных словосочетаний, вводимых в текст, по-другому интерпретируется новизна — упомянутость имени посессора. Это имя может уже иметь анафорические отношения с упомянутым ранее объектом обладания (или наоборот). Таким образом, посессив может обладать большим числом анафорических корреляций, чем демонстратив.

Анафорические возможности посессива в типологическом аспекте определяются тремя факторами.

1) Существующей или не существующей в данном языке тенденцией тесно сближать следующие друг за другом, примыкающие высказывания, например, посредством частиц, соединительных текстовых конструкций и т.д. Эта тенденция неуниверсальна. Так, например, отмечалась склонность древнегреческого языка соединять посредством частиц и союзных слов контактные высказывания, как бы представлять ранее сказанное через последующий текст [Denniston 1954]. Среди

славянских языков большая склонность выражать контекстные связи характерна для западославянских языков — как это показывает А.В. Головачева [Головачева 1987].

2) Существующей традицией снабжать посессивом все отношения, о которых можно говорить как об отношениях принадлежности или обладания. См. в начале главы об обилии посессивов в старославянском языке и о постепенной тенденции их уменьшать в современных славянских языках: подчеркивать посессивные отношения имеет смысл для того своего, что в принципе может быть и чужим.

3) Наличием отношений взаимокомпенсаторности в данном языке между посессивными приименными показателями и другими приименными детерминативами. Так, анафорические отношения в одном языке могут быть переданы через демонстратив+посессив, в других — только через демонстратив, в третьих — только через посессив, которого оказывается достаточно. См. примеры, приводимые в этой связи А.В. Головачевой: *Tady máš ten kahan, dědku* 'Получай свою лампу, дед'; *Człowiek w prostej skórzanej kurtce patrzył tymi niebieskimi oczami na opasłego kucharza* 'Человек в прямой кожаной куртке смотрел своими голубыми глазами на ошарашенного повара; *Adam zrovna navrtava tema zapadlyma oči* 'Адам прямо сверлит своими впалыми глазами' и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексова 1979 — *Алексова В.* Наблюдения върху употреба на определителния член в българския и румънския език // Съпоставително езикознание. 1979. № 6.
- Андерш 1975 — *Андерш И.Ф.* Дателный принадлежности в современных русском и украинском языках // Сопоставительные исследования русского и украинского языков. К., 1975.
- Андрейчин 1944 — *Андрейчин Л.* Основна българска граматика. С., 1944.
- Андрейчин 1949 — *Андрейчин Л.* Грамматика болгарского языка. М., 1949.
- Андрейчин 1971 — *Андрейчин Л.* Да помним за кратките притежателни местоимения в български език // БЕ. 1971. Кн. 5.
- Апресян 1967 — *Апресян Ю.Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Апресян 1974 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1983 — *Апресян Ю.Д.* Синтаксические средства выражения посессивности // Категория ...
- Арутюнова 1975 — *Арутюнова Н.Д.* Положение имени лица в русском синтаксисе // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1975. Т. 34. № 3.
- Арутюнова 1976 — *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова 1985 — *Арутюнова Н.Д.* Об объекте общей оценки // ВЯ. 1985. № 3.
- Арутюнова, Ширяев 1983 — *Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
- Белић 1962 — *Белић А.* Историја српскохрватског језика. Београд, 1962. Књ. II. св. I.
- Бенвенист 1974 — *Бенвенист Э.* Глаголы "быть" и "иметь" и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Бирюкович 1980 — *Бирюкович Р.М.* О категории принадлежности в тюркских языках // ВЯ. 1980. № 3.
- Болгарова 1985 — *Болгарова И.* За българските съответствия на руските родителни падежни форми // Съпоставително езикознание. 1985. № 3.
- Бондарко 1984 — *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
- Бояджиев 1968 — *Бояджиев Т.* Аналитични форми с глагол *имам* в тракийските говори // ИИБЕ. 1968. Кн. XVI.
- Будагов 1958 — *Будагов Р.А.* Этюды по синтаксису румынского языка. М., 1958.
- Булаховский 1950 — *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. К., 1950.
- Булыгина, Сталтмане 1985 — *Булыгина Т., Сталтмане В.* Типология посессивных конструкций в современных балтийских языках // Baltu valodas senāk un tagad. Rīga, 1985.
- Вечерка 1963 — *Вечерка Р.* Синтаксис беспредложного родительного в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963.
- Виднэс 1968 — *Виднэс М.* О выражении принадлежности притяжательным прилагательным и родительным падежом принадлежности в русском языке XVIII—XIX веков // Scando-Slavica. 1958. Т. IV.
- Виноградов 1972 — *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972.
- Волоцкая 1986 — *Волоцкая З.М.* К вопросу о прагматическом аспекте категории посессивности (ее роль в организации текста загадки) // СБЯ. М., 1986.
- Волоцкая, Головачева 1983 — *Волоцкая З.М., Головачева А.В.* Роль категории притяжательности в организации текста загадки // Категория...
- Волоцкая, Николаева 1984 — *Волоцкая З.М., Николаева Т.М.* Референция имени,

- семантика словообразования и возможности их корреляции // Всесоюз. науч. конф. "Коммуникативные единицы языка": Тезисы докладов. М., 1984.
- Вольф 1974 — *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений. М., 1974.
- Вольф 1977 — *Вольф Е.М.* Некоторые особенности местоименных possessивных конструкций (иберо-романские языки) // Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Вольф 1983 — *Вольф Е.М.* О соотношении possessивных и качественных значений // Категория...
- Вольф 1985 — *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Воронина 1986 — *Воронина И.И.* Дативные словосочетания в албанских эпических песнях (семантика и структура) // *Językowe studia bałkanistyczne. W-wa etc.*, 1986. Т. I.
- Генюшине 1984 — *Генюшине Э.Ш.* Possessивность и транзитивные рефлексы в литовском языке // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.
- Георгиев 1957 — *Георгиев В.* Възникване на нови сложни глаголни форми със спомогателен глагол *имам* // ИИБЕ. 1957. Кн. V.
- Георгиева 1962 — *Георгиева Е.* За правилната употреба на притежателните местоимения // БЕ. 1962. Кн. 5.
- Глазова 1983 — *Глазова Г.* О семантико-синтаксических особенностях глаголов со значением каузации владения // *Kalbotyra*. 1983. Т. 24. Sąs. 2.
- Головачева 1979 — *Головачева А.В.* Идентификация и индивидуализация в анафорических структурах // Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.
- Головачева 1981 — *Головачева А.В.* Семантико-синтаксический способ выражения possessивности // Структура текста — 81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
- Головачева 1983а — *Головачева А.В.* К вопросу о содержательном аспекте категории possessивности // Категория...
- Головачева 1983б — *Головачева А.В.* Детерминация объекта обладания в связном тексте // Категория...
- Головачева 1986 — *Головачева А.В.* К вопросу о соотношении категорий неотчуждаемости и определенности // СБЯ. М., 1986.
- Головачева 1987 — *Головачева А.В.* К проблеме референции имени объекта обладания в тексте // Исследования по структуре текста. М., 1987.
- Головачева и др. 1981 — *Головачева А.В., Иванов Вяч. Вс., Молошная Т.Н., Николаева Т.М., Свешникова Т.Н., Хелимска Е.А.* Притязательность (possessивность) и способы ее выражения // Структура текста — 81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
- Грамматика 1983 — Грамматика на съвременния български книжовен език. С., 1983. Т. II. Морфология.
- Грамматика 1960 — Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР. 1960. Т. II. Ч. I.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука. 1970.
- Грамматика 1980. Т. I — Русская грамматика. М.: Наука. 1980. Т. I.
- Грамматика 1980. Т. II — Русская грамматика. М.: Наука. 1980. Т. II.
- Гринберг 1970 — *Гринберг Дж.* Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. М., 1970. Вып. V.
- Гриншпун 1967 — *Гриншпун Б.М.* Притязательные прилагательные с суффиксами *-ин, -ов* в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.
- Грюнберг 1980 — *Грюнберг А.Л.* Язык кати. М., 1980.
- Гудков 1969 — *Гудков В.П.* Сербохорватский язык. М., 1969.
- Демина 1983 — *Демина Е.И.* Из истории одной болгарской литературноязыковой нормы: способы выражения possessивных отношений при указании на принадлежность субъекту действия в языке новоболгарских дамаскинов XVII века // Категория...
- Демина 1986 — *Демина Е.И.* Из болгарского исторического синтаксиса. 3. Способы выражения possessивных отношений: действующее лицо — объект обладания в языке новоболгарских дамаскинов XVII века // СБЯ. М., 1986.
- Денисевич 1959 — *Денисевич Г.В.* О падежных флексиях существительных на А в местных говорах // Учен. зап. Кургского гос. пед. ин-та. 1959. Вып. IX.
- Димитријевић 1966 — *Димитријевић Р.О.* Језику и стилу наших ученика // Књижевност и језик. Београд, 1966. N 4.

- Димов 1971 — Димов Д. Употребата на възвратното притежателно местоимение // Език и литература. 1971. N 3.
- Дмитриев 1961 — Дмитриев П.А. Притяжательные прилагательные сербохорватского языка (К вопросу об их месте в системе частей речи) // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1961. N 301. Сер. филол. наук. Вып. 60.
- Долобко 1935 — Долобко М. Русское притяжательное местоимение *мой* // Советское языкознание. Л., 1935. Т. 1.
- Дуриданов 1956 — Дуриданов Ив. Към проблемата за развоия на българския език от синтетизъм към аналитизъм // Годишник на Софийския ун-т, филол. ф-т. 1956. Т. LI. N 3.
- Дуриданов 1958 — Дуриданов Ив. За наченките на аналитизма в българския език // Rocznik slawistyczny. Wrocław, Kraków, 1958. Т. XX. Cz. I.
- Ельмслев 1972 — Ельмслев Л. О категориях личности — неличности и одушевленности — неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Ермакова 1983 — Ермакова М.И. Характеристика группы слов со словообразовательными формантами *-ow(y)*, *-in(y)*, *-n(y)* в серболужицком языке // Категория...
- Ермакова 1986 — Ермакова М.И. Категория посессивности в серболужицком языке // СБЯ. М., 1986.
- Ефимов 1986 — Ефимов В.А. Язык ормури в синхронном и историческом освещении. М., 1986.
- Журинская 1974 — Журинская М.А. К исследованию притяжательных отношений // Аспекты лингвистического анализа: (На материале языков различных систем). М., 1974.
- Журинская 1977 — Журинская М.А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Журинская 1979 — Журинская М.А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
- Зализняк 1986 — Зализняк А.А. Словарь // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986.
- Земская 1964 — Земская Е.А. Изменения в системе словообразования прилагательных // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964. 4.
- Золотова 1973 — Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Иванов 1963 — Иванов В.В. Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов 1973 — Иванов В.В. Типология развития славянских и индоевропейских предлогов и послелогов // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Иванов 1975 — Иванов В.В. Диахроническая и синхроническая типология притяжательных конструкций с неотчуждаемыми пространственными служебными именами // Лингвотипологические исследования. М., 1975. II.
- Иванов 1981 — Иванов Вяч. Вс. Структура хаттских и хеттских ритуальных текстов и система хаттских притяжательных префиксов // Структура текста — 81: Тезисы симпозиума. М., 1981.
- Иванов 1983 — Иванов Вяч. Вс. Заметки по категории притяжательности // Категория...
- Иванов 1986 — Иванов Вяч. Вс. Типология посессивного спряжения и посессивного типа конструкции // СБЯ. М., 1986.
- Иванова 1971 — Иванова Т.А. К вопросу о выражении принадлежности в современном сербскохорватском языке // Материалы науч. конф. студентов филол. ф-та ЛГУ. Л., 1972.
- Иванова 1974 — Иванова Т.А. Некоторые особенности употребления родительного принадлежности в современных славянских языках // Вопросы филологии. Л., 1974. Вып. 4.
- Иванова 1975а — Иванова Т.А. Некоторые аспекты сопоставительного анализа посессивных конструкций: (На материале современных славянских литературных языков) // Славянская филология. Л., 1975. Вып. 3.
- Иванова 1975б — Иванова Т.А. Синонимический ряд со значением отчуждаемой

- принадлежности в современных славянских литературных языках // Прилози проучањ у језика. Нови Сад, 1975. N 11.
- Иванова 1975в — *Иванова Т.А.* Синтаксический и функционально-семантический анализ атрибутивных possessивных конструкций: (На материале современных славянских литературных языков): Автореф. дис. ... кайд. филол. наук. Л., 1975.
- Иванова 1975г — *Иванова Т.А.* О содержании категории притяжательности // Вестник ЛГУ. 8. История, яз., лит. 1975. Вып. 2.
- Иванова 1976 — *Иванова Т.А.* К вопросу о соотношении употребительности possessивных конструкций в современных славянских языках // Вопросы филологии. Л., 1976. Вып. 5.
- Ивић 1959 — *Ивић М.* Српскохрватски падежни облици обавезно праћени одредбом као помоћним морфолошким знаком // Годишњак филозофског ф-та у Новом Саду, 1959. IV.
- Инзлиќэй, Недялков 1981 — *Инзлиќэй Л.И., Недялков В.П.* О связях possessивного, "компаративного", каузативного и аффективного значений глагола // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981.
- Исаченко 1954 — *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1954. Ч. I.
- Калпушенко 1987 — *Калпушенко В.Д.* Типология локативных, possessивных и атрибутивных глаголов // ВЯ. 1987. N 1.
- Кацнельсон 1970 — *Кацнельсон С.Д.* Лингвистические исследования. Л., 1970.
- Кацнельсон 1972 — *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Кацнельсон 1986 — *Кацнельсон С.Д.* Общее и типологическое языкознание. Л., 1986.
- Конески 1965 — *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
- Конески 1966 — *Конески Б.* Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1966.
- Кочев 1969 — *Кочев Ив.* Гребенският говор в Силистренско // Трудове по българска диалектология. С., 1969. Кн. 5.
- Краузе 1959 — *Краузе В.* Тохарские языки // Тохарские языки. М., 1959.
- Кузнецов 1949 — *Кузнецов П.С.* К вопросу о сказуемости употреблении причастий и деепричастий в русских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.; Л., 1949. Т. III.
- Кузьмина 1972 — *Кузьмина И.Б.* Предикативное употребление причастий в русских говорах: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1972.
- Кузьмина, Немченко 1971 — *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.
- Лазуткина 1980 — *Лазуткина Е.М.* Событийные глаголы в аспекте их синтаксических свойств // Научн. доклады высш. школы. Филол. науки. 1980. N 4.
- Лафон 1984 — *Лафон Р.* Система баскского глагола. Тбилиси, 1984.
- Леви-Брюль 1950 — *Леви-Брюль Л.* Выражение принадлежности в меланезийских языках // Эргативная конструкция предложения. М., 1950.
- Леков 1958 — *Леков Ив.* Общност и многообразие в граматическия строй на славянските езици. С., 1958.
- Лихачев 1950 — *Лихачев Д.С.* "Слово о полку Игореве" (историко-литературный очерк) // "Слово о полку Игореве". М.; Л., 1950.
- Ломтев 1961 — *Ломтев Т.П.* О синтаксических соответствия тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961.
- Манучарян 1984 — *Манучарян И.К.* К вопросу о выражении принадлежности в русском языке начала XVII века // Вестник Ерев. ун-та. Общ. науки. 1984. N 2.
- Маројевић 1981 — *Маројевић Р.* "Деветбратња сестра" у народној песни // Јужнословенски филолог. Београд, 1981. Књ. 37.
- Маројевић 1983 — *Маројевић Р.* Possesивне категорије у руском језику: (у своје историјском развитку и данас). Београд, 1983.
- Маројевић 1985 — *Маројевић Р.* Possesивне изведенице у староруском језику: Антропонимски систем. Топонимија. "Слово о полку Игореве". Београд, 1985.
- Маслов 1949 — *Маслов Ю.С.* К вопросу о происхождении possessивного перфекта // Учен. зап. ЛГУ. Сер. филол. наук. Л., 1949. Вып. 14.
- Маслов 1981 — *Маслов Ю.С.* Грамматика болгарского языка. М., 1981.
- Матвеевко 1961 — *Матвеевко В.А.* Некоторые особенности структуры страдательно-

- безличных оборотов в русских говорах // *Материалы и исследования по русской диалектологии*. Новая серия. М., 1961. Вып. II.
- Мельничук 1958 — *Мельничук О.С.* История вживания давательного безприменникового відмінка в українській мові // *Дослідження з синтаксису української мови*. Київ, 1958.
- Минчева 1962 — *Минчева А.* Към въпроса за појавата на притежательно значение на предлога *на* в българския език // *ИИБЕ*. 1962. Кн. VIII.
- Минчева 1964 — *Минчева А.* Развой на дателния притежателен падеж в българския език. С., 1964.
- Мирчев 1963 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. С., 1963.
- Мирчев 1966 — *Мирчев К.* За хронологията на основните балканизми в българския език // *БЕ*. 1966. Кн. 4.
- Мирчев 1971 — *Мирчев К.* Предлог *ОУ* в посесивной функции в истории болгарского языка // *Исследования по славянскому языкознанию*. М., 1971.
- Молошная 1982 — *Молошная Т.Н.* Процессы синтаксического переразложения словосочетаний в славянских языках // *Советское славяноведение*. 1982. N 3.
- Молошная 1983 — *Молошная Т.Н.* Посесивные конструкции в болгарском языке // *Категория...*
- Молошная 1986а — *Молошная Т.Н.* Посесивные синтаксические конструкции в сербскохорватском языке // *СБЯ*. М., 1986.
- Молошная 1986б — *Молошная Т.Н.* Сложные и производные слова с посесивным значением в болгарском и сербскохорватском языках // *СБЯ*. М., 1986.
- Мразек 1963 — *Мразек Р.* Дательный падеж в старославянском языке // *Исследования по синтаксису старославянского языка*. Прага, 1963.
- Назарова 1985 — *Назарова Т.В.* Лингвистичний атлас нижньої Прип'яті. Київ, 1985.
- Најческа-Сидоровска 1973 — *Најческа-Сидоровска М.* Синтагми со "dativus sympathicus" и његово разграничување од други значења во рускиот, македонскиот, српскохрватскиот и булгарскиот јазик // *Македонски јазик*. 1973. Г. 24.
- Николаева 1982 — *Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.
- Николаева 1983а — *Николаева Т.М.* Иерархия категоријалних корелациј на посесивности в рамка на высказывания и применного словосочетания // *Категория...*
- Николаева 1983б — *Николаева Т.М.* "СВОЙ": механизм формально-смысловой эволюции // *Категория...*
- Николаева 1986а — *Николаева Т.М.* Средства различения посесивных значений: языковая эволюция и ее лингвистическая интерпретация // *СБЯ*. М., 1986.
- Николаева 1986б — *Николаева Т.М.* Структурирование ситуации — отражение языкового менталитета (старославянский и греческий евангельские тексты) // *Балканы в контексте Средиземноморья. Проблемы реконструкции языка и культуры: Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму*. М., 1986.
- Орачева 1979 — *Орачева П.П.* Притежательно или възвратно-притежательно местоимение // *БЕ*. 1979. Кн. 3.
- Падучева 1973 — *Падучева Е.В.* Анафорические связи и глубинная структура текста // *Проблемы грамматического моделирования*. М., 1973.
- Падучева 1983а — *Падучева Е.В.* Местоимение "свой" и его притяжательные значения // *Категория...*
- Падучева 1983б — *Падучева Е.В.* Притяжательное местоимение и генитив // *Категория...*
- Падучева 1985 — *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Панде 1981 — *Панде Х.Ч.* К семантике "есть" в локативных и посесивных конструкциях // *Russian Linguistics* (Dordrecht; Boston), 1981. V. 5. N 3.
- Паулаускене 1984 — *Паулаускене А.* Местоименное выражение посесива в балтийских языках // *Балто-славянские исследования* 1983. М., 1984.
- Пашов 1975 — *Пашов П.* За употреба на някои местоименни форми // *Проблеми на българската книжовна реч*. С., 1975.
- Пенчев 1968 — *Пенчев Й.* Конструкции с глагола *имам* // *Славистичен сборник по случай VI Международен конгрес на славистите в Прага*. С., 1968.
- Пенчев 1980 — *Пенчев Й.* Една употреба на рефлексивната кратка дателна форма *си* // *БЕ*. 1980. Кн. 5.
- Пернишка 1980 — *Пернишка Е.* Семантика на сложните прилагателни имена в съвременния български език. С., 1980.
- Петрова 1968 — *Петрова З.М.* Посесивный перфект в псковских говорах // *Псков-*

- ские говоры II: (Труды Второй псковской диалектологической конференции 1964 г.). Псков, 1968.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Писаркова 1974 — *Писаркова К.* Посессивность как грамматическая проблема: (На материале польского языка) // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
- Попова 1931 — *Попова Г.* Употребата на минало страдателно причастие с глагола *имам* в българския език // Известия на семинара по славянска филология. С., 1931. Ки. VII.
- Попова 1974 — *Попова З.Д.* Определения с семантикой "владельца" в русском литературном языке XVII в. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1974.
- Поповић 1955 — *Поповић И.* Историја српскохрватског језика. Нови Сад, 1955.
- Потебня 1941 — *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. 4.
- Потебня 1968 — *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М., 1968. Т. 3.
- Правдин 1956 — *Правдин А.Б.* Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языке // Учен. зап. Ин-та славяноведения. 1956. Вып. XIII.
- Правдин 1957 — *Правдин А.* К вопросу о выражении принадлежности в русском языке // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1957. Вып. 51.
- Прокопович 1966а — *Прокопович Н.Н.* Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
- Прокопович 1966б — *Прокопович Н.Н.* О процессах структурного преобразования словосочетаний в современном русском языке // Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966.
- Ревзин 1972 — *Ревзин И.И.* Семантика праславянского и индоевропейского родительного в свете гипотезы Бенвениста // Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков: Предварительные материалы. М., 1972.
- Ревзин 1973а — *Ревзин И.И.* Понятие парадигмы и некоторые спорные вопросы грамматики славянских языков // Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков. М., 1973.
- Ревзин 1973б — *Ревзин И.И.* Трансформационное исследование конструкций с субъектным и объектным примененным дополнением (*genitivus subjectivus* и *genitivus objectivus*) // Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.
- Репина 1979 — *Репина Т.А.* О грамматическом оформлении именной атрибутивной группы в современном румынском языке // Проблемы синтаксиса языков балканского ареала. Л., 1979.
- Рогов 1966 — *Рогов П.И.* Роль дательного падежа в усложненных словосочетаниях // Учен. зап. МОПИ. 1966. Т. 160. Вып. 11.
- Розенцвейг 1964 — *Розенцвейг В.Ю.* Лексика имущественных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Тетр. 8.
- Росинас 1984 — *Росинас А.* Существовали ли притяжательные местоимения в общебалтийском? // Балто-славянские исследования 1983. М., 1984.
- Русинов 1968 — *Русинов Р.* Употребла на предпоставлено несъгласувано определение на принадлежност в съвременния български език // БЕ. 1968. Кн. 6.
- Русинов 1971 — *Русинов Р.* Субстантивни словосъчетания с предлога *без* в съвременния български книжовен език // Език и литература. 1971. N 2.
- Светлик 1970 — *Светлик Ян.* Синтаксис русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава, 1970.
- Свешникова 1983 — *Свешникова Т.Н.* Конструкции с дательным посессивным в румынском // Категория...
- Свешникова 1986 — *Свешникова Т.Н.* Об одном способе выражения посессивности в румынском языке // СБЯ. М., 1986.
- Селиверстова 1973 — *Селиверстова О.Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом "быть" // ВЯ. 1973. N 5.
- Селиверстова 1975 — *Селиверстова О.Н.* Компонентный анализ многозначных слов. М., 1975.
- Селиверстова 1977 — *Селиверстова О.Н.* Семантический анализ экзистенциальных и

- посессивных конструкций в английском языке // Категория бытия и обладания в языке. М., 1977.
- Селиверстова 1982 — *Селиверстова О.Н.* Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1982.
- Селиверстова 1983а. — *Селиверстова О.Н.* Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: Дис. ... док. филол. наук. М., 1983.
- Селиверстова 1983б. — *Селиверстова О.Н.* Понятия "множество" и "пространство" в семантике синтаксиса // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. N 2.
- Селиверстова 1983в. — *Селиверстова О.Н.* Посессивные и пространственно-посессивные модели // Категория...
- Серебренников 1970 — *Серебренников Б.А.* Развитие человеческого мышления и структуры языка // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
- Смирницкий 1955 — *Смирницкий А.И.* Перфект и категория временной отнесенности // ИЯШ. 1955. NN 1, 2.
- Смирницкий 1959 — *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
- Собинникова 1958 — *Собинникова В.И.* Родительный принадлежности с предлогом у в восточнославянских языках // Славянский сборник. 2. Воронеж, 1958.
- Собинникова 1964 — *Собинникова В.И.* Беспредложные падежные формы в приименом употреблении по материалам воронежских грамот XVII—XVIII вв. // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1964.
- Собинникова 1976 — *Собинникова В.И.* Дательный принадлежности в русском языке в сопоставлении с другими славянскими языками // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1976.
- Современный русский язык 1952 — Современный русский язык. Морфология / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1952.
- Сравнительно-исторический синтаксис 1968 — Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Члены предложения. М., 1968.
- Станков 1982 — *Станков В.* За дательните местоименни клитики в български език // БЕ. 1982. Кн. 6.
- Стевановић 1940 — *Стевановић М.* Посесивне форме у српскохрватском језику // Годишњак Скопског филозофског ф-та. Скопје, 1940. Књ. IV. Св. I.
- Стевановић 1964 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964. I.
- Стевановић 1969 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1969. II.
- Стевановић 1970 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1970. I.
- Стевановић 1974 — *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик. Београд, 1974. II.
- Степанов 1959 — *Степанов Ю.С.* О партитивном определении в латинском, испанском и французском языках // Научн. докл. высш. школы. Филол. науки. 1959. N 5.
- Стефанов 1965 — *Стефанов Ст.* Личноместомненни форми като несъгласовани определения в съвременния български език // Език и литература. 1965. N 4.
- Стойков 1968 — *Стойков Ст.* Българска диалектология. С., 1968.
- Суннк 1947 — *Суннк О.П.* О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках // Изв. АН СССР, ОЛЯ. 1947. Т. VI. Вып. 5.
- Тагамлицкая 1960 — *Тагамлицкая Г.* О развитии некоторых значений дательного падежа в русском и болгарском языках // Эзиковедско-етнографски изследвания в памет на акад. Стоян Романски. С., 1960.
- Тагамлицкая 1963 — *Тагамлицкая Г.* Някои особености в употребата на местоименията в руски и български език // Славянска филология. Езикознание. С., 1963. Т. III.
- Теодоров-Балан 1957 — *Теодоров-Балан А.* Особит състав с глагол "имам" // ИИБЕ. 1957..Кн. 5.
- Тер-Аракелян 1972 — *Тер-Аракелян Р.А.* Синтаксические конструкции со связочными словами, выражающими посессивную отнесенность: (На материале русского и армянского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1972.
- Тер-Аракелян 1983 — *Тер-Аракелян Р.А.* Функциональные эквиваленты армянского посессивного артикля в русском языке // Вест. Ерев. ун-та. Общ. науки. Ереван, 1983. N 1 (49).
- Тимченко 1925 — *Тимченко С.К.* Номінатив і датив в українській мові. Київ, 1925.
- Топоров 1983 — *Топоров В.Н.* К генезису категории притяжательности // Категория...
- Топоров 1986 — *Топоров В.Н.* О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // СБЯ. М., 1986.

- Травничек 1951 — *Травничек Фр.* Грамматика литературного чешского языка. Прага, 1951. Ч. II.
- Трубецкой 1937 — *Трубецкой Н.С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка // Сборник лингвистических и филологических расправа. А. Белићу о четрдесетогодишњици његова научног рада. Београд, 1937.
- Трубецкой 1987 — *Трубецкой Н.С.* О притяжательных прилагательных (possessiva) старославянского языка // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Тулина 1967 — *Тулина Т.А.* Пути порождения некоторых трехкомпонентных атрибутивных конструкций // Межвузовская конференция по порождающим грамматикам. Кязрику, 1967: Тезисы докладов. Тарту, 1967.
- Усикова 1973 — *Усикова Р.П.* Значение и употребление причастий в македонском литературном языке // Балканское языкознание. М., 1973.
- Ушакова 1981 — *Ушакова А.П.* Местоимение как средство выражения принадлежности в современном сербохорватском языке в сопоставлении с русским // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1981.
- Ушакова 1982 — *Ушакова А.П.* К вопросу о выражении принадлежности в родительном падежном местоимении в современном сербохорватском языке сравнительно с русским // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1982.
- Федорова 1965 — *Федорова М.В.* Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965.
- Флекенштейн 1970 — *Флекенштейн К.* К вопросу о взаимоотношении беспредложных и предложных сочетаний (сущ + сущ_{род} и сущ + у + сущ_{род}) // РЯШ. 1970. N 6.
- Ходова 1966 — *Ходова К.И.* Синтаксис предлога ОУ с родительным падежом в старославянском языке // Scando-Slavica. 1966. Т. XII.
- Ходова 1971а — *Ходова К.И.* Падежи с предлогами в старославянском языке. М., 1971.
- Ходова 1971б — *Ходова К.И.* Окказиональные смещения падежных форм в старославянском языке // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1971.
- Холодович 1945 — *Холодович А.А.* Партитивное отношение в японском языке: (к вопросу о взаимоотношении части и целого) // Научная сессия 1945: Тезисы докладов по секции востоковедения. Л., 1945.
- Холодович 1946 — *Холодович А.А.* Атрибутивные отношения в японском языке // Научная сессия 1946: Тезисы докладов по секции востоковедения. Л., 1946.
- Холодович 1971 — *Холодович А.А.* Клеопатра или Патрокл?: (из типологического синтаксиса японского языка) // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971.
- Холодович 1979 — *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Цейтлин 1977 — *Цейтлин Р.М.* Лексика старославянского языка. М., 1977.
- Цивьян 1983 — *Цивьян Т.В.* Об одном особом аспекте посессивности: dat. eth. и его трансформы (на материал балканских языков) // Категория...
- Цивьян 1986 — *Цивьян Т.В.* Еще раз о гомер. φίλος в связи с проблемой посессивности // СБЯ. М., 1986.
- Цыхун 1962 — *Цыхун Г.* Местоименная энклитика и словорядъ в болгарском изречении // БЕ. 1962. Ки. 4.
- Цыхун 1962 — *Цыхун Г.А.* О "сильных" формах в системе местоимений южнославянских языков и их "слабых" соответствиях // Вест. ЛГУ. 2. История, яз. и лит. 1962. Вып. 1.
- Цыхун 1968 — *Цыхун Г.А.* Синтаксис местоименных клитик в южнославянских языках. Минск, 1968.
- Цыхун 1981 — *Цыхун Г.А.* Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.
- Чинчлей 1982 — *Чинчлей К.Г.* Некоторые вопросы типологии категории посессивности // Строй и функционирование романских и германских языков. Кишинев, 1982.
- Чинчлей 1984а — *Чинчлей К.Г.* Некоторые презумптивные отношения посессивности // Грамматические и лексические системы в романских и германских языках. Кишинев, 1984.
- Чинчлей 1984б — *Чинчлей К.Г.* Некоторые аспекты типологии посессивности (на материал романских, германских, балтийских и славянских языков): Автореф. дис. ... док. филос. наук. М., 1984.

- Чолакова 1978 — Чолакова Кр. За граматикализацијата на някои лексеми и лексеми-форми // Славистичен сборник. С., 1978.
- Чолакова, Иванова 1973 — Чолакова Кр., Ившова К. Залогът като граматична и лексикографска проблема // Славянска филологија. С., 1973. Т. XII. Езикознание.
- Шелякин 1983 — Шелякин М.А. Опыт семантико-синтаксического описания дательного падежа русского языка // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1983. Вып. 651.
- Широкова 1961 — Широкова А.Г. Чешский язык. М., 1961.
- Эльзбутас 1967а — Эльзбутас Ю. Употребление дательного падежа в современном русском языке // РЯШ. 1967. № 6.
- Эльзбутас 1967б — Эльзбутас Ю.В. Дательный заинтересованного лица в современном русском и литовском языках // Научн. докл. высш. школы. Филол. науки. 1967. № 3.
- Эльзбутас 1970 — Эльзбутас Ю. Схема деления дательного присубстантивного в современных русском и литовском литературных языках // Tarpmokytinės mokslinės — metodinės konferencijos, skirtos V. Lenino 100-osioms gimimo metinėms, pranešimų medžiaga. Šiauliai, 1970.
- Якобсон 1985 — Якобсон Р. К общему учению о падеже // Р. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
- Яковлев, Ашхамаф 1941 — Яковлев Н., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941.
- Яхнина 1971 — Яхнина Л.Я. Три Камю // Мастерство перевода. М., 1971. Сб. 8.
- Adamec 1960 — Adamec P. K ekvivalentům sloves 'býti' a 'míti' v ruštině // Rucko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Fr., 1960. Jazyk a literatura II.
- Allen 1964 — Allen W.S. Transitivity and possession // Language. 1964. V. 40. № 3. Pt. 1.
- Asan 1957 — Asan F. Atributivul pronominal în dativ // Studii de gramatică. Buc., 1957. II.
- Assénova 1978 — Assénova P. Constructions possessives inverses en bulgare // Zeitschrift für Balkanologie. 1978. Jg. XIV.
- Bach 1967 — Bach E. Have and be in English syntax // Language. 1967. V. 43. № 2.
- Bailey 1966 — Bailey B.L. Jamaican Creole syntax: A transformational approach. L., 1966.
- Baječ 1952 — Baječ A. Besedotvorje slovenskega jezika. Ljubljana, 1952. II. Izpeljava slovenskih pridevnikov.
- Baječ, Koralič, Rupel 1971 — Baječ A., Koralič K., Rupel M. Slovenska slovnica. Ljubljana, 1971.
- Bally 1926 — Bally Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes // Festschrift Louis Gauchat. Aarau, 1926.
- Basset, Picard 1948 — Basset A., Picard A. Eléments de grammaire berbère. Alger, 1948.
- Belič 1932 — Belič A. Gramatika srpskohrvatskog jezika. Beograd, 1932. II.
- Benveniste 1949 — Benveniste E. Sur l'emploi des cas en hittite // Archiv orientální. 1949. V. 17. P. 44—45.
- Benveniste 1960 — Benveniste E. 'Être' et 'avoir' dans leur fonction linguistiques // Bulletin de Société linguistique de Paris. V. LV. 1960. P. 113—134.
- Birkenmaier 1976 — Birkenmaier W. Die Funktion von *odin* im Russischen // Zeitschrift für slavische Philologie. 1976. Bd. XXXIX, H. 1.
- Blass, Debrunner 1979 — Blass F., Debrunner A. Grammatik des neutestamentlichen Griechisch. Göttingen, 1979.
- Boley 1984 — Boley J. The Hittite *hark*-construction // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1984. Bd. 44.
- Bolinger 1979 — Bolinger D. Pronouns in discourse // Syntax and semantics. N.Y., 1979. V. 12.
- Brabec, Hraste, Živković 1961 — Brabec J., Hraste M., Živković Sr. Gramatika hrvatskog jezika. Zagreb, 1961.
- Bray 1969 — Bray R.G.A.de. Guide to the slavonic languages. L., 1969. Section 8. Slovenian.
- Brodowska 1953 — Brodowska M. O dzierżawczej funkcji celownika // Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. Kraków, 1953. Z. XII.
- Brodowska 1955 — Brodowska M. Historyczne procesy przekształceń polskiego celownika w formy przyimkowe // Studia z filologii polskiej i słowiańskiej. W-wa, 1955. 1.
- Brøndal 1948 — Brøndal V. Les parties du discours. Copenhagen, 1948.
- Buzássyová 1980 — Buzássyová K. Possívny datív v slovenčine a ekvivalentné maďarské konštrukcie // Slavica Slovaca. 1980. Roč. 15. Č. 3.
- Buzássyová 1984 — Buzássyová K. Zum Problem des possessiven Dativs // Recueil linguistique de Bratislava. 1984. V. 7.

- Campbell, Kaufman, Smith-Stark 1986 — *Campbell L., Kaufman T., Smith-Stark T.C. Meso-America as a linguistic area // Language. 1986. V. 62. N 3.*
- Cazacu 1947 — *Cazacu B. Remanques sur l'emploi des adjectifs possessifs en roumain // Bulletin linguistique. 1947. XV.*
- Christie 1970 — *Christie J.J. Locative, possessive and existential in Swahili // Foundations of language. 1970. V. 6. N 2.*
- Chvany 1975 — *Chvany C.V. On the syntax of be-sentences in Russian. Cambridge, Mass., 1975.*
- Clark 1970 — *Clark E.V. Locations. A study of relations between 'existential', 'locative' and 'possessive' constructions // Working papers of language universals. Stanford, 1970. N 3.*
- Clark 1978 — *Clark E.V. Locational: existential locative and possessive constructions // Universals of human language. Stanford. 1978. V. 4. P. 85—126.*
- Crawford 1966 — *Crawford J. The Cocopa language: Doctoral dissertation. University of Chicago, Berkeley, 1966.*
- Croft 1980 — *Croft W. Transitivity and possession in Quiché (and elsewhere) // Papers from the sixteenth regional meeting of Chicago linguistic society. April 17—18, 1980. Chicago.*
- Decaux 1955 — *Decaux E. Morphologie des enclitiques polonais. P., 1955.*
- Denniston 1954 — *Denniston J.D. The Greek particles. Oxford, 1954.*
- Ducrot 1970 — *Ducrot O. Les indéfinis et l'énonciation // Languages. 1970. T. 17.*
- Elzbutas 1971 — *Elzbutas J. Lėimėjo naudininkas // Kalbotyra. 1971. T. 22. Šas. 1.*
- Endzelīns 1979 — *Endzelīns J. Darbu izlase. Rīga, 1979. III. 1 D.*
- Evreinov 1973 — *Evreinov J. Die Semantic einer Nullform: Versuch einer neuen Definition der Kopula im Russischen // Linguistics. 1973. N 98.*
- Falk 1924 — *Falk H. Odensheite // Skrifter utgitt av Vitenskapselskapet i Hristiana. II. Historisk-filologisk klasse. (Hristiana). 1924. N 10.*
- Feleszko 1970 — *Feleszko K. Składnia genitiwu i wyrażen przyimkowych z genitiwem w języku serbsko-chorwackim. Wrocław etc., 1970.*
- Fillmore 1968 — *Fillmore Ch.J. The case for case // Universals in linguistic theory. N.Y., 1968.*
- Fortune 1955 — *Fortune G. An analytical grammar of Shone. L., 1955.*
- Frei 1939 — *Frei H. "Sylvie est jolie des yeux" // Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939.*
- Gallis 1978 — *Gallis A. Sintaksičke dublete u srpskohrvatskom: ljubiti kome ruku — ljubiti koga u ruku, ljubiti komu u ruku // Meddelelser. 1978. N 14. Universitetet i Oslo, Slavisk-baltisk Institutt.*
- Grabauskas 1971 — *Granauskas V. Dabartinės lietuvių kalbos naudininko reikšmės ir funkcijos // Kalbotyra. 1971. T. 22. Šas. 1.*
- Gramatica I — *Gramatica limbii române. Buc., 1963. V. 1.*
- Gramatica II — *Gramatica limbii române. Buc., 1963. V. II.*
- Grammatik — *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart, verfasst von H. Fasse unter Mitarbeit von S. Michalk. Morphologie. Bautzen. 1980.*
- Graur 1945 — *Graur Al. Notes sur l'emploi enclitique des adjectifs possessifs en romain // Bulletin linguistique. 1945. XIII.*
- Graur 1968 — *Graur Al. Tendințele actuale ale limbii române. Buc., 1968.*
- Graur 1973 — *Graur Al. Gramatica azi. Buc., 1973.*
- Guțu Romalo 1972 — *Guțu Romalo V. Corectitudine și greșeală. Buc., 1972.*
- Guțu Romalo 1973 — *Guțu Romalo V. Sintaxa limbii române. Buc., 1973.*
- Haas 1941 — *Haas M.R. Handbook of American Fudina language. N.Y., 1941. Pt. 4.*
- Hantson 1979 — *Hantson A. Some remarks on possessives and the pronoun "one" // English studies, (Amsterdam), 1979, V. 60. N 6.*
- Harweg 1969 — *Harweg R. Nachfolgeradjektive // Folia linguistica. 1969. T. III. N 3/4.*
- Hatcher 1944 — *Hatcher A. Il me prend le bras vs. Il prend mon bras // Romanic Review. 1944. V. 35. N 1—4.*
- Havránek 1937 — *Havránek B. Genera verbi v slovanských jazycích. Pr., 1937. II.*
- Hawkins 1981 — *Hawkins R. Towards account of the possessive constructions NP'sN and the No/NP // Journ. of linguistics. 1981. V. 7. N 2.*
- Hewitt 1985 — *Hewitt B.G.A. Svan (Lašx) text. Pt. 2 // Revue des études géorgiennes et caucasiennes. 1985. N 1.*
- Horák 1970 — *Horák E. K datívu posesivnému v spisovnej slovenčine a srbochorvátčine // Slavica Slovaca. 1970. Roč. 5. N 3.*

- Jordan 1939 — *Jordan J.* L'emploi du datif en roumain actuel // *Bulletin linguistique*. 1939. VII.
- Jordan 1947 — *Jordan J.* Limba română actuală. Buc., 1947.
- Jordan 1956 — *Jordan J.* Limba română contemporană. Buc., 1956.
- Jordan, Guțu Romalo, Niculescu 1967 — *Jordan J., Guțu Romalo V., Niculescu Al.* Structura morfologică a limbii române contemporane. Buc., 1967.
- Išačenko 1948—1949 — *Išačenko A.V.* Sloveso 'mat' v ruštine a čo s tým súvisi // *Ruština v škole*. 1948—1949. N 1.
- Išačenko 1965 — *Išačenko A.V.* Das grammatische Verhalten der Bezeichnungen von Körperteilen im Deutschen // *Studia Grammatica*. Berlin, 1965. V.
- Išačenko 1974 — *Išačenko A.V.* On have and be languages: a typological sketch // *Slavic forum. Essays in linguistics and literature*. The Hague; Paris, 1974.
- Issatschenko 1975 — *Issatschenko A.* On Be-languages and Have-languages // *Proceedings of the eleventh international congress of linguists*. Bologna, 1975.
- Ivič 1962 — *Ivič M.* The grammatical category of non-omissible determiners // *Lingua*. 1962. V. 21. P. 119—204.
- Ivič 1967 — *Ivič M.* Genitivne forme srpskohrvatskih imenica i odgovarajuća pridevska obrazovanja sufiksom *-ov(-ev, -ovljev, -evljev)*, *-in* u odnosu "kombinatoričnih varijanata" // *Godišnjak Filozofskog fakulteta u Novom Sadu*, 1967. Knj. X.
- Ivič 1970 — *Ivič M.* On the part-whole relation and its linguistic consequences // *Studies in general and oriental linguistics presented to Shirō Hattori*. Tokyo, 1970.
- Ivič 1971 — *Ivič M.* O ekvativnom genitivu srpskohrvatskog jezika // *Serta slavica in memoriam Aloisii Schmaus*. München, 1971.
- Kähler 1965 — *Kähler H.* Crammatic der Bahasa-Indonésia. Wiesbaden, 1965.
- Klemensiewicz 1957 — *Klemensiewicz H.* Zarys składni polskiej. W-wa, 1957.
- Kopečný 1962 — *Kopečný Fr.* Základy české skladby. Pr., 1962.
- Kořený 1972 — *Kořený J.* Funkce českých sloves *být* a *mlít* ve větně-sémantické struktuře situace // *Jazyk český*. 1972. N 23.
- Kuipers 1967 — *Kuipers A.H.* The Squamish language. Grammar, texts, dictionary. The Hague; Paris, 1967.
- Kuipers 1974 — *Kuipers A.H.* The Shuswap language. The Hague; Paris, 1974.
- Kuryłowicz 1931 — *Kuryłowicz J.* Les temps composés du roman // *Prace filologiczne*. 1931. 15.
- Langacker 1968 — *Langacker R.W.* Observations on French possessives // *Language*. 1968. V. 44. N 1.
- Langacker 1977 — *Langacker R.W.* An overview of Uto-Aztecan grammar // *Studies in Uto-Aztecan grammar*. I. Arlington, 1977.
- Laroche 1962 — *Laroche E.* Études de linguistique anatolienne // *Bulletin de la Société de linguistique de Paris*, 1962.
- Laroche 1965 — *Laroche E.* Textes mythologiques hittites en transcription. I Pt. Mythologie anatolienne // *Revue hittite et asiatique*. 1965. T. XXIII. Fasc. 77.
- Lehiste 1969 — *Lehiste J.* 'Being' and 'Having' in Estonian // *Foundations of Language*. 1969. V. 5. N. 3.
- Levine 1984 — *Levine J.S.* On the dative of possession in contemporary Russian // *Slavic and East European Journal* (Tucson). 1984. V. 28. N 4.
- Lombard 1972 — *Lombard A.* Les pronoms personnels du roumain. Aperçu syntactique // *Stockholm studies in modern philology*. New series. 1972. N 4.
- Lorenz 1984 — *Lorenz G.* Snorri Sturluson, Gylfaginning (Texte, Übersetzung, Kommentar, hrsg. G. Lorenz). Damstadt, 1984.
- Lyons 1967 — *Lyons J.* A note on possessive, existential and locative sentences // *Foundations of language*. 1967. V. 4. N. 4.
- Maretić 1963 — *Maretić T.* Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963.
- Markey 1984 — *Markey T.L.* Possession and "own" (in Indo-European and beyond) // *Studies in language*. 1984. V. 8. N 1.
- Mathesius 1947 — *Mathesius V.* K pořádku slov v hovorové češtině // *Mathesius V.* Čeština a obecný jazykospyt. Pr., 1947.
- Meillet 1924 — *Meillet A.* Le développement du verbe *avoir* // *Antidōron J. Wacł. Arnagel*. 1924.

- Mikenaite 1983 — *Mikenaite I. Veiksmāžodžiai turēti ir būti* prancužu ir lietuvių kalbose // Kalbotyra. 1983. T. 34. Sąs. 2.
- Miller 1965 — *Miller W.R.* Acoma grammar and texts. University of California publications in linguistics. 1965. V. 40.
- Mirčev 1946 — *Mirčev K.* Upotreba na vāzvratnoto mestoimenie *svoj* v staro- i novobālgarski ezik // Годишник на Софийския ун-т, историко-филологически ф-т. 1945—1946. С., 1946.
- Mišeska-Tomić 1973 — *Mišeska-Tomić O.* Possessive modifiers and definiteness: A contrastive study of English, Macedonian and Serbocroatian // Годишен зборник на филозофскиот ф-т на Ун-т во Скопје. 1973. Кн. 24—25.
- Modini 1981 — *Modini P.F.* Inalienable possession and the "double subject" constructions in three East Asian languages // Archiv orientální. 1981. V. 49. N 2.
- Mrázek 1973 — *Mrázek R.* Funkční distribuce *habere a esse* v slovanské větě // Čs. přednášky pro VII Mezinár. sjezd slavistů. Varšava, 1973.
- Mrázek, Brym 1962 — *Mrázek R., Brym J.* Sémantika a funkce ruského genitivu s předložkou 'u' // Sborník prací filozofické fakulty Brněnské university, 1962. A—10.
- Neu 1974 — *Neu E.* Der Anitta — Text // Studien zu den Boğhazköy-Texten. Wiesbaden, 1974. H. 18.
- Nichols 1986 — *Nichols J.* Head-marking and dependency-marking grammar // Language. 1986. V. 62. N 1.
- Nichols 1988 — *Nichols J.* On alienable and inalienable possession // In honor of M. Haas / Ed. by K. Largent et al. B.: Mouton de Gruyter, 1988.
- Niculescu, Roceris 1958 — *Niculescu Al., Roceris Al.* Le pronom *dînsul* dans la langue roumaine // Revue roumaine de linguistique. 1958. III. N 2.
- Nikolaischwili 1985 — *Nikolaischwili M.* Der phonologische Mechanismus der Vokalreduktion im oberbairischen Dialekt der swanischen Sprache // Sprachen Europas und Asiens. Jena, 1985.
- Olsen 1928 — *Olsen H.* Étude sur la syntaxe des pronoms personnels et réfléchis en roumain. København 1928.
- Oravec 1973 — *Oravec J.* Posesivný datív v chorvatskosrbskom a slovenskom jazyku // Bereiche der Slavistik. Wien, 1973.
- Orlovský 1971 — *Orlovský J.* Slovenská syntax. Br., 1971.
- Orzechowska 1973 — *Orzechowska H.* Zaimki zwrotne i dzierżawcze z podwojającą klitiką w historii bułgarskiego języka literackiego. W-wa, 1973.
- Otrębski 1967 — *Otrębski J.* Die von dem indoeuropäischen Reflexivpronomen *se, *seye, *sye usw. abgeleitete Verwandtschaftsnamen // Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. Innsbruck, 1967. 13.
- Paul Radu 1932 — *Paul Radu I.* Flexiunea nominală internă în limba română. Buc., 1932.
- Pauliny 1949 — *Pauliny E.* Slovenské časovanie. Br., 1949.
- Petr 1971 — *Petr J.* Posesivní adjektiva v současné polštině // Slavica Pragensia. 1971. XIII.
- Pisarkowa 1974 — *Pisarkowa K.* Posesywność jako przykład problemu gramatycznego // Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego. 1974. Z. XXXII.
- Pisarkowa 1977 — *Pisarkowa K.* Über die Possessivität im Polnischen und Deutschen // Deutsche Sprache im Kontrast. Tübingen, 1977.
- Pit'ha 1971 — *Pit'ha P.* Existuje dativ posesivni // Slovo a slovesnost. Pr., 1971. Roč. 32. Č. 4.
- Pit'ha 1972 — *Pit'ha P.* K sémanticko-syntaktické charakteristice slovesa *mít* // Slavica Pragensia. 1972. XIV.
- Pop 1949 — *Pop S.* Grammaire roumaine. Berne, 1948.
- Popović 1960 — *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.
- Pott 1884 — *Pott S.F.* Verschiedene Bezeichnung des Perfects in einigen Sprachen und Lautsymbolik // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. 1884. Bd. 15. S. 291—292.
- Prouzová 1964 — *Prouzová H.* Přivlastňovací přídavná jména na v současné češtině // Naše řeč. 1967. N 47.
- Puhvel 1984 — *Puhvel J.* Hittite etymological dictionary. Berlin: New York; Amsterdam, 1984. V. 1—2.
- Rabel 1961 — *Rabel L.* Khasi, a language of Assam // Louisiana State University Studies. Humanities series 10. 1961.

- Ritschl, Schetelich 1965 — *Ritschl E., Schetelich M.* Zu einigen Problem der Eigentumsverhältnisse (speziell an Grund und Boden) im Kautilya Arthaśāstra // Festgabe für H.F.J. Jnner zur 75 Geburtstag. Berlin, 1965, XI. M 10.
- Rosenthal 1981 — *Rosenthal J.M.* How Uto-Aztecian is the Nahuatl possessive? // Nahuatl studies in memory of Fernando Horcasitas (Texas linguistic forum. N 18). University of Texas, 1981.
- Rosetti 1967 — *Rosetti A.* Animé~inanimé, déterminé~non-déterminé // Word. 1967. V. 23. N 1—3. Pt. 1.
- Safarewiczowa 1964 — *Safarewiczowa H.* Oboczność ja imeju i u menja est w języku rosyjskim dziś i dawniej // Prace komisji językoznawstwa. Wrocław etc., 1964. N 3.
- Sandfeld, Olsen 1936 — *Sandfeld Kr., Olsen H.* Syntaxe roumain. P., 1936. V. 1.
- Sandfeld, Olsen 1960 — *Sandfeld Kr., Olsen H.* Syntaxe roumain. Copenhagen, 1960. V. II.
- Seidel 1940 — *Seidel E.* Zu den Funktionen des Artikels // Bulletin linguistique, 1940. VIII.
- Seidel 1963 — *Seidel E.* Zur Rolle des Bulgarischen in der Balkanlinguistik // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Bd. VIII. H. 6.
- Seiler 1971 — *Seiler H.* Possessivität und Universalien // Köln Institut für Sprachwissenschaft der Universität. Arbeitspapier. 1971. N 18, 20.
- Seiler 1973 — *Seiler H.* Zum Problem der sprachlichen Possessivität // Folia linguistica. The Hague. 1973. T. IV. N 3/4.
- Seiler 1982 — *Seiler H.* Das sprachliche Erfassen von Gegenständen (APPREHENSION) T. I. (Language universals series). Tübingen, 1982. V. I—II. S. 3—11.
- Seiler 1983a — *Seiler H.* Possession as an operational dimension of language. Tübingen, 1983.
- Seiler 1983b — *Seiler H.* Possessivity, subject and object // Studies in language. (Amsterdam), 1983. V. 7. N 1.
- Sherzer 1976 — *Sherzer J.* Areal linguistics in North America // Native languages of the Americas. N.J.; L., 1976. V. I. P. 121—173.
- Sprutt 1986 — *Sprutt A.* Abkhaz studies. Proefschrift. Leiden, 1986.
- Stati 1954 — *Stati S.* Verbe "reflexive" construite cu dativul // Studii și cercetări lingvistice. 1954. V. N 1—2.
- Stepan 1985 — *Stepan J.* Ke kategorii pŕesivny a jajjmu ztvárneŕi v jazyčich // Slovo a slovesnosť. 1985. Roč. 46. Č. 1.
- Steyer 1979 — *Steyer G.* Satzlehre des neutestamentlichen Griechisch. Gütersich, 1979.
- Szlifysztejnowa 1960 — *Szlifysztejnowa S.* Przymiotniki dzierżawcze w języku polskim. Wrocław, 1960.
- Šmilauer 1966 — *Šmilauer V.* Novočeská skladba. Pr., 1966.
- Șuteu 1962 — *Șuteu F.* Atribut pronominal sau complement indirect? // Limba română. 1962. XI. N 3.
- Togebly 1968 — *Togebly K.* Suus et illorum dans les langues romanes // Revue Roumaine. 1968. 3. P. 66—71.
- Toporišič 1973 — *Toporišič J.* Slovenski knjižni jezik. Maribor, 1973. 4.
- Trávníček 1951 — *Trávníček F.* Mluvnice spisovné češtiny. Pr., 1951. Č. 1.
- Ullian 1978 — *Ullian R.* Toward a typology of substantival possession // Universals of human language. Stanford, 1978. V. 4.
- Vachek 1954 — *Vachek J.* K problematice českých posesivních adjektiv // Studie a práce lingvistické. Pr., 1954. I.
- Vachek 1972 — *Vachek J.* Ještě k osudu českých posesivních adjektiv // Slovo a slovesnosť. 1972. Roč. 33. Č. 2.
- Valeika 1970 — *Valeika A.* Adnominal possessives in modern Lithuanian // Baltistica. 1970. T. 6. Sąs. 1.
- Večerka 1979 — *Večerka R.* Distribuce posesivních zájmen v staroslověnině // Otázky slovanské syntaxe. Brno, 1979. IV/1.
- Vuković 1962 — *Vuković J.* Gramatika srpskohrvatskog jezika za VIII razred osnovne škole. Sarajevo, 1962.
- Wierzbicka 1969 — *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969. IV. Ciało i umysł z punktu widzenia semantycznego.
- Wierzbicka 1976 — *Wierzbicka A.* Mind and body — from the semantical point view // Syntax and semantics. Academic Press. 1976. V. 7.
- Wierzbicka 1979 — *Wierzbicka A.* Ethno-syntax and the philosophy of grammar // Studies in language. (Amsterdam), 1979. V. 3. N 3.

- Yokoyama, Klenin 1977 — *Yokoyama O.T., Klenin E.* The semantics of optional rules: Russian personal and reflexive possessives // *Sound, Sign, Meaning*. Ann Arbor, 1977.
- Zajičková 1971 — *Zajičková J.* Dativ adnominální v současné ruštině // *Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury*. Pr., 1971.
- Zatovkaniuk 1970 — *Zatovkaniuk M.* Dativ adsubstantivní ve východní slovanštině // *Sborník pedagogické fakulty University Karlovy u Praze. Filologické studie*. Pr., 1970. II.
- Zimek 1960 — *Zimek R.* K chápání posesivnosti // *Rusko-české studie. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze*. Pr., 1960. Jazyk a literatura. II.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВЯ — Вопросы языкознания.
РЯШ — Русский язык в школе.
ИЯШ — Иностранные языки в школе.
СБЯ — Славянское и балканское языкознание.
Категория ... — Категория притяжательности
в славянских и балканских языках:
Тезисы совещания. М., 1983.
БЕ — Български език.
ИИБЕ — Известия на Института за български език.
KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazkoi. Berlin. 1921.
KBo — Keilschrifturkunden aus Boghazkoi.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Глава I</i>	
СИНХРОННАЯ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОСЕССИВНОСТИ	5
<i>Глава II</i>	
КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В ПЛАНЕ СОДЕРЖАНИЯ	44
<i>Глава III</i>	
ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ	112
<i>Глава IV</i>	
ПОСЕССИВНОСТЬ И ДРУГИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ В ВЫСКАЗЫВАНИИ	216
ЛИТЕРАТУРА	247
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	261

Научное издание

Головачева Арина Витальевна,
Иванов Вячеслав Всеволодович,
Молошная Татьяна Николаевна,
Николаева Татьяна Михайловна,
Свешникова Татьяна Николаевна

**КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
В СЛАВЯНСКИХ
И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики

Редактор издательства

Т.М. Скрипова

Художник

А.А. Куценко

Художественный редактор

И.Ю. Нестерова

Технический редактор

И.И. Джюева

Корректор

З.Д. Алексеева

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ № 37922

Подписано к печати 31.10.89
Формат 60×90^{1/4}. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печл. 16,5
Усл.кр.-отт. 16,8. Уч.-издл. 20.2
Тираж 900 экз. Тип зак. 8506
Цена 4р. 10к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д.90

Производственно-издательский
комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы Московской обл.,
Октябрьский просп., 403

4 р. 10 к.

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ ЯЗЫКАХ